

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
*INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES*

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
*INSTITUTE OF ECONOMY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES*

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

4(129)
2025

В НОМЕРЕ

In This Issue:

М.М. Литвинов на дипломатической службе Советской России
M.M. Litvinov in the diplomatic service of Soviet Russia

Ближний Восток в государственной политике Франции
The Middle East in France's State Policy

Чеченские беженцы в европейских странах
Chechen refugees in European countries

Советская контрпропаганда в нацистском радиозэфире
Soviet counter-propaganda on Nazi radio broadcasting

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Редакционная коллегия

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *А.Г. Володин* – доктор исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.В. Кузнецов* – зам. главного редактора, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Н.Ю. Лапина* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *А.И. Миллер* – доктор исторических наук, Европейский университет, Россия, *И.Н. Молчанов* – доктор экономических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *А.Д. Некипелов* – академик РАН, доктор экономических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь – доктор исторических наук *М.В. Ковалев*

Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук, профессор *А.Г. Готовцева*

Ведущий редактор *М.В. Виноградова*

Ведущий редактор *М.А. Зинько*

Художник обложки *Г.И. Козубов*

Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)

кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

- Ларин А. Б.*
*«Камешек за камешком
создает на далеком Гюргене
новую Россию»: социальная
антропология крестьянина –
переселенца в Иран
в репрезентациях чиновников
Переселенческого управления
Российской империи* **6**
- Володько А. В.*
*М. М. Литвинов
на дипломатической службе
Советской России. 1918–1921 гг.* **22**
- Магомедов А. К.*
*Рождение «постфевральской»
Арктики: семь путей, которые
изменили Крайний Север* **37**

**РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ**

- Перминова А. А.,
Козлова Е. А.*
*Гуманитарная политика
Китайской народной республики
в Центральной Азии в сфере
образования: выводы
для Российской Федерации* **56**
- Мозиас П. М.,
Календарова М. Т.*
*Территориальный спор
в акватории
Восточно-Китайского моря:
исторические корни
и современные смыслы* **73**
- Трунов Ф. О.*
*Значение Японии
для стратегического присутствия
ФРГ в Индо-Тихоокеанском
регионе* **92**

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

- Larin A. B.*
*“Stone by stone, a new Russia
is rising on distant Gürgen”:
the social anthropology
of a peasant migrants to Iran
in the representations
of officials of the resettlement
administration of the Russian
Empire* **6**
- Volodko A. V.*
*M. M. Litvinov in the diplomatic
service of Soviet Russia.
1918–1921* **22**
- Magomedov A. K.*
*The Formation of the
“post-February” Arctic: Seven Paths
that Changed the Far North* **37**

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY**

- Perminova A. A.,
Kozlova E. A.*
*China’s Humanitarian Policy
in Central Asia in the Field
of Education:
Implications for the
Russian Federation* **56**
- Mozias P. M.,
Kalendarova M. T.*
*Territorial dispute
in the East China Sea:
historical roots
and contemporary
interpretations* **73**
- Trunov Ph. O.*
*The Significance of Japan for the
Federal Republic of Germany’s
Strategic Presence
in the Indo-Pacific Region* **92**

Чернега В. Н.
Ближний Восток
в государственной политике
Франции (1958–2025) 109

*Chernega V. N.
The Middle East
in France's State Policy
(1958–2025)*

Виттенберг Е. Я.
Узбекистан на пути
инновационного развития 129

*Vittenberg E. Ya.
Uzbekistan on the path
of innovative development*

Сейткалиев Р. М.
Чеченские беженцы
в европейских странах:
выбор страны проживания
и проблемы интеграции 148

*Seytkaliev R. M.
Chechen refugees
in European countries:
choice of host state
and integration challenges*

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

**PHENOMENOLOGY
OF SOVIET SOCIETY**

Глазов А. А.
Советская контрпропаганда
в нацистском радиозфире,
1941–1945 гг. 165

*Glazov A. A.
Soviet counter-propaganda
on Nazi radio broadcasting,
1941–1945*

Груздинская В. С.
Историк между мирами:
Эдуард Винтер и его советские
корреспонденты 182

*Gruzdinskaya V. S.
A Historian Between Worlds:
Eduard Winter and His Soviet
Correspondents*

Ковалев М. В.
Научные командировки советских
ученых в салазаровскую
Португалию 198

*Kovalev M. V.
Scientific Mission
of Soviet Scholars
to Salazar's Portugal*

**РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ,
КОММЕНТАРИИ**

**REFLECTIONS, COMMUNICATIONS,
COMMENTS**

Фадеева Т. М.
Титул Екатерины II «Царица
Херсониса Таврического» как
часть «Греческого проекта»
и роль епископа Станислава
Богуш-Сестрэнцевича в его
геральдическо-географическом
обосновании 224

*Fadeeva T. M.
Catherine II's title
"Tsarina of the Tauric Chersonesus"
as part of the 'Greek Project'
and the role of Bishop Stanisław
Bohusz-Siestrzeńcewicz in
its heraldic and geographical
justification*

Билюга С. Э.
Причины возникновения
«цветных революций»: обзор
последних исследований 239

*Bilyuga S. E.
The Causes of
"Color Revolutions":
A Review of Recent Research*

Гончар-Ханджян Н. К.
Травля как механизм
дисциплинарной власти:
философские и литературные
коды романа Эли Фрей
«Синдром Алисы» 251

Gonchar-Khanjyan N. K.
Bullying as a Mechanism
of Disciplinary Power:
Philosophical and Literary Codes
in Eli Frey's novel
"Alice Syndrome"

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Пархалина Т. Г.
Формирование нового мирового
порядка и роль Объединенной
Европы: обзор материалов
конференции 266

Parkhalina T. G.
Shaping a New World Order
and the Role of a United Europe:
A Review of Conference
Materials

Байсвенгер М. Э.
Историк перепутья:
Три жизни Роберта Виппера.
Рец. на: "Die drei Leben
eines Historikers Robert Vipper
(1859–1954) in der russischen,
lettischen und sowjetischen
Geschichtsschreibung"
(Ed. by Jan Kusber, Ilgvars Misāns,
and Maike Sach. Berlin:
Peter Lang, 2024) 316

Beisswenger M. E.
A Historian at the Crossroads:
The Three Lives of Robert Vipper.
Review of: "Die drei Leben
eines Historikers: Robert Vipper
(1859–1954) in der russischen,
lettischen und sowjetischen
Geschichtsschreibung"
(Ed. by Jan Kusber, Ilgvars Misāns,
and Maike Sach. Berlin:
Peter Lang, 2024)

Климович Л. В.
175-летие Московского
университета в воспоминаниях
российских эмигрантов.
Рец. на: Празднование 175-летия
Московского университета
в русском зарубежье (сборник
воспоминаний и материалов)
(Петрозаводск: Версо, 2024) 326

Klimovich L. V.
175th anniversary of Moscow
University in the recollections
of Russian Emigres. Review of:
Celebrating the 175th anniversary
of Moscow University
in the Russian Diaspora (collection
of memoirs and materials)
(Petrozavodsk: Verso, 2024)

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

MEMORY OF THE DEPARTED

Пархалина Т. Г.
Юрий Антонович Борко:
IN MEMORIAM 334

Parkhalina T. G.
Yuri Antonovich Borko:
IN MEMORIAM

А.Б. Ларин

**«КАМЕШЕК ЗА КАМЕШКОМ СОЗДАЕТ НА ДАЛЕКОМ ГЮРГЕНЕ НОВУЮ РОССИЮ»:
СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КРЕСТЬЯНИНА – ПЕРЕСЕЛЕНЦА В ИРАН
В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ ЧИНОВНИКОВ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются репрезентации русских крестьян – переселенцев в Астрабадскую провинцию Ирана в нарративах чиновников Министерства земледелия. Начавшийся накануне Первой мировой войны 1914–1918 гг. процесс земледельческой колонизации приграничной иранской провинции привлек серьезное внимание государства в лице его представителей в регионе и в столице. Возникшие внутри- и межведомственные дискуссии, а также выработка политической линии в связи с этим породили значительное число документов, как опубликованных, так и нет. Особую роль в происходивших процессах обсуждения и проведения в жизнь принятых решений естественным образом играли чиновники Переселенческого управления. В своих текстах, в том числе напечатанных, они уделяли существенное внимание непосредственно крестьянам-переселенцам, причем помимо данных статистического характера, давали и более общие характеристики колонистам. Эти последние – включающие нарративы о причинах и мотивах переселения, приписываемые «русскому переселенцу» психологические качества – должны были служить делу обоснования и легитимизации активизации российской политики в регионе. Показано, что хотя отдельные характеристики такого рода зачастую слабо согласовывались с реальными фактами жизни, в том числе хорошо знакомыми самим этим чиновникам – авторам нарративов, они, во-первых, не рассматривались как серьезная непреодолимая проблема, а во-вторых, – хорошо вписывались в более широкий позднеимперский дискурс описания процесса освоения окраин колонистами. И в этом смысле данные репрезентации русских крестьян-переселенцев могли успешно выполнять роль выстраивания целостной картины, имевшей в том числе вполне инструментальное применение.

Ключевые слова: Переселенческое управление; переселенцы; Б.В. Бессонов; Г.Ф. Чиркин; А.М. Сахаров; Российская империя; Астрабадская провинция; Иран.

Ларин Андрей Борисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Новой и Новейшей истории Института всеобщей истории РАН. Россия, Москва.

E-mail: ab-larin@mail.ru

Web of Science Researcher ID: Q-5730–2017

Larin A.B.

“Stone by stone, a new Russia is rising on distant Gürgen”: the social anthropology of a peasant migrants to Iran in the representations of officials of the Resettlement Department of the Russian Empire

***Abstract.** The article examines the representations of Russian peasants who migrated to the Astarabad province of Iran in the narratives of officials of the Ministry of Agriculture. The process of agricultural colonization of the border province of Iran, which began on the eve of the Great War, attracted serious attention from the state, including its representatives in the region and the authorities in the capital. The ongoing internal and interdepartmental discussion of the issue, the development of a political line in this regard, etc., generated a significant number of documents, both published and unpublished. Officials of the Resettlement Department naturally played a particularly important role in the ongoing processes of discussing and implementing the decisions taken. In their texts, including printed ones, they paid significant attention directly to displaced peasants and, in addition to statistical data, also provided more general characteristics of the colonists. The latter – including narratives about the causes and motives of resettlement, psychological qualities attributed to the “Russian settler,” etc. – were intended to serve as a justification and legitimization of the intensification of Russian policy in the region. It is shown that although certain characteristics of this kind were often poorly consistent with the real facts of life, including those well known to these officials themselves, first, this was never considered a serious or insurmountable problem; and second, these characteristics fit well into the broader late imperial discourse describing the process of colonization of the periphery. In this sense, these representations of Russian settlers could successfully serve the role of constructing a holistic picture that had a distinctly instrumental function.*

Keywords: Resettlement Department; settlers; B.V. Bessonov; G.F. Chirkin; A.M. Sakharov; Russian Empire; Astarabad province; Iran.

Larin Andrey Borisovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow of Department of Modern and Contemporary History of Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

E-mail: ab-larin@mail.ru

Web of Science Researcher ID: Q-5730–2017

Введение

Вопрос крестьянского переселенчества в Прикаспийские провинции Ирана Каджаров (Персии) – малоизученная и перспективная тема для исследований (см., например: [Гинзбург 1965; Канода 1973; Ларин 2021]). Этот феномен, возникший незадолго до начала Первой мировой войны 1914–1918 гг., позволяет лучше понять особенности не только внешней, но и внутренней политики Российской империи и демонстрирует невозможность отчетливо разграничить данные направления государственной работы. Напротив, здесь в полной мере проявилось принципиальное единство имперской политики в области фрон-

тира, неустоявшейся границы соседних стран. Участвовавшие в обсуждении вопроса структуры – преимущественно Главное управление землеустройства и земледелия (с 1915 г. Министерство земледелия), Министерство иностранных дел и власти Туркестанского края – находились в постоянном и тесном взаимодействии друг с другом, принципиальные решения принимались указанными органами в результате межведомственного обсуждения.

Главную роль в реализации переселенческой политики «на земле» (после того как в начале 1914 г. вопрос об активизации действий на иранском направлении был решен в ходе межведомственного совещания), организации помощи и содействия крестьянам, составлении планов работ и их реализации, проведении разного рода исследований принадлежала Переселенческому управлению Главного управления землеустройства и земледелия (с 1915 г. Министерства земледелия). Чиновники ведомства подготовили много материалов, в которых представлены обширные сведения о физико-географических, этно-социальных, хозяйственно-экономических характеристиках Астрабадской провинции, особенностях местной правовой системы, государственного управления. Разумеется, серьезное внимание уделялось характеристикам русских крестьян-переселенцев. Последние рассматривались в качестве ключевых «агентов» проводимой государством политики, направленной на интеграцию региона в состав Российской империи, «культурное завоевание» провинции.

Проблематика российской переселенческой политики как политики интеграционной, направленной на «обрусение», т.е. более тесную интеграцию окраинных регионов Российской империи в общее социально-политическое, экономическое и культурное пространство страны, давно и плодотворно изучается (см., например: [Ремнев, Суворова 2008]). Особое внимание естественным образом отводится крестьянам (и казакам) – колонистам, поскольку они, рассматриваясь в качестве «агентов» этого процесса, во многом должны были осуществлять «цивилизаторскую миссию» (о цивилизаторской миссии см., например: [Мирзеханов 2015]): «Русские на азиатских окраинах были призваны не только закрепить за Россией новые земли, но и продемонстрировать местному населению превосходство русского земледелия и оседлого образа жизни, выступить в роли демократического культуртрегера» [Ремнев, Суворова 2008, с. 158]. В этом смысле нельзя не отметить известного противоречия между качествами, которые требовались от этих «агентов цивилизации» и теми реальными характеристиками, которые были присущи переселенцам [там же, с. 157–170].

Вышесказанное вполне справедливо и применимо к процессам, имевшим место в Астрабадской провинции Ирана накануне и в годы Первой мировой войны. Специфика иранского переселения прежде всего состояла в принадлежности упомянутой провинции иному государству, что неизбежно усложняло ситуацию. Представляется перспективным исследовать «воображение»

чиновников Переселенческого управления в отношении крестьян – переселенцев в иранскую провинцию, проанализировать приписываемые колонистам качества, соотнести их с реальными социально-экономическими и прочими характеристиками поселенцев, увидеть преломление известной фактографии в формирующемся общем дискурсе. Материалом послужат прежде всего опубликованные материалы – в них идейно обусловленные позиции проявлены наиболее ярко.

Российские чиновники, занимавшиеся обустройством крестьян в Астрабадской провинции в 1914 – начале 1917 г., решали вполне практические задачи, связанные с удовлетворением текущих нужд колонистов, а также ориентированные на обеспечение дальнейших перспектив освоения региона. При этом в подготовленных ими работах они представили целостную картину жизни Прикаспийских провинций, включавшую многообразные сведения. Эти публикации среди прочего были призваны продемонстрировать значительные богатства края, большие перспективы его освоения, а значит – необходимость продолжать активную деятельность в данном направлении [Ларин 2021]. Серьезное внимание уделялось также колонистам и состоянию их хозяйства.

Мотивы переселения: «стихийное движение» или прагматический интерес?

Неизбежно вставал естественный вопрос о побудительных мотивах переселения. Исследователями отмечалось, что представление о том, что русский крестьянин – колонист по природе, склонный к стихийному движению на окраины для их дальнейшего освоения, причем зачастую даже вопреки воле государства, было широко распространено среди российских историков, географов, этнографов, экономистов [Ремнев, Суворова 2008, с. 133]. Подобный взгляд транслировали и работавшие в Иране российские чиновники. Помимо сугубо прагматических мотивов подчеркивались какие-то особые, будто бы свойственные русским крестьянам, иррациональные побуждения, толкавшие их на движение в чужой незнакомый край. Этот «колониционный инстинкт» некоторым образом преодолевал личный практический интерес, довлел над крестьянином, превращая из конкретной индивидуальности в носителя более широкой миссии.

Заведующий Сыр-Дарьинским переселенческим районом А. М. Сахаров, игравший важную роль в организации работы в регионе в рассматриваемый период, уделил существенное внимание психологии переселенцев. Как он полагал, колониционный процесс в Иране служил «блестящим опровержением» мнения, что «русский крестьянин не самостоятелен и лишен инициативы» [Сахаров 1915, с. 39, 38]. Напротив, без какого-либо влияния «администрации переселенец, повинувшись здоровому инстинкту борьбы за жизнь,

смело устремился в чужую... страну», где «вдали от родины, с ничтожными средствами в незнакомых условиях... упористо бревнышко по бревнышку, камешек за камешком создает на далеком Гюргене новую Россию. Стихийным народным чутьем он как-будто на деле исправил границу, так неудачно размежевавшую нас с Персией...» [Сахаров 1915, с. 39]. Российский чиновник отмечал: «Основная черта переселенческого движения в Персию – именно его стихийность. Когда расспрашиваешь отдельных переселенцев о причинах, заставивших их бросить насиженные места, всегда остается впечатление, что приводимые ими доводы не есть все, даже не есть самое главное, что это главное заключается в каких-то невидимых для нашего слишком материального разума психологических импульсах», переселенцы «говорят о выпаванности земли, о холодах на старом месте, хотя эти земли и климат не помешали им создать сравнительно устойчивое хозяйство. Какое-то смутное расовое стремление перехитрило их маленькую индивидуальную хитрость и заставило бросить все и на далекой чужбине с риском и лишениями создавать себе новый очаг» [там же].

А. М. Сахаров приводил характерный эпизод, произошедший в Астрабадской провинции в Крещенском поселке после посещения комиссара, когда его жители были взволнованы по поводу земельного вопроса: «Один крестьянин особенно громко кричал:

«Какая нелегкая занесла меня сюда. Жил-бы в своем Семиречьи, – так нет, надо было за две слишком тысячи верст гнать, чтобы все зажитки ухлопать и без земли очутиться»...

А вечером, он, смотря на Эльборуский хребет, таинственно серебрившийся под косыми лучами заходящего солнца, уже говорил:

«Я так мекаю, русский в этой долине не усидит, обязательно за горы двинет. Сначала этак пасечку в щелке устроит, потом около нее посеет, садик посадит, там подальше арендует, а то и купит. Глядишь разведает и за горы высыплет»...

– Вот тебе и раз – говорят ему; да сегодня-ж ты кричал, что все назад вернетесь.

«Это я только так, к примеру... От судьбы не уйдешь. Она ведет мужика... Только бы вот как-нибудь, уцепиться. Самый-бы махонький корешок пустить, а потом нас плугом не выроешь»...» [там же, с. 39–40].

Начальник Переселенческого управления Г. Ф. Чиркин, пересказывая данный эпизод в своей «Отчетной записке» (очевидно, он заимствовал данный пассаж), подытоживал: «В этих словах выражается истинная душа русского хлебороба в ее непрестанном и необъятном стремлении то к “Синему морю”, то на “Мамур-реку”, то на “зеленый клин”. Это *стихийное движение русского народа* (курсив наш. – А. Л.) и создало нам всю Азиатскую Русь и, в частности, “новую Россию” в таких закоулках последней, где, казалось бы, колони-

зационная деятельность любого правительства встретила бы совершенно непреодолимые препятствия» [Чиркин 1916, с. 23; ср.: Вошинин 1915, с. 15–16]. В ответах крестьян о причинах «искать счастья в Персидских степях среди вечных грабежей и столкновений туркмен с персами» Г.Ф. Чиркин видел глубокий смысл; как он писал, от этих ответов *«веет как то стихийностью»* (курсив наш. – А. Л.) и верой в творчество (разрядка в публикации. – А. Л.) русского народного духа» [Чиркин 1916, с. 22].

Один из работавших непосредственно «на земле» чиновник Переселенческого управления Б.В. Бессонов в своей работе по материалам поездки – надо сказать, более трезвой в отношении перспектив, по сравнению с другими текстами – в заключении вновь повторял устоявшийся набор тезисов. Он писал, что хотя на тот момент переселенцев было еще немного и они представляли собой лишь «жалкие и разрозненные кучки пионеров освоения персидских земель русским народом», однако необходимо «предвидеть, что исконное стремление» последнего – «колонизовать прилегающие к его территории пространства – и тут не отступит от обычного своего течения и заставит русский народ направить сюда новые кадры засельщиков, которые все крепче и все глубже будут занимать те земли, куда их направил здоровый инстинкт, пока не создастся здесь такая же окраина Руси, каких уже много образовалось таким же путем на протяжении ее многовековой жизни» [Бессонов 1915, с. 87].

Итак, «стихийное движение русского народа», руководимого «здоровым инстинктом», неким «смутным расовым стремлением», выступает в соответствующих текстах в качестве ключевого побудительного мотива, руководившего русскими переселенцами, подталкивавшего их к отказу от старой жизни (будь то в губерниях Европейской России или в Туркестане) и поиску новой жизни в незнакомых землях Северного Ирана. Сложно сказать, насколько серьезно воспринималась данная объяснительная схема самими авторами приводимых цитат, а насколько была своего рода данью эпохе, отвечая духу времени. «Долгий XIX век», помимо прочего, был временем широкого распространения расовых теорий, представлений о существовании устойчивых психологических свойств и характеристик народов и рас. Это была эпоха появления наиболее известных и популярных трудов в данной области, например, работ Ж.А. де Гобино и Г. Лебона. Дух времени должен был влиять и на бюрократический дискурс.

Примордиалистское восприятие русского народа, его жизни и истории порождало особое, литературно-поэтическое преломление и отображение происходивших социально-экономических, демографических процессов. Многократно упоминавшаяся «стихийность» переселенческого движения вызывала мысли о естественно-натуральном его характере. В этом смысле оно и должно было восприниматься как явление природы. Это подразуме-

вало фатальность, неизбежность происходившего, что также должно было служить и средством его легитимации – стоит помнить, что колонизация шла на территории иного государства на довольно сомнительных правовых основаниях [Ларин 2024b]. Пожалуй, наиболее ярко и образно данные коннотации проявились именно в заключении к работе Б.В. Бессонова – как уже было сказано, в других отношениях весьма обстоятельной, конкретной и серьезной. Однако в ее финале автор (занимавшийся на досуге живописью) позволил себе художественную образность изложения: «Как море во время прилива, начав свое неотвратимое и неизбежное наступление на берег, посылает на него сначала только первые отдельные волны, отбегающие сейчас же обратно, оставив на нем куски своей пены, – так и русское переселение, направившееся ныне стихийно и неотразимо в Персию, послало на нее пока только первую свою приливную волну. Тот русский элемент, который осел одинаково и в бесплодных степях и на богатейших землях северной Персии, есть именно остаток этой первой волны, отхлынувшей с тем, чтобы новые волны с новой силой, медленно, но верно захватывали береговую полосу все более и более, пока не покроют ее совсем» [Бессонов 1915, с. 88].

Таким образом, колонизационное движение на юг приобретало провиденциальный характер, а идеологемы «стихийности», «инстинктивности», «естественности» русского переселенчества становились нормативными, в том числе и применительно к иранскому направлению.

Насколько эти поэтические интеллектуальные спекуляции соотносились с реальной жизнью крестьян? Традиционная объяснительная схема была удобна во многих отношениях, однако что думали колонисты, в том числе потенциальные, на этот счет? По вполне очевидным причинам источников, непосредственно созданных переселенцами, немного. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении письма и обращения крестьян позволяют сделать некоторые выводы. Так, сохранившиеся обращения крестьян разных губерний в государственные органы в связи с возможностью освоения Астрабадской провинции показывают, что всплеск интереса потенциальных колонистов к региону в 1913 – начале 1914 г. вполне объясним. Как писал в отчете за 1913 г. пограничный комиссар генерал-майор К.В. Лавров, «вся Астрабадская провинция ожила. Всех охватил ажиотаж» [Русское землевладение в Гюргено-Астрабадском районе, л. 121]. Он разъяснял: «Привлеченные слухами о богатстве этого края, удачном опыте первых русских пионеров, а также главным образом не отвечающей действительности заметкой “Туркестанских ведомостей”, перепечатанной “Русским Словом” и другими почти всеми провинциальными газетами о сказочном богатстве этого края, где, якобы, по всей территории разбросаны лимонные и апельсиновые рощи, где земля так сказочно дешева, что рубль считается хорошей ценой за десятину, в край хлынула толпа переселенцев, бросивших насиженные места в Ферганской, Семиреченской и За-

каспийской областях и решивших попытать счастье в новых краях» [Русское землевладение в Гюргено-Астрабадском районе, л. 121–121 об.].

По свидетельству генерала, далее события разворачивались во всё большем масштабе и приобрели трагикомический характер: “За этими областями зашевелилась вся Россия. Пошли со всех ее обширных концов. Доверчивость русских людей доходит до курьезов. Читатели газет завалили письмами, прошениями, заявлениями и телеграммами. “У меня есть 500 рублей, сохраните для меня 500 десятин”. “Оставьте для меня 25 десятин” и т. п. Посыпались предложения своих услуг от инженеров, акушерок, врачей, учителей. Мое положение с каждым днем становилось затруднительнее. Большинство поселенцев приходят без гроша денег. Свободных земель в буквальном значении этого слова нет (фраза подчеркнута в документе. – А. Л.). Земли принадлежат либо туркменам, либо персам» [там же, л. 121 об.]. Комиссару пришлось заняться обустройством переселенцев, заключать договоры с фактическими владельцами земель об аренде и т. п. Однако он подчеркивал значительную неопределенность их положения [там же].

Слова К. В. Лаврова подтверждаются поступавшей от крестьян корреспонденцией. Еще 24 декабря 1913 г. от крестьянина А. Базикова (судя по обратному адресу, жителя Области Войска Донского) пришло письмо на имя русского консула в Табризе. В нем сообщалось, что в газете «Русское Слово» они (очевидно, группа крестьян, от лица которых обращался Базиков. – А. Л.) прочли о возможности приобрести в Иране землю «в вечное пользование от 1 до 2 рублей за десятину» [там же, л. 33]. В связи с этим он просил разъяснить ряд вопросов: «... в какой именно части продаются эти земли, цена им, и годная ли эта земля для посева или скотоводства, можно ли завести сады на этих землях и главное будем ли мы находиться под защитой и охраной наших Российских законов переселясь на купленные в Персии земли; и будут ли земли эти считаться площадью нашего Государства, или же нет; и возможно ли покупку земли совершать при посредстве Банка, т. е. будет ли какой либо русский банк выдавать ссуду под эту землю. А также покорнейше просим дать маршрут для поездки и осмотра вышесказанных земель» [там же].

Письма о желании приобрести земли в Северном Иране поступали и в Министерство иностранных дел напрямую (см., например: [там же, л. 26–26 об.], см. черновик ответа из министерства: [там же, л. 81–81 об.]). Стоит сказать, что этот ажиотаж охватил не только крестьян – многие предприниматели также заинтересовались темой, причем поднимаемые ими вопросы во многом соотносятся с теми, что задавали крестьяне [Никулин 1914, л. 76–76 об.]. Подобного рода обращения поступали и позднее, уже во время войны [РГИА, л. 72–74]. Даже летом 1917 г., когда судьба русских поселков в Астрабадской провинции была крайне туманной, находились желающие переехать туда [Астрабад, л. 346–346 об.]

Из данных документов хорошо видно, чем был вызван рост ажиотажа в отношении переселения в Иран. Среди упомянутых мотивов фигурировали почерпнутые из газетных заметок и слухов представления о богатстве края, плодородии и чрезвычайной дешевизне земли; плохие природные условия на прежнем месте жительства (стихийные бедствия, недороды, уничтожения посевов вредителями и т. п.); малоземелье. Конечно, характер подобных обращений не предполагал артикуляцию глубинно-психологических мотивов, которыми могли бы руководствоваться люди в своем стремлении к переселению и которые стали обязательным элементом интеллектуальных спекуляций чиновников. Но задаваемые вопросы – конкретные, порожденные прагматикой жизни, позволяют предположить, что ключевые движущие силы, мотивировавшие колонистов, вполне могут быть описаны поговоркой «рыба ищет где глубже, а человек – где лучше». Другое дело, что в воображении сотрудников Переселенческого управления русские крестьяне-переселенцы должны были выступать в качестве культуртрегеров, нести свет цивилизации «одряхлевшему», «застывшему» и «отсталому» Востоку. И в этом смысле сформировавшееся представление о движущихся на восток и юг волнах крестьянства, сообразно с изменением границ самой Российской империи, оказалось весьма уместно. Ориенталистские стереотипы являлись нормативными для европейского/русского дискурса описания Каджарского Ирана (см. об этом подробнее: [Andreeva 2007]). Соответствующие клише характерны для травелогов, воспоминаний, публицистики и, неизбежно, в немалой степени – для ведомственной и дипломатической переписки. Здесь нет необходимости детально излагать их содержание, достаточно упомянуть, что чиновники ведомства постулировали, что в текущем состоянии – упадка и дряхлости – Иран и его население не могут в полной мере использовать богатства Прикаспийских провинций, наладить систему управления в регионе, обеспечить безопасность. Следовательно, этими и другими вопросами следует заняться России, что «легитимизировало» ее притязания, но и налагало ответственность за благополучие местного населения и развитие региона (см. подробнее: [Ларин 2021]). Например, Б. В. Бессонов, чье образно-поэтическое описание движения русских крестьян в Иран было представлено выше, писал и о том, что возможности использования Россией огромных нетронутых богатств Прикаспийских провинций напрямую связаны с поселенческой колонизацией: «Достигнуто же это может быть только путем заселения всего Каспийского побережья русскими, единственно которые способны, при данных условиях, обратить пустующие ныне земли в культурные, разведать и разработать совершенно неизвестные даже нам теперь ископаемые богатства горных хребтов... изменить сложившиеся условия персидской жизни, полные неурядков и неопределенностей, и поднять общий уровень сельско-хозяйственной жизни туземного населения» [Бессонов 1915, с. 89].

И как итог: «Предотвратить падение культуры местного населения и содействовать общему здесь прогрессу, а также повлиять на изменение существующих условий и порядков в северной Персии, может... только русская ее колонизация» [там же, с. 90; ср: Сахаров 1915, с. 61].

Социально-экономические и этно-религиозные характеристики переселенцев

Итак, как в областях и губерниях Азиатской России, переселенцы должны были выступить в Северном Иране «агентами» цивилизаторской миссии. Но кто же эти колонисты, что должны были содействовать прогрессу и поднимать уровень сельскохозяйственной жизни местного туркменского и персидского населения? Были ли они сами носителями требуемых качеств для осуществления цивилизаторской миссии? В самом деле, чтобы служить примером, необходимо априори занимать более высокое положение, в данном случае – экономическое и культурное. Являть собой представителей состоятельного, зажиточного класса, обладающего лучшими навыками и большими возможностями, как экономическими, так и нематериальными, для эффективного ведения хозяйства. В общем и целом, превосходить местное население по данным критериям.

Между тем, уже выше, в свидетельстве К.В. Лаврова, было показано, что материальное состояние переселенцев было весьма неблагоприятным. Не скрываются подобные характеристики и в опубликованных текстах чиновников Переселенческого ведомства. Действительно, как могли эти «жалкие и разрозненные кучки пионеров освоения персидских земель русским народом» [Бессонов 1915, с. 87], «поголовно больные малярией» [Чиркин 1916, с. 21], из коих более половины семей «приехало в Персию или совсем без денег, или привезло с собой менее 100 руб.» [Сахаров 1915, с. 26], притом, что слухи о дешевизне и плодородии земель привлекли в регион «не мало лиц, не имеющих никакого отношения к земледелию» [там же, с. 24], выступать в качестве цивилизационного образца? Вероятно, чиновники не задавались (во всяком случае, публично) этим вопросом. Ответ же, по всей видимости, прост: текущее, пусть и не блестящее, положение – самый начальный этап процесса, стартовавшего лишь несколько лет назад. Значение имела перспектива, над обеспечением которой и следовало работать, хотя уже и в 1916 г. «пережившие трудный и тяжелый период... жизни на новых местах, русские переселенцы в северной Персии встают на ноги (разрядка в публикации. – А. Л.)» [Чиркин 1916, с. 21].

В самом деле, цитируемых авторов определенно нельзя заподозрить в слабости знания реального положения на местах. Отдельные из них (как А.М. Сахаров и Б.В. Бессонов) непосредственно организовывали переселенческое дело в регионе, а начальник Переселенческого управления Г.Ф. Чиркин весной

1916 г. совершил командировку в Прикаспийский край, где мог познакомиться с ситуацией. Кроме того, сама ведомственная переписка (и опубликованные материалы) демонстрируют прекрасное владение фактурой – тем более, что ее сбор в целях дальнейшего развития «русского дела в Персии» был одной из ключевых задач чиновников. Они разделяли взгляд фигурировавшего в вышеприведенных нарративах крестьянина, полагавшего, что главным было «только бы вот как-нибудь, уцепиться». Дальнейшее должны были сделать российская демография и политические усилия государства.

Демографические перспективы, по всей видимости, воспринимались как вполне благоприятные. Точное число переселенцев в 1914–1916 гг. назвать сложно. В связи с началом войны многие вернулись в Россию. В 1915 г. в Астрабадской провинции оставалось немногим более 1 тыс. переселенцев [Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. 1916, с. 307]. Эти данные на первый взгляд не впечатляют. Однако эти люди приехали сюда всего за несколько лет, в 1907–1914 гг. (причем подавляющее большинство переселилось сюда незадолго до начала войны), и, как это виделось чинам управления, колонизационный поток должен был возобновиться после войны. Значительная часть земель провинции была свободна от хозяйственной обработки, следовательно, вполне перспективна для заселения – около 1 млн десятин из общего числа более 2 млн десятин земель в провинции [Чиркин 1916, с. 6]. Демографический потенциал русского народа тогда не вызывал никаких сомнений, район рассматривался как место направления избытка населения.

Другой важный вопрос, встающий в связи со стремлением чиновников Переселенческого управления видеть в колонистах носителей цивилизаторской миссии, «агентов русского дела» в Иране, связан с необходимостью определить саму категорию «русский переселенец». Предстоящая в приведенных выше цитатах в качестве некой цельной дефиниции, включающей и набор имманентно присущих подпадающим под нее людям характеристик, в действительности, при более внимательном анализе, она также вызывает вопросы. Прежде всего, они касаются этно-религиозных характеристик колонистов. Контексты использования слова «русский» в поздней Российской империи могли быть многообразны. Это слово могло обозначать как гражданско-политическую принадлежность в целом (т. е. подданство), так и этническую принадлежность.

В соответствующих текстах часто можно наблюдать противоречие между нарисованной общей картиной, в которой действовали некие абстрактные «русские переселенцы», и гораздо более сложной реальностью. По сведениям А.М. Сахарова, основанным на обследовании 451 крестьянского хозяйства в провинции летом 1914 г., среди них состояли из великороссов – 292 (или 64,5%), малороссов – 120 (или 26,6%), немцев – 32 (или 7,1%), поляков, чувашей и армян – по 2 (или 0,44%), белорусов – 1 (или 0,22%) [Сахаров 1915, с. 25].

Малороссы¹ и белорусы, очевидно, вопросов не вызывали². Существенная проблема, однако, виделась в немцах, составлявших чуть более 7% хозяйств. Известно, что после начала войны в странах-участницах распространились шовинизм и ксенофобия. В России они были обращены на немцев, включая российских подданных (см. подробнее: [Лор 2012]). Не вдаваясь в детали относительно различных аспектов представлений о «германской угрозе» применительно к Ирану (см. подробнее: [Ларин 2024а]), укажем, что одним из наиболее существенных ее проявлений виделся рост числа переселенцев немецкого происхождения. Так, в сочинении ревизора Переселенческого управления В.П. Вощинина, посвященном ключевым задачам Российской империи в Северном Иране, серьезное внимание уделено активности Германской империи в регионе. По словам ревизора, для обеспечения там благоприятных условий особое внимание было обращено на *«русско-подданных немцев (здесь и ниже курсив в публикации. – А. Л.), переселившихся из России в Астрабадскую провинцию вместе с другими, действительно русскими и по вере, и по национальности, переселенцами»* [Вощинин 1915, с. 21]. Туда начали приезжать агенты для поиска и приобретения земель для немцев, в германской прессе развернулась агитация с призывом переселяться в Иран. Итогом стало появление нескольких *«чисто немецких поселков, с официально, впрочем, русско-подданным населением...»* [там же, с. 22]. Он делал вывод о необходимости *«в корне пресечь интенсивнейшею русской колонизацией немецкие здесь вождедения»* [там же]. Подобные опасения встречаются и в других текстах [например: Сахаров 1915, с. 23].

Итак, *«русско-подданные»* немцы больше не воспринимались в качестве лояльных подданных, призванных сыграть важную роль в колонизации нового окраинного региона, напротив, они виделись потенциальными агентами неприятеля. Существовали и опасения того, что этнические немцы окажутся успешнее *«действительно русских»* в деле переселенческой колонизации. А.М. Сахаров писал: *«Являясь в край со сравнительно большими средствами, более активные и интеллигентные немецкие переселенцы всегда могут вырвать хороший участок у нашего безденежного темного мужика»* [там же]. Эти соображения высказывались и в виде практических рекомендаций; так, производитель работ М. Думчус в своей записке *«Вопросы колонизации в Северной Персии»* отмечал: *«В пределах Астрабадской провинции желательно внедрять*

1. Отметим, что А.М. Сахаров делал оговорку: *«Впрочем, в числе великороссов зарегистрировано немало обрусевших хохлов»* [Сахаров 1915, с. 25].

2. Чиновники Переселенческого управления, используя слово *«русские»* в этническом смысле, имели в виду великороссов, малороссов и белорусов, что видно из *«Отчета о работах»* этого ведомства за 1915 г., где после аналогичной статистики имеется следующая фраза: *«Не русские составляют, как мы видим, менее 1/10»* [Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. 1916, с. 308].

исключительно переселенческий элемент и притом русский (немцы не желательны)» [Русское землевладение в Гюргено-Астрабадском районе, л. 101].

Особое значение имел и религиозный вопрос. В каком-то смысле он был более запутанным, поскольку конфессиональная принадлежность не совпала с этнической, а идентичности накладывались друг на друга. Здесь, как и на многих других окраинах Российской империи, сектанты разного рода были в числе первопроходцев. И эта двойная идентичность, с одной стороны, как русских, т. е. тех, кто и фигурировал в качестве основы, ядра колонизации, а с другой – как сомнительных отступников от официального православия – также вызвала определенные противоречия в нарративах.

Г. Ф. Чиркин в рассказе о первых поселенцах сообщал, как двух крестьян из Закаспийской области, поселившихся к северу от устья реки Кара-су на берегу моря, поддержал российский консул А. М. Вольф в Астрабаде (ныне г. Горган) [Чиркин 1916, с. 20]. Это зачин сюжета о русских переселенцах, подчиняющихся некой «скрытой силе», зовущей их на чужбину. Но российский чиновник не упомянул, что эти первые поселенцы были молоканами [Сахаров 1915, с. 16]. Между тем отношение к русским сектантам было двойственным. Российские власти понимали и ценили их потенциал в деле освоения периферии страны, ее «обрусения», поскольку сама по себе «русскость» на далеких окраинах была значимее стремления к церковному единству [Ремнев, Суворова 2008, с. 165]. Но общее подозрительное, даже негативное отношение давало о себе знать. Как было показано в рассказе о первопоселенцах, об их вере решили умолчать. Б. В. Бессонов, также сообщивший эту историю, писал далее, что первый поселок Кара-су разделился: немолоканская часть населения, «не выдержавшая совместной жизни с этими сектантами крайне отрицательных качеств», отселилась [Бессонов 1915, с. 68] (также см.: [там же, с. 69–70]).

Хозяйства по конфессиям распределялись следующим образом: православные – 330 (или 73%), молокане – 53 (или 12%), адвентисты – 23 (или 5%), лютеране – 18 (или 4%), остальные (евангелисты, баптисты, католики, меннониты, армяно-григориане, старообрядцы, иудействующие) – в общей сложности 27 (или 6%) [Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. 1916, с. 308]. А. М. Сахаров подытоживал: «Несмотря на... вероисповедную пестроту, переселенцы в религиозном отношении распределились по поселкам довольно удачно. Порою гораздо острее сказывается национальный, чем религиозный антагонизм. Так, в Нимердане уже отмечены обострившиеся отношения между русскими и немцами, хотя и те и другие принадлежат к одной секте. Впрочем, среди молокан замечается усиленная неприязнь к православным; к счастью, в составе одного и того же поселка они не встречаются» [там же]. В целом же, судя по источникам, наличие в числе колонистов последователей неортодоксальных исповеданий не рассматривалось в качестве серьезной проблемы, во всяком случае по сравнению с «немецкой угрозой». Этнический фактор виделся более серьезным, нежели конфессиональный.

Заключение

В нарративах чиновников Переселенческого управления в отношении русских крестьян – колонистов Астрабадской провинции Ирана обнаруживается ряд характерных общих идей, касающихся объяснения мотивов переселения, значения данного феномена для Российской империи и ее будущего, а также для приграничных иранских земель, психоэмоциональных характеристик поселян. В этой обобщенной схеме, воспроизводимой с отдельными нюансами у разных авторов, легко заметить акцент на «стихийном», «инстинктивном», в каком-то смысле провиденциальном характере переселенчества, на некоей иррациональной силе, будто бы ведущей землепашцев в чужой край с другой верой. Подчеркиваются иные позитивные качества, например, активность и инициативность. Неизменно отмечается позитивная «цивилизаторская» роль, которую были призваны сыграть русские крестьяне на иранской земле, значение переселенчества для прогресса региона. При этом нельзя сказать, что конкретно-фактические детали их жизни, быта и материального положения, социально-демографические и этно-религиозные характеристики не были знакомы авторам соответствующих текстов. Напротив, они безусловно присутствуют и основаны на солидном собранном материале, позволявшем видеть и реальные мотивации колонистов (вполне прагматические), и гетерогенность самой категории «русский переселенец», включавшей в себя людей разного этнического происхождения и вероисповедания. Данные сложности, однако, не воспринимались как непреодолимые. Процесс трактовался как только набирающий силу, поскольку больше всего хозяйств возникло в 1914 г. [Сахаров 1915, с. 25], а значит, на первый план выходило не сложное материальное положение многих хозяйств, а богатые перспективы. Этническую разнородность (прежде всего наличие немцев), вероятно, рассчитывали преодолеть административными мерами, а религиозная не вызывала большой озабоченности. В то же время целостный дискурс русского переселения в Иран вполне вписывался в уже сложившийся общий дискурс колонизации окраин и поэтому позволял решать многие, в том числе внутривластные, задачи.

Библиография

- Астрабад. Донесения консула в Астрабаде. 1911–1917 гг. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 144. Оп. 489. Д. 240.
- Бессонов Б.В. Русские переселенцы в Северной Персии. Петроград: Екатерининская типография, 1915. 90 с.
- Вощинин В.П. Современные задачи России на севере Персии. Петроград: Екатерининская типография, 1915. 26 с.
- Гинзбург А.И. Из истории возникновения русских поселений в Северном Иране // Из истории Средней Азии (дореволюционный период). Сборник статей. Ташкент: Наука, 1965. С. 30–36.

Канода Н.Н. Переселенческие поселки в Закаспийской области. (Конец XIX – начало XX в.). Ашхабад: Ылым, 1973. 89 с.

Ларин А.Б. «Германская угроза» и российское землевладение в прикаспийских провинциях Ирана в эпоху Первой мировой войны (постановка проблемы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2024а. Т. 6, № 1. С. 139–149.

Ларин А.Б. «Новая Апельсиния»: апология проникновения в Мазандаран и Астрабад в публикациях чинов российского переселенческого ведомства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016274-0-1/> (дата обращения: 03.12.2025).

Ларин А.Б. Становление российского землевладения в прикаспийских провинциях Ирана: правовые аспекты и юридические сложности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024б. Т. 12, вып. 9 (143). URL: <https://history.jes.su/s207987840032618-8-1/> (дата обращения: 03.12.2025).

Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.

Мирзеханов В.С. XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19.

Никулин А.А. В Канцелярию Министерства иностранных дел в Петербурге. 13 мая 1914 г. // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 495 б. Л. 76–76 об.

Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (Отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Петроград: Типография М.П. Фроловой, 1916. 398 с.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. 2008. № 11 (29). С. 132–179.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 6. Д. 307.

Русское землевладение в Гюргено-Астрабадском районе // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 497 б.

Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Петроград: Типография «Содружество», 1915. 75 с.

Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии. Петроград: Екатерининская типография, 1916. 48 с.

Andreeva E. Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism. Routledge Studies in Middle Eastern History. New York: Routledge, 2007. 289 p.

References

Andreeva E. Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism. Routledge Studies in Middle Eastern History. New York: Routledge, 2007. 289 p.

Astrabad. Doneseniya konsula v Astrabade. 1911–1917 gg. [Astrabad. Reports of the Consul in Astrabad. 1911–1917]. Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)]. F. 144. Inv. 489. Case 240. (In Russ.)

Bessonov B.V. Russkie pereselentsy v Severnoi Persii [Russian settlers in Northern Persia]. Petrograd: Ekaterininskaya tipografiya, 1915. 90 p. (In Russ.)

Chirkin G.F. Otchetnaya zapiska o poezdke vesnoi 1916 g. v Astrabadskuyu i Mazanderanskuyu provintsii Severnoi Persii [An account of a trip in the spring of 1916 to the Astarabad and Mazanderan provinces of Northern Persia]. Petrograd: Ekaterininskaya tipografiya, 1916. 48 p. (In Russ.)

Ginzburg A.I. Iz istorii vozniknoveniya russkikh poselenii v Severnom Irane [On the history of Russian settlements in Northern Iran]. Iz istorii Srednei Azii (dorevolutsionnyi period). Sbornik statei. [From the history of Central Asia (pre-revolutionary period). Collection of articles]. Tashkent: Nauka, 1965. P. 30–36. (In Russ.)

Kanoda N.N. Pereselencheskie poselki v Zakaspiiskoi oblasti. (Konets XIX – nachalo XX v.) [Resettlement villages in the Transcaspiian region. (Late 19th – early 20th century)]. Ashkhabad: Ylym, 1973. 89 p. (In Russ.)

Larin A.B. «Germanskaya ugroza» i rossiiskoe zemlevladienie v prikaspiiskikh provintsiyakh Irana v epokhu Pervoi mirovoi voiny (postanovka problemy) [The “German threat” and Russian land ownership in the Caspian provinces of Iran during the era of the World War I (problem statement)]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki [Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences]. 2024a. Vol. 6, N 1. P. 139–149. (In Russ.)

Larin A.B. «Novaya Apel'siniya»: apologiya proniknoveniya v Mazandaran i Astrabad v publikatsiyakh chinov rossiiskogo pereselencheskogo vedomstva [“The New Orangeland”: Justification of the Penetration into Mazandaran and Astarabad in the Publications of the Russian Resettlement Department's Officials]. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya» [Electronic Scientific and Educational Journal “History”]. 2021. Vol. 12, Iss. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016274-0-1/> (date of access: 03.12.2025). (In Russ.)

Larin A.B. Stanovlenie rossiiskogo zemlevladieniya v prikaspiiskikh provintsiyakh Irana: pravovye aspekty i yuridicheskie slozhnosti [The formation of Russian land ownership in the Caspian provinces of Iran: Legal aspects and difficulties]. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya» [Electronic Scientific and Educational Journal “History”]. 2024b. Vol. 15, Iss. 9 (143). URL: <https://history.jes.su/s207987840032618-8-1/> (date of access: 03.12.2025). (In Russ.)

Lor E. Russkii natsionalizm i Rossiiskaya imperiya: kampaniya protiv «vrazheskikh poddannykh» v gody Pervoi mirovoi voiny [Russian Nationalism and the Russian Empire: the campaign against “enemy subjects” during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 304 p. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. XIX vek v mirovoi istorii (k vykhodu V toma «Vsemirnoi istorii») [The XIXth Century in World History (k vykhodu V toma “Vsemirnoi istorii”)]. Novaya i noveishaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2015. N 4. P. 3–19. (In Russ.)

Nikulin A.A. V Kantselyariyu Ministerstva inostrannykh del v Peterburge. 13 maya 1914 g. [To the Chancellery of the Ministry of Foreign Affairs in St. Petersburg. May 13, 1914]. AVPRI [AFPRI]. F. 144. Inv. 489. Case 495 b. (In Russ.)

Pereselenie i zemleustroistvo za Uralom v 1915 g. (Otchet o rabotakh Pereselencheskogo upravleniya za 1915 g.) [Resettlement and land development beyond the Urals in 1915 (Report on the work of the Resettlement Department for 1915)]. Petrograd: Tipografiya M.P. Frolovoi, 1916. 398 p. (In Russ.)

Remnev A.V., Suvorova N.G. «Obrusenie» aziatskikh okrain Rossiiskoi imperii: optimizm i pessimizm russkoi kolonizatsii [“Russification” of the Asian Outskirts of the Russian Empire: Optimism and Pessimism of Russian Colonization]. Istoricheskie zapiski [Historical Records]. 2008. N 11 (29). P. 132–179. (In Russ.)

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 391. Inv. 6. Case. 307. (In Russ.)

Russkoe zemlevladienie v Gyurgeno-Astrabadskom raione [Russian land ownership in the Gurgeno-Astarabad region]. AVPRI [AFPRI]. F. 144. Inv. 489. Case 497 b. (In Russ.)

Sakharov A.M. Russkaya kolonizatsiya Astrabadskoi provintsii v Persii [Russian colonization of the Astarabad province in Persia]. Petrograd: Tipografiya «Sodruzhestvo», 1915. 75 p. (In Russ.)

Voshchinin V.P. Sovremennye zadachi Rossii na severe Persii [Russia's current aims in the North of Persia]. Petrograd: Ekaterininskaya tipografiya, 1915. 26 p. (In Russ.)

А.В. Володько

**М.М. ЛИТВИНОВ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ.
1918–1921 гг.**

Аннотация. Назначение Максима Максимовича Литвинова уполномоченным Народного комиссариата по иностранным делам в Лондоне стало важным этапом в формировании советской внешней политики. Первоочередной задачей Литвинова являлось установление контактов с британским правительством и разъяснение целей и задач советской власти. Он был арестован по обвинению в подрывной деятельности, затем обменян на арестованного в России британского дипломата Брюса Локкарта. В результате успешно проведенных англо-советских переговоров по обмену военнопленными в Копенгагене М. М. Литвиновым были подписаны соглашения не только с Великобританией, но и с Данией, Италией, Францией, Бельгией и Австрией. Помимо решения вопроса, касающегося военных и гражданских пленников, данные соглашения включали в себя ряд международно-правовых норм, имеющих принципиальное значение. Он также смог достичь согласия на отправку первого корабля с жизненно важными медикаментами в Советскую республику, что явилось существенным ослаблением действовавшей в то время экономической блокады. На посту полномочного и торгового представителя в Таллине М. М. Литвинов выполнял разнообразные обязанности, охватывая множество направлений деятельности, от политической сферы и экономических связей до противодействия белогвардейским элементам на эстонской территории и налаживания поставок разнообразных товаров. Дипломатическая деятельность М. М. Литвинова в 1918–1921 гг. показывает его трансформацию из революционера-подпольщика и агитатора в опытного дипломата, умеющего защищать интересы Советской России на международной арене. Этот период ознаменован его участием в различных конференциях и переговорах, где он проявил себя как искусный переговорщик и ярый защитник советских позиций.

Ключевые слова: Максим Максимович Литвинов; Народный комиссариат по иностранным делам; дипломатическая деятельность; переговоры; соглашения.

**Володько Анна Вячеславовна – кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
Россия, Москва.**

E-mail: avolodko@inbox.ru

Web of Science Researcher ID: AAV-7281-2020

Scopus Author ID: 57195673900

Volodko A.V.

M.M. Litvinov in the diplomatic service of Soviet Russia. 1918–1921

Abstract. *The appointment of Maxim Maksimovich Litvinov as the People's Commissariat for Foreign Affairs' commissioner in London marked a significant milestone in the development of Soviet foreign policy. Litvinov's primary task was to establish contacts with the British government and explain the goals and objectives of Soviet power. He was arrested on charges of subversive activity and later exchanged for the British diplomat Bruce Lockhart, who had been arrested in Russia. Following successful Anglo-Soviet prisoner-of-war negotiations in Copenhagen, M.M. Litvinov signed agreements not only with Great Britain but also with Denmark, Italy, France, Belgium, and Austria. In addition to resolving the issue of military and civilian prisoners, these agreements included a number of fundamental norms of international law. He also secured agreement for the dispatch of the first ship carrying vital medical supplies to the Soviet Republic, which significantly eased the economic blockade in place at the time. As plenipotentiary and trade representative in Tallinn, M.M. Litvinov performed a variety of duties, covering a wide range of activities, from politics and economic relations to countering White Guard elements on Estonian territory and arranging the supply of various goods. M.M. Litvinov's diplomatic activities from 1918 to 1921 demonstrate his transformation from an underground revolutionary and agitator into an experienced diplomat adept at defending the interests of Soviet Russia on the international stage. This period was marked by his participation in various conferences and negotiations, where he proved himself a skilled negotiator and an ardent defender of Soviet positions.*

Keywords: *Maxim Maksimovich Litvinov; People's Commissariat for Foreign Affairs; diplomatic activity; negotiations; agreements.*

**Volodko Anna Vyacheslavovna – Candidate of Law, Senior Research Fellow
at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.**

Russia, Moscow.

E-mail: avolodko@inbox.ru

Web of Science Researcher ID: AAV-7281-2020

Scopus Author ID: 57195673900

Максим Максимович Литвинов, настоящее имя Меер Генох Моисеевич Валлах, родился 17 [4] июля 1876 г. в городе Белостоке Гродненской губернии Российской империи в семье банковского служащего Моше Валлаха. Образование получил в хедере и реальном училище, после окончания которого в 1893 г. поступил вольноопределяющимся на службу в русскую армию, где познакомился с нелегальной литературой и получил первоначальные представления об основах марксизма. В 1898 г. был уволен с военной службы из-за обвинения в неподчинении, вызванного предполагаемым отказом выполнить приказ открыть огонь по бастующим рабочим в Баку [Роре 1943, р. 36–38].

В 1898 г. М. Валлах вступает в ряды социал-демократического движения и начинает свою подпольную деятельность. Был известен под псевдонима-

ми «Папаша», «Макс», «Максимович», «Феликс», «Ниц» и др. А под именем «Максим Максимович Литвинов» вошел в историю российской дипломатии. В 1898–1900 гг. работал бухгалтером в конторе пенькопрядильной фабрики Конторова в посаде Клиницы Черниговской губернии, населенном в основном старообрядцами. По мере возможности занимался просвещением ремесленников социал-демократическими идеями под видом организации кружков для обучения общим предметам малограмотных. В 1900 г., узнав, что им интересуется губернская жандармерия, опасаясь ареста, переезжает в Киев [Федоров, Шевель]. В Киеве активно занимается подпольной деятельностью, участвует в организации подпольной типографии. В 1900 г. вошел в состав Киевского городского комитета РСДРП, члены которого были арестованы в апреле 1901 г. В августе 1902 г. социал-демократы помогли своим соратникам совершить побег из Лукьяновской тюрьмы. После освобождения Литвинов уезжает в Цюрих, где знакомится с В.И. Лениным и становится одним из ключевых распространителей газеты «Искра» [Наринский, Васильева, Литвинов 2007, с. 179]. В апреле 1903 г. стал членом администрации Заграничной лиги русской революционной социал-демократии. В августе 1903 г., после проведения II съезда РСДРП, присоединился к большевистской фракции. В марте 1904 г. возвратился в Россию для осуществления подпольной деятельности, проживал в городах Новозыбкове, Вильно и Риге [Эрлихман 2024, с. 20]. В апреле 1905 г. Литвинов, в качестве представителя Рижской организации, принял участие в работе III съезда РСДРП, проходившего в Лондоне.

27 октября [9 ноября] 1905 г. М. М. Литвинов в сотрудничестве с Л. Б. Красиным основывает в Санкт-Петербурге первую официально зарегистрированную социал-демократическую газету фракции большевиков «Новая жизнь». За публикацию «Финансового манифеста» А. Л. Парвуса газета была закрыта в декабре 1905 г.

В феврале 1906 г. Литвинов выехал в Европу, по указанию партии занимался закупкой оружия и его тайной переправкой на территорию России. Поселился в Париже, посещал «Брюссель, Вену, Гамбург, Берлин, Гаагу, Софию» [Наринский, Васильева, Литвинов 2007, с. 180]. В мае 1907 г. М. М. Литвинов принял участие в работе V съезда РСДРП, проходившего в Лондоне, на котором произошло его знакомство с И. В. Сталиным.

4 января 1908 г. в Париже при попытке обмена денежных средств, происхождение которых связывали с ограблением Тифлиского отделения Госбанка, Литвинов был задержан французскими правоохранительными органами. Российское правительство направило запрос об экстрадиции Литвинова, однако реакция французских властей свелась к предписанию покинуть пределы Франции.

М. М. Литвинов переехал в Великобританию. Сначала преподавал английский и русский языки эмигрантам и английским рабочим, затем в 1909–1914 гг.

работал под именем Макса Гаррисона в известном британском издательстве «Уильямс и Норгейт» [Фонд М.М. Литвинова, л.1], специализировавшемся на публикации переводных произведений, включая русскую литературу. Возможность посещения разных стран в качестве сотрудника издательства использовалась Литвиновым в его партийной деятельности. Позже устроился торговым представителем в компанию, специализирующуюся на реализации сельскохозяйственного оборудования [Эрлихман 2024, с. 93].

В 1910 г. М.М. Литвинов принял активное участие в создании Герценовского кружка, объединившего русских эмигрантов, заняв должность его секретаря. М.М. Литвинов приобрел значительное влияние и прочно закрепился в качестве одной из центральных фигур русского Лондона. И.М. Майский писал: «Он [Litvinov 1918] успел хорошо овладеть английским языком, приобрести много местных связей, ориентироваться в деловой и политической обстановке столицы. Он был «своим» человеком в этом семимиллионном муравейнике. ... Максим Максимович все время поддерживал тесную связь с В.И. Лениным, переписывался с ним, получал от него директивы и указания» [Майский 1964, с. 152–153].

В 1913 г., по рекомендации В.И. Ленина, Литвинов был утвержден в качестве представителя Центрального Комитета РСДРП (б) в Международном социалистическом бюро. По поручению В.И. Ленина, принимал участие в различных мероприятиях, представляя партийную позицию. Этот период его деятельности ознаменовался активным участием в международном социалистическом движении и укреплением позиций большевиков на международной арене.

В результате Октябрьской революции 1917 г. в России произошло свержение Временного правительства и установление власти Советов, возглавляемых большевистской партией во главе с В.И. Лениным. Это событие стало переломным моментом в истории России и всего мира, ознаменовав начало новой эпохи социалистических преобразований.

II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, проходивший 25–27 октября [7–9 ноября] 1917 г., образовал Совет народных комиссаров во главе с В.И. Лениным. Первым наркомом по иностранным делам стал Л.Д. Троцкий. И уже 17 декабря [30 декабря] 1917 г. вышел приказ Л.Д. Троцкого о назначении Литвинова уполномоченным Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) в Лондоне [Фонд М.М. Литвинова, оп. 1, л. 1]. О своем назначении М.М. Литвинов узнал 4 [17] января 1918 г. из сообщения петроградской радиостанции [Наринский, Васильева, Литвинов 2007, с. 181]. Началась дипломатическая служба Максима Максимовича Литвинова.

5 [18] января 1918 г. М.М. Литвинов официально уведомил британское правительство о своем новом назначении, направив соответствующую ноту непосредственно министру иностранных дел Великобритании Артуру Баль-

фуру: «Л. Троцкий, народный комиссар иностранных дел России, декретом, переданным по радио, назначил меня временным полномочным представителем НКВД в Великобритании и поручил осуществлять попечение в отношении русского посольства и военной миссии в Лондоне» [Фонд М.М. Литвинова, оп. 41, л. 2]. Британское министерство иностранных дел не стало официально признавать его уполномоченным НКВД, так как «правительство Его Королевского Величества не нашло еще возможным признать г. Троцкого и его сотрудников законно установленным правительством» [Очерки.. 2002, т. 3, с. 342], однако дало согласие на поддержание отношений де-факто. Надо отметить, что в Великобритании сложилось двоевластие в плане дипломатического представительства России: К.Д. Набоков представлял свергнутое правительство, а М.М. Литвинов – пришедшее к власти новое. В то время на территории России отсутствовали английские дипломаты, и правительство Великобритании, соглашаясь на поддержание фактических взаимоотношений, добивалось разрешения направить своего представителя в Москву, в качестве которого вскоре был утвержден Брюс Локкарт.

М.М. Литвинов активно занимался созданием и налаживанием деятельности представительства Советской России в Лондоне. Максим Максимович вспоминал: «Итак, я стал полпредом, но у меня ничего не было: ни директив из Москвы, ни денег, ни людей. Излишне говорить, что у меня не было ни опыта, ни подготовки к дипломатической работе. Пришлось начинать буквально с пустого места. Прежде всего необходимо было установить какой-либо контакт с Москвой. Я воспользовался возвращением в Советскую Россию одного из товарищей по эмиграции для того, чтобы отправить с ним в только что народившийся Народный комиссариат иностранных дел письмо с просьбой об инструкциях и деньгах. С тем же товарищем я послал в НКВД шифр, составленный мной с помощью одного из симпатизировавших нам служащих бывшей царской военно-закупочной миссии в Лондоне. До того шифра у НКВД со мной не было, и все сношения между нами велись клерными телеграммами. Посланный мной шифр в Москве был несколько переделан и в дальнейшем разослан для пользования всем полпредам. Когда, таким образом, была создана возможность шифрованной переписки между мной и НКВД, наши отношения несколько укрепились. После долгих настояний с моей стороны в марте 1918 г. мне наконец было сообщено из Москвы, что НКВД посылает ко мне первого дипломатического курьера. ... Почта не привезла мне того, что я ожидал, но в одном отношении она разрешила мои трудности: я получил около двухсот тысяч царскими кредитками, которые в то время еще принимались в Лондоне. Теперь я мог по крайней мере приступить к организационному оформлению первого советского полпредства в Лондоне. Я снял для полпредства специальное помещение по адресу Виктория-стрит, 82, – до того полпредство находилось в моей частной квартире, – заказал бланки, печати и пригласил на работу

нескольких сотрудников. Секретарем полпредства была моя жена, которая вела всю английскую переписку, кроме того, в полпредстве работали еще три-четыре человека из числа товарищей-эмигрантов и бывших служащих царской военно-закупочной миссии. На дверях полпредства была вывешена табличка с надписью: «Русское народное посольство». Тут же помещалось консульство, которое именовалось «Русское народное консульство». Сам я присвоил себе титул «русский народный посол». Все эти наименования были моего собственного изобретения, ибо, повторяю, никаких указаний из Москвы, в том числе и указаний о моем официальном титуле, я не имел» [Шейнис 1989, с. 121–122].

М.М. Литвинов занимался решением большого круга различных задач: урегулированием ситуации со зданиями российского посольства и консульства, в которых находились дипломаты отстраненного от власти правительства; содействием в освобождении граждан РСФСР от обязанности проходить службу в британской армии и отправки на фронт; установлением дипломатических и торговых связей между двумя государствами и многими другими вопросами. Так, 31 января [13 февраля] 1918 г. Литвинов направил ноту министру иностранных дел А. Бальфуру, в которой, указав, что Соглашение, заключенное с Временным правительством под давлением союзников, «не применяется больше к британским подданным в России», и что «насильственное зачисление в армию русских, находящихся в этой стране» является неприемлемым, обратился с призывом «прекратить применение положений Соглашения к русским гражданам, находящимся в этой стране, и выпустить из казарм и тюрем тех русских, которые уже зачислены на военную службу» [Документы... 1957, с. 103–104].

М.М. Литвинов активно участвовал в митингах, распространял революционные листовки. Кроме того, в мае 1918 г. в Лондоне был издан труд М.М. Литвинова на английском языке «The Bolshevik Revolution: its Rise and Meaning»¹ [Litvinov 1918] с анализом революционных процессов, происходивших в России начиная с 1905 г., и трактовкой базовых принципов ленинской идеологии. Книга пользовалась спросом и была быстро распродана.

Представители Советской России в Лондоне активно развивали взаимодействие с различными английскими общественными движениями и профсоюзными организациями, передали копию Декрета о мире в редакции нескольких газет, занимались распространением информационных материалов о ситуации в России. Литвинов направил письма руководителям лейбористской партии и профсоюзного движения, выражая уверенность в том, что его деятельность получит одобрение и содействие со стороны английского рабочего класса.

1. «Большевистская революция: ее возникновение и значение».

Деятельность М.М. Литвинова в большей степени была ориентирована на взаимодействие с представителями рабочего класса Англии, чем с официальными властями. Такая позиция уполномоченного НКВД не всегда одобрялась советским руководством. 17 февраля 1918 г. Г.В. Чичерин в письме Литвинову указывал, что «свержение ига английского капитала – дело английских рабочих и не наше дело организовывать стачки в Англии» и вместе с тем далее писал, что интернациональная пропаганда и особенно его деятельность более ценна, чем признание Советского государства Великобританией [Очерки... 2002, т. 3, с. 344]. Подобная стратегия означала кардинальный отход от традиционных методов дипломатии, где важным принципом являлось невмешательство послов во внутренние дела принимающей страны [Вершинин 2022, с. 210]. В результате действия уполномоченного НКВД М.М. Литвинова воспринимались британским правительством как неприемлемые и впоследствии были указаны в качестве основания для ареста Литвинова и сотрудников советского представительства.

После заключения Брестского мирного договора, с начала весны 1918 г. правительство Соединенного Королевства стало активно проводить политику прямой военной интервенции. 6 марта 1918 г. в Мурманском порту с линкора «Глория» была произведена высадка британского подразделения морской пехоты. Численность десанта колебалась от 130 до 200 человек, в его составе имелись два легких орудия [Мурманск в 1918 году]. Этот прецедент обозначил начало присутствия войск Антанты на территории Мурманской области. Параллельно с этим осуществлялись враждебные действия на дальневосточных территориях. Критической ситуация стала из-за высадки японских и английских военных формирований во Владивостоке. В связи с этим М.М. Литвинов неоднократно направлял соответствующие официальные ноты А. Бальфуру, в которых выражал решительный протест против вмешательства во внутренние дела РСФСР. Литвинов также был вынужден решать вопрос о конфискации британским правительством российских пароходов. Напряжение нарастало. Начались задержания британских сотрудников, работающих в советских консульских структурах. Тревожной становилась атмосфера и вокруг советского представительства в Лондоне.

В начале сентября 1918 г. в Москве в связи с раскрытием «заговора послов» был арестован британский посланник Брюс Локкарт. В ответ на это британское правительство незамедлительно предприняло зеркальные шаги, и 6 сентября М.М. Литвинов и несколько сотрудников советского представительства были арестованы и заключены в Брикстонскую тюрьму. Надо отметить, что отношение там к Литвинову было достаточно мягким, что он сам подтверждал: «Обращение со мной в тюрьме было вполне приличное, а низший тюремный персонал относился ко мне с совершенно нескрываемой симпатией. Все они наперебой старались оказать мне какую-нибудь услугу, и поэтому мне

нетрудно было сноситься с городом через тюремные стены. Помню, один надзиратель в момент моего освобождения из тюрьмы убедительно просил меня взять его с собой для работы в Советской России» [Фонд М.М. Литвинова, оп. 24, л. 11–12]. После последующих обсуждений стороны пришли к соглашению об обмене арестованными.

25 октября 1918 г. сотрудники советского представительства в Лондоне вернулись в Москву, а в конце октября в Россию прибыл М.М. Литвинов. По возвращении в Россию М.М. Литвинов был принят В.И. Лениным, который определил его на службу в Народный комиссариат по иностранным делам. О начале своей работы Литвинов пишет: «Формально числюсь в НКВД, но никакой сколько-нибудь живой и полезной работы я там не нахожу. ... Мне кажется, что я мог бы быть полезным за границей...» [там же, оп. 24, л. 16].

В декабре 1918 г. М.М. Литвинов был направлен в Стокгольм, где по поручению советского правительства 23 декабря 1918 г. направил в посольства Великобритании, Франции, Италии, Японии и Соединенных Штатов Америки ноту с мирными предложениями. 24 декабря 1918 г. Максим Максимович направил ноту Президенту США В. Вильсону, в которой предлагалось «беспристрастно взвесить и обследовать односторонние обвинения против Советской России, придти к соглашению с Советским Правительством, убрать иностранные войска с русской территории и снять экономическую блокаду, ... помочь России вновь получить доступ к ее источникам снабжения и дать ей технические советы, как наиболее эффективно эксплуатировать ее естественные богатства на благо стран, остро нуждающихся в продуктах питания и в сырье» [Документы... 1957, с. 630]. Правительства государств, входивших в Антанту, а также Соединенных Штатов Америки, проигнорировали предпринятые Москвой дипломатические инициативы. В конце января 1919 г. дипломатическое представительство Советской России было выслано из нейтральной Швеции. Данный шаг явился следствием присоединения Швеции к политике экономической и дипломатической изоляции России, проводимой странами Антанты.

Не дали позитивных результатов и переговоры с посланником американской администрации У. Буллитом, проходившие с участием М.М. Литвинова в марте 1919 г. в Москве.

Практически сразу после завершения переговорного процесса с Буллитом, Литвинов временно отошел от дипломатической деятельности. 14 марта 1919 г. постановлением СНК Максим Максимович Литвинов был назначен членом коллегии Народного комиссариата государственного контроля [Декреты... 1968, с. 667], при этом он также остался на службе в НКВД.

24 апреля 1919 г. постановлением СНК М.М. Литвинов был назначен членом коллегии Народного комиссариата по иностранным делам [Декреты... 1971, с. 624].

31 августа 1919 г. народный комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин направил ноту правительству Эстонии с предложением мирных переговоров, «которые имели бы целью установить границы Эстляндского государства, пределы нейтральной зоны между русскими и эстляндскими войсками, формы контроля над местностью, включенной в нейтральную зону, а также другие детальные вопросы на базисе неуклонного признания независимости Эстляндского государства правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Взамен эстонская сторона должна была прекратить участвовать в военных действиях по указанию Антанты против Советской России [Документы... 1958, с. 242–243]. 5 сентября 1919 г. правительство Эстонской республики дало согласие о начале мирных переговоров с РСФСР. 17 сентября 1919 г. в Пскове начались советско-эстонские переговоры. Советскую делегацию возглавлял М.М. Литвинов. Переговоры проходили в напряженной обстановке, чувствовалась «нерешительность и несамостоятельность эстонского правительства, находившегося в сильной зависимости от Англии, а также недоверчивое отношение к нашим мирным предложениям» [Фонд М.М. Литвинова, оп. 24, л. 21].

В связи с продвижением Северо-Западной армии под командованием генерала Н.Н. Юденича в направлении Петрограда, советская сторона сочла необходимым приостановить ведение переговоров и в срочном порядке вернуться домой². Несмотря на отсутствие конкретных результатов, псковская встреча продемонстрировала перспективу урегулирования разногласий посредством дипломатических усилий.

Надо отметить, что 16 ноября 1919 г. в Ревеле прошла конфиденциальная личная встреча заместителя министра иностранных дел Эстонии А. Пийпа с представителем Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР М.М. Литвиновым [Граф 2007, с. 286].

По предложению Великобритании, 25 ноября 1919 г. в Копенгагене начались англо-советские переговоры об обмене военнопленными. Советскую делегацию возглавлял М.М. Литвинов, английскую – лейборист Дж. О’Грейди, чьи взгляды совпадали с позицией Д. Ллойд-Джорджа, стремившегося к установлению связей с Советской Россией. Правительства Франции и Бельгии также направили своих представителей для переговоров с представителем РСФСР.

22 декабря 1919 г. Литвинов проинформировал Москву о ходе переговоров с английскими представителями: «О посылке О’Грейди в Копенгаген для переговоров со мной, совпавшей с некоторым поворотом английской политики

2. Переговоры были возобновлены 5 декабря 1919 г. в режиме закрытых дверей. Основные споры вызывали пограничные вопросы. Итогом стало подписание 31 декабря 1919 г. соглашения о перемирии между РСФСР и Эстонской Республикой, предусматривавшего приостановку военных действий на семь дней.

в русском вопросе вся европейская пресса усмотрела попытку со стороны Англии вступить в сепаратные переговоры с нами и сюда съехались корреспонденты печати всех стран. Сильно встревожилась Франция, потребовавшая от Англии категорических заверений в том, что Конференция не выйдет за пределы обмена пленными. О'Грейди были даны соответствующие инструкции. Вследствие этого, общие вопросы на Конференции не затрагивались. Из частных бесед с О'Грейди я вынес впечатление, что английское правительство не прочь радикально изменить свое отношение к Советской России, но, что, считаясь с непримиримостью Клемансо, оно будет это делать осторожно и постепенно. Можно ожидать в первую очередь снятия блокады со стороны Англии, а может быть, и Верховного Совета во Франции. Мне удалось через О'Грейди добиться официального заявления английского правительства, что оно не будет препятствовать Эстонии и другим Балтийским странам заключить с нами мир» [Фонд М.М. Литвинова, оп. 1, л. 6].

В результате сложных и продолжительных переговоров М.М. Литвинову удалось добиться заключения шести соглашений. Помимо решения вопроса, касающегося военных и гражданских пленников, данные соглашения включали в себя ряд международно-правовых норм, имеющих принципиальное значение.

Первое соглашение было заключено с Данией 18 декабря 1919 г. [Документы... 1958, с. 308–309].

В соответствии с соглашением с Великобританией, подписанным 12 февраля 1920 г., были приняты следующие обязательства: во-первых, гарантировать Советской власти передачу русских военнопленных и гражданских служащих, попавших в плен после высадки британских войск в северных областях России и удерживаемых под контролем архангельской администрации; во-вторых, предоставить содействие в виде морской транспортировки для репатриации российских граждан, находящихся в статусе пленных в Дании, Нидерландах, Бельгии и Швейцарии; в-третьих, при создании в Берлине международного комитета по возвращению русских военнопленных, поддержать требование советского правительства о равном представительстве в данном комитете, наряду с другими участниками, с обеспечением возможности взаимодействия с собственным правительством [там же, с. 364–367].

20 апреля 1920 г. заключили официальное соглашение Франция [Документы... 1958, с. 462] и Бельгия [Сборник... 1924, с. 218]. Еще до подписания соглашения, в связи с проводимой враждебной политикой правительствами этих стран в отношении РСФСР, Советское правительство выдвинуло требование к обоим государствам о предоставлении официального подтверждения прекращения любых недружественных акций, направленных против Советской Республики и соблюдения нейтралитета в случае военного конфликта РСФСР с другим государством. Франция и Бельгия вынуждены были предоставить требуемые гарантии в форме письменного заявления.

Соглашение с Италией было оформлено 27 апреля 1920 г. [Документы... 1958, с. 485–488], за ним последовало заключение соглашения с Венгрией 21 мая 1920 г. [Сборник... 1924, с. 219–220], а затем и с Австрией 5 июля 1920 г. В контексте реализации договоренностей с австрийской стороной, предусматривалось: «представительство каждой договаривающейся стороны в месте пребывания центральной власти, пользующееся правом экстерриториальности, включая право свободного и беспрепятственного сношения со своим правительством по радиотелеграфу с помощью шифра» [Сборник... 1924, с.].

Таким образом были заключены важные соглашения об обмене военнопленными и интернированными лицами не только с Великобританией, но и с Австрией, Италией, Францией и Бельгией. Российские граждане, оказавшиеся за рубежом в результате Первой мировой войны, получили возможность вернуться на родину.

Дополнительно усилиями М.М. Литвинова было достигнуто согласие на отправку первого корабля с жизненно важными медикаментами в Советскую Россию, что явилось существенным ослаблением действовавшей в то время экономической блокады. В дальнейшем Верховным советом стран Антанты изоляция была официально снята.

Находясь в Копенгагене, Литвинов активно взаимодействовал с европейскими предпринимателями, стремясь к установлению деловых контактов и заключению коммерческих соглашений с компаниями Дании, Швеции и Италии.

Народный комиссар Г.В. Чичерин давал высокую оценку деятельности, осуществляемой Литвиновым в Копенгагене. В письме В.И. Ленину он отмечал: «По-моему, во что бы то ни стало Литвинов должен остаться за границей: его пребывание за границей имеет для нас прямо-таки неоценимое значение, он один дает нам постоянную замечательно проницательную информацию о каждом биении пульса мировой политики» [Очерки... 2002, т. 3, с. 345–346].

Советская Республика проявляла заинтересованность в установлении экономических связей со странами Западной Европы. Преследуя цели восстановления разрушенной экономики после Гражданской войны и привлечения иностранных инвестиций, правительство РСФСР рассматривало западноевропейские государства как потенциальных торговых партнеров. После подписания Тартуского договора [Володько 2022] и обмена ратификационными грамотами, который состоялся в Москве 30 марта 1920 г., были установлены дипломатические отношения между Эстонской Республикой и РСФСР.

Эстония представляла большой интерес для Советской России, так как после подписания договора играла ключевую роль в качестве канала связи между РСФСР и Европой. Через эстонскую территорию осуществлялся возобновленный товарооборот между Россией и европейскими странами, включая как официально разрешенную, так и нелегальную торговлю.

27 ноября 1920 г. эстонское Учредительное собрание, возглавляемое Антсом Пийпом, обратилось к Москве с инициативой налаживания дипломатических связей между Эстонией и Россией. 6 декабря от наркома по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина поступил ответ, уведомляющий эстонскую сторону о согласии Советской России на данное предложение. Официальное установление регулярных дипломатических и консульских отношений между РСФСР и Эстонией состоялось 13 января 1921 г. после передачи назначенным полномочным и торговым представителем Советской России в Эстонской Республике М.М. Литвиновым верительных грамот, подписанных В.И. Лениным 24 декабря 1920 г., государственному старейшине Эстонии Антсу Пийпу [Тамби 2020]. При его непосредственном участии был решен вопрос об обмене военнопленными с Эстонией, Латвией и Литвой.

За период десятимесячного пребывания М.М. Литвинова на должностях полпреда и торгпреда в Таллине, в Советскую Россию из Эстонии было поставлено приблизительно 36 тыс. тонн разнообразных продовольственных и хозяйственных товаров. Учитывая транзитные поставки, согласованные с М.М. Литвиновым и закупленные в иных странах для отправки в РСФСР через эстонскую территорию, общий объем грузов превысил 185 тыс. тонн [Тамби 2020].

Деятельность М.М. Литвинова в Таллине отличалась исключительной разнообразностью: от вопросов политики и экономического сотрудничества до пресечения действий белогвардейцев на эстонской территории и организации закупок различной продукции.

Понимая значимость сохранения существующих договоренностей, Литвинов стремился избегать эскалации напряженности в отношениях с правительством Эстонии. Однако, в связи с ростом числа провокаций со стороны белогвардейцев, Литвинов вынужден был обращаться к эстонскому правительству с официальными запросами. Так, 10 марта 1921 г. на имя министра иностранных дел А. Пийпа была составлена нота протеста следующего содержания: «Я получил совершенно точные сведения, что на территории Эстонской Демократической Республики производится формирование воинских частей из остатков бывшей северо-западной армии. По мысли инициаторов этого формирования новые воинские части должны быть в самом ближайшем будущем отправлены в Кронштадт на поддержку восставших против Российского Советского Правительства мятежников. Таким образом преступные элементы собираются превратить Эстонию в базу для враждебных действий против Российской Республики. Доволя об этом до Вашего сведения и обращая Ваше внимание на эти явно враждебные к России действия, производящиеся на территории Эстонской Демократической Республики, я позволяю себе выразить твердую уверенность, что Вы не преминете принять в срочном порядке самые строгие меры к прекращению начавшегося уже формирования и к привлечению виновных лиц к ответственности по закону» [Документы... 1959, с. 586–587].

Постановлением Совета Народных Комиссаров от 10 мая 1921 г. М. М. Литвинов был назначен на должность заместителя народного комиссара по иностранным делам. Параллельно с этим, он продолжал исполнять свои обязанности в Таллине до 12 сентября 1921 г.

Дипломатическая служба М. М. Литвинова в период с 1918 по 1921 г., предшествовавшего его назначению на пост заместителя наркома иностранных дел, демонстрирует последовательную эволюцию революционера и пропагандиста в опытного дипломата, способного отстаивать интересы Советской России на международной арене.

К 1921 г. Максим Максимович Литвинов уже являлся видной фигурой в советском руководстве. Его опыт революционной борьбы, знание иностранных языков и умение вести переговоры сделали его незаменимым для решения сложных задач внешней политики. Назначение на пост заместителя наркома по иностранным делам стало закономерным признанием его заслуг и свидетельством того, что именно ему предстоит сыграть важную роль в становлении советской дипломатии и укреплении позиций Советской России на мировой арене.

Библиография

Вершинин А. А. Становление советской дипломатической культуры (1917–1939 гг.) // *Контур*ы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 206–225.

Володько А. В. «Юрьевский мир» между Россией и Эстонией // *Новая и новейшая история*. 2022. № 3. С. 140–150.

Граф М. Эстония и Россия 1917–1991: анатомия расставания. Таллинн: Арго, 2007. 536 с.

Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М.: Политиздат, 1968. 730 с.

Декреты Советской власти. Т. V. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М.: Политиздат, 1971. 703 с. С. 624.

Декреты Советской власти. Т. XV. Май 1921 г. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 432 с. С. 382.

Десять лет советской дипломатии (акты и документы). М.: Литиздат Наркоминдела, 1927. 126 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. 771 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 2. 1 января 1919 – 30 июня 1920 г. М.: Госполитиздат, 1958. 803 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М.: Госполитиздат, 1959. 723 с.

Майский И. М. Воспоминания советского посла: В 2-х книгах. Кн. 1. М.: Наука, 1964. 461 с.
URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/BXduqfoVosDpiqaPvYUGwmi8B-Ne9hP-IHjzMI6t2eouHY-6QE2AAyurp9Jqt17_2jXqfwHxq7AdXWVHgFVduhRWeI4iJYJQ2p0mbCRkVGEgq194/Mayskiy_I_M_-_Vospominania_sovetskogo_posla_V_2-kh_knigakh_Kniga_1_Puteshestvie_v_proshloe_-_1964.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

Мурманск в 1918 году // Интернет-проект Мурманск в деталях: самые интересные факты истории. URL: <https://o-murmansk.ru/10-murmansk-v-1918-godu.html> (дата обращения: 07.04.2024).

Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов – блестящий дипломат, выдающийся нарком // *Известные дипломаты России: Министры иностранных дел – XX век*. М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2007. С. 179–227.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2: 1917–2002 гг. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 624 с.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 3 т. Т. 3. 1802–2002. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 419 с.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. 1. Действующие договоры, вступившие в силу до 1-го января 1924 года. М.: Литиздат Н.К.И.Д., 1924. 436 с.

Тамби С.А. К 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Эстонией // *Международная жизнь*. 2020. № 7. С. 46–67. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2370> (дата обращения: 12.05.2024).

Федоров В., Шевель А. Как 90 лет назад Клинцы чуть не переименовали. 25 апреля 2025 // Историко-исследовательский проект Хроноскоп. URL: <https://chronoscop.ru/kak-90-let-nazad-klincy-chut-ne-pereimenovali/> (дата обращения: 30.04.2025).

Фонд М.М. Литвинова // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 1. Д. 1.

Фонд М.М. Литвинова // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 24. Д. 1.

Фонд М.М. Литвинова // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 41. Д. 2.

Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989. 432 с. URL: [https://prussia.online/Data/Book/ma/maksim-maksimovich-litvinov/Шейнис%20З.С.%20Максим%20Максимович%20Литвинов.%20Революционер,%20дипломат,%20человек%20\(1989\),%20OCR.pdf](https://prussia.online/Data/Book/ma/maksim-maksimovich-litvinov/Шейнис%20З.С.%20Максим%20Максимович%20Литвинов.%20Революционер,%20дипломат,%20человек%20(1989),%20OCR.pdf) (дата обращения: 07.01.2024).

Эрлихман В.В. Максим Литвинов. От подпольщика до наркома. М.: ООО «Издательство «Вече», 2024. 504 с.

Litvinov M.M. *The Bolshevik Revolution: its Rise and Meaning*. London: British Socialist Party, 1918. 54 p.

Pope A.U. *Maxim Litvinoff*. New York: L.B. Fischer, 1943. 530 p.

References

Dekrety Sovetskoj vlasti. T. IV. 10 noyabrya 1918 g. – 31 marta 1919 g. [Decrees of the Soviet government. T. IV. November 10, 1918 – March 31, 1919]. M.: Politizdat, 1968. 730 p. (In Russ.)

Dekrety Sovetskoj vlasti. T. V. 1 aprelya – 31 iyulya 1919 g. [Decrees of the Soviet government. T. V. April 1–July 31, 1919]. M.: Politizdat, 1971. 703 p. P. 624. (In Russ.)

Dekrety Sovetskoj vlasti. T. XV. Maj 1921 g. [Decrees of the Soviet government. T. XV. May 1921]. M.: Editorial URSS, 1999. 432 c. S. 382. (In Russ.)

Desyat' let sovetskoj diplomatii (akty i dokumenty) [Ten years of Soviet diplomacy (acts and documents)]. M.: Litizdat Narkomindela, 1927. 126 p. (In Russ.)

Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 1: 7 noyabrya 1917 g. – 31 dekabrya 1918 g. [Documents of the USSR Foreign Policy. Vol. 1: November 7, 1917 – December 31, 1918]. M.: Gospolitizdat, 1957. 771 p. (In Russ.)

Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 2. 1 yanvarya 1919 – 30 iyunya 1920 g. [Documents of the USSR Foreign Policy. Vol. 2. January 1, 1919 – June 30, 1920]. M.: Gospolitizdat, 1958. 803 p. (In Russ.)

Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 3: 1 iyulya 1920 g. 18 marta 1921 g. [Documents of the USSR Foreign Policy. Vol. 3: July 1, 1920 – March 18, 1921]. M.: Gospolitizdat, 1959. 723 p. (In Russ.)

Erlihman V.V. *Maksim Litvinov. Ot podpol'shchika do narcoma* [Maxim Litvinov. From Underground Member to People's Commissar]. M.: ООО «Izdatel'stvo «Vechе», 2024. 504 p. (In Russ.)

Fedorov V., Shevel' A. *Kak Klinцы 90 let nazad Klinцы chut' ne pereimenovali*. 25 aprelya 2025. *Istoriko-issledovatel'skij proekt Hronoskop* [Fedorov V., Shevel A. How Klinty was almost renamed 90 years ago. April 25, 2025. Historical research project Chronoscope]. URL: <https://>

chronoscop.ru/kak-90-let-nazad-klincy-chut-ne-pereimenovali/ (date of access: 30.04.2025). (In Russ.)

Fond M.M.Litvinova [Fond M.M.Litvinov]. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). F. 05. Inv. 1. F. 1. (In Russ.)

Fond M.M.Litvinova [Fond M.M.Litvinov]. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). F. 05. Inv. 24. F. 1. (In Russ.)

Fond M.M.Litvinova [Fond M.M.Litvinov]. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). F. 05. Inv. 41. F. 2. (In Russ.)

Graf M. Estoniya i Rossiya 1917–1991: anatomiya rasstavaniya [Estonia and Russia 1917–199: The Anatomy of Parting]. Tallinn: Argo, 2007. 536 s. (In Russ.)

Litvinov M.M. The Bolshevik Revolution: its Rise and Meaning. London: British Socialist Party, 1918. 54 p.

Majskij I.M. Vospominaniya sovetskogo posla: V 2-h knigah. Kn. 1 [Memories of the Soviet Ambassador: In 2 books. Book 1]. M.: Nauka, 1964. 461 s. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/BXduqfoVosDpiqaPvYUGwmi8B-Ne9hP-IHjzMI6t2euoHY-6QE2AAAYurp9Jqt17_2jXqfwHx-q7AdXWVHgFVduhRWel4iJYJYQ2p0mbCRkVGEgq194/Mayskiy_I_M_-_Vospominania_sovetskogo_posla_V_2-kh_knigakh_Kniga_1_Puteshestvie_v_proshloe_-_1964.pdf (date of access: 02.03.2024). (In Russ.)

Murmansk v 1918 godu. Internet-proekt Murmansk v detalyah: samye interesnye fakty istorii [Murmansk in 1918. Internet-project Murmansk in detail: the most interesting facts about history]. URL: <https://o-murmansk.ru/10-murmansk-v-1918-godu.html> (date of access: 07.04.2024). (In Russ.)

Narinskij M.M., Vasil'eva N.Yu. M.M. Litvinov – blestyashchij diplomat, vydavushchij narkom. Izvestnye diplomaty Rossii: Ministry inostrannyh del – HH vek [M.M. Litvinov – a brilliant diplomat, an outstanding people's commissar. Famous diplomats of Russia: Ministers of Foreign Affairs – 20th century]. M.: OAO «Moskovskie uchebniki i Kartolitografiya», 2007. P. 179–227. (In Russ.)

Ocherki istorii Ministerstva inostrannyh del Rossii. T. 2: 1917–2002 gg. [Essays on the History of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Vol. 2: 1917–2002]. M.: OLMA-Press, 2002. 624 p. (In Russ.)

Ocherki istorii Ministerstva inostrannyh del Rossii. V 3 t. T. 3. 1802–2002 [Essays on the History of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. In 3 volumes. Vol. 3. 1802–2002]. M.: Olma-press, 2002. 419 p. (In Russ.)

Pope A. U. Maxim Litvinoff. New York: L.B. Fischer, 1943. 530 p.

Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. 1. Dejstvuyushchie dogovory, vstupivshie v silu do 1-go yanvarya 1924 goda [Collection of current treaties, agreements, and conventions concluded with foreign states. Issue 1. Current treaties that entered into force before January 1, 1924]. M.: Litizdat N.K.I.D., 1924. 436 p. (In Russ.)

Shejnis Z.S. Maksim Maksimovich Litvinov: revolyucioner, diplomat, chelovek [Maxim Maximovich Litvinov: revolutionary, diplomat, man]. M.: Politizdat, 1989. 432 p. URL: [https://prussia.online/Data/Book/ma/maksim-maksimovich-litvinov/Шейнис%203.%20Максим%20Максимович%20Литвинов.%20Революционер,%20дипломат,%20человек%20\(1989\),%20OCR.pdf](https://prussia.online/Data/Book/ma/maksim-maksimovich-litvinov/Шейнис%203.%20Максим%20Максимович%20Литвинов.%20Революционер,%20дипломат,%20человек%20(1989),%20OCR.pdf) (date of access: 07.01.2024). (In Russ.)

Tambi S.A. K 100-letiyu ustanovleniya diplomaticheskikh otnoshenij mezhdru Rossiej i Estoniej [On the 100th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Estonia]. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Affairs]. 2020. N 7. P. 46–67. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2370> (date of access: 12.05.2024). (In Russ.)

Vershinin A.A. Stanovlenie sovetskoj diplomaticheskoy kul'tury (1917–1939 gg.) [The Formation of Soviet Diplomatic Culture (1917–1939)]. Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. 2022. N 5. P. 206–225. (In Russ.)

Volod'ko A.V. «Yur'evskij mir» mezhdru Rossiej i Estoniej [“Yurevsky Peace” between Russia and Estonia] Novaya i novejšhaya istoriya [New and Modern History]. 2022. N 3. P. 140–150. (In Russ.)

А.К. Магомедов

**РОЖДЕНИЕ «ПОСТФЕВРАЛЬСКОЙ» АРКТИКИ:
СЕМЬ ПУТЕЙ, КОТОРЫЕ ИЗМЕНИЛИ КРАЙНИЙ СЕВЕР**

Аннотация. Цель данной работы – исследовать реальный масштаб и природу изменений в арктической политике, вызванных началом российской Специальной военной операции на Украине (СВО). Автором вводится в научный оборот понятие «постфевральская Арктика», позволяющее приблизиться к пониманию драматических изменений в регионе Крайнего Севера, которые произошли после 24 февраля 2022 г., в результате начала активной фазы российско-украинского военного конфликта.

Представление об изменениях, происходящих в регионе со всей их сложностью и неопределенностью, можно получить при изучении ряда заметных последствий или воздействий с момента начала СВО. Ключевой вопрос исследования: «Верно ли, что украинские события меняют Арктику и международный порядок в регионе настолько, что можно говорить о появлении “постфевральской Арктики”»? При положительном варианте ответа дополнительный вопрос: «Какими процессами и какими понятиями можно описать указанную динамику?».

В ходе исследования автором сформулировано семь ключевых концептуальных тезисов, отражающих уникальный и беспрецедентный характер «постфевральских» изменений в Арктике. Подчеркивается непредсказуемый и во многом шокирующий характер процессов в современной Арктике, порожденных неожиданным началом СВО.

Ключевые слова: «арктическая исключительность»; «постфевральская» Арктика; нелинейность; Специальная военная операция на Украине; Российская Федерация; Китайская Народная Республика; НАТО.

Магомедов Арбахан Курбанович – доктор политических наук, главный научный сотрудник, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета; профессор кафедры философии, политологии, социологии имени Г.С. Арефьевой Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт (НИУ МЭИ)». Россия, Москва; приглашенный профессор Центра изучения Северо-Восточной Азии университета Тохоку (Япония).
E-mail: armagomedov@gmail.com
Scopus Author ID: 7005785822

Magomedov A.K.

The Formation of the “postFebruary” Arctic: Seven Paths that Changed the Far North

***Abstract.** The purpose of this work is to study the real scale and nature of the changes in Arctic policy caused by the launch of the Russian Special Military Operation in Ukraine (SMO). The author introduces into academic discourse the concept of the “postFebruary Arctic” in order to facilitate a better understanding of the dramatic changes that occurred in the Far North after February 24, 2022, as a result of the active phase of the Russian-Ukrainian military conflict.*

The complexity and uncertainty of the changes taking place in the region can be explored by examining several notable consequences or impacts following the launch of the SMO. The key question of this study is: “Is it true that the events in Ukraine are changing the Arctic and the regional international order to such an extent that we can speak of the emergence of a ‘post-February Arctic’?” If the answer is affirmative, an additional question arises: “What processes and concepts can be used to describe these dynamics?”.

In the course of the research, the author formulated seven key conceptual theses, each of which reflects the unique and unprecedented nature of the “postFebruary” changes in the Arctic. The unpredictable and even shocking character of the processes in the contemporary Arctic, triggered by the unexpected launch of the SMO, is emphasized.

Keywords: «Arctic exceptionalism»; «postFebruary» Arctic; non-linearity; Special military operation in Ukraine; Russian Federation; People’s Republic of China; NATO.

Magomedov Arbakhan Kurbanovich – Doctor of Politics, Professor, Senior Researcher of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy of the Russian State University for the Humanities; Professor of Department of Philosophy, Political Science, and Sociology named after G.S. Arefieva of the National Research University “Moscow Power Engineering Institute (NRU MPEI)”. Russia, Moscow; Visiting Professor of Center for Northeast Asian Studies (CNEAS) of Tohoku University (Japan).

E-mail: armagomedov@gmail.com

Scopus Author ID: 7005785822

Введение

Для стороннего наблюдателя вопрос о влиянии украинских событий на Арктику может показаться неожиданным и даже неуместным с точки зрения международной безопасности. В самом деле, каким образом события в Восточной Европе могут повлиять на ситуацию в Арктике? Однако уже спустя несколько дней после начала российской Специальной военной операции на Украине (СВО) стали появляться предупреждения о последствиях этих событий для Арктики и надвигающемся на регион кризисе, а реальность в итоге превзошла самые худшие ожидания. Российско-украинский военный конфликт оказал ошутимое и неожиданное воздействие на регион Крайнего Севера. Он

подчеркнул стратегическую важность Арктики и одновременно разрушил структуры сотрудничества между западными полярными странами и Российской Федерацией, включая Арктический совет.

Для описания масштабов указанных изменений на Крайнем Севере мы предлагаем новый объяснительный термин – «постфевральская» Арктика. Цель данной статьи – выявить и исследовать глубину и серьезность изменений в Арктическом регионе после начала СВО. Основной вопрос исследования: «Можно ли говорить о рождении “постфевральской” Арктики»? И, если да, то второй вопрос: «Что делает постфевральскую Арктику “постфевральской”?»).

В последние годы появилось множество работ, в которых рассматривается взаимосвязь российско-украинского конфликта с Арктикой. Не анализируя подробно основные направления этих исследований, объединим их под общим названием «Украинский кризис движется на Север» (см., например: [Cinciripini 2022, McVicar 2022; Wishnik, Carlson 2022; Shvets, Hossain 2022; Zellen 2023; Магомедов, Шапаров 2024; Pedersen, Steinveg 2024]). Однако, к сожалению, в указанных работах не предлагается новая объяснительная терминология для комплексного изучения изменений международно-политического порядка в Арктике после начала СВО. Для того, чтобы приблизиться к лучшему пониманию данных процессов мы будем использовать понятие «постфевральская Арктика». Этим термином мы подчеркиваем эпохальность и значимость событий, последовавших после 24 февраля 2022 г. для полярного мегарегиона. Данным понятием мы обозначаем процесс, а не результат, поскольку этот процесс еще не окончен.

С началом СВО в Арктику пришли постфевральские реалии, которые стремительно меняют политическую ситуацию на Крайнем Севере. Ни одно событие постсоветских десятилетий, которое казалось «поворотным» (распад СССР, события 11 сентября 2001 г., августовская война 2008 г. в Южной Осетии, крымские события 2014 г.), не повлияло на изменение характера международных отношений в Арктике так, как начало российско-украинского конфликта. Мы предлагаем семь основных сюжетов, которые, на наш взгляд, составляют суть «постфевральских» изменений в Арктике.

Конец «арктической исключительности»

Состояние мира и стабильности, царившее в Арктике после окончания «холодной войны» до 24 февраля 2022 г. было концептуализировано с помощью термина «арктическая исключительность». Это означает, что Крайний Север рассматривался в качестве региона, относительно изолированного от глобальной политики и международных конфликтов. С отмеченных позиций он характеризовался как аполитичное пространство регионального управления, функционального сотрудничества и мирного сосуществования.

Арктический регион, однако, не был свободен от противоречий, ресурсных претензий, милитаризации и международно-правовых споров между прибрежными государствами. Дебаты по указанным проблемам до сих пор связаны с правами на рыболовство, спорами о континентальном шельфе и юрисдикцией над морским дном в центральной части Северного Ледовитого океана. Тем не менее, несмотря на перечисленные обстоятельства и на периодически возникающие споры о суше, море и ресурсах, Арктика в целом оставалась свободной от межгосударственного насилия и военных конфликтов.

Традиционные теории международных отношений были не в состоянии дать объяснение такому состоянию. Ученые-конструктивисты предположили, что это «исключительный случай» в том смысле, что в других регионах мира эти изменения и споры приводят к насильственным конфликтам [Crawford 2021, p. 470]. Некоторые аналитики даже настаивали на том, что такая форма международно-политических отношений представляет собой альтернативную форму международного взаимодействия и регионального управления. Финский политолог Л. Хейнинен даже заявил, что принцип «арктической исключительности» может стать образцом для подражания в современных международных отношениях: «Глобализированная стабильная Арктика является исключительным политическим пространством в международных отношениях и уже в силу этого может стать неоценимым активом для мировой политики» [Heininen 2018, p. 233]. Аналогичную точку зрения выразил норвежский специалист по арктическим международным отношениям Р. Бертельсен [Bertelsen 2019, p. 251, 264–265]. По его мнению, такой аргумент как сотрудничество, основанное на знаниях и научной дипломатии, способен превратить Арктику в лабораторию глобального управления.

Российско-украинский конфликт подорвал саму идею «арктической исключительности». Оказалось, что арктическая подсистема международных отношений связана с глобальной политикой намного сильнее, чем это представлялось прежде. Выяснилось, что события в других регионах планеты (в данном случае, на Украине) могут изменить характер и динамику международных отношений в Арктике. В итоге наметилось четкое разделение экспертов на две группы: тех, кто считает, что прежний порядок управления необратимо разрушен, и тех, кто настаивает на сохранении «арктической исключительности». Так, Э.Т. Блум, сотрудник в 1991–2020 гг. Государственного департамента США, который помог создать Арктический совет как институт, обеспечивавший «безопасное пространство» для решения «арктических вопросов», утверждает, что «в результате действий России» на Украине «сотрудничество в нормальном режиме больше невозможно» [Wishnik, Carlson 2022, p. 60]. Российские официальные лица также настроены весьма пессимистично в отношении возобновления перспективного взаимодействия в Арктике. Например, А.Ю. Дробинин, директор департамента внешнеполитического планирования

Министерства иностранных дел Российской Федерации (с 2021 г.), сказал: «Период конструктивного сотрудничества между Россией и западными странами ушел навсегда, независимо от исхода российской специальной военной операции на Украине» [МИД РФ 2022].

Среди важнейших изменений, которые позволяют говорить о провале идеи «арктической исключительности», особое место занимает упадок Арктического совета, который был ключевой структурой международно-политической координации в регионе Крайнего Севера после завершения холодной войны.

Деградация Арктического совета и других полярных институтов

События, связанные с началом СВО, оказали наиболее разрушительное воздействие на Арктический совет – ведущий международный институт в полярном мегарегионе. Дополнительный драматизм этому событию придавало то, что Российская Федерация председательствовала в организации (май 2021 – май 2023 гг.). Эксперты и дипломаты ожидали, что арктическое сотрудничество возобладает, а российское председательство будет плодотворным. Еще до вступления России на пост председателя Арктического совета, в 2018 г. европейское отделение американской корпорации РЭНД (RAND, Reserch and Development) организовало командно-штабные учения по тестированию факторов, которые могли бы нарушить сотрудничество в Арктике в предстоящие 2020-е годы. Вывод, сделанный в ходе учений, свелся к тому, что риски серьезного напряжения в Арктике в предстоящее десятилетие явно преувеличены [Pezard, Tingstad, Hall 2018, p. 3, 13, 16]. Ожидания были столь оптимистичными, а настроения столь радужными, что накануне СВО – 2 февраля 2022 г. – Арктический совет был выдвинут на Нобелевскую премию мира. Однако последствия российско-украинского конфликта оказались сокрушительными для Арктического совета. Уже 3 марта 2022 г. семь арктических государств (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, США, Финляндия, Швеция) выступили с заявлением, осудившим российские действия в отношении Украины. Все постоянные члены этой организации, кроме России, приняли беспрецедентное решение «приостановить свое участие во всех заседаниях совета и его вспомогательных органах» [Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine 2022]. Данный шаг означал, что российско-украинский конфликт начал разрушать систему управления и стратегической координации в Полярном регионе, центральным звеном которой являлся Арктический совет.

С момента своего создания в 1996 г. Арктический совет был нечто большим, чем просто модель взаимодействия полярных государств. Его особый вклад в управление Полярным регионом основывался на разнообразном, многоуровневом сотрудничестве между самими коренными народами циркумполярного мира, работающими в партнерстве с разнообразной группой государств –

от микросоциальных до средних держав и сверхдержав, от демократий до авторитарий (с учетом довольно длинного списка стран-наблюдателей в данной структуре). Результатом работы этой уникальной организации стали более четверти века преимущественно плодотворного сотрудничества между государствами по различным вопросам – от спасательных операций в северных морях до устойчивого развития и охраны окружающей среды.

Российская сторона «постфевральскую» приостановку работы Арктического совета считала иррациональным шагом, выразив чувства удивления и непонимания. Москва утверждала, что эта организация, выполняющая преимущественно гуманитарную, правозащитную, экологическую миссию, должна стоять выше конфликтов, происходящих в других местах планеты, в данном случае – на Украине. Однако в итоге обе стороны ошиблись: Запад – с завышенными ожиданиями по поводу сотрудничества в Арктике и недооценкой российских намерений; Россия – с уверенностью в «арктической исключительности» и предположениями, что российско-украинский конфликт, как и после 2014 г., не затронет Арктику. Посол Министерства иностранных дел Российской Федерации по особым поручениям (в 2018–2024 гг.) Н.В. Корчунов заявил, что Россия может выйти из Арктического совета при деструктивном поведении Запада и нарушении ее прав как страны – члена организации [В МИД РФ заявили... 2023].

Справедливости ради нужно отметить, что некоторые члены Арктического совета пытались сохранить организацию и отстоять роль России в этой структуре. Несмотря на конфликт на Украине, отдельные арктические дипломаты и ученые были уверены в том, что Арктический совет может служить своей цели только с участием России. Они подчеркивали, что без России Арктический совет лишается смысла своего существования. Это диктовалось опасениями многих зарубежных и российских политиков и ученых, что десятилетия арктического сотрудничества рискуют быть потерянными. Речь шла в первую очередь о таких сферах, как совместные научные проекты, спасательные работы, защита окружающей среды и небывалая прежде вовлеченность коренных народов в принятие решений [Struzik 2023].

Процесс разрушения устоявшихся институтов международной координации в Полярном регионе не ограничился Арктическим советом. В сентябре 2023 г. Россия вышла из Совета Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР) в ответ на действия западных стран, заблокировавших его работу [Основные внешнеполитические итоги 2023 года 2023]. Шаг весьма болезненный для арктического сотрудничества, поскольку организация была создана в 1993 г. как орган межправительственного взаимодействия. Что касается других институтов, то в кризисном состоянии находится Арктический экономический совет (создан в 2014 г.). Прекратил свою работу и Арктический форум береговых охран полярных государств (создан в 2015 г.).

Изменение геополитического расклада в полярном мега-регионе

Как говорилось выше, за десятилетия, прошедшие после окончания холодной войны, регион Крайнего Севера стал восприниматься как «зона мира» и «территория диалога». Но события, связанные с началом российско-украинского конфликта, изменили мегарегион. Одна из самых главных перемен – вступление Финляндии (в 2023 г.) и Швеции (в 2024 г.) в НАТО, вызвавшее критическое увеличение сухопутной границы Североатлантического альянса и России на многие сотни километров, что стало дополнительным аргументом в пользу наращивания военных усилий обеими сторонами в регионе. До 24 февраля 2022 г. вероятность этих событий оценивалась как незначительная. Однако гораздо важнее, что сегодня России противостоит не просто коалиция стран Западной Арктики. Фундаментальным следствием данных процессов стал новый геополитический расклад в регионе, когда Крайний Север оказался разделен примерно поровну между Россией, с одной стороны, и блоком НАТО – с другой: семь из восьми арктических государств являются членами альянса.

Сегодня речь идет о потенциальном ослаблении новой российско-натовской границы в результате переброски наиболее боеспособных сухопутных подразделений Северного флота в зону СВО. Французская газета *Le Monde* привела оценки американских и норвежских специалистов о сокращении военного присутствия России в Арктике. В частности, советник Государственного департамента США Д. Шолле заметил, что «основное последствие СВО для Арктики можно увидеть на российско-финской границе с передислокацией российских сухопутных войск на Украину. Согласно западным оценкам, 80% войск были переброшены, и многие из подразделений были сокращены или даже расформированы» [Гус 2023].

Потенциальное ослабление боевых частей, которые до сих пор считались одними из самых боеспособных в России, рассматривается европейскими политиками и специалистами по военному планированию как крайне благоприятный факт в процессе спекулятивного затягивания конфликта, который, по их мнению, должен стать фатальным для Москвы. Данные процессы смотрятся особенно злободневно в контексте того, что территории Финляндии и Швеции могут использоваться для размещения контингентов и ударных вооружений НАТО в районах, граничащих с Россией. Нарастающее напряжение между Западом и Россией создает потенциально опасный фронт противостояния в самой северной части Европы: от Балтийского моря до Крайнего Севера.

Приведенные факты позволяют не просто констатировать очевидное – Балтийское море оказалось окружено странами – членами Североатлантического альянса, что позволило некоторым наблюдателям назвать балтийский морской бассейн «озером НАТО» [Cinciripini 2023, p. 147]. Существует намного более се-

рьезный тренд, который всё отчетливее проявляется в последнее время – трансформация Западной Арктики в направлении складывания «Большой Арктики», или «расширенного полярного региона». Ряд военных планировщиков НАТО всерьез утверждают, что самой реальной перспективой может стать объединение Арктического региона и Балтийского моря в единую геополитическую единицу под названием «Великий Север» с общими угрозами и рисками. Такое определение кажется вполне подходящим в контексте текущей интеграции стратегических культур стран Северной Европы и Балтии. Скандинавско-Балтийский ареал как особую военно-геополитическую единицу сегодня лучше всего обозначить термином «новая география сдерживания», которая приходит на смену прежней естественной географии суши, моря и государственных границ. Старая географическая архитектура Северной Европы будет дополняться новой архитектурой безопасности после 24 февраля 2022 г. [Ålander, Alberque 2022]. Данная трансформация обусловлена как кризисом НАТО, так и ослаблением трансатлантической модели безопасности, которая сегодня разрушается вследствие явного презрения к Европейскому союзу президента США Д. Трампа в период его второго срока. В условиях исчерпания континентальной системы безопасности в рамках ЕС, актуальным становится региональный формат военно-политической консолидации в рамках Балто-Скандинавии.

Разделение Арктики на Западную и Восточную части и поворот к внутренним вопросам

Описываемые выше события, связанные с вступлением Финляндии и Швеции в НАТО, дезорганизацией существующей полярной институциональной системы, разделили Арктику на два «лагеря». Первый включает в себя евроатлантические государства, получившие собирательное название *Западная Арктика*, второй – российский Крайний Север, обозначаемый как *Восточная Арктика*. Понимая стремительный и необратимый характер происходящих изменений в Арктике, обе стороны начали разрабатывать альтернативные пути строительства политических коалиций в мегарегионе. В первую очередь, началось укрепление взаимодействия между европейским и североамериканским Севером в направлении формирования Западной Арктики. Какие бы угрозы и предостережения ни раздавались из европейских и американских кабинетов в адрес Москвы в связи с началом СВО, у Запада нет потенциала для наказания России в Арктике, но есть потенциал ее изоляции. Эти действия ведут к разделу региона на Запад и Восток.

В ответ Россия пошла по пути строительства собственных коалиций в Арктике. В Москве считают важным укреплять сотрудничество в регионе с неарктическими государствами в условиях, когда налицо ослабление существующих форматов полярного сотрудничества, таких как Арктический совет.

За несколько лет до начала СВО аналитики допускали возможность привлечения стран БРИКС к арктическим делам. Говорилось даже о том, что «отсутствие в повестке дня» БРИКС темы Крайнего Севера «на постоянной основе» является «существенным упущением», поскольку вовлеченность в полярные процессы в XXI в. признается в качестве одного из статусных факторов иерархии мировой политики [Лабецкая 2018, с. 27].

Тупиковая ситуация в Арктическом совете дает новые шансы для работы в Арктике государствам БРИКС. Страны – члены этого объединения, выразили заинтересованность в сотрудничестве с Россией в Арктике. Российское предприятие «Государственный трест “Арктикуголь”» будет развивать на Шпицбергене международную полярную научную станцию (на базе имеющегося исследовательского центра в городке Баренцбург) в кооперации со странами объединения – Бразилией, Индией, Китайской Народной Республикой (КНР) и Южной Африкой [Edvardsen 2023]. Немного ранее Россия пригласила страны Латинской Америки и Персидского залива работать на международной научно-исследовательской станции «Снежинка» в Ямало-Ненецком автономном округе. Одновременно с этим российские власти привлекли внимание представителей этих стран к проектам государственной корпорации «Росатом» в области малых модульных проектов [РФ пригласила страны Латинской Америки, Персидского залива работать на станции «Снежинка» 2023], а также предложили Вьетнаму сотрудничество в области исследований в российской Арктике. Россия и новые члены БРИКС, такие как Объединенные Арабские Эмираты (с 2024 г.), усиливают взаимодействие на рынке развития арктической инфраструктуры, начатое еще в «дофевральский период».

До февраля 2022 г. европейские государства стремились к многочисленным экономическим отношениям с Россией в Полярном регионе. Что остается в такой атмосфере для селективного взаимодействия стран Европы с Россией в Арктике? Только ограниченное сотрудничество в тех областях, где обе стороны имеют неоспоримый интерес. Примером такого исключения из правил является последнее соглашение Норвегии с Россией о рыболовстве [Nilsen 2022]. Совместная российско-норвежская комиссия по рыболовству продолжила свою работу и после февраля 2022 г., а в октябре того же года сумела согласовать квоты на вылов рыбы в Баренцевом море с целью сохранения его в качестве стабильного рыболовецкого района. Однако другие субъекты полярной политики отказались от двусторонних отношений с Россией. В частности, в отличие от Норвегии, Гренландия¹ выбрала другой подход к рыболовству, сообщив Москве в декабре 2022 г., что никакие российские корабли не должны появляться в ее территориальных водах [Breum 2022].

1. Мы не рассматриваем международный арктический скандал, связанный с предполагаемой покупкой или оккупацией США Гренландии в 2026 г.

Существовала надежда, что на фоне деградации Арктического совета и СБЕРА вырастет значение международных широких публичных форумов и интеллектуальных дискуссионных площадок – «Полярный круг» и «Арктические рубежи». Эти конференции объединяют ученых, политиков, бизнесменов, академические круги и коренные народы, которые можно рассматривать как организации нового типа, отличающиеся более гибкой формой сотрудничества, чем Арктический совет. Но, несмотря на широко объявленный дух инклюзивности этих форумов, они не стали инструментом гибкого полярного сотрудничества. Так, в 2022 г. ни один российский делегат не был приглашен в столицу Исландии Рейкьявик на «Полярный круг». В свою очередь, несмотря на официальную паузу в работе Арктического совета, Россия организовала несколько встреч под эгидой организации. В отсутствие других членов Арктического совета эти заседания в основном были направлены на внутреннюю координацию арктической деятельности в России. Более того, в июле 2022 г. президент Российской Федерации В.В. Путин утвердил новую морскую доктрину страны, в которой подчеркивается важность Арктики для национальной безопасности. В этом документе «продвижение военной инфраструктуры» НАТО к российским границам и «стратегический курс США на доминирование в Мировом океане» определены как «угроза национальной безопасности и устойчивому развитию Российской Федерации, связанными с Мировым океаном», а развитие Арктики рассматривается в качестве «стратегической ресурсной базы» для продвижения национальных интересов России [Утверждена Морская доктрина Российской Федерации 2022].

Увеличение военно-стратегической и инфраструктурной роли внутренних провинций Западной Арктики

Важной характеристикой постфевральских изменений в Арктике стала внутренняя трансформация Западной Арктики. Возросла политическая роль Гренландии и канадской полярной территории Нунавут в контексте усиления их военно-стратегической роли. Из практических шагов, направленных на сближение европейской и американской частей Северной Атлантики, следует указать на установление авиасообщения между Гренландией и Канадой в июне 2024 г., что должно укрепить отношения между полярными территориями. Особо отметим усилия Гренландии к геополитическому признанию и увеличению своей роли в делах Крайнего Севера в постфевральский период.

Перечислим ряд относительно очевидных фактов. Стратегическое значение Гренландии резко возросло после крымских событий 2014 г. в атмосфере наметившегося недоверия между Западом и Россией. Ценность этой территории заключается в том, что США имеют возможность с гренландской авиабазы Питуффик следить за российским Севером и отслеживать вероятные запуски

российских межконтинентальных баллистических ракет. Как результат, инуитское правительство Гренландии стало получать больше внимания со стороны официального Копенгагена, и датское правительство начало делиться большей информацией с Гренландией. В 2020 г. США восстановили консульство в столице Гренландии г. Нуук, а для того, чтобы подчеркнуть свое особое расположение к гренландцам, в апреле 2023 г. переименовали авиабазу Туле в космическую базу Питуффик, вернув ее первоначальное инуитское название.

В контексте постфевральских изменений, происходящих в мире, Гренландия стремится извлечь выгоду из своего возросшего стратегического значения для дальнейшей эмансипации в западную международную среду. После начала российско-украинского конфликта правительство Гренландии предприняло шаги, чтобы претворить свою внешнюю политику в жизнь и представить себя в качестве важного, ответственного партнера в мегарегионе. Премьер-министр Гренландии (в 2021–2025 гг.) М.Б. Эгде «объявил, что Гренландия присоединится к западным санкциям против России», однако «его откровенная позиция удивила экспертов и дипломатов, которые отметили, что Гренландия традиционно стремилась поддерживать хорошие отношения с Россией и другими странами и поэтому обычно не выбирает чью-либо сторону» [Hosa 2023].

Более значимые последствия российско-украинский конфликт имел для Нунавута – канадского Крайнего Севера, высветив стратегическое значение этой территории и необходимость инвестиций в его инфраструктуру и население. Несмотря на то, что Нунавут является самой большой территорией Канады, он остается в значительной степени неизвестным не только на международном уровне, но и в самой Канаде. Начало СВО дало толчок к изменению этой динамики, улучшению сотрудничества между Оттавой и Нунавутом и побудило правительство Канады инвестировать больше средств и усилий в развитие территории. Российско-украинский конфликт привлек международное внимание к Нунавуту. В августе 2022 г. генеральный секретарь НАТО (в 2014–2024 гг.) Й. Столтенберг в сопровождении премьер-министра Канады (в 2015–2025 гг.) Дж. Трюдо посетил Кембриджский залив в Нунавуте, чтобы оценить состояние северной обороны НАТО. Оба политика обсудили, как Канада может укрепить свой арктический суверенитет. Несколько месяцев ранее Оттава обязалась инвестировать 4,9 млрд канадских долларов в модернизацию Командования воздушно-космической обороны Северной Америки (NORAD), двустороннего военного командования, созданного США и Канадой в 1958 г. и имеющего радары и другие военные объекты, расположенные в Нунавуте [Minister of National Defence Announces... 2022].

Таким образом, российско-украинский конфликт задал новые темпы процессам укрепления северной периферии НАТО, которые до февраля 2022 г. протекали весьма вяло.

Сближение России и КНР в Арктике в контексте разделения полярного мегарегиона

Как российско-украинский конфликт повлиял на текущие стимулы и долгосрочные политические интересы КНР в Арктике, став моментом «стратегической возможности» для этой страны? В данном разделе мы не будем рассматривать российско-азиатский аспект полярной политики Москвы в широком смысле, исследовать нюансы российского «поворота на Восток», а покажем, как Пекин использовал разрушение сложившегося арктического порядка в своих интересах через сближение с Россией.

Усиление взаимодействия между Москвой и Пекином в Полярном регионе является одним из крупных международных результатов российско-украинского конфликта. Менее чем за три недели до начала СВО Президент В.В. Путин подписал с председателем КНР Си Цзиньпином в Пекине Пакт о безопасности «без ограничений» и «сотрудничестве без границ». Отдельным абзацем совместного заявления двух лидеров стоит фраза: «Стороны согласились последовательно углублять практическую кооперацию в области устойчивого развития Арктики» [Совместное заявление... 2022].

В итоге КНР не осудила действия России на Украине, не присоединилась к режиму антироссийских санкций и не приостановила оборонное сотрудничество с Москвой.

Первоначальный паралич и последовавшую деградацию Арктического совета можно рассматривать как ключевые события, определившие начало нового возвышения КНР в Арктике. Данная ситуация предоставила Пекину небывалый прежде шанс реализовать свою полярную политику в двух направлениях: интернационализировать Арктический регион, выступая в качестве миротворца, и укрепить широкое сотрудничество с Россией.

Свою идею интернационализации Арктики китайская сторона проводит через публичные наступательные дискуссии с американской стороной на международных площадках. Главная «битва» развернулась на конференции «Полярный круг», которая состоялась в Рейкьявике в ноябре 2022 г. Глава военного комитета НАТО (в 2021–2025 гг.) лейтенант-адмирал Королевского военном-морского флота Нидерландов Р. Бауэр обрушился с критикой на Россию и КНР, настаивая на опасности формирующегося российско-китайского альянса в Арктике как угрозы международной безопасности в регионе. Особо было отмечено, что организованное Пекином и Москвой совместное заявление о необходимости российско-китайской координации в Арктике, сделанное в феврале 2022 г. незадолго до начала СВО, наводит на мысль о том, что российско-украинский конфликт тесно связан с глобальными амбициями России и КНР на Крайнем Севере. Дословно адмирал сказал следующее: «В своем совместном заявлении в феврале 2022 г. КНР и Россия заявили о своих планах активизировать сотрудничество

в Арктике. Два авторитарных режима, которые не разделяют наших ценностей и не уважают основанный на правилах международный порядок, работают вместе в и без того хрупком регионе. Было бы наивно думать, что российско-китайская координация своих действий на Крайнем Севере и начало российско-украинского конфликта является простым совпадением. Эти события тесно связаны. Сдвиг в российско-китайских отношениях служит замечательным примером того, как события за пределами региона могут влиять на Арктику» [NATO and the Arctic 2022]. В конце своей речи адмирал призвал посла КНР в Исландии осудить действия России на Украине.

Китайский дипломат Хэ Рулонг в своем ответе натовскому адмиралу изложил позицию Пекина в отношении Арктики в постфевральских условиях. Он начал с того, что охарактеризовал замечания Р. Бауэра как «надменные» и «параноидальные», затем отметил, что КНР позиционирует себя как миротворец в международных делах, включая отношения в Полярном регионе. В ответ на призыв осудить действия России на Украине, посол сказал, что КНР не связывает друг с другом такие разные вопросы, как российско-украинский конфликт и арктические дела. Действия НАТО дипломат назвал циничными – направленными на превращение двух отдельных и не связанных между собой вопросов (российско-украинский конфликт и ситуацию на Крайнем Севере) – в предмет высокой политики [ibid.].

Необходимо констатировать следующие по-настоящему переломные тенденции. Кризис арктического международного порядка намного выгоднее КНР, чем существование четких правил игры и наличие ясного пути выхода из текущего кризиса. Тот факт, что российско-китайское сотрудничество развивается и ускоряется по многим направлениям, похоронил надежды и усилия Запада по использованию старого принципа «разделяй и властвуй» в отношении России и КНР. Надежды США возродить между Москвой и Пекином вражду и неприязнь эпохи «холодной войны» являются сегодня столь же примитивными, сколь и бесплодными.

Обширная полярная география делают Россию союзником КНР не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе: Пекин не нуждается ни в чьей поддержке, кроме одобрения Москвы, для продвижения своих интересов в отношении Северного морского пути (СМП). Самым примечательным событием данного процесса можно считать включение СМП в китайскую инициативу «Один пояс – один путь» (The Belt and Road Initiative, BRI). Дискуссии о том, чтобы идти по пути сопряжения возможностей СМП как суверенного российского проекта с растущим потенциалом китайской инициативы BRI ведутся давно. Но во время визита китайского лидера в Москву в марте 2023 г. произошло событие, которое едва ли могло иметь место ранее. В процессе переговоров В.В. Путин сказал, что Россия готова создать совместный рабочий орган по развитию СМП [Российско-китайские переговоры 2023].

Не стоит преувеличивать фактор усиления КНР в Арктике до уровня превращения его чуть ли не в одного из ключевых игроков современной полярной политики. Однако кризис Арктического совета и разрушение международных полярных институтов подготовили идеальные условия для совместного российско-китайского влияния на управление регионом.

Движение Североатлантического альянса на Север и арктический «ребрендинг» НАТО

В атмосфере деградации многолетних арктических институтов НАТО начало играть всё большую роль на Крайнем Севере. Как отмечалось выше, после вступления Финляндии и Швеции в НАТО Россия осталась единственным арктическим государством, не только не входящим в Альянс, но и противостоящим ему.

Начало СВО усилило внимание НАТО к Арктике, и Альянс публично объявил о намерениях инвестировать в создание Арктического командования (ARCCOM). Данный шаг позволит НАТО не только осуществлять масштабное присутствие на Крайнем Севере, но и активизировать дипломатическую и информационную политику. В аналитическом документе под названием «НАТО-2030», подготовленном еще в 2020 г., указывается, что поскольку в атмосфере продолжающегося вооруженного конфликта на Украине усилилось агрессивное поведение России на Крайнем Севере и в Северной Атлантике, Альянсу следует реагировать на угрозы и враждебные действия России политически сплоченно, решительно и согласованно [НАТО 2030 2020, p. 12, 16, 25]. В докладе «НАТО-2030» говорится: «Единство НАТО в отношении России является самым глубоким символом политической сплоченности, лежащей в основе эффективного сдерживания, это ярчайшая демонстрация того, что в случае угрозы оно среагирует четко и мощно» [ibid., p. 25]. Для достижения этих многочисленных целей альянс должен быть оснащен мощным новым командованием НАТО в Арктике – ARCCOM.

Российско-украинский конфликт привел к быстрому расширению присутствия Альянса в регионе: движение НАТО на Север объясняется как ответ военно-политического руководства организации на мнимые угрозы со стороны России.

Существует еще одна важная и недооцененная тенденция в деятельности НАТО, рожденная «постфевральской» трансформацией международно-политической ситуации в Арктике. В атмосфере разрушения прежней арктической институциональной системы Альянс стремится к тому, чтобы осуществить собственный «ребрендинг» как организации, представляющей и защищающей интересы коренных народов Крайнего Севера. Арктический совет был единственной крупной международной организацией в Арктике, где у коренных народов была возможность высказаться и быть услышанными. Сегодня НАТО может использовать кризис в

функционировании Арктического совета как возможность построить отношения сотрудничества с коренными народами Арктики. Такой подход наводит мысль о необходимости для Альянса выработать нужные стимулы в отношении коренных народов. Наилучшей стратегией, которой следует придерживаться НАТО для своего арктического присутствия, признается апелляция к важности такого аборигенного достоинства, как «устойчивость коренных народов». По этой причине НАТО активно развивает и поощряет академические усилия в направлении изучения концепта «устойчивость». Как отмечает канадский политический антрополог, профессор университета Лапландия в Рованиеми (Финляндия) Дж. Рид, после начала СВО на Западе наблюдается экспоненциальный рост значения термина «устойчивость», при этом в основе подобной активизации лежит потенциальная потребность подготовки народов и государств НАТО к различным кризисам, включая факторы военного вторжения [Reid 2023].

Заключение

Мы проанализировали семь основных сюжетов, которые, на наш взгляд, составляют суть «постфевральских» изменений в Арктике. Нам удалось исследовать реальный масштаб и детерминанты изменений в арктической политике, вызванных российско-украинским конфликтом.

Вводимый в научное употребление термин *постфевральская Арктика* позволил нам приблизиться к лучшему пониманию драматических изменений в регионе Крайнего Севера, которые произошли в результате начала активной фазы российско-украинского конфликта после 24 февраля 2022 г. Ответ на главный вопрос исследования – о появлении «постфевральской Арктики» под влиянием украинских событий – будет скорее положительным. «Постфевральскую Арктику» можно описать с помощью следующих трансформаций: крушение казавшегося незыблемым принципа «арктической исключительности»; глубокий кризис и разрушение международных полярных институтов; изменение геополитического расклада в Арктике (прежде всего в виде объединения Полярного региона и Балтийского моря в единую военно-стратегическую единицу); разделение Арктики на противостоящие друг другу Запад и Восток; военно-инфраструктурное укрепление арктической периферии НАТО; небывалое прежде усиление позиций КНР в регионе.

Мы не утверждаем, что все «постфевральские» изменения в Арктике можно однозначно свести к семи предложенным нами тезисам. Очевидным является то, что международно-политический порядок в Полярном мегарегионе меняется, и эти процессы далеки от завершения. Тем не менее описанная динамика позволяет говорить о том, что мы получили новое качество международно-политических взаимоотношений в Арктике, которое по сумме отличительных признаков от предыдущей эпохи можно назвать «постфевральским».

Библиография

В МИД РФ заявили о возможном выходе России из Арктического совета при нарушении ее прав // ТАСС. 14.05.2023. URL: <https://tass.ru/politika/17742861> (дата обращения: 28.01.2026).

Лабецкая Е.О. Новый азимут для BRICS: Арктика – Латинская Америка // Латинская Америка. 2018. № 9. С. 25–33.

Магомедов А.К., Шапаров А.Е. Конфликт на Украине и стратегическое преобразование арктической политики США: логика «исторического шанса» // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 10. С. 48–58.

МИД РФ: эпоха конструктивного сотрудничества России и Запада бесповоротно завершена // ТАСС. 03.08.2022. URL: <https://tass.ru/politika/15379859> (дата обращения: 28.01.2026).

Основные внешнеполитические итоги 2023 года: сообщение для СМИ // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 30.12.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1923985/ (дата обращения: 29.01.2026).

Российско-китайские переговоры. В Кремле прошли переговоры Владимира Путина с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином // Президент России. 21.03.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70748> (дата обращения: 31.01.2026).

РФ пригласила страны Латинской Америки, Персидского залива работать на станции «Снежинка» // ТАСС. 10.02.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17018683> (дата обращения: 28.01.2026).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Президент России. 04.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 28.01.2026).

Утверждена Морская доктрина Российской Федерации. Президент подписал Указ «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Президент России. 31.07.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69084?ysclid=ml1ol52msf36259525> (дата обращения: 31.01.2026).

Ålander M., Alberque W. NATO's Nordic Enlargement: Contingency Planning and Learning Lessons // War on the Rock. 08.12.2022. URL: <https://warontherocks.com/2022/12/natos-nordic-enlargement-contingency-planning-and-learning-lessons/> (дата обращения: 30.01.2026).

Bertelsen R.G. The Arctic as a Laboratory of Global Governance: The Case of Knowledge-Based Cooperation and Science Diplomacy // The Global Arctic Handbook. Cham: Springer International Publishing, 2019. P. 251–267.

Breum M. Greenland halts fisheries quota swaps with Russia // Arctic Today. 14.12.2022. URL: <https://www.arctictoday.com/greenland-halts-cooperation-on-fish-with-russia/> (дата обращения: 30.01.2026).

Cinciripini L. From East to North: New Frontiers for the EU-NATO Arctic Defence // Transatlantic Policy Quarterly. 2022. Vol. 21, N 4. P. 143–152.

Crawford B.K. Explaining Arctic peace: a human heritage perspective // International Relations. 2021. Vol. 35, Iss. 3. P. 469–488.

Edvardsen A. Russia Wants to Cooperate with BRICS Countries on Research on Svalbard // High North News. 14.04.2023. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/russia-wants-cooperate-brics-countries-research-svalbard> (дата обращения: 29.01.2026).

Heininen L. Special Features of Arctic Geopolitics – A Potential Asset for World Politics // The Global Arctic Handbook. Cham: Springer International Publishing, 2019. P. 215–234.

Hosa J. Feeling the chill: Navigating Arctic Governance amid Russia's war on Ukraine // European Council on Foreign Relations. 18.05.2023. URL: <https://ecfr.eu/publication/feeling-the-chill-navigating-arctic-governance-amid-russias-war-on-ukraine/> (дата обращения: 31.01.2026).

Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine: Media Note Office of the Spokesperson // U.S. Department of State. 03.03.2022. URL: <https://web.archive.org/web/20220303152908/https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/> (дата обращения: 31.01.2026).

McVicar D. How the Russia-Ukraine War Challenges Arctic Governance // Council on Foreign Relations. 10.05.2022. URL: <https://www.cfr.org/articles/how-russia-ukraine-war-challenges-arctic-governance> (дата обращения: 31.01.2026).

Minister of National Defence Announces Canada's NORAD Modernization Plan // Government of Canada. 20.06.2022. URL: <https://www.canada.ca/en/department-national-defence/news/2022/06/minister-of-national-defence-announces-canadas-norad-modernization-plan.html> (дата обращения: 31.01.2026).

NATO 2030: United for a New Era. Analysis and Recommendations of the Reflection Group Appointed by the NATO Secretary General // North Atlantic Treaty Organization. 25.11.2020. 67 p. URL: https://web.archive.org/web/20201201163447/https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (дата обращения: 31.01.2026).

NATO and the Arctic // Arctic Circle. 19.10.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=6n-6GEuO0_dM (date of access: 31.01.2026).

Nilsen T. Norway, Russia seal deal fish quotas amid growing tensions // The Barents Observer. 26.10.2022. URL: <https://www.thebarentsobserver.com/industry-and-energy/norway-russia-seal-deal-on-fish-quotas-amid-growing-tensions/139520> (дата обращения: 31.01.2026).

Pedersen T., Steinveg B. Russia's Clashing Ambitions: Arctic Status Quo and World-Order Revision // Politics and Governance. 2024. Vol. 12. P. 122–139.

Pezard S., Tingstad A., Hall A. The Future of Arctic Cooperation in a Changing Strategic Environment: Insights from a Scenario-Based Exercise Organized by RAND and Hosted by NUPI // RAND Corporation. 08.05.2018. 19 p. URL: <https://web.archive.org/web/20180719012204/https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE268.html> (дата обращения: 31.01.2026).

Reid J. 'Resilient Ukraine' and the Future of War in Europe // E-International Relations. 17.03.2022. URL: <https://web.archive.org/web/20220317184623/https://www.e-ir.info/2022/03/17/opinion-resilient-ukraine-and-the-future-of-war-in-europe/> (дата обращения: 10.02.2026).

Shvets D., Hossain K. The Future of Arctic Governance: Broken hopes for Arctic exceptionalism? // Current Developments in Arctic Law. 2022. N 10. P. 49–69.

Struzik E. How Tensions with Russia Are Jeopardizing Key Arctic Research // Yale Environment 360. 07.02.2023. URL: <https://web.archive.org/web/20230207112353/https://e360.yale.edu/features/Russia-ukraine-war-arctic-research> (дата обращения: 31.01.2026).

Truc O. Dans l'Arctique, la guerre en Ukraine rebat les cartes // Le Monde. 13.01.2023. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2023/01/13/dans-l-arctique-la-guerre-en-ukraine-rebat-les-cartes_6157784_3210.html (дата обращения: 31.01.2026).

Wishnik E., Carlson C. The Russian Invasion of Ukraine Freezes Moscow's Arctic Ambitions // Journal of Indo-Pacific Affairs. 2022. Vol. 5, N 5. September-October. P. 50–65.

Zellen B.S. As War in Ukraine Unfolds a Quarter Century of Enduring Arctic Cooperation, the World Needs the Whole Arctic Council Now More Than Ever // The Northern Review. 2023. N 54. P. 137–160.

References

Ålander M., Alberque W. NATO's Nordic Enlargement: Contingency Planning and Learning Lessons. War on the Rock. 08.12.2022. URL: <https://warontherocks.com/2022/12/natos-nordic-enlargement-contingency-planning-and-learning-lessons/> (date of access: 30.01.2026).

Bertelsen R.G. The Arctic as a Laboratory of Global Governance: The Case of Knowledge-Based Cooperation and Science Diplomacy. *The Global Arctic Handbook*. Cham: Springer International Publishing, 2019. P. 251–267.

Breum M. Greenland halts fisheries quota swaps with Russia. *Arctic Today*. 14.12.2022. URL: <https://www.arctictoday.com/greenland-halts-cooperation-on-fish-with-russia/> (date of access: 30.01.2026).

Cinciripini L. From East to North: New Frontiers for the EU-NATO Arctic Defence. *Transatlantic Policy Quarterly*. 2022. Vol. 21, N 4. P. 143–152.

Crawford B.K. Explaining Arctic peace: a human heritage perspective. *International Relations*. 2021. Vol. 35, Iss. 3. P. 469–488.

Edvardsen A. Russia Wants to Cooperate with BRICS Countries on Research on Svalbard // *High North News*. 14.04.2023. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/russia-wants-cooperate-brics-countries-research-svalbard> (date of access: 29.01.2026).

Heininen L. Special Features of Arctic Geopolitics – A Potential Asset for World Politics. *The Global Arctic Handbook*. Cham: Springer International Publishing, 2019. P. 215–234.

Hosa J. Feeling the chill: Navigating Arctic Governance amid Russia's war on Ukraine. *European Council on Foreign Relations*. 18.05.2023. URL: <https://ecfr.eu/publication/feeling-the-chill-navigating-arctic-governance-amid-russias-war-on-ukraine/> (date of access: 31.01.2026).

Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine: Media Note Office of the Spokesperson. U.S. Department of State. 03.03.2022. URL: <https://web.archive.org/web/20220303152908/https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/> (date of access: 31.01.2026).

Labetskaya E.O. Novyy azimut dlya BRICS: Arktika – Latinskaya Amerika [New Azimuth for BRICS: Arctic – Latin America]. *Latinskaya Amerika [Latin America]*. 2018. N 9. P. 25–33. (In Russ.)

Magomedov A.K., Shaparov A.E. Konflikt na Ukraine i strategicheskoe preobrazhenie arkticheskoy politiki SShA: logika «istoricheskogo shansa» [Conflict in Ukraine and Strategic Transformation of U.S. Arctic Policy: The Logic of “Historical Chance”]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*. 2024. Vol. 68, N 10. P. 48–58. (In Russ.)

McVicar D. How the Russia-Ukraine War Challenges Arctic Governance. *Council on Foreign Relations*. 10.05.2022. URL: <https://www.cfr.org/articles/how-russia-ukraine-war-challenges-arctic-governance> (date of access: 31.01.2026).

MID RF: epokha konstruktivnogo sotrudnichestva Rossii i Zapada besporotno zavershena [Russian Foreign Ministry: the era of constructive cooperation between Russia and the West is irrevocably over]. *TASS [Russian News Agency TASS]*. 03.08.2022. URL: <https://tass.ru/politika/15379859> (date of access: 28.01.2026). (In Russ.)

Minister of National Defence Announces Canada's NORAD Modernization Plan. *Government of Canada*. 20.06.2022. URL: <https://www.canada.ca/en/department-national-defence/news/2022/06/minister-of-national-defence-announces-canadas-norad-modernization-plan.html> (date of access: 31.01.2026).

NATO 2030: United for a New Era. Analysis and Recommendations of the Reflection Group Appointed by the NATO Secretary General. *North Atlantic Treaty Organization*. 25.11.2020. 67 p. URL: https://web.archive.org/web/20201201163447/https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (date of access: 31.01.2026).

NATO and the Arctic. *Arctic Circle*. 19.10.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=6n-6GEuO0_dM (date of access: 31.01.2026).

Nilsen T. Norway, Russia seal deal fish quotas amid growing tensions. *The Barents Observer*. 26.10.2022. URL: <https://www.thebarentsobserver.com/industry-and-energy/norway-russia-seal-deal-on-fish-quotas-amid-growing-tensions/139520> (date of access: 31.01.2026).

Osnovnye vneshnepoliticheskie itogi 2023 goda: soobshchenie dlya SMI [Press release on Russia's main foreign policy results in 2023]. *Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii [The*

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. 30.12.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1923985/ (date of access: 29.01.2026). (In Russ.)

Pedersen T., Steinveg B. Russia's Clashing Ambitions: Arctic Status Quo and World-Order Revision. *Politics and Governance*. 2024. Vol. 12. P. 122–139.

Pezard S., Tingstad A., Hall A. The Future of Arctic Cooperation in a Changing Strategic Environment: Insights from a Scenario-Based Exercise Organized by RAND and Hosted by NUPI. RAND Corporation. 08.05.2018. 19 p. URL: <https://web.archive.org/web/20180719012204/https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE268.html> (date of access: 31.01.2026).

Reid J. 'Resilient Ukraine' and the Future of War in Europe. *E-International Relations*. 17.03.2022. URL: <https://web.archive.org/web/20220317184623/https://www.e-ir.info/2022/03/17/opinion-resilient-ukraine-and-the-future-of-war-in-europe/> (date of access: 10.02.2026).

RF priglasiła strany Latinskoj Ameriki, Persidskogo zaliva rabotat' na stantsii «Snezhinka» [RF invites Latin American and Persian Gulf countries to work at Znezhinka station]. TASS [Russian News Agency TASS]. 10.02.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17018683> (date of access: 28.01.2026). (In Russ.)

Rossiysko-kitayskie peregovory. V Kremle proshli peregovory Vladimira Putina s Predsedatelem Kitayskoj Narodnoy Respubliki Si Tszin'pinom [Russian-Chinese Talks by Vladimir Putin and President of the People's Republic of China Xi Jinping are holding talks at the Kremlin]. Prezident Rossii [President of Russia]. 21.03.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70748> (date of access: 31.01.2026). (In Russ.)

Shvets D., Hossain K. The Future of Arctic Governance: Broken hopes for Arctic exceptionalism? *Current Developments in Arctic Law*. 2022. N 10. P. 49–69.

Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoj Federatsii i Kitayskoj Narodnoy Respubliki o mezhdunarodnykh otnosheniyakh, vstupayushchikh v novuyu epokhu, i global'nom ustoychivom razvitii [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on international relations entering a new era an global sustainable development]. Prezident Rossii [President of Russia]. 04.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (date of access: 28.01.2026). (In Russ.)

Struzik E. How Tensions with Russia Are Jeopardizing Key Arctic Research. *Yale Environment* 360. 07.02.2023. URL: <https://web.archive.org/web/20230207112353/https://e360.yale.edu/features/Russia-ukraine-war-arctic-research> (date of access: 31.01.2026).

Truc O. Dans l'Arctique, la guerre en Ukraine rebat les cartes. *Le Monde*. 13.01.2023. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2023/01/13/dans-l-arctique-la-guerre-en-ukraine-rebat-les-cartes_6157784_3210.html (date of access: 31.01.2026).

Utverzhdena Morskaya doktrina Rossiyskoj Federatsii. Prezident podpisal Ukaz «Ob utverzhdenii Morskoy doktriny Rossiyskoj Federatsii» [The Maritime doctrine of the Russian Federation has been approved. The President has signed the Decree “On the approval of the Maritime doctrine of the Russian Federation”]. Prezident Rossii [President of Russia]. 31.07.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69084?ysclid=ml1ol52msf36259525> (date of access: 31.01.2026).

V MID RF zayavili o vozmozhnom vykhode Rossii iz Arkticheskogo soveta pri narushenii ee prav [The Russian Foreign Ministry announced the possible withdrawal of Russia from the Arctic Council if its rights are violated]. TASS [Russian News Agency TASS]. 14.05.2023. URL: <https://tass.ru/politika/17742861> (date of access: 28.01.2026). (In Russ.)

Wishnik E., Carlson C. The Russian Invasion of Ukraine Freezes Moscow's Arctic Ambitions. *Journal of Indo-Pacific Affairs*. 2022. Vol. 5, N 5. September – October. P. 50–65.

Zellen B.S. As War in Ukraine Opens a Quarter Century of Enduring Arctic Cooperation, the World Needs the Whole Arctic Council Now More Than Ever. *The Northern Review*. 2023. N 54. P. 137–160.

А.А. Перминова, Е.А. Козлова

**ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ВЫВОДЫ
ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу образовательной составляющей гуманитарной политики Китайской Народной Республики (КНР) в странах Центральной Азии на современном этапе. На основе официальных документов КНР, двусторонних соглашений и эмпирических данных исследуются институциональные, организационные и содержательные форматы образовательного взаимодействия КНР с Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном. Показано, что китайская стратегия в образовательной сфере имеет многоуровневую структуру: от межгосударственных соглашений и обменов до работы университетов, культурных центров, мастерских Лу Баня и цифровых образовательных программ. Выделены особенности подхода КНР в каждой из пяти стран региона: от масштабных высокотехнологичных инициатив до точечных проектов, связанных с энергетикой и инженерией. Отдельно внимание уделено взаимосвязи образовательной политики с концепцией «сообщества единой судьбы» и инициативой «Пояс и путь», а также адаптации инструментов «мягкой силы» КНР к политическим и социокультурным контекстам стран региона. Сделаны выводы относительно проведения российской образовательной политики в Центральной Азии с учетом национальных интересов КНР и возможных направлений для синергии деятельности в регионе.

Ключевые слова: гуманитарная политика; «мягкая сила»; международное сотрудничество; мастерские Лу Баня; институты Конфуция; цифровое образование; Китайская Народная Республика; Центральная Азия.

Перминова Александра Александровна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра Центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН), доцент департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Россия, Москва.
E-mail: perminova@iccaras.ru
Researcher ID: GWU-7985-2022

Козлова Екатерина Андреевна – младший научный сотрудник Центра Центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН). Россия, Москва.
E-mail: kozlova@iccaras.ru
Researcher ID: КЕН-8223-2024

A.A. Perminova, E.A. Kozlova

China's Humanitarian Policy in Central Asia in the Field of Education: Implications for the Russian Federation

***Abstract.** The article examines the educational dimension of the People's Republic of China's (PRC) humanitarian policy in Central Asia at the present stage. Drawing on Chinese documents, bilateral agreements, and empirical materials, it outlines the institutional, organizational, and substantive formats of China's educational engagement with Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, and Turkmenistan. It demonstrates that China's educational strategy employs a multi-level toolkit – intergovernmental tracks, university partnerships, Confucius Institutes, Luban Workshops, and digital programs. The article highlights the specific features of China's approach in each of the five countries in the region, ranging from large-scale high-tech initiatives to sectoral projects in energy, engineering, and ICT. Special attention is paid to the relationship between educational policy and the concept of a "Community of Shared Future" and the Belt and Road Initiative, as well as to soft-power instruments adapted to domestic political and socio-cultural contexts. Conclusions are drawn regarding the implementation of Russian educational policy in Central Asia, taking into account China's national interests and potential areas for synergy in the region.*

***Keywords:** humanitarian policy; soft power; international cooperation; Luban Workshops; Confucius Institutes; digital education; People's Republic of China; Central Asia.*

**Perminova Aleksandra Aleksandrovna – PhD in Political Science,
Research Fellow at the Center for Central Asian Studies of the ICCA RAS,
Lecturer at the Department of International Relations, National Research
University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: perminova@iccaras.ru
Researcher ID: GWU-7985-2022**

**Kozlova Ekaterina Andreevna – Junior Research Fellow at the Center
for Central Asian Studies of the ICCA RAS. Russia, Moscow.
E-mail: kozlova@iccaras.ru
Researcher ID: КЕН-8223-2024**

Введение

В условиях интенсификации геополитических трансформаций и конкуренции за влияние в Евразии гуманитарная политика становится важнейшим инструментом внешнеполитического позиционирования государств. Образование как ключевой элемент этого инструментария формирует благоприятный образ страны и долгосрочные социально-профессиональные связи.

Для Китайской Народной Республики (КНР) Центральная Азия как соседний и стремительно развивающийся регион выступает приоритетным направлением гуманитарной дипломатии, учитывая ее роль в создании масштабных

экономических коридоров в рамках инициативы «Пояс и путь» (ранее «Один пояс – один путь»), и потенциал институционализации контактов.

После паузы, вызванной пандемией COVID-19, КНР стремится восстановить и усилить возможности реализации своей гуманитарной политики в регионе. Формирующийся институциональный «каркас» диалога «Китай – Центральная Азия» включает в себя постоянный Секретариат в г. Сиань (провинция Шэньси), 13 отраслевых платформ и регулярные экспертные мероприятия.

В 2025 г. в г. Урумчи в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР (СУАР) состоялось первое совещание министров образования КНР и стран Центральной Азии, подтверждающее институционализацию гуманитарного трека (май), а затем открылся Центр по обмену и сотрудничеству в области образования формата «Китай – Центральная Азия» (июль).

В июне 2025 г. в Астане, столице Республики Казахстан, прошел второй саммит «Китай – Центральная Азия». В своем выступлении председатель КНР Си Цзиньпин призвал, «руководствуясь “Духом Китай – Центральная Азия”, более инициативно подходить к укреплению практического сотрудничества» [习近平在第二届中国 – 中亚峰会上的主旨发言 2025]. Китайский лидер объявил о безвозмездном гранте в почти 209 млн долл. США на социально-экономические проекты стран региона, а также о предоставлении 3 тыс. учебных мест гражданам стран Центральной Азии в КНР в ближайшие два года. На этом саммите его участниками была подписана Астанинская декларация, включающая пункты о продвижении гуманитарного сотрудничества.

Образовательные проекты КНР закрепляют влияние этой страны в регионе. В рамках реализуемых за рубежом проектов (институты Конфуция¹, мастерские Лу Баня², совместные кампусы и факультеты, стипендиальные программы) КНР развивает человеческий капитал и формирует нормативную основу сотрудничества, ориентируя страны Центральной Азии на устойчивую интеграцию с Китаем.

Актуальность данного исследования, в котором акцент сделан на высшее и среднее образование, объясняется активизацией китайской гуманитарной дипломатии после пандемии и в контексте укрепления формата «5+1». Пандемия дала мощный толчок развитию онлайн-образования и сотрудничеству стран региона с китайскими IT-гигантами в сфере образовательных технологий. На-

1. Институты Конфуция – китайские образовательные центры, создающиеся с 2000-х годов за рубежом, для преподавания китайского языка и популяризации культуры КНР.

2. Мастерские Лу Баня – центры профессионального обучения, создающиеся со второй половины 2010-х годов за рубежом в рамках китайской инициативы «Пояса и пути», для передачи китайского опыта и технологий в области профессионального образования и подготовки кадров; названы в честь легендарного китайского ремесленника-изобретателя.

пример, компания Huawei активно развивает сеть академий информационно-коммуникационных технологий – Huawei ICT Academy (Академия Huawei) при университетах региона. К середине 2023 г. на Ближнем Востоке и в Центральной Азии было создано 230 таких академий [Huawei empowers region's... 2023].

В совокупности после 2023 г. образовательная активность КНР в регионе стала особенно значимой по двум причинам: во-первых, восполняется пробел контактов, возникший за годы пандемии, во-вторых, образование используется КНР как ключевой инструмент закрепления нового этапа партнерства с Центральной Азией.

Концептуализация гуманитарной политики КНР в сфере образования в Центральной Азии

В официальных документах правительства КНР гуманитарная политика рассматривается как важный элемент международного сотрудничества. Так, Белая книга «Совместное строительство “Пояса и пути”» подчеркивает роль образования как канала «связи между народами» («民心相通») [共建“一带一路” 2023]. Документ фиксирует уже действующие механизмы для продвижения строительства «Пояса и пути» – расширение договорной базы, стипендий, сети институтов Конфуция, продвижение образовательных проектов.

Программный документ «Модернизация образования Китая – 2035», одобренный Центральным комитетом Коммунистической партии Китая и Государственным советом КНР закрепляет важность экспорта таких форматов, как программа «обучение в Китае» («留学中国»), международные кампусы китайских вузов, совместные образовательные учреждения, цифровые образовательные платформы и мастерские Лу Баня [“中国教育现代化2035” 2025]. Центральная Азия выступает как ключевой регион для апробации таких инструментов, что подтверждается ростом числа совместных программ, включением стран региона в проекты профессионального и инженерно-технического обучения.

В научной литературе отмечается, что, несмотря на расширение форматов гуманитарной политики, китайским инициативам в Центральной Азии часто недостает локализации и устойчивых механизмов социальной интеграции (см., например: [Садовская 2016; Курамаева, Нурдаuletova 2018]). Эффективность и специфику китайских подходов в сравнении с другими внерегиональными игроками анализируют как отечественные, так и зарубежные авторы (подробнее см.: [Laruelle, Peugouse 2012; Грозин 2021; Сироджиддин 2024]). В работах китайских авторов особое внимание уделяется образовательному треку в формате «Китай – Центральная Азия» и его интеграции в более широкую рамку в контексте «Пояса и пути» [肖甦, 时月芹 2022; 胡晓, 吴莹 2025].

Несмотря на наличие обширного корпуса исследований, в академическом поле отсутствует комплексный анализ, позволяющий оценить институцио-

нальную архитектуру образовательной политики КНР, тематическую направленность и степень ее адаптации в разных странах региона.

В настоящей статье предпринята попытка формализовать уровни образовательного взаимодействия КНР со странами Центральной Азии и рассмотреть специфику подходов к каждой из них. Эмпирическая база исследования сформирована на основе отбора официальных документов КНР, двусторонних соглашений, статистики министерств образования стран региона, корпоративных публикаций китайских компаний и материалов вузов. Ключевым принципом отбора примеров являлась их институциональная значимость для национальных систем образования и возможность верификации данных.

Важно подчеркнуть, что образовательная политика КНР в Центральной Азии не исчерпывается классической «мягкой силой». Она опирается на комбинированный инструментарий: культурно-языковые форматы, механизмы развития человеческого капитала и, в отдельных странах, инструменты, встроенные в более широкие экономические отношения.

Институциональная конфигурация гуманитарной политики КНР в образовательной сфере в Центральной Азии охватывает уровни от межгосударственного до адресных инициатив (табл. 1).

Таблица 1

Многоуровневая институциональная структура образовательного взаимодействия КНР со странами Центральной Азии

Уровень взаимодействия	Форматы
Государственный	Саммиты 5+1 (диалог в сфере образования). Подкомитеты двусторонних межправительственных комиссий. Министерства образования.
Вузы	Двойные дипломы. Филиалы китайских вузов. Совместное онлайн-образование (дополнительное профессиональное образование). Кафедры (языковые или другого профиля).
Образовательные проекты	Институты Конфуция (культурно-гуманитарный профиль). Мастерские Лу Баня (инженерно-технический профиль). Конкурсы и мероприятия.
Китайские компании	Материальная поддержка (оснащение аудиторий, закупка оборудования, совместные образовательные проекты, гранты, в том числе в рамках инициативы «Пояса и пути»). Академии Huawei. Онлайн-программы.
Стипендии	Стипендии Правительства КНР. Стипендии провинций КНР (например, СУАР). Стипендии отдельных образовательных учреждений.

Источник: [составлена авторами по материалам средств массовой информации КНР и стран Центральной Азии].

Предлагаемая схема задает аналитическую рамку исследования: она позволяет проследить, как гуманитарная политика КНР в регионе реализуется на практике и как каждый из уровней институционального взаимодействия проявляется в отношении отдельных государств Центральной Азии. Все последующие таблицы, посвященные странам региона, построены по тому же принципу, что обеспечивает сопоставимость представленных данных.

Образовательное взаимодействие КНР с Республикой Казахстан

Образовательное сотрудничество КНР и Казахстана выстроено на прочной межгосударственной основе. В 2003 г. было заключено соглашение между министерствами образования стран, заложившее рамки для академических обменов. Под эгидой комитета по сотрудничеству между Казахстаном и КНР функционируют подкомитеты по научно-техническому и культурно-гуманитарному сотрудничеству.

Казахстан занимает особое место в образовательной стратегии КНР в Центральной Азии. Так, по числу институтов Конфуция и совместных проектов Казахстан лидирует в регионе. Это объясняется как масштабами самой страны, так и ее геополитическим значением для инициативы «Пояс и путь» (табл. 2).

Образовательная политика КНР в Казахстане при этом сталкивается с комплексом рисков, обусловленных антикитайскими настроениями, которые могут сдерживать эффективность ее воздействия (см. подробнее: [Титаренко 2020; Агупов 2023]).

Таблица 2

Форматы образовательного взаимодействия КНР с Республикой Казахстан

Уровень взаимодействия	Форматы
Вузы	Программы двойных дипломов (Северо-Западного политехнического университета КНР и Казахстанского национального университета имени Аль-Фараби; Пекинского университета языка и культуры и Международного университета Астаны). 4 филиала китайских вузов. Китайский язык преподают в 27 вузах.
Образовательные проекты	5 институтов Конфуция. Мастерские Лу Баня (1 действует, 1 планируется). Конкурс «Мост китайского языка».
Китайские компании	Материальная поддержка вузов. 48 академий Huawei (на конец 2025 г., планировалось довести до 50). Онлайн-программы (от Huawei, Tencent, Alibaba Group и других компаний).
Стипендии	До 155 образовательных грантов Правительства КНР (ежегодно). Стипендии регионов КНР (например, СУАР выделил в 2025 г. 35 грантов) и отдельных университетов.

Источник: [составлена авторами по материалам средств массовой информации КНР и стран Центральной Азии].

КНР адаптирует форматы взаимодействия с учетом региональных потребностей внутри самого Казахстана, стараясь присутствовать не только в столице, но и на местах. К примеру, один из институтов Конфуция был создан в 2010–2011 гг. на базе регионального вуза – Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова (Западный Казахстан), а в 2023 г. в г. Усть-Каменогорск (Восточный Казахстан) открылась Мастерская Лу Баня (преподаватели данного проекта проходили спецкурс на базе Тяньцзиньского профессионального института в КНР, сама лаборатория снабжена китайским оборудованием).

Параллельно развивается сотрудничество в области высоких технологий и науки. Так, открытый осенью 2023 г. Северо-Западный политехнический университет (г. Сиань) и Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (г. Алматы) ориентированы прежде всего на подготовку бакалавров в сфере искусственного интеллекта и информационных технологий.

В своих проектах КНР избегает идеологической составляющей, что важно для казахстанского образовательного рынка, делая ставку на «полезность»: мастерские Лу Баня, онлайн-курсы, технологии как образовательный профиль. Подобные форматы – это не только инструменты гуманитарной политики КНР, но и прямые инвестиции в кадровую базу под совместные инфраструктурные и индустриальные проекты.

Образовательное взаимодействие КНР с Киргизской Республикой

Став к 2025 г. крупнейшим внешним инвестором Киргизии (Кыргызстана), КНР наращивает сотрудничество в гуманитарной сфере. При этом, как и в Казахстане, в Киргизии присутствуют антикитайские настроения, о чем свидетельствуют конфликты вокруг деятельности китайских компаний, протесты 2019 г. и другие события [Kulintsev, Mukmbaev, Rakhimov, Zuenko 2020, p. 131–139]. Гуманитарная стратегия КНР в этом контексте может оцениваться как инструмент содействия углублению экономических контактов и обеспечения долгосрочного влияния КНР в Киргизии (табл. 3).

Киргизия стала одной из первых стран дальнего зарубежья, с которой КНР в 2002 г. подписала соглашение о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях. В 2023 г. появилась китайско-киргизская межведомственная комиссия по научно-техническому сотрудничеству. На ее заседании в 2025 г. были подписаны протокол и меморандум о взаимопонимании между Министерством науки, высшего образования и инноваций Киргизской Республики и Министерством науки и технологий КНР.

Таблица 3

Форматы образовательного взаимодействия КНР с Киргизской Республикой

Уровень взаимодействия	Форматы
Вузы	Изучение китайского языка в 9 университетах Киргизии. Программа двойного диплома (Ошский государственный университет и Университет Сьюань). Открытие сети киргизско-китайских колледжей (планируется). Киргизско-Китайский институт на базе Киргизского национального университета имени Ж. Баласагына (открыт в 2021 г. как Институт Шелкового пути при университете), Киргизско-Китайский университет (открыты в 2024 г.) в Бишкеке. Аналитический центр по изучению Китая в Дипломатической академии Министерства иностранных дел Киргизской Республики имени Казы Дикамбаева в Бишкеке (открыт в 2023 г.).
Образовательные проекты	4 института Конфуция (Бишкек, Ош, Джалал-Абад). 1 Мастерская Лу Баня. Конкурс «Мост китайского языка».
Китайские компании	Онлайн-программы (от Huawei, Tencent, Alibaba и др.). Центр дронов от компании Xi'an Tianyi Intelligent Control Education Technology.
Стипендии	17 грантов Правительства КНР на 2025/2026 г.. 125 грантов Народного правительства СУАР на 2024/2025 г.. Программа посольства КНР в Киргизии «Следуя за китайской мечтой» (с 2022 г.) – полные бакалаврские стипендии.

Источник: [составлена авторами по материалам средств массовой информации КНР и стран Центральной Азии].

Помимо институтов Конфуция, в Киргизии работает Центр китайского образования и культуры в Национальной библиотеке Киргизской Республики имени А. Осмонова (открыт при поддержке посольства КНР в 2015 г.). Абитуриентов из Киргизии нередко приглашают учиться в СУАР. По данным китайской стороны, студенты, побывавшие в СУАР, возвращаются убежденными в безопасности этого региона и относятся к КНР позитивно [Liu 2019].

Еще одна важная особенность образовательной политики КНР в Киргизии – фокус на профессиональное образование и прикладные навыки, которые нужны для двустороннего сотрудничества. Как отметила посол КНР в Киргизской Республике Ду Дэвэнь, Мастерская Лу Баня должна «внести вклад в совместное строительство “Пояса и пути” и таких крупных проектов, как железная дорога Китай – Киргизия – Узбекистан» [Два умных класса... 2024]. Также на базе Кыргызского государственного технического университета имени И. Раззакова в 2024 г. при поддержке китайской компании Xi'an Tianyi Intelligent Control Education Technology и Шэньсийского профессионально-технического колледжа был открыт центр обучения эксплуатации беспилотных летательных аппаратов.

В рамках договоренностей по строительству железной дороги «Китай – Киргизия – Узбекистан» Ошский технологический университет им. А.А. Адышева планируется готовить специалистов, отвечающих за эксплуатацию, ремонт и обслуживание железных дорог.

Таким образом, присутствие КНР в сфере образования в Киргизии представляется менее значительным по сравнению с Казахстаном. Тем не менее оно служит инструментом продвижения стратегических инициатив КНР посредством профессиональной и академической интеграции будущих специалистов, готовых поддержать в дальнейшем реализацию китайских проектов в Центральной Азии.

Образовательное взаимодействие КНР с Республикой Узбекистан

По сравнению с Казахстаном и Киргизией в Узбекистане гораздо позитивнее относятся к КНР – 70% узбекистанцев выражают доверие к китайским инвестициям в экономику страны [Sharifli 2022].

В рамках Узбекско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству, созданного в 2011 г., функционируют подкомитеты по культурно-гуманитарному и научно-техническому сотрудничеству.

Стратегия КНР в Узбекистане также отличается своей функциональной гибкостью. В рамках узбекско-китайского образовательного форума, прошедшего в 2024 г., было принято решение о создании уникального³ формата – Узбекско-Китайской ассоциации университетов, что позволит Пекину институционализировать свое влияние в сфере высшего образования (табл. 4).

Таблица 4

Форматы образовательного взаимодействия КНР с Республикой Узбекистан

Уровень взаимодействия	Форматы
Вузы	Свыше 15 вузов Узбекистана имеют партнеров в КНР. Совместный факультет Ташкентского государственного аграрного университета и Северо-Западного сельскохозяйственного и лесного университета КНР. Программы двойных дипломов (Ташкентский международный университет Кимё и Университет Хуацяо). Узбекско-китайская ассоциация университетов.
Образовательные проекты	2 института Конфуция (Ташкент, Самарканд).
Китайские компании	8 академий Huawei. Финал конкурса Tech4Good (Huawei) (2024 г., Ташкент). Программа Global e-Commerce Talent, реализуемая Alibaba Business School при участии узбекистанской компании ООО «Great Wall Consulting» (курсы по электронной коммерции в Узбекистане).

3. Подобного рода структур в Центральной Азии нет даже у Российской Федерации.

Продолжение таблицы

Стипендии	100 грантов Правительства КНР (ежегодно). Грант правительства провинции Шэньси Ташкентскому государственному транспортному университету в размере 1,8 млн долл. США. Соглашение о стипендиях для обучения узбекистанцев в вузах СУАР, подписанное Народным правительством СУАР и Министерством высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан (2024 г.).
-----------	--

Источник: [составлена авторами по материалам средств массовой информации КНР и стран Центральной Азии].

Объем стипендиальной поддержки, предоставляемой узбекским гражданам со стороны КНР на уровне правительства меньше, чем для Казахстана и Киргизии. При этом КНР, по сути, не стремится к количественному охвату, а предпочитает развивать в Узбекистане функциональные кадровые узлы, ориентированные на отраслевые приоритеты двусторонней повестки – транспорт, цифровую экономику, аграрный сектор.

В отличие от стратегии КНР в Казахстане и Киргизии, где гуманитарное сотрудничество частично направлено на нейтрализацию антикитайских настроений, в Узбекистане китайские власти реализуют модель технологичной «мягкой силы», в которой интересы китайского бизнеса и инфраструктурные инициативы формируют взаимосвязанную и последовательно реализуемую стратегию Пекина.

Образовательное взаимодействие КНР с Республикой Таджикистан

КНР – основной инвестор Таджикистана, при этом у страны серьезная задолженность перед китайским Эксимбанком, что во многом предопределяет характер взаимодействия двух государств⁴. В Таджикистане действуют свыше 700 предприятий с китайским участием, заметная часть которых связана с добывающей промышленностью (золото, свинец, цинк), а также с производством строительных материалов, прежде всего цемента. КНР в основном вкладывается в инфраструктурное строительство Таджикистана, коммуникации, а также в геологические и горные изыскания. Китайские образовательные решения в отношении Таджикистана предопределяют экономические интересы КНР в этой республике.

Специализированного подкомитета межправительственной комиссии по вопросам образования у стран нет, поэтому координация ведется через пакет

4. По данным Министерства финансов Республики Таджикистан объем задолженности Таджикистана перед Эксимбанком КНР составил 820,9 млн долл. США (55,0% от общего объема двусторонних кредитов республики).

двусторонних деклараций и профильные министерства. Однако в 2024 г. странами был достигнут важный рубеж – подписаны документы о взаимном признании квалификационных документов, ученых степеней и званий, что открыло новые горизонты для развития сотрудничества (табл. 5).

Таблица 5

Форматы образовательного взаимодействия КНР с Республикой Таджикистан

Уровень взаимодействия	Форматы
Вузы	Преподавание китайского языка в 5 ведущих вузах Таджикистана. Совместные проекты: Культурно-образовательный центр Конфуция при Таджикском национальном университете, Учебный центр Таджикистана и Китая в Горнометаллургическом институте Таджикистана. Соглашения Таджикского технического университета имени академика М.С. Осими (ТТУ) с рядом китайских вузов (программы по энергетике, геодезии). Соглашение Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни с Профессиональным университетом Линьи (2024 г.). Соглашение Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана и Университета Биньхай Циндао (2024 г.). Форум Таджикистана и Китая по техническому образованию на базе ТТУ (проходит с 2023 г. ежегодно).
Образовательные проекты	2 института Конфуция. 1 Мастерская Лу Баня на базе ТТУ (Центр практического обучения геодезии, Центр практического обучения зеленой энергии).
Китайские компании	Таджикско-Китайская горнопромышленная компания: Куратор проекта «Мастерская китайского языка» (с 2023 г.), стипендии для обучения техническим специальностям (2022 г. – в провинции Ганьсу), переводы китайских книг на таджикский язык, гранты. Соглашение ТТУ с компанией Hai Tuo Energy Development Co. LTD; 3 академии Huawei. Онлайн-программы (от Huawei, Tencent, Alibaba Group и других компаний).
Стипендии	Свыше 100 квот Правительства КНР (ежегодно; по данным на 2020 г.).

Источник: [составлена авторами по материалам средств массовой информации КНР и стран Центральной Азии].

Образовательные форматы, реализуемые КНР в Таджикистане, в значительной степени подчинены логике прикладной подготовки кадров, встроенной в производственно-инфраструктурные цепочки. В Таджикистане в сентябре 2022 г. была открыта первая в Центральной Азии Мастерская Лу Баня. Таджикско-Китайская горнопромышленная компания с 2023 г. реализует в республике программу «Китайский язык + профессиональные навыки» при поддержке

Ланьчжоуского профессионально-технического университета природных ресурсов, в 2025 г. прошел уже третий курс «Китайский язык + электролиз свинца». Подобную направленность имеют многие китайско-таджикские соглашения.

В Таджикистане отмечается запрос на развитие цифровых навыков. В апреле 2024 г. в Душанбе открылся первый в республике авторизованный учебный центр Huawei, предлагающий сертифицированные курсы по передовым направлениям информационно-коммуникационным технологиям, – совместный проект Huawei с местной группой компаний «Коиноти нав».

В декабре 2025 г. Национальной академией наук Таджикистана совместно с Университетом транспорта Сианя был открыт Международный центр передачи новых технологий Сиань – Таджикистан, тогда же представители сторон осмотрели площадки для строительства Научного центра информационных технологий (с общежитием), который в ближайшее время появится в республике.

Эти инициативы свидетельствуют о целенаправленном расширении китайской образовательной дипломатии в сторону формирования кадровой базы для цифровой экономики Таджикистана. С одной стороны, это отвечает национальным интересам республики, с другой – позволяет закрепить на местном рынке китайские технологические стандарты.

Образовательное взаимодействие КНР с Туркменистаном

КНР реализует в Туркменистане ограниченную, но стратегически ориентированную политику в сфере образования. Сотрудничество фокусируется на преподавании китайского языка, профессионально-техническом обучении и повышении квалификации, что отражает как интерес китайских властей к развитию гуманитарных связей, так и необходимость учитывать закрытый, нейтральный характер туркменского государства (табл. 6).

Таблица 6

Форматы образовательного взаимодействия КНР с Туркменистаном

Уровень взаимодействия	Форматы
Вузы	Преподавание китайского языка в 9 вузах
Самостоятельные образовательные проекты	1 Мастерская Лу Баня на базе Международного университета нефти и газа имени Ягшыгелди Какаева (при поддержке Китайской национальной нефтегазовой корпорации; запущены курсы повышения квалификации – «Геология и разведка полезных ископаемых» и «Информационные системы и технологии (в нефтегазовой отрасли)». Китайский центр языкового образования и сотрудничества в г. Ашхабад (при поддержке Министерства образования КНР). Соглашение с тремя ведущими вузами о повышении квалификации туркменских преподавателей китайского языка (2024 г.). Праздники (например, Международный день китайского языка), олимпиады, конкурсы при Посольстве КНР.

Продолжение таблицы

Китайские компании	Китайская национальная нефтегазовая корпорация – ключевой партнер Мастерской Лу Баня и отраслевых стажировок студентов. Академии Huawei (планируются; в 2024 г. обсуждалось внедрение проектов Huawei – «Smart Classroom 3.0», программы «Seeds for the Future»).
Стипендии	Предположительно 100 стипендий для обучения по программам бакалавриата Национального правительства СУАР.

Источник: [составлена авторами по материалам средств массовой информации КНР и стран Центральной Азии].

Особенности внутренней политической модели Туркменистана, основанной на высоком уровне государственного регулирования внешних взаимодействий, определяют особый формат сотрудничества с зарубежными странами в гуманитарной сфере. В этих условиях образовательная политика КНР реализуется через государственные вузы и межправительственные соглашения. Такая модель взаимодействия предполагает ограниченное присутствие негосударственных структур и требует адаптации инструментов «мягкой силы» к институциональной среде. В результате китайские инициативы в Туркменистане направлены на сотрудничество с рядом учебных учреждений, а не на широкое воздействие на общество. Такой подход заметно отличается от более масштабной «мягкой силы», которую КНР применяет в других странах Центральной Азии.

КНР, на наш взгляд, будет стараться наращивать свою образовательную политику в Туркменистане, учитывая стратегическую значимость этой страны. Туркменистан является крупнейшим поставщиком природного газа в КНР по трубопроводам, играя ключевую роль в китайской энергетической безопасности. Пекин заинтересован поддерживать двусторонние отношения на всех уровнях, в том числе гуманитарном, чтобы укреплять доверие и взаимопонимание. Характерно, что основные образовательные проекты КНР в Туркменистане тесно связаны с приоритетными отраслями сотрудничества – прежде всего с энергетикой.

Заключение и выводы для Российской Федерации

Исследование показало, что образовательная политика КНР в Центральной Азии представляет собой не унифицированный экспорт культурных моделей, а вариативную систему, гибко адаптируемую к политическим, институциональным и культурным контекстам каждой из стран региона. Эта система сочетает в себе высокоуровневое межправительственное сотрудничество, опору на локальные академические структуры (программы двойных дипломов,

мастерские, обмены), а также включение частного сектора в развитие прикладных направлений – от энергетики до цифровой экономики (например, Huawei, компании по добыче и переработке ресурсов). Степень адаптации китайских инструментов показывает, что устойчивость образовательных проектов в регионе определяется не только масштабом инициатив КНР, но и особенностями институциональной среды в странах Центральной Азии.

Центральноазиатские государства, в свою очередь, воспринимают китайскую активность не как политический вызов, а как возможность: для повышения качества технического образования, развития кадровой базы в информационно-коммуникативных технологиях и инженерии, укрепления мобильности студентов и преподавателей. В одних случаях (Казахстан, Узбекистан) образовательное сотрудничество охватывает широкие слои населения и строится на институциональном доверии, в других (Туркменистан) – ограничено и осуществляется в формате точечной поддержки.

Для Российской Федерации такая активность КНР создает как вызовы, так и возможности. С одной стороны, усиление китайского образовательного трека ведет к закреплению нормативных и технологических стандартов КНР в ключевых секторах экономики региона, с другой – совместимость отдельных направлений (инженерно-техническая подготовка, развитие цифровых компетенций) открывает перспективы для выстраивания согласованных программ и сетевых проектов для России и КНР в Центральной Азии.

Зоны риска для России – не только в перераспределении потоков абитуриентов, но и в закреплении китайских образовательных и технологических стандартов как базовых для ключевых отраслей экономики стран региона, что может постепенно сузить пространство для российских программ и форматов сотрудничества.

На данный момент в странах Центральной Азии работают Российско-Таджикский (Славянский) университет в Душанбе, Киргизско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина в Бишкеке, а также в Казахстане и Узбекистане ряд филиалов российских вузов. Их потенциал можно использовать не только для базового преподавания, но и как технологическую платформу для создания отраслевых научно-исследовательских лабораторий: кибербезопасность, экономика, цифровые технологии, бизнес-аналитика. Важно выстраивать взаимодействие с местной экономикой через программы, стажировки, проектные группы.

Квоты на обучение в российских вузах для студентов из стран Центральной Азии растут, однако их эффективность зависит не от количества, а от качества отбора и последующего сопровождения студентов. Перспективным направлением должна стать привязка квот к целевым отраслям (информационные технологии, медицина, энергетика, агротехнологии) с последующей стажировкой и трудоустройством выпускников в совместных проектах между Россией и странами Центральной Азии.

Отдельного внимания заслуживает формирование сетевых образовательных кластеров, например, Евразийского сетевого университета или Российско-Киргизского консорциума технических университетов. Такие структуры способны выполнять роль «третьих площадок доверия», где российские и центральноазиатские вузы взаимодействуют как равноправные партнеры.

С учетом расширения китайского влияния в регионе России важно развивать координацию с КНР по ряду направлений, включая совместное финансирование образовательных инициатив и академических обменов в рамках Шанхайской организации сотрудничества или в контексте реализации сопряжения инициативы «Пояса и пути» и Евразийского экономического союза. Ключевая задача России – не наращивать свое присутствие, а переориентироваться на устойчивое, гибкое и востребованное образовательное предложение.

Библиография

Грозин А.В. «Мягкая сила» Китая в Центральной Азии: главный ресурс продвижения положительного образа КНР в регионе // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества / отв. ред. А.В. Друзяка. Вып. 11. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2021. С. 348–355.

Два умных класса в рамках проекта «Мастерская Лу Бань» открылись в Кыргызстане // Портал «Пояс и путь». 29.06.2024. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/0C3459B5.html> (дата обращения: 15.08.2025).

Курамаева Г., Нурдаuletова С. Политика «мягкой силы» КНР в отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) // Центральная Азия и Кавказ. 2018. Т. 21, № 3. С. 19–27.

Садовская Е.Ю. Многомерное присутствие Китая в Казахстане через призму миграции. Исследовательский отчет. Алматы; Москва: МИРПАЛ, Региональная программа по миграции Всемирного банка, МОМ, ООН-Женщины и DFID, 2016. 128 с.

Сироджиддин С. Специфика «мягкой силы» Китайской Народной Республики в Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2024. № 5. С. 315–325.

Титаренко А.М. Антикитайские настроения в Казахстане: бытовая синофобия, интересы элит, внешнее влияние // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 4. С. 103–115. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-4-103-115.

Arynov Z. Educated into Sinophilia? How Kazakh Graduates of Chinese Universities Think about China and Their Home Country // Journal of Current Chinese Affairs. 2023. Vol. 52, № 3. P. 369–395.

Huawei empowers region's ICT talent ecosystem with launch of Instructor Enablement Camp in the Middle East and Central Asia region // Teletimes International. 06.07.2023. URL: <https://teletimesinternational.com/2023/huawei-instructor-enablement-camp-middle-east-central-asia/> (дата обращения: 15.06.2025).

Kulintsev Yu.R., Mukmbaev A.A., Rakhimov K.K., Zuenko I.Yu. Sinophobia in the Post-Soviet Space // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18, N 3. P. 128–151. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-3-128-151.

Laruelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change, and the Chinese Factor. London: Hurst & Company, 2012.

Liu X. Growing trend of learning Chinese strengthens China-Kyrgyzstan ties // Global Times. 19.06.2019. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1154828.shtml> (дата обращения: 15.06.2025).

Sharifli Yu. Growing Importance of Uzbekistan for China // Central Asia Barometer. 06.10.2022. URL: <https://ca-barometer.org/en/publications/growing-importance-of-uzbekistan-for-china> (дата обращения: 04.02.2026).

习近平在第二届中国 – 中亚峰会上的主旨发言 = Выступление Си Цзиньпина на Втором саммите «Китай – Центральная Азия» // 新华网 = Синьхуа. 17.06.2025. URL: <http://www.news.cn/politics/leaders/20250617/1d13b135d92541fe990a5768a566dbec/c.html> (дата обращения: 15.08.2025).

肖甦, 时月芹. “一带一路”视域下中国与中亚五国教育交流合作30年审思 = Сяо Су, Ши Юэцин. Рефлексии о 30-летнем сотрудничестве и обменах в области образования между Китаем и пятью странами Центральной Азии в контексте «Пояса и пути» // 比较教育研究 = Сравнительное исследование образования. 2022. N 12. С. 3–14.

胡晓, 吴莹. “一带一路”视域下中亚五国中文教育跨越式发展协同创新体系构建 = Ху Сяо, У Ин. Построение системы координированных инноваций для скачкообразного развития преподавания китайского языка в пяти странах Центральной Азии в контексте «Пояса и пути» // 比较教育研究 = Сравнительное исследование образования. 2025. Т. 47, N 5. С. 31–40.

“中国教育现代化2035”: 和实施方案发布! 全景解读战略规划和施工图! = Опубликованы документы «Модернизация образования Китая к 2035 году» и «План реализации». Всесторонний обзор стратегического плана и дорожной карты // 清华大学 = Университет Цинхуа. 23.02.2025. URL: <http://www.tsinghua.edu.cn/info/1662/58821.htm> (дата обращения: 15.08.2025).

共建“一带一路”: 构建人类命运共同体的重大实践白皮书 = Белая книга «Совместное строительство “Пояса и пути”: значимая практика построения сообщества с общей судьбой человечества» // 中华人民共和国中央人民政府门户网站 = Портал Государственного совета КНР. 10.10.2023. URL: http://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (дата обращения: 15.08.2025).

References

Arynov Z. Educated into Sinophilia? How Kazakh Graduates of Chinese Universities Think about China and Their Home Country. Journal of Current Chinese Affairs. 2023. Vol. 52, N 3. P. 369–395.

Dva umnykh klassa v ramkakh proekta «Masterskaya Lu Ban» otkrylis' v Kyrgyzstane [Two Smart Classrooms under the Lu Ban Workshop Project Opened in Kyrgyzstan]. Portal «Put' i Poyas» [Belt and Road Portal]. 2024. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/0C3459B5.html> (date of access: 15.08.2025). (In Russ.)

Huawei empowers region's ICT talent ecosystem with launch of Instructor Enablement Camp in the Middle East and Central Asia region. Teletimes International. 06.07.2023. URL: <https://teletimes-international.com/2023/huawei-instructor-enablement-camp-middle-east-central-asia/> (date of access: 15.06.2025).

Hu Xiao, Wu Ying. “Yidai yilu” shiyu xia zhongya wu guo zhongwen jiaoyu kuayue shi fazhan xitong chuangxin tixi goujian = Hu Sjao, U In. Postroenie sistemy koordinirovannyh innovacij dlja skachkoobraznogo razvitija prepodavaniya kitajskogo jazyka v pjati stranah Central'noj Azii v kontekste «Pojasa i puti» [Building a Coordinated Innovation System for the Leapfrog Development of Chinese Language Teaching in Five Central Asian Countries in the Context of the Belt and Road Initiative]. // Bijiao jiaoyu yanjiu = Sravnitel'noe issledovanie obrazovanija [Comparative study of education]. 2025. Vol. 47, N 5. P. 31–40.

Gongjian “Yidai yilu”: goujian renlei mingyun gongtong ti de zhongda shijian baipishu = Belaja kniga «Sovmestnoe stroitel'stvo “Pojasa i puti”: znachimaja praktika postroenija soobshhestva s obsh-

hej sud'boj chelovechestva» [White Paper “Jointly Building the Belt and Road: Meaningful Practices for Building a Community with a Shared Destiny for Humanity”]. Zhonghuarenmingongheguozhong-yangrenminzhengfu menhuwangzhan = Portal Gosudarstvennogo soveta KNR [Portal of the State Council of the People's Republic of China]. 10.10.2023. URL: http://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (date of access: 15.08.2025).

Kulintsev Yu.R., Mukmbaev A.A., Rakhimov K.K., and Zuenko I.Yu. Sinophobia in the Post-Soviet Space. *Russia in Global Affairs*. 2020. Vol. 18, N 3. P. 128–151. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-3-128-151.

Kuramaeva G., and Nurdavletova S. Politika «myagkoy sily» KNR v otnoshenii stran Tsentral'noy Azii (na primere Kazakhstana) [China's “Soft Power” Policy towards Central Asian Countries (The Case of Kazakhstan)]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2018. Vol. 21, N 3. P. 19–27. (In Russ.)

Laruelle M., and Peyrouse S. *The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change, and the Chinese Factor*. London: Hurst & Company, 2012.

Liu X. Growing trend of learning Chinese strengthens China-Kyrgyzstan ties. *Global Times*. 19.06.2019. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1154828.shtml> (date of access: 15.06.2025).

Sadovskaya E. Yu. Mnogomernoe prisutstvie Kitaya v Kazakhstane cherez prizmu migratsii: issledovatel'skiy otchet [Multidimensional Presence of China in Kazakhstan through the Lens of Migration: Research Report]. Almaty – Moscow: MIRPAL, Regional'naya programma po migratsii Vsemirnogo banka, MOM, OON-Zhenshchiny i DFID, 2016. 128 p. (In Russ.)

Sirodzhiddin S. Spetsifika «myagkoy sily» Kitayskoy Narodnoy Respubliki v Tsentral'noy Azii [Specifics of the “Soft Power” of the People's Republic of China in Central Asia]. *Vestnik Tadzhijskogo natsional'nogo universiteta. Seriya sotsial'no-ekonomicheskikh i obshchestvennykh nauk* [Bulletin of Tajik National University. Series of Socio-Economic and Social Sciences]. 2024. N 5. P. 315–325. (In Russ.)

Sharifli Yu. Growing Importance of Uzbekistan for China // *Central Asia Barometer*. 06.10.2022. URL: <https://ca-barometer.org/en/publications/growing-importance-of-uzbekistan-for-china> (date of access: 04.02.2026).

Titarenko A.M. Antikitayskie nastroyeniya v Kazakhstane: bytovaya sinofobiya, interesy elit, vneshnee vliyaniye [Anti-Chinese Sentiments in Kazakhstan: Everyday Sinophobia, Interests of the Elites, and External Influence]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and the New States of Eurasia]. 2020. N 4. P. 103–115. (In Russ.)

Xiao Su, Shi Yueqin. “Yidai yilu” shiyu xia zhongguo yu zhongya wu guo jiaoyu jiaoliu hezuo 30 nian shensi [Xiao Su, Shi Yueqin. refleksii o 30-letnem sotrudnichestve i obmenah v oblasti obrazovaniya mezhdru Kitaem i pjat'ju stranami Central'noj Azii v kontekste «Pojasa i puti»] [Reflections on 30 years of educational cooperation and exchanges between China and five Central Asian countries in the context of the Belt and Road Initiative]. *Bijiao jiaoyu yanjiu = Sravnitel'noe issledovanie obrazovaniya* [Comparative study of education]. 2022. N 12. P. 3–14.

Xij Jinping zai dier jie zhongguo – zhongya fenghui shang de zhuzhi fayan = Vystuplenie Si Czin'pina na Vtorom sammite «Kitaj – Central'naja Azija» [Xi Jinping's Speech at the Second Summit “China – Central Asia”]. *Xinhua* = Sin'hua [Xinhua]. 2025. URL: <http://www.news.cn/politics/leaders/20250617/1d13b135d92541fe990a5768a566dbec/c.html> (date of access: 15.08.2025).

“Zhongguo jiaoyu xiandaihua 2035”: he shishi fang'an fabu! quanjing jiedu zhanlue guiha he shigong tu! = Opublikovany dokumenty «Modernizatsiya obrazovaniya Kitaja k 2035 godu» i «Plan realizatsii». Vsestonnij obzor strategicheskogo plana i dorozhnoj karty [The documents “Modernizing China's Education by 2035” and “Implementation Plan” have been published. A comprehensive overview of the strategic plan and roadmap]. *Qinghuadaxue = Universitet Cinhua* [Tsinghua University]. 23.02.2025. URL: <http://www.tsinghua.edu.cn/info/1662/58821.htm> (date of access: 15.08.2025).

П.М. Мозиас, М.Т. Календарова

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР В ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И СОВРЕМЕННЫЕ СМЫСЛЫ**

Аннотация. В статье проводится комплексное исследование территориального конфликта между Китайской Народной Республикой и Японией в Восточно-Китайском море – спора о принадлежности архипелага Сенкаку (Дяоюйдао). Рассматриваются исторические предпосылки спора, включая последствия китайско-японской войны 1894–1895 гг., политику колониальной экспансии Японии, влияние решений, принятых по итогам Второй мировой войны и в ходе холодной войны. Подробно анализируется развитие конфликта с 1970-х годов до начала XXI в., когда экономический подъем Китая и ослабление японской экономики стали катализаторами изменения баланса сил в регионе.

Показано, что территориальный конфликт имеет сложную природу, в которой переплетаются политические, экономические и символические аспекты. Приводятся актуальные данные о структуре и масштабах морской экономики двух стран, в том числе о судостроении, морской торговле, энергетике и рыболовстве. Отдельно исследуется международный контекст конфликта: позиция США в рамках американо-японского Договора безопасности, реакция других стран региона на конфликт и влияние данного спора на общую систему безопасности в Восточной Азии.

Раскрывается значение конфликта для Российской Федерации. Показано, что Россия объективно заинтересована в сохранении стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поскольку имеет отношения стратегического партнерства с Китаем и одновременно территориальные разногласия с Японией по вопросу Курильских островов. Аргументируется, что для России наилучшей позицией является сохранение нейтралитета, это позволит поддерживать баланс интересов, избежать вовлечения в противостояние между Китаем, Японией и США, а также сохранять пространство для маневра в двусторонних отношениях с каждым из участников спора.

Ключевые слова: Восточно-Китайское море; Китай; Япония; территориальный конфликт; морское хозяйство; международное право; талассократия.

Мозиас Пётр Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), доцент департамента мировой экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Россия, Москва.

E-mail: pmozias@hse.ru

Календарова Мадина Тургуновна – студентка факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Россия, Москва.
E-mail: mkalendarova@edu.hse.ru

Mozias P.M., Kalendarova M.T.

Territorial dispute in the East China Sea: historical roots and contemporary interpretations

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the territorial dispute between the People's Republic of China and Japan in the East China Sea, centered on the contested Senkaku (Diaoyu Dao) Islands. It explores the historical background of the conflict, tracing its origins to the late nineteenth century, including the aftermath of the First Sino-Japanese War of 1894–1895, Japan's colonial expansion, and the geopolitical decisions made following World War II and during the Cold War. The paper examines the evolution of the dispute from the 1970s to the early twenty-first century, emphasizing how China's rapid economic growth and Japan's relative economic stagnation have reshaped the regional balance of power.

The study demonstrates that the territorial conflict in the East China Sea has a multifaceted character, combining political, economic, and symbolic dimensions. Particular attention is paid to the role of the maritime economy in both China and Japan as a critical factor in their national security and development. The article presents current data on the structure and scale of the two countries' maritime industries, including shipbuilding, maritime trade, energy, and fisheries. The international dimension of the dispute is analyzed in detail, including the position of the United States under the U.S.–Japan Security Treaty, the responses of other regional actors, and the broader implications of the conflict for East Asian security.

The paper also assesses the significance of the conflict for the Russian Federation. Although Russia is not directly involved, it has strategic interests in maintaining regional stability due to its partnership with China and its unresolved territorial dispute with Japan over the Kuril Islands. It is argued that neutrality remains the most pragmatic policy for Russia, allowing it to preserve flexibility in relations with both China and Japan while avoiding entanglement in the broader geopolitical confrontation.

Keywords: East China Sea; China; Japan; territorial conflict; maritime economy; international law; thalassocracy.

Mozias Petr Mikhailovich – PhD in Economics, Leading Researcher of Department of Asia and Africa of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); Associate Professor of Department of World Economy of National Research University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: pmozias@hse.ru

Kalendarova Madina Turgunovna – student at the Faculty of World Economics and World Politics at the National Research University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: mkalendarova@edu.hse.ru

Введение

Территориальный конфликт в Восточно-Китайском море (ВКМ) имеет давние исторические корни, однако долгое время он оставался вялотекущим и не переходил в острую фазу. Ситуация изменилась в 2012 г., когда Япония решила национализировать несколько спорных островов, находившихся формально в частной собственности японских граждан, что вызвало резкую реакцию со стороны Китайской Народной Республики (КНР) и послужило толчком к обострению двусторонних отношений. Усиление внешнеполитической активности Токио при Синдзо Абэ (на посту премьер-министра в 2012–2020 гг.) также стало важным фактором эскалации.

Территориальный конфликт между двумя государствами может перерасти в масштабную международную проблему, особенно с учетом обязательств США по защите Японии в рамках двустороннего союза. Также он имеет немалое значение и для Российской Федерации. Российско-китайские отношения ныне характеризуются как стратегическое партнерство, активно развивающееся в политической, экономической и военной сферах. В то же время между Россией и Японией не заключен мирный договор, и японская сторона оспаривает принадлежность части Курильских островов («Северных территорий» в японской терминологии). Развитие китайско-японского территориального спора может косвенно повлиять и на российские интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

В настоящей статье выявляются причины важности для КНР и Японии принадлежности архипелага и акваторий в ВКМ; прослеживаются динамика развития конфликта и соотношение его экономического и политического аспектов; исследуется международный контекст территориального спора.

Политико-экономические предпосылки и институциональные условия для территориального спора в ВКМ

Морские пути – артерии мира, линии связи, маршруты власти; кто контролирует их, тот диктует свои условия. Испокон веков открытие морской торговли было точкой невозврата, с которой начиналось противостояние великих держав. Китай и Япония входят в число государств, которые за последние 200 лет наиболее активно участвовали в международных конфликтах. По подсчетам Л.В. Дериглазовой, Китай участвовал в 52 международных конфликтах, Япония – в 50 [Дериглазова 2013, с. 140].

Некоторые причины возникновения конфликтов можно объяснить принадлежностью государств к определенному типу цивилизации. По мнению российского географа и социолога Л. И. Мечникова [Мечников 2013], цивилизации проходят три стадии развития (речную, морскую и океаническую), а особенности физико-географической среды серьезно влияют на историческую судьбу народов, иногда предоставляя одним преимущество и доминирующее положение по сравнению с другими. Цивилизация, по Л. И. Мечникову, основывается на берегу реки, которая становится ключевой для ее выживания. Постепенно цивилизация расширяется за счет близлежащих территорий и выходит к морю, становясь морской, а при условии поступательного развития – океанической.

По этой теории Япония и КНР в настоящее время находятся на этапе морских цивилизаций, а переход одной из них на океанический этап может означать установление контроля над Южно-Китайским морем (ЮКМ) – стратегически важным регионом, обеспечивающим свободный выход в Индийский и Тихий океаны. Находясь в одном регионе, имея одинаково высокие амбиции, страны являются соперницами в данном переходе, так как каждой из них одновременно нужно самой стать океанической цивилизацией и попытаться не дать другой стране совершить переход.

Согласно концепции американского ученого Х. Маккиндера [Маккиндер 2023], цивилизации делятся на талассократии («цивилизации Моря») и теллуократии («цивилизации Суши»). Эта концепция дуализма цивилизаций лежит в основе его геополитической теории, сравнивающей мобильность и торговую ориентацию морских держав со стабильностью и ресурсной независимостью сухопутных держав. Талассократии в основном ориентируются на освоение прибрежных зон, стремятся развивать мобильность, торговлю и инновации, часто создают военно-морские базы для защиты и контроля стратегически важных торговых путей. Теллуократии, отличающиеся от талассократий стратегической изоляцией и наличием богатых природных ресурсов, могут оказывать давление на соседние регионы благодаря своему центральному расположению, а для усиления своей геополитической позиции они осуществляют экспансию на прибрежные территории.

С точки зрения теории Х. Маккиндера, Китай – теллуократия, континентальная держава с глубокими историческими корнями, традиционно ориентированная на внутренние ресурсы и развитие сухопутной мощи. Япония, в свою очередь, – талассократия в чистом виде, островное государство с давними морскими традициями, сильно зависящее от торговли (для обеспечения себя ресурсами) и инноваций. Китай как теллуократия стремится укрепить свои позиции одновременно на суше и море, например, осуществляя модернизацию военно-морского флота или регулярное патрулирование спорных зон. Япония же как талассократия старается активно развивать свои военно-морские силы (это может включать в себя модернизацию флота, создание систем

противовоздушной обороны и военный союз с США), пытаясь предупредить угрозы, исходящие из моря, например, китайскую экспансию в ВКМ.

Морские конфликты представляют собой особую разновидность международных противостояний, где тесно переплетаются политические, экономические и стратегические интересы государств. С точки зрения популярной в политологии школы неореализма они отражают борьбу за выживание и безопасность в анархичной международной системе: каждое государство стремится укрепить контроль над акваториями, обеспечивающими ему доступ к ресурсам, транспортным путям и военному присутствию. Причинами таких споров могут быть не только вопросы суверенитета и демаркации морских границ, но и противоречия в сферах безопасности судоходства, размещения военных баз, а также отстаивание национальных интересов в стратегически важных регионах (см. подробнее: [Бессам 2022]). В экономическом плане морские конфликты часто возникают из-за распределения богатств океана – рыболовных зон, нефтегазовых месторождений, запасов полезных ископаемых на шельфе. Именно экономическая значимость морей усиливает напряженность между странами, чьи интересы пересекаются на ограниченных морских пространствах. Таким образом, природа морских конфликтов тесно связана с функционированием и развитием морской экономики, включающей судостроение, портовую деятельность, морские перевозки, добычу ресурсов на континентальном шельфе, рыболовство и аквакультуру, морской туризм. Эта взаимосвязь особенно ярко проявляется в странах, чьи экономики во многом зависят от моря, таких, как Китай и Япония.

Морское хозяйство КНР – одна из наиболее быстро развивающихся и крупнейших сфер в экономике страны, что подтверждается объемом валового морского продукта, который в 2024 г. достиг 10,54 трлн юаней, или 1,4 трлн долл. США (8% от общего валового внутреннего продукта) [China's Marine Economy Hits Record... 2025]. КНР – мировой лидер по производству рыбы и морепродуктов. Согласно отчету Министерства сельского хозяйства США, объем производства морепродуктов в КНР составил в 2024 г. около 74,1 млн метрических тонн, что на 4% больше по сравнению с 2023 г. [China: 2025. China Fishery Products Report 2025].

КНР имеет морской торговый флот, насчитывающий свыше 2 тыс. судов с общим тоннажем свыше 160 млн т (около 10% от мирового тоннажа). В стране работают свыше 240 международных морских компаний и около 1,2 тыс. каботажных и речных перевозчиков. Международные маршруты связывают КНР с более чем 1 тыс. портов в 100 странах мира. По состоянию на 2023 г. под китайским флагом было зарегистрировано 9222 судна общей грузоподъемностью около 127,5 млн т. Совокупный тоннаж торгового флота, находящегося в собственности китайских компаний, оценивается примерно в 258,4 млн брутто-регистрационных тонн, включая 1764 танкера общей стоимо-

стью около 47,9 млрд долл. США. По данным на сентябрь 2024 г., суммарный тоннаж флота КНР достиг 430 млн т, что составляет порядка 18,7% мирового тоннажа [Maritime Profile].

КНР заняла доминирующее положение в мировой судостроительной отрасли: по данным американского Центра стратегических и международных исследований, доля страны в мировом выпуске коммерческих судов превышает 50% и продолжает расти, а одна только крупнейшая китайская государственная судовой верфь в 2024 г. по тоннажу построила больше судов, чем вся судостроительная промышленность США с конца Второй мировой войны 1939–1945 гг. Эта мощь подкрепляется стратегией «военно-гражданского слияния», позволяющей коммерческим верфям обеспечивать и ускорять развитие военно-морского флота [Funaiolo, Hart, Powers-Riggs 2025]. Энергетический сектор в морском хозяйстве КНР также в последние годы набирает обороты (прежде всего морская ветроэнергетика, добыча полезных ископаемых, в том числе нефти и газа).

Длина береговой линии КНР около 18 тыс. км, вдоль нее расположены свыше 700 портов, включая свыше 300 глубоководных гаваней. Такая протяженная и географически разнообразная морская граница создает уникальные возможности для развития портовой инфраструктуры. Государственная политика КНР направлена на формирование и укрепление крупных портовых кластеров, объединяющих морские, речные и железнодорожные транспортные узлы, и обеспечивает эффективную интеграцию внутренних и внешних грузопотоков. Ключевыми портовыми регионами КНР являются Бохайский залив, дельты рек Янцзы и Чжуцзян. В Бохайском кластере сосредоточены такие порты, как Тяньцзинь, Циньхуандао, Цаофэйдянь и Инкоу, обслуживающие северные промышленные регионы и столичный округ. Дельта Янцзы – крупнейший транспортно-логистический узел Восточного Китая, где расположены порты Шанхай и Нинбо-Чжоушань, обеспечивающие связь внутренних провинций с мировыми рынками. Южный кластер в дельте Чжуцзяна включает порты Гуанчжоу и Шэньчжэнь, играющие ведущую роль в обслуживании экспортноориентированных производств и высокотехнологичных отраслей [Maritime Profile].

Япония, являющаяся одной из крупнейших рыболовных держав, обеспечивает около 15% мирового вылова. По оценкам за 2025 г., общий объем вылова составил около 4 млн т. Рыболовство в Японии традиционно разделяется на три основных сегмента. Прибрежное рыболовство, основанное главным образом на малых судах и сетных орудиях лова, дает около 30% суммарного вылова. Океаническое рыболовство осуществляется крупными и средними судами в открытых морских районах и обеспечивает свыше 50% всего улова страны. Аквакультура, представляющая собой искусственное разведение пресноводных и морских видов рыбы и других гидробионтов, динамично развива-

ется во всех 47 префектурах страны и становится все более значимым источником продукции для внутреннего рынка и экспорта (см. подробнее: [Trade Statistics of Japan]).

Япония обладает третьим по величине торговым флотом в мире. Правительство страны активно развивает технологии, которые помогают повысить экологичность судоходства; например, использование судов, работающих на сжиженном природном газе и альтернативных видах топлива – аммиаке и водороде [Future Net Zero with the Japan New Technology 2024, p. 22]. Япония специализируется на строительстве танкеров и контейнеровозов. Согласно данным ООН, Япония в 2023 г. заняла 3-е место по производству судов в мире, произведя 14,9% мирового объема новых судов [United Nations Review of Maritime Transport 2024, p. 37].

Крупнейшие порты Японии (Иокогама, Кобе, Китакою, Нагоя, Осака, Токио, Хаката) обеспечивают основную часть внешнеторгового оборота страны и связаны более чем с тысячей зарубежных портов по всему миру. Правительство активно развивает морское хозяйство через инвестиции в инновационные технологии; в частности, поддерживаются проекты по внедрению искусственного интеллекта в навигации и управлении судами, реализуется стратегическая цель – достижение углеродной нейтральности морского сектора к 2050 г. за счет модернизации судостроения и перехода на экологически чистые виды топлива.

Итак, для КНР и Японии морское хозяйство – критически важная часть экономики. Являясь конкурентами в данной сфере, страны нуждаются в нормативно-правовой базе для защиты своих интересов.

Основным международным документом, регулирующим действия государств в акваториях океанов и морей, является Конвенция ООН по морскому праву (ЮНКЛОС), подписанная на Ямайке 10 декабря 1982 г. (вступила в силу в 1994 г.). Свыше 170 государств являются участниками ЮНКЛОС; она легла в основу многих международных документов, прямо касающихся мировых вод. Хотя ЮНКЛОС ратифицирована КНР и Японией в 1996 г., у обеих стран имеются и свои законы, регулирующие морскую деятельность на их территориях.

К основным морским законам Китая, помимо Конституции КНР 1982 г., относятся следующие: о безопасности морских сообщений 1983 г., полезных ископаемых 1986 г., рыболовстве 1986 г., территориальном море и прилегающей зоне 1992 г., об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе 1998 г., управлении использованием морских акваторий 2001 г., охране морских островов 2009 г., о портах 2017 г.

Конституция (ст. 1 и 52) закрепляет суверенитет КНР над ее территорией, включая и морские пространства [Constitution of the People's Republic of China]. В то же время толкование понятия «суверенитет» часто становится предметом дискуссий, особенно когда речь идет о спорных островах и морских акваториях. К примеру, Закон КНР о территориальном море и прилегающей зоне четко

определяет границы территориальных вод страны, но его регламентация вступает в противоречие с претензиями Японии на острова Сенкаку (Дяоюйдао). Опираясь на этот закон, КНР обосновывает свои действия в регионе – патрулирование района спорных островов.

Используя Закон КНР об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе, Китай заявляет, что его исключительная экономическая зона охватывает значительную часть ВКМ, распространяясь и на те его районы, которые Япония считает своими. Это приводит к конфликту интересов, в частности в вопросах добычи полезных ископаемых. КНР также использует этот закон в целях ограничения деятельности иностранных судов в спорных водах, что не может не вызывать недовольство Японии.

Важную роль в территориальных спорах играют Закон КНР об управлении использованием морских акваторий и Закон КНР об охране морских островов, регулирующие использование морских ресурсов и являющиеся инструментами для усиления китайских претензий на спорные острова.

Закон КНР о рыболовстве, регулирующий деятельность в рыболовных зонах Китая, в конфликте с Японией тоже используется как инструмент давления. Китайские рыболовные суда часто в сопровождении береговой охраны интенсивно работают в спорных водах, что ожидаемо приводит к столкновениям с японскими судами. Япония в ответ обвиняет КНР в использовании рыболовства как инструмента для неприкрытого расширения своего влияния в ВКМ.

Следовательно, морские законы КНР не только являются регуляторами ее морской деятельности, но и используются как инструменты в территориальных спорах. Данные законы символизируют стремление КНР защитить национальные интересы, а их трактовка и использование часто вызывают напряженность в отношениях с Японией и становятся причинами конфликтов в регионе.

К основным нормативным актам Японии, регулирующим морскую деятельность, можно отнести законы о: рыболовстве 1949 г., безопасности морского транспорта 1970 г., предотвращении столкновений судов в море 1972 г., сохранении морских живых ресурсов и управлении ими 1996 г., плавании иностранного судна в территориальном море и внутренних водах Японии 2008 г.

Закон о рыболовстве – один из важнейших актов, регулирующих морскую деятельность в Японии [Fisheries Act, 1949], ввел правила лицензирования и распределения квот на вылов рыбы, а в контексте конфликта с КНР он может становиться инструментом давления. Японские рыболовные суда, работающие близ спорных территорий, часто сталкиваются с китайскими судами, что приводит к ухудшению двусторонних отношений. Используя этот закон, Япония защищает своих рыбаков, но она вынуждена искать баланс между обеспечением их безопасности и недопущением эскалации конфликта.

Законы о безопасности морского транспорта и предотвращении столкновений судов в море направлены на обеспечение безопасности судоходства.

В условиях активности китайских судов близ спорных островов они приобретают дополнительный окрас: Япония усиливает патрулирование своих акваторий для того, чтобы препятствовать столкновениям судов или незаконному проникновению иностранных кораблей.

Закон о сохранении морских живых ресурсов и управлении ими показывает приверженность Японии устойчивому использованию морских ресурсов [Act on Conservation and Management of Living Marine Resources], но в условиях конфликта с КНР и он превращается в инструмент противостояния. Большинство китайских судов, занимающихся рыболовством в спорных водах, игнорируют японские правила, поэтому Японии приходится балансировать между защитой своих интересов и сотрудничеством с КНР в сохранении морских экосистем.

Закон о плавании иностранного судна в территориальном море и внутренних водах Японии регулирует проход иностранных судов через японские воды. С его помощью Япония обосновывает свои действия – задержание нарушителей и усиление контроля над спорными территориями, когда китайские суда нарушают границы территориальных вод Японии близ спорных островов.

Итак, морские законы обеих стран не только регулируют их морскую деятельность, но и являются важными инструментами в территориальном споре. Отношения между КНР и Японией остаются напряженными из-за множества факторов – экономических, политических и территориальных. Конфликт в ВКМ является одним из подобных факторов. Однако как давно этот спор превратился в точку противостояния между странами и действительно ли он настолько критичен, как о нем стало принято говорить в последние годы?

Динамика территориального конфликта: стратегическая значимость или проекция ухудшения отношений?

Архипелаг Сенкаку (по-японски), или Дяоюйдао (по-китайски), в ВКМ – это группа из восьми островов общей площадью 6 км² в 170 км северо-восточнее Тайваня и в 410 км юго-западнее г. Наха – центра японской префектуры Окинава. Острова небольшие, некоторые из них едва выступают из воды и ценности как таковой не имеют. Однако владение ими скрывает в себе стратегические выгоды. Во-первых, это наличие залежей полезных ископаемых. По данным исследования, проведенного в 1968 г. Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), в районе Сенкаку (Дяоюйдао) могут располагаться значительные (10–100 млрд баррелей) запасы нефти [Киреева 2013, с. 232]. Во-вторых, это расширение зоны военного и гражданского судоходства.

Япония и КНР настаивают, что архипелаг принадлежит им, обосновывая свои претензии историческими картами. Упоминания об этих островах и их использовании китайскими рыбаками встречаются в китайских источниках еще со времен династии Мин (XIV–XVII вв.).

Истоки конфликта в ВКМ уходят к концу XIX в., когда Китай ослабел, а Япония после Реставрации Мэйдзи 1868 г. начала проводить политику колониальной экспансии [Beasley 1987, p. 27–41]. Японский предприниматель Кога Тацусиро одним из первых проявил экономический интерес к Сенкаку (Дяоюйдао). Узнав о большом числе альбатросов, обитающих там, он решил заняться сбором их пуха для продажи и направил в 1885 г. соответствующее прошение своему правительству.

После победы над Китаем в войне 1894–1895 гг.¹ Япония официально включила архипелаг в состав префектуры Окинава, поскольку он якобы не принадлежал ни одному государству и считался «ничьей» территорией. Тогда же Кога Тацусиро был на 30 лет бесплатно наделен правом пользования четырьмя островами – Уоцурисима, Куба, Кита-Кодзима и Минами-Кодзима, где он организовал промысел².

Получив статус регионального гегемона, Япония начала активно укреплять свое влияние. В 1900 г. она дала спорным островам название.

После окончания Второй мировой войны и капитуляции Японии архипелаг перешел под временное управление США, что, однако, не означало окончательного определения его статуса. По соглашению о возвращении Окинавы от 17 июня 1971 г., США передали острова под административный контроль Японии, хотя, согласно п. 8 Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., должны были передать их Китаю. При этом США не признали острова юридически японскими, сохранив «стратегическую двусмысленность».

КНР заявила о правах на спорные острова в декабре 1971 г., после того как К. Эмери совместно с тайваньскими и корейскими геологами и при содействии Службы военно-морской океанографии США подтвердил гипотезу о наличии в акватории около архипелага запасов нефти и газа, сопоставимых с ресурсами Ближнего Востока (результаты исследования обнародованы в 1969 г.) [У Дэкунь, У Яньбинь 2017, с. 99]. Нефть и тогда, и сегодня – очень важный «винтик» в механизме мировой экономики, и большому и густонаселенному Китаю, и Японии, которая не отличается наличием запасов полезных ископаемых, желательно владеть столь нефтеносной акваторией. Тайвань одновременно с КНР заявил о праве на острова, но его конфликт с Японией по этому поводу никогда не переходил в «горячую» фазу.

Когда США передали острова Японии, отношения между КНР и Японией были в фазе улучшения. Правительства КНР и Японии 29 сентября 1972 г.

1. *Китайско-японская война завершилась Симоносекским мирным договором, согласно которому Китай уступил Японии Тайвань и Ляодунский полуостров (его Япония вернула под давлением России, Германии и Франции).*

2. *В 1930-е годы эти острова купил сын Кога Тацусиро Зэндзи, в 1970-е годы их приобрела семья Курихара.*

подписали совместное коммюнике, продемонстрировавшее общее стремление стран начать новый этап в отношениях. В августе 1978 г. КНР и Япония заключили Договор о мире и дружбе, зафиксировав в нем обоюдный отказ от амбиций становиться гегемонами в АТР или любом другом регионе и обязательство не поддерживать страны, стремящиеся к гегемонии. Договор улучшил двусторонние отношения и приостановил территориальный конфликт.

Конец XX в., однако, ознаменовался экономическим подъемом Китая и упадком Японии. КНР в ходе рыночных реформ активно развивалась и стала к 2010 г. второй экономикой мира. В 1990-х годах китайский экспорт рос в среднем на 12,4% в год, в начале 2000-х годов – на 20,3% [Silva-Ruete 2006]. КНР активно наращивает и военную мощь; правительство увеличило финансирование Народно-освободительной армии Китая, в том числе военно-морского флота, что способствовало укреплению военного присутствия страны в ВКМ.

Напротив, 1990-е годы для Японии стали «потерянным десятилетием»: обвал фондового рынка в 1991 г., вызванный крахом финансового «пузыря», привел к дефляции и долговому кризису (см. подробнее: [Носов 2020]). В стране случилась стагнация, среднегодовой прирост валового внутреннего продукта составлял 0,9%, что было значительно ниже среднего по Организации экономического сотрудничества и развития и более чем в 2 раза меньше, чем в США. Этот период характеризовался низкими инвестициями и сокращением потребительского спроса.

На таком фоне в 1992 г. спор о принадлежности островов возобновился. Тогда был принят Закон КНР о территориальном море и прилежащей зоне, согласно которому Сенкаку (Дяюйдао) являются частью Китая. КНР требовала передать острова под ее юрисдикцию, ссылаясь на то, что до войны 1894–1895 гг. они были частью провинции Тайвань имперского Китая. Но Япония в ответ в 1996 г. объявила острова частью своей исключительной экономической зоны.

В 2003 г. китайская сторона начала бурить скважины и монтировать морскую платформу близ спорных островов. В 2004 г. рядом с архипелагом японцы обнаружили китайские исследовательские суда (свыше 20) и атомную подводную лодку. В 2005 г. японские власти объявили о выдаче лицензий фирмам, готовым добывать нефть близ спорных островов [Муратшина, Попова 2012, с. 6].

Следствием новой конфликтной ситуации стали китайско-японские консультации, завершившиеся в 2008 г. договоренностью о совместных разработках месторождения Асунаро (Лунцзин), а также японских инвестициях в разработку месторождения Сирикаба (Чуньсяо), которое намеревалась осваивать китайская сторона [там же].

Отметим, что в 1990-е годы Япония имела преимущества в военной сфере благодаря союзу с США, но КНР довольно быстро сократила разрыв, и к 2010 г. баланс сил между странами приблизился к паритету.

В 2012 г. премьер-министр Японии Ёсихико Нода объявил о покупке трех из четырех частных³ островов архипелага – Уоцурисима, Кита-Кодзима и Минами-Кодзима – у семьи Курихара, тогда как остальные острова архипелага продолжали находиться в государственной или иной частной собственности⁴.

Национализация трех островов вызвала резкую реакцию министерств иностранных дел и обороны КНР, массовые антияпонские протесты в китайских городах и временное ограничение экономического сотрудничества с Японией, включая фактическое прекращение экспорта в страну некоторых видов редкоземельных металлов. Конфликт обострился: КНР усилила военное присутствие, начала проводить учения военно-воздушных сил и направила рыболовные суда к архипелагу. В сентябре 2012 г. Тайвань также вмешался, отправив 50 судов, но японские пограничники отбили попытку прорыва. В декабре китайский разведывательный самолет вошел в воздушное пространство Японии, а в январе 2013 г. китайский фрегат взял под прицел японское судно. В ответ Япония создала специальный отряд Сил самообороны, но и КНР учредила Управление морской полиции [Кого 2016, р. 289].

Итак, к началу 2010-х годов Китай, набрав достаточно сил, начал активно продвигать свою политику в отношении спорных островов. До этого он не обладал такой мощью, что объясняет периоды менее активного его участия в территориальном конфликте в ВКМ. Эскалация конфликта стала частью общего изменения ситуации в китайско-японских отношениях.

В 1970–2000-е годы отношения между КНР и Японией прошли путь от партнерских и дружественных до сопернических. Двусторонние экономические связи в этот период были достаточно тесными. С 1979 г. Китай начал получать официальную помощь от Японии, что способствовало модернизации китайской экономики. Однако политические отношения между странами стали ухудшаться по нескольким причинам. Во-первых, из-за визитов японских премьер-министров в храм Ясукуни в Токио, где поминаются военные преступники, совершавшие зверства в период колониальной экспансии Японии. Во-вторых, быстрый рост китайской экономики Япония начала воспринимать как угрозу своей лидерской позиции в Восточной Азии. КНР стала крупнейшим торговым партнером Японии, но этот процесс сопровождался опасениями Японии по поводу «вытеснения» ее товаров с китайского рынка. Экономически сильный Китай стал менее зависимым от японских инвестиций и, укрепив военную мощь, начал постепенно расширять влияние на международной арене.

3. Несмотря на то, что некоторые острова считаются частной собственностью японских граждан, с конца XIX в. японские власти осуществляли над ними административный контроль.

4. Четвертый из ранее арендованных Кого Тацусиро островов – Куба – остался в частной собственности члена семьи Курихара и не был выкуплен государством в 2012 г.

не, что не могло не вызвать беспокойства Японии. Эти факторы способствовали постепенному отходу экономических отношений на второй план и выходу на первый план политических и территориальных конфликтов.

Решение Японии национализировать три спорных острова вызвало негативную реакцию как правительства КНР, так и китайского общества: массовые антияпонские демонстрации в китайских городах и начало бойкота японских компаний, работавших в стране. Правительство КНР предприняло меры по усмирению активистов, но также заявило о намерении установить собственный административный контроль над спорными территориями [Chao, Tian 2014, p. 24]. Впоследствии обе страны стали посылать патрули вокруг островов.

В октябре 2013 г. министр обороны США Ч. Хейгел заявил, что спорные острова находятся под контролем Японии, и США окажут ей поддержку в случае конфликта с КНР. Несмотря на это, 16 ноября китайские катера снова вошли в спорные воды, уже в 70-й раз с момента объявления Японией о национализации островов. Пик напряженности пришелся на 23 ноября, когда КНР объявила о создании опознавательной зоны в ВКМ, включив в нее воздушное пространство над островами. КНР потребовала от всех воздушных судов заранее предупреждать о пролетах, иначе они могли быть сбиты [Надбитов, Хохолкина 2023, с. 31].

Обстановка разрядилась в ноябре 2014 г., когда Си Цзиньпин и Синдзо Абэ подписали соглашение, включающее обязательство предотвращать дальнейшее обострение ситуации вокруг островов с помощью диалога [Китай и Япония достигли соглашения из четырех пунктов 2014].

Итак, если в 1970-х – начале 2000-х годов отношения между странами были теплыми, то с начала 2000-х годов ситуация стала меняться из-за экономического подъема Китая и усиления его амбиций. Япония восприняла эти изменения ожидаемо враждебно.

На этом фоне территориальный конфликт кажется крайне важным для обеих сторон, так как спорные острова имеют стратегическое значение.

Во-первых, они расположены в ключевой точке ВКМ: владение островами позволит странам контролировать морские пути и зоны рыболовства, расширить исключительную экономическую зону и усилить военное присутствие в регионе, однако острова необитаемы и построить на них что-либо весьма сложно.

Во-вторых, обладание островами может сыграть значительную роль в обеспечении энергетической безопасности их владельца, хотя близ архипелага трудно добывать нефть или газ из-за географических особенностей акваторий.

Насколько в действительности значим этот конфликт? В пользу ответа «да» можно привести два аргумента. Острова играют определенную роль в поддержании баланса сил в регионе: если КНР получит над ними контроль, то ее лидерство станет неоспоримым, что также даст ей дополнительные рычаги давления на соседние страны. Спорные территории стали символом национального суверенитета обеих стран, что делает архипелаг важным эле-

ментом их внутренней политики. В пользу ответа «нет» можно сказать, что, хотя в районе спорных островов действительно имеются значительные запасы полезных ископаемых, но небольшая площадь и необитаемость островов, а также сложность добычи ресурсов, требующая крупных инвестиций и современных технологий, делают экономическую ценность островов ограниченной.

Если учитывать вышеперечисленные факторы и историю развития конфликта, то можно заключить, что его эскалация происходит в периоды ухудшения китайско-японских отношений, а это случается из-за изменения баланса сил в регионе. В 1895–1945 гг. гегемоном в Восточной Азии являлась Япония, активно проводившая политику экспансии и захватившая часть китайской территории. 1945–2000-е годы – это период равновесия, когда Япония из-за поражения в войне утратила позиции, несмотря на быстрый экономический рост до начала 1990-х годов, а Китай только начинал набирать силу. Далее последовал период быстрого экономического роста КНР, что выразилось в усилении его геополитических амбиций. Изменение баланса сил и гегемона в регионе привело к эскалации конфликта: когда Китай начал позиционировать себя как регионального лидера, то, естественно, начали расти его претензии к соседям, а Япония восприняла это как угрозу, что стало толчком к обострению конфликта.

В итоге, можно сделать вывод, что эскалация территориального спора в ВКМ – это преимущественно проекция общего ухудшения двусторонних отношений. В известном смысле конфликт «надуман», но это не делает его менее опасным: он может стать источником напряжения во всей Восточной Азии, особенно если войдет в резонанс с другими региональными конфликтами и начавшимся геополитическим соперничеством КНР и США.

Между партнерством и прагматизмом: Россия и конфликт в ВКМ

Конфликт в ВКМ вписывается в более широкое противостояние Вашингтона и Пекина, проявляющееся в торговых войнах и других столкновениях стратегических интересов.

США укрепляют альянсы с Австралией, Индией, Республикой Корея (Южной Кореей) и другими странами, а КНР развивает военно-морские силы, строит базы в ЮКМ и претендует на острова Сенкаку (Дяюйдао). Вашингтон поддерживает Токио как ключевого союзника, заявляя о готовности защищать Японию. США ссылаются на американо-японский Договор безопасности 1951 г. (обновлен в 1960 г.), согласно которому они обязаны обеспечивать безопасность Японии. Конфликт в ВКМ влияет и на другие споры в Восточной Азии, создавая «эффект домино». Эскалация здесь отражается на ситуации в Тайваньском проливе и ЮКМ.

Особое значение имеет «треугольник» Япония – КНР – Республика Корея, где исторические противоречия переплетаются с попытками экономической

интеграции. Япония и Корея тоже спорят – за острова Докдо (Такэсима), а также остаются в конфликте из-за колониального прошлого и вопроса компенсаций жертвам Второй мировой войны. Несмотря на это, они обсуждают с КНР создание трехсторонней зоны свободной торговли.

Для Китая ВКМ – «тренировочная площадка» для отработки различных стратегий давления – таких, как милитаризация островов, объявление зон противоздушной обороны, использование «серых зон». Эти же методы применяются и в многостороннем территориальном конфликте в ЮКМ. Усиление позиций КНР усложняет действия США по защите Тайваня: в ответ США и их союзники (Австралия, Республика Корея и др.) проводят военные учения и наращивают присутствие, удерживая ситуацию в состоянии хрупкого равновесия.

Хотя конфликт в ВКМ не имеет прямого отношения к России, он все же затрагивает ее интересы из-за стратегического партнерства с КНР и спора с Японией о принадлежности Курильских островов. Правительство Российской Федерации воспринимает этот территориальный спор не только как проблему границ, но и как вопрос о собственной сфере влияния в АТР. Курильские острова предоставляют российскому Военно-морскому флоту выход к Тихому океану и играют важную роль в российской стратегии ядерного сдерживания. Кроме того, передача четырех спорных островов Японии нанесет удар по геополитическому влиянию России, так как Дальневосточный регион, включающий Курильские острова, – это воплощение азиатско-тихоокеанского и мирового статуса России. Хорошие отношения Японии с США и возможное улучшение китайско-японских отношений могут ослабить российские позиции на переговорах с Японией, что делает конфликт в ВКМ стратегически важным для России.

Не будучи непосредственным участником территориального спора в ВКМ, Россия должна решить, поддержать ли ей своего стратегического партнера или же выбрать нейтралитет. На первый взгляд, поддержав КНР, Россия получит ряд преимуществ: укрепит стратегическое партнерство, что особенно важно в условиях санкционного режима; потенциально получит ответную поддержку КНР по Курильскому вопросу. Однако тем самым может усилиться зависимость самой России от Китая. Это, в свою очередь, позволит Пекину активнее продвигать свои интересы и не даст российским властям при необходимости проявить гибкость: однозначная поддержка китайской позиции закроет возможности для маневра в отношениях с Японией и другими странами АТР, а также может спровоцировать дополнительную напряженность и привести к эскалации конфликтов вблизи российских границ.

Участие России в территориальном конфликте в ВКМ представляется маловероятным и нецелесообразным по ряду причин. Во-первых, Россия вовлечена в затяжной вооруженный конфликт на Украине, и участие в новом международном противостоянии негативно скажется на ее международной репутации и внутренней стабильности; текущая международная обстановка,

во многом обусловленная украинским кризисом, требует от России осторожности в выборе внешнеполитических приоритетов.

Во-вторых, фактор амбиций КНР также вызывает определенные опасения: несмотря на существующее стратегическое партнерство Москвы и Пекина, усиление гегемонистских устремлений КНР может создать проблему для России, особенно с учетом географической близости двух государств и наличия отдельных исторически обусловленных территориальных разногласий.

В-третьих, вопрос принадлежности Курильских островов в настоящее время не рассматривается Россией как источник непосредственной угрозы. Несмотря на регулярные заявления Японии о необходимости заключения мирного договора и возвращения островов, японские власти не делали практических шагов к эскалации. В этом контексте территориальный спор с Японией носит для России преимущественно символический характер: российская сторона избегает конфронтационной риторики, рассчитывая на перспективу постепенной нормализации и стабилизации двусторонних отношений.

В-четвертых, сохранение и развитие сотрудничества и с КНР, и с Японией остается для России наиболее прагматичным и выгодным внешнеполитическим курсом. Япония – значимый экономический и технологический партнер, потенциальный источник инвестиций и передовых разработок. Укрепление конструктивного диалога с Японией соответствует национальным интересам России и способствует поддержанию стратегического баланса в АТР.

Итак, можно сказать, что для России лучший выбор – придерживаться нейтралитета, и эта политика может дать ей определенные преимущества, среди них: сохранение автономности во внешней политике при условии поддержания дипломатического диалога с обеими сторонами; использование принципа «ненаправленности против третьих стран»; возможности для маневра по Курильскому вопросу. Сохранение нейтралитета позволит России избежать риска изменения позиции КНР по вопросу российско-японского территориального спора в случае, если Пекин посчитает поддержку Москвой его интересов недостаточной. Нейтральная российская позиция снижает вероятность вовлечения страны в потенциальный конфликт КНР и Японии и/или США, что приобретает особую значимость в условиях сложной геополитической ситуации, в которой находится Россия.

Заключение

Территориальный конфликт в ВКМ – один из наиболее многослойных и сложных вызовов для региональной стабильности в Восточной Азии. Хотя спорные острова Сенкаку (Дяоюйдао) необитаемы и имеют ограниченную экономическую перспективу, они приобрели большое политическое и символическое значение для КНР и Японии, став не столько объектом борьбы за

ресурсы, сколько инструментом демонстрации силы и ведения выгодной внешней политики.

Множество факторов (от историко-правовых до вовлеченности США) усложняют данный конфликт, который сам по себе является проекцией более глубоких и комплексных процессов, происходящих в китайско-японских отношениях. Динамику конфликта определяет преимущественно изменение баланса сил в регионе. В периоды усиления Китая и его геополитических амбиций, а также ослабления Японии, как правило, спор обостряется, в относительно стабильные периоды он принимает «замороженный» характер. Поэтому эскалация конфликта – это не столько прямая борьба за ресурсы или территорию, сколько отражение общего уровня напряженности в политико-дипломатических отношениях между странами.

В настоящее время политика КНР направлена на расширение ее влияния в АТР и в целом в мире, а также на становление в качестве мировой сверхдержавы, что вызывает опасения соседей, в частности Японии. Несмотря на резкую риторику, обе стороны стремятся избежать прямого вооруженного столкновения, предпочитая давление и демонстрацию силы.

В итоге можно заключить, что территориальный конфликт в ВКМ – это не столько вопрос географии или экономики, сколько отражение роста амбиций одной стороны и стремления другой сохранить прежние позиции. Развитие конфликта показывает, что его урегулирование невозможно без общего улучшения двусторонних отношений.

Библиография

- Бессам А. Причины международных морских споров // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 51–53.
- Дериглазова Л.В. Конфликты в международных отношениях: учебное пособие. Томск: Издательство Томского университета, 2013. 316 с.
- Киреева А.А. Проблема разграничения акватории и освоения энергетических ресурсов Восточно-Китайского моря между Китаем и Японией // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013. № 21 (122). С. 231–242.
- Китай и Япония достигли соглашения из четырех пунктов // Жэньминь жибао. 08.11.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1108/c31521-8806107.html> (дата обращения: 09.06.2025).
- Маккиндрер Х. Географическая ось истории. М.: АСТ, 2023. 350 с.
- Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Айрис-Пресс, 2013. 320 с.
- Муратшина К.Г., Попова Т.А. Япония – Китай: спор вокруг островов Сэнкаку // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2012. № 4. С. 5–8.
- Надбитов Р.К., Хохолкина Л.К. К вопросу о территориальной принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао) // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 1 (57). С. 27–33.
- Носов М.Г. Япония: конец «чуда» и «конец истории» (1989–2019) // США & Канада: экономика – политика – культура. 2020. № 8. С. 7–29.
- У Дэкунь, У Яньбинь. Территориальные споры между КНР и Японией // Общество: философия, история, культура. 2017. № 5. С. 98–101.

- Act on Conservation and Management of Living Marine Resources // Japanese Law Translation. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3882/en> (дата обращения: 10.06.2025).
- Beasley W.G. Japanese Imperialism 1894–1945. New York: Oxford University Press, 1987. 279 p.
- Chao C.C., Tian D. Disputes over the Diaoyu/Senkaku Islands: Communication Tactics and Grand Strategies // *Journal of International Relations and Foreign Policy*. 2014. Vol. 2, N 2. P. 19–47.
- China's Marine Economy Hits Record 10.5 trillion yuan in 2024 // State Council Information Office of the People's Republic of China. 25.02.2025. URL: http://english.scio.gov.cn/pressroom/2025-02/25/content_117731425.html (дата обращения: 30.06.2025).
- China: 2025. China Fishery Products Report // USDA Foreign Agricultural Service. 20.03.2025. URL: <https://www.fas.usda.gov/data/china-2025-china-fishery-products-report> (дата обращения: 29.12.2025).
- Constitution of the People's Republic of China // Congressional-executive Commission on China. URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/chinas-constitution> (дата обращения: 30.05.2025).
- Fisheries Act, 1949 // Food and Agricultural Organization of the United Nations. URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC001710/> (дата обращения: 15.06.2025).
- Funaiole M.P., Hart B., Powers-Riggs A. China Dominates the Shipbuilding Industry // Center for Strategic and International Studies. 25.03.2025. URL: <https://www.csis.org/analysis/china-dominates-shipbuilding-industry> (дата обращения: 05.12.2025).
- Future Net Zero with the Japan New Technology. [S.l.: s.n.], 2024. 22 p. URL: <https://www.jstra.jp/PDF/Shipbuilding%20in%20Japan%202024.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).
- Koga K. The Rise of China and Japan's Balancing Strategy: Critical Junctures and Policy Shifts in the 2010s // *Journal of Contemporary China*. 2016. Vol. 25, Iss. 101. P. 777–791.
- Maritime Profile: China // UN Trade and Development. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/MaritimeProfile/en-GB/156/index.html> (дата обращения: 05.12.2025).
- Silva-Ruete J. The Development of China's Export Performance // International Monetary Fund. 06.03.2006. URL: <https://www.imf.org/en/news/articles/2015/09/28/04/53/sp030706> (дата обращения: 29.12.2025).
- Trade Statistics of Japan // Ministry of Finance Japan. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/shinbun/happyou_e.htm (дата обращения: 29.12.2025).
- United Nations Review of Maritime Transport 2024. Navigating Maritime Chokepoints. Geneva [s. n.], 2024. 148 p.

References

- Act on Conservation and Management of Living Marine Resources. Japanese Law Translation. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3882/en> (date of access: 10.06.2025).
- Beasley W.G. Japanese Imperialism 1894–1945. New York: Oxford University Press, 1987. 279 p.
- Bessam A. Prichiny mezhdunarodnykh morskikh sporov [Causes of Maritime Disputes]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology]. 2022. N 1. P. 51–53. (In Russ.)
- Chao C.C., Tian D. Disputes over the Diaoyu/Senkaku Islands: Communication Tactics and Grand Strategies. *Journal of International Relations and Foreign Policy*. 2014. Vol. 2, N 2. P. 19–47.
- China: 2025. China Fishery Products Report. USDA Foreign Agricultural Service. 20.03.2025. URL: <https://www.fas.usda.gov/data/china-2025-china-fishery-products-report> (date of access: 29.12.2025).
- China's Marine Economy Hits Record 10.5 trillion yuan in 2024. State Council Information Office of the People's Republic of China. 25.02.2025. URL: http://english.scio.gov.cn/pressroom/2025-02/25/content_117731425.html (date of access: 30.06.2025).

Constitution of the People's Republic of China. Congressional-executive Commission on China. URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/chinas-constitution> (date of access: 30.05.2025).

Deriglazova L.V. Konflikty v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: uchebnoe posobie [Conflicts in international relations: a textbook for students]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2013. 316 p. (In Russ.)

Fisheries Act, 1949. Food and Agricultural Organization of the United Nations. URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC001710/> (date of access: 15.06.2025).

Funaiolo M.P., Hart B., Powers-Riggs A. China Dominates the Shipbuilding Industry. Center for Strategic and International Studies. 25.03.2025. URL: <https://www.csis.org/analysis/china-dominates-shipbuilding-industry> (date of access: 05.12.2025).

Future Net Zero with the Japan New Technology. [S.l.: s.n.], 2024. 22 p. URL: <https://www.jstra.jp/PDF/Shipbuilding%20in%20Japan%202024.pdf> (date of access: 20.06.2025).

Kireeva A.A. Problema razgraniчениya akvatorii i osvoeniya energeticheskikh resursov Vostochno-Kitaiskogo morya mezhdru Kitaem i Yaponiei [The problem of demarcation of the water area and development of energy resources of the East China Sea by China and Japan]. Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of RSUH. Series: Political Science. History. International Relations]. 2013. N 21 (122). P. 231–242. (In Russ.)

Kitai i Yaponiya dostigli soglasheniya iz chetyrekh punktov [China and Japan reached a four-point agreement]. Renmin ribao [People's Daily]. 08.11.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1108/c31521-8806107.html> (date of access: 09.06.2025). (In Russ.)

Koga K. The Rise of China and Japan's Balancing Strategy: Critical Junctures and Policy Shifts in the 2010s. Journal of Contemporary China. 2016. Vol. 25, Iss. 101. P. 777–791.

Maritime Profile: China. UN Trade and Development. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/MaritimeProfile/en-GB/156/index.html> (date of access: 05.12.2025).

McKinder H. Geograficheskaya os' istorii [The Geographical Pivot of History]. Moscow: AST, 2023. 350 p. (In Russ.)

Mechnikov L.I. Tsvivilizatsiya i velikie istoricheskie reki [Civilization and the great historical rivers]. Moscow: : Airis-Press, 2013. 320 p. (In Russ.)

Muratshina K.G., Popova T.A. Yaponiya – Kitai: spor vokrug ostrovov Senkaku [Japan – China: dispute around the Senkaku Islands]. Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu [Electronic Supplement to the Russian Legal Journal]. 2012. N 4. P. 5–8. (In Russ.)

Nadbitov R.K., Khokholkina L.K. K voprosu o territorial'noi prinadlezhnosti ostrovov Senkaku (Dyaoyuidao) [On the question of the territorial affiliation of the Senkaku (Diaoyu) islands]. Vestnik Kalmytskogo universiteta [Bulletin of the Kalmyk University]. 2023. N 1 (57). P. 27–33. (In Russ.)

Nosov M.G. Yaponiya: konets «chuda» i «konets istorii» (1989–2019) [Japan: the End of the “Miracle” and the “End of History” (1989–2019)]. SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [USA & Canada: economics, politics, culture]. 2020. N 8. P. 7–29. (In Russ.)

Silva-Ruete J. The Development of China's Export Performance. International Monetary Fund. 06.03.2006. URL: <https://www.imf.org/en/news/articles/2015/09/28/04/53/sp030706> (date of access: 29.12.2025).

Trade Statistics of Japan. Ministry of Finance Japan. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/shinbun/happyou_e.htm (date of access: 29.12.2025).

United Nations Review of Maritime Transport 2024. Navigating Maritime Chokepoints. Geneva [s. n.], 2024. 148 p.

Wu Dekun, Wu Yanbin. Territorial'nye spory mezhdru KNR i Yaponiei [Territorial disputes between the People's Republic of China and Japan]. Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: philosophy, history, culture]. 2017. N 5. P. 98–101. (In Russ.)

Ф.О. Трунов

**ЗНАЧЕНИЕ ЯПОНИИ ДЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ ФРГ
В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ**

***Аннотация.** В начале 2020-х годов стал заметен кризис стратегического присутствия ФРГ на глобальном уровне, особенно на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Африке севернее Сахары. Один из вариантов компенсации потерь – создание позиций в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) в условиях конфронтации здесь между США и их партнерами с Китайской Народной Республикой. В статье исследуется фактор отношений с Японией в сфере безопасности и обороны для продвижения влияния ФРГ в ИТР. Современная попытка Берлина выстроить позиции на Дальнем Востоке исторически являлась третьей по счету. Первая (в конце XIX – начале XX в.) и вторая (в преддверии и на начальных этапах Второй мировой войны) убедительно доказали важность поддержки (или ее отсутствия) со стороны Японии. Осознание этого нашло отражение на доктринальном уровне (в «Руководящих принципах политики в ИТР» 2020 г.) и на практическом. Раскрываются особенности политико-дипломатических контактов сторон, особенно запуск формата межправительственных консультаций в марте 2023 г., предшествующее учреждение механизма «2+2» (встреч глав внешнеполитических и военных ведомств). В сопоставлении показывается функционирование данной площадки с участием ФРГ с Японией и Австралией. При направлении в ИТР фрегата бундесвера (2021) именно японские Силы самообороны стали основным партнером при проведении маневров. Сотрудничество было продолжено уже в ходе военно-воздушной операции Rapid Pacific 2022, притом объемы военного экспорта ФРГ в страну оставались точечными. Делается вывод о роли Японии как проводника интересов Германии в ИТР.*

***Ключевые слова:** Индо-Тихоокеанский регион; стратегическое присутствие; межправительственные консультации; формат «2+2»; бундесвер; Дальний Восток; Германия; Япония.*

Трунов Филипп Олегович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН).

Россия, Москва.

E-mail: 1trunov@mail.ru

Scopus Author ID: 57211605240

ORCID ID: 0000-0001-7092-4864

Researcher ID: AAC-7844-2020

Ph.O. Trunov

The Significance of Japan for the Federal Republic of Germany's Strategic Presence in the Indo-Pacific Region

Abstract. *In the early 2020s, Germany faced a crisis of its strategic presence on the global stage, first of all in the Near and Middle East and in North Africa. One of the ways to compensate for these losses was to establish a presence in the Indo-Pacific region (IPR), where confrontation between the United States, its allies, and China has intensified. The article explores relations with Japan in the sphere of security and defense as a means of strengthening Germany's positions in the IPR. The current German attempt to establish such a presence is the third historically. The first attempt (late nineteenth to early twentieth century) and the second (in the run-up to and the early stages of World War II) demonstrated the particular importance of Japanese support, or its absence. This awareness has been reflected at both the doctrinal level (in the "Policy Guidelines for the Indo-Pacific Region," 2020) and the practical level. The article examines the features of bilateral political and diplomatic contacts, above all the launch of the intergovernmental consultations format (March 2023). This was preceded by the "2+2" format (meetings of the foreign and defense ministers). The use of this format by Germany with Japan and Australia is compared. When the Bundeswehr sent a frigate to the IPR (2021), the Self-Defense Forces became its main partner in the maneuvers. Cooperation continued during the air force mission Rapid Pacific 2022, but the volume of the Federal Republic of Germany's arms and military equipment exports to the country has been limited. In conclusion, the role of Japan as a conduit for Germany's interests in the region is demonstrated.*

Keywords: *Indo-Pacific region; strategic presence; intergovernmental consultations; "2+2" format; Bundeswehr; Far East; Germany; Japan.*

**Trunov Philipp Olegovich – Doctor of Political Sciences, Leading Researcher of Department of Europe and America of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.**

E-mail: 1trunov@mail.ru

Scopus Author ID: 57211605240

ORCID ID: 0000-0001-7092-4864

Researcher ID: AAC-7844-2020

Введение

С 1990-х годов ФРГ последовательно стремилась расширять стратегическое присутствие на международной арене. Однако в начале 2020-х годов процесс вступил в состояние кризиса: Германия вынужденно лишалась роли гаранта стабильности и безопасности для стран происхождения вооруженных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Африке – севернее экватора. Символами кризиса стали эвакуации миссий бундесвера из Афганистана (к середине 2021 г.) и Мали (к началу 2024 г.).

Масштабные геостратегические потери требовали поиска путей компенсации, выбор которых на практике был достаточно ограниченным. Это, во-первых, заметный рост активности внутри зоны ответственности НАТО (прежде всего, в Восточной и Северной Европе), что информационно обыгрывалось в контексте «сдерживания» некоей «российской угрозы». Во-вторых, начало проникновения ФРГ в регионы, ранее обойденные заметным стратегическим вниманием официального Берлина, – прежде всего, Дальний Восток и прилегающие к нему территории и акватории. Для их обозначения ФРГ использовала понятие «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР) [Leitlinien zum Indo-Pazifik 2020], введенное в оборот Японией и США в конце 2000-х годов.

ФРГ, традиционно позиционирующая себя как одну из «западных демократий», при попытках проникновения в ИТР должна была опираться на поддержку расположенных в регионе государств – членов данного сообщества и его ближайших партнеров. К первой категории могли быть отнесены, кроме США, Австралия, Новая Зеландия и Япония. В северной части Тихого океана располагается лишь Япония; она же единственная из названных стран не входит в группу англо-саксонских государств. Для последних, несмотря на наличие определенных разногласий, в целом была характерна высокая готовность к консолидации внутри своего круга в увязке со стремлением к обеспечению доминирования собственных подходов и влияния [Васильев 2024, с. 127–128]. Это приобретало особое значение в условиях продолжительного роста отчужденности между США, группой из партнеров (прежде всего, Австралией и Японией) и Китайской Народной Республикой (КНР), требуя от ФРГ четко сформулировать отношение к развивающейся конфронтации [Арзаманова 2024, с. 242]. В начале 2020-х годов ФРГ была готова только к ограниченному по масштабу и плавному дистанцированию от КНР, учитывая торгово-хозяйственную взаимосвязь двух стран [Белов 2024, с. 206–212] и сложность активного участия в нескольких конфронтациях на фоне масштабной вовлеченности в противодействие Российской Федерации. Япония также участвовала в кооперации с США в «сдерживании» КНР [Истомин 2023, с. 209–211].

Задача настоящей статьи – используя возможности сравнительного анализа, исследовать практическую важность для ФРГ сотрудничества с Японией в контексте выстраивания Германией с начала 2020-х годов системы стратегического присутствия Берлина в ИТР. Несмотря на наличие большого корпуса работ по внешней политике обеих стран, их сотрудничество, особенно в сфере безопасности и обороны, изучено весьма ограниченно. Непосредственно роль Японии во внешнеполитическом планировании и практике ФРГ в ИТР рассматривалась сугубо точно [Mauß, Stanzel, Thimm 2023; Трунов 2023; Трунов 2024b]. Статья призвана отчасти восполнить указанный пробел.

Фактор Японии для закрепления Германии на Дальнем Востоке: историческая детерминированность

Исторически сложилось, что условие, обязательное (но недостаточное само по себе) для стратегического проникновения Германии на Дальний Восток – опора на сотрудничество с Японией. Современные усилия по обеспечению присутствия в регионе для Берлина явились третьей по счету попыткой.

Первая была осуществлена Германской империей. Возникновению в конце 1890-х годов и успешному функционированию ее колонии Циндао на востоке Китая во многом способствовала подготовка Японии к захвату Кореи и установлению контроля над Маньчжурией. Решив данные задачи, Япония совместно с Великобританией в начале Первой мировой войны захватила Циндао (1914), лишив Германию единственного континентального владения в регионе [Атлас офицера 1974, с. 229].

После прихода к власти А. Гитлера в 1933 г. германские нацисты стали проявлять повышенный интерес к выстраиванию союзнических отношений с японскими милитаристами, впервые развернувшими агрессию в Маньчжурии 18 сентября 1931 г. Тем самым масштабный очаг боевых действий на Дальнем Востоке возник намного раньше, чем Берлин совершил первые территориальные захваты в условиях политики «умиротворения агрессора» (с 1936 г.) и официального начала Второй мировой войны (с сентября 1939 г.). Блок агрессоров, в котором нацистская Германия и милитаристская Япония играли ключевую роль, оформился в конце 1930-х годов в виде «Тройственного пакта», который был подписан в Берлине в 1940 г. В целом стороны четко договорились о разделении направлений для агрессии, последующей оккупации и порабощения народов мира. Дальний Восток, включая относимые к этому региону территории СССР, считался зоной интересов Японии [там же, с. 246]. Вместе с тем на практике вопрос о лидерстве внутри «Оси» между Германией и Японией до конца не был урегулирован. Это проявилось в заметной несогласованности действий против СССР – его планируемый быстротечный разгром вермахтом без оперативного подключения японских войск должен был утвердить за Берлином ведущее положение. Чрезмерная уверенность Германии в своих силах проявилась в том, что во время посещения столицы Третьего рейха министром иностранных дел Японии Ёсукэ Мацуока в апреле 1941 г. ему не было сообщено о переходе подготовки плана «Барбаросса» в завершающую стадию. Возвращаясь в Японию, дипломат подписал с СССР 13 апреля 1941 г. соглашение о нейтралитете, которое не являлось «страховкой» для советского правительства в вопросе ведения войны на два стратегических фронта, но показывало степень нескоординированности действий ключевых держав «Оси» [Смирнов, Зайцев 1978, с. 210–228]. Ситуация могла быть исправлена до декабря 1941 г. (начала отступления вермахта на московском направлении и нападения императорского флота и авиации на Пёрл-Харбор, т. е. разворота Японии

в осуществлении агрессии на юг, а не на север), с большим трудом – до осени 1942 г. (утрата Японией инициативы после поражения у атолла Мидуэй в июне; окружение войск Германии и ее сателлитов под Сталинградом в конце ноября). Однако данный сценарий остался гипотетическим, а в последующем, по мере всё более масштабных поражений и итоговой капитуляции обоих агрессоров, их практическая координация стала в принципе невозможной.

После окончания Второй мировой войны 1939–1945 гг. Западная Германия и Япония оказались в сообществе «западных демократий», в рамках которого они двигались по пути восстановления субъектности, а затем мощи и влияния. Для обеих стран ключевым партнером стали США, сквозь призму диалога с которыми уже развивалось непосредственно сотрудничество официальных Бонна и Токио. В военно-стратегическом отношении ФРГ оказалась сильнее интегрирована в лагерь «либеральных демократий», став государством – членом НАТО. Западная Германия выстраивала свою линию в сфере обороны и безопасности в контексте многосторонних союзнических связей, Япония – с опорой на двусторонние контакты (прежде всего, с США, в заметно меньшей степени с другими партнерами).

Практическое сотрудничество сторон, особенно военное, в условиях конфронтации Запад – Восток было сведено к минимуму: речь в принципе не шла в 1950–1980-е годы о новой попытке ФРГ обеспечить присутствие на Тихом океане. Каждое из государств располагалось в передовой зоне сообщества «западных демократий», но в «своей» части Света, предельно фокусируясь на использовании военного инструментария в пределах национальных границ и «домашнего» региона – Западной Европы и Дальнего Востока соответственно. Вместе с тем обе страны в создали мощные разновидности конвенциональные вооруженные силы, именуемые бундесвером и Силами самообороны соответственно. Это одновременно являло практическую основу и отложенное до окончания «холодной войны» стремление к восстановлению статуса державы.

В постбиполярных реалиях ФРГ, с одной стороны, приняла более жесткие ограничения в плане качественных [бессрочный отказ от владения, производства, распоряжения всеми основными видами оружия массового уничтожения/поражения (ОМУ/ОМП)] и количественных (штатная численность до 370 тыс. человек) параметров развития вооруженных сил, что было закреплено договором «2+4» в 1990 г. Это были обязательства, принимаемые в обмен на согласие держав-победительниц на объединение Германии под эгидой ФРГ [Трунов 2022, с. 233–236, 297–298]. Это положение, большой исторический опыт германо-прусского государства, а также встроенность в евро-атлантические институты (НАТО и Европейский союз) способствовали тому, что ФРГ в 1990–2010-е годы заметно опередила Японию в плане распространения стратегического присутствия на международной арене. Даже в условиях отмеченного выше кризиса в начале 2020-х годов Берлин намного активнее стремился выстроить свое военно-политическое присутствие на Дальнем Востоке, чем Токио – в Европе.

Декларирование намерений было оформлено в прецедентной для ФРГ региональной стратегии – «Руководящих принципах политики в Индо-Тихоокеанском регионе» от сентября 2020 г. [Leitlinien zum Indo-Pazifik 2020]. Завершающий этап разработки документа по времени пришелся на первые, самые трудные, фазы пандемии COVID-19 (весна-лето 2020 г.). Эта хронологическая особенность косвенно указывала на то резко возрасставшее внимание, которое ФРГ стала уделять ИТР в своем внешнеполитическом планировании. Показательна частотность упоминания в документе различных региональных «западных демократий» и их партнеров: так, США названы 9 раз, Австралия – 16 раз, Республика Корея – 17 раз, Япония – 27 раз, что являлось важным индикатором на доктринальном уровне. Низкое значение показателя для США во многом объяснялось тем, что в период первого президентства Д. Трампа (в 2017–2021 гг.) произошло заметное снижение доверия в межгосударственном диалоге. Однако документ всё же принимался не на кратко-, а как минимум на среднесрочную перспективу. Одним из важнейших треков межгосударственного диалога с партнерами в ИТР признавались отношения с Японией [ibid., S. 9–20], подтверждая историческую преемственность попыток закрепления влияния Германии на Дальнем Востоке.

О политической значимости Японии в региональной линии ФРГ

Выстраивание своего стратегического присутствия ФРГ традиционно начинается с использования политико-дипломатических возможностей. Обращение к ним первоочередно не только по времени, но и значимости, задает рамочные условия для других видов активности, особенно военной. По дипломатической линии на территории Японии ФРГ имела посольство, генеральное консульство (в Осака-Кобе) и четырех почетных консулов. В начале 2020-х годов очные двусторонние встречи на высшем уровне стали ежегодными. С посещения Японии в конце апреля 2022 г. канцлер (в 2021–2025 гг.) О. Шольц начал азиатское турне [Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kishida... 2022].

Помимо традиционного функционирования системы дипломатических представительств и отдельных встреч на высшем (глав правительств) и высоком уровнях важную роль играло сотрудничество с использованием постоянно функционирующих много- и особенно двусторонних переговорных площадок.

ФРГ и Япония являлись участницами «Группы семи» (G7), однако в начале 2020-х годов ее потенциал для обеспечения стратегического проникновения ФРГ в ИТР использовался ограниченно. Председательства в G7 Германии в 2022 г. и Японии в 2023 г., демонстрируя преемственность, функционально были прежде всего нацелены на согласование мер по ужесточению «сдерживания» России в условиях проведения ею вынужденной Специальной военной операции на Украине. Вместе с тем Япония не была готова выделить значитель-

ные военные силы для поддержки партнеров по НАТО в Европе и демонстрировала осторожность (несоизмеримую по качеству и объемам с активностью ФРГ) в вопросе предоставления вооружений и военной техники, боеприпасов и даже предметов профильного снабжения вооруженным силам Украины.

Большую роль играли двусторонние переговорные площадки, учреждаемые в начале 2020-х годов прежде всего под обеспечение стратегического присутствия ФРГ в ИТР. В апреле 2021 г. стороны впервые провели встречу в формате «2+2» (с участием глав военных и внешнеполитических ведомств), на которой согласовали заход фрегата «Бавария» (F 217) в порт Токио, использование этого корабля в военно-тренировочной деятельности совместно с Военно-морскими силами Сил самообороны [Außen- und sicherheitspolitische Konsultationen... 2024]. Однако это была тактическая задача механизма «2+2»; стратегически он должен был стать предтечей формата межправительственных консультаций, а в случае запуска формата – дополнять его функционирование. Такую же частную (применительно к миссии «Баварии» и подобным ей в дальнейшем) и более общую направленность имел и другой формат «2+2», запущенный в 2016 г. и реактивированный в июне 2021 г., – ФРГ с Австралией (см. подробнее: [Трунов 2024b, с. 231–232]).

Результаты использования данного формата с этими странами заметно отличаются. Формат «2+2» с Японией вновь собрался в ноябре 2022 г. [Auswärtiges Amt zu den Konsultationen... 2022], а в марте 2023 г. были запущены межправительственные консультации (с предварительным оглашением планов) [Deutschland und Japan arbeiten eng zusammen 2023]. С Австралией же формат «2+2» не созывался в 2022–2025 гг., а вопрос о консультациях де-юре даже не ставился. Причинами видятся различный по объему и продолжительности опыт диалога в ретроспективе и фактор принадлежности Австралии к кругу англо-саксонских государств. Она ориентировалась в вопросе запуска формата межправительственных консультаций с ФРГ на США (которые при Дж. Байдене проигнорировали соответствующее предложение) и Великобритании (согласилась де-юре, но в первой половине 2020-х годов тормозила реальный запуск механизма).

В системе форматов, созданных с участием США для «сдерживания» КНР, роль Австралии и Японии в начале 2020-х годов была соизмерима. Обе страны вошли в состав структуры «Партнеры в Голубом Тихом океане» (англ. – Partners in the Blue Pacific, PBP; также учредителями стали США, Великобритания и Новая Зеландия), созданной 24 июня 2022 г. PBP декларировали стремление сохранить уникальные флору и фауну островов Тихого океана [Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States... 2022], к которым относится и Тайвань. С 2021 г. НАТО как крупнейший носитель многосторонней военной мощи «западных демократий» провозгласила расширение своих компетенций на сферы, на которые никогда ранее не распространялась компе-

тенция Альянса, – экологическую, экономическую и энергетическую. Данный прецедент может быть использован, если РВП, примут на себя ответственность не только в экологической сфере, но и в военно-политической области. При таком сценарии РВП станут площадкой для оказания скоординированной поддержки властям на о. Тайвань. В 2023 г. в состав РВП вошло первое европейское континентальное государство – ФРГ [Трунов 2024а, с. 15–18]. Это институционально несколько расширило возможности для ее сотрудничества с Японией, однако к середине 2020-х годов данный трек в диалоге не стал первостепенным. Австралия является осевым членом AUKUS (создан в 2021 г. по инициативе Великобритании и при поддержке США), Япония (наряду с Республикой Корея) вносит активный вклад в функционирование другого «треугольника» с участием США [Сидоров 2024, с. 36–37]. Зона ответственности AUKUS расположена к югу от о. Тайвань (и на заметном удалении от него), а институционально оформленного триумvirата официальных Сеула, Вашингтона, Токио – к северу, представляя важные механизмы по «сдерживанию» КНР (де-юре «треугольник» Корея – США – Япония направлен против Корейской Народно-Демократической Республики, КНДР) [Васильев 2022, с. 239; Истомин 2023, с. 210].

В начале 2020-х годов США стали фактически готовить доступ к ОМУ для Австралии, одновременно проявляя осторожность в предоставлении данной стратегической опции для Японии. В основу концепции AUKUS положена схема постройки и передачи (на коммерческой основе) Канберре атомных подводных лодок США и/или Великобритании, а также базирование их морских и воздушных носителей ОМУ на австралийских базах. Первое из данных решений было оформлено в 2021 г. [Васильев 2022, с. 235–237], второе – в 2022–2023 гг. со среднесрочным сроком старта полноценной реализации [Joint Leaders Statement on AUKUS 2023]. В случае Японии, придерживающейся добровольного отказа от пользования ОМУ, на конец 2025 г. вопрос о возможном обретении ею ОМУ (что технически реализуемо) обозначался лишь рядом экспертов, но не на официальном уровне. При этом речь идет прежде всего о размещении во владениях Японии ядерных боезарядов США [Romei 2023] – ФРГ являлась их реципиентом еще с «холодной войны».

Размещение ОМУ Соединенных Штатов (в случае Австралии и Британии) на территории или в территориальных водах Австралии и Японии не окажется чрезмерно политически чувствительным для ФРГ. Иным будет для нее создание (или получение в распоряжение) Японией и/или Австралией собственного ядерного оружия. Самоограничения Берлина в данном вопросе юридически намного жестче (пересмотр их будет формально означать аннулирование всего комплекса положений договора «2+4» 1990 г.), чем у Токио при фактическом отсутствии таковых у Канберры. При возникновении данной перспективы ФРГ будет доносить свою обеспокоенность до партнеров – прежде всего, Японии, используя разветвленную систему дву- и многосторонних площадок с совместным участием.

Запущенный 19 марта 2023 г. формат германо-японских межправительственных консультаций стал второй по счету площадкой, созданной ФРГ с региональным игроком на Дальнем Востоке. Первая была учреждена с КНР в 2011 г. В конце 2010-х – начале 2020-х годов последний формат функционировал с заданной частотностью (раз в два года с учетом фактора пандемии COVID-19), но демонстрировал нисходящую динамику. Так, по итогам пятых консультаций в июле 2018 г. ФРГ и КНР приняли совместное заявление, содержавшее большой блок политических вопросов [Gemeinsame Erklärung anlässlich der 5 2018]. На 6-й встрече в апреле 2021 г. согласованный документ не был принят, что можно объяснить дистанционным характером переговоров (из-за сохранения непростой эпидемиологической обстановки). Однако седьмые консультации в июне 2023 г., прошедшие очно, вновь завершились без принятия совместного заявления, а удельный вес политического блока в целом, особенно вопросов безопасности и обороны, в переговорной повестке заметно сократился [Globalen Herausforderungen gemeinsam begegnen 2023]. Отметим, что китайская сторона не ставила вопрос о реформативизации консультаций из межправительственных в межгосударственные (это важно с учетом политического устройства КНР), а председатель Си Цзиньпин не участвовал в работе формата. Обе очные встречи в нем (2018 и 2023 гг.) проходили в ФРГ, т. е. дистанционная была сочтена как организованная в КНР. Всё это отражало рост напряженности в диалоге Берлина и Пекина, особенно в политической и военной областях, что нашло отражение в принятой в июле 2023 г., через месяц после седьмых межправительственных консультаций, Стратегии Германии по Китаю (China-Strategie der Bundesregierung) [Трунов 2024b, с. 225–226].

Консультации с КНР закономерно сочетались с подчеркнутым стремлением ФРГ укреплять в данных сферах сотрудничество с Японией, что продемонстрировали первые межправительственные консультации с ней, притом в качестве принимающей стороны [Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem japanischen Ministerpräsidenten Kishidada... 2023]. Переговоры зафиксировали согласие сторон или близость позиций по ключевым вопросам в сфере международной безопасности. Стороны подвергли жесткой критике внешнюю политику России, особенно на украинском направлении, и развитие ракетно-ядерной программы КНДР, а также подчеркнули солидаризацию с Республикой Корея [ibid.]. Притом практически полным молчанием на пресс-конференции был обойден «тайванский вопрос». ФРГ, как и Япония, негласно поддерживала политическое дистанцирование администрации острова от КНР, однако пыталась избежать открытого декларирования этого во избежание резкой эскалации напряженности с китайскими властями.

Еще одна опора политического сотрудничества ФРГ и Японии – взаимная поддержка претензий на постоянные места в Совете Безопасности ООН. Это направление кооперации возникло задолго до начала стратегиче-

ского проникновения ФРГ в ИТР – во второй половине 1990-х годов. Пик координации усилий пришелся на 2005 г., когда на фоне выдвижения Генеральным секретарем ООН К. Аннаном доклада «К большей свободе», была осуществлена заметная, но неудачная попытка решить данный вопрос. ФРГ и Япония (вместе с Бразилией и Индией) стали участницами «Группы четырех» (G4). Безрезультатность усилий не привела, однако, к отказу сторон от сотрудничества – оно продолжалось как в рамках G4, так и на двусторонней основе [Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kishida... 2022; Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem japanischen Ministerpräsidenten Kishidada... 2023]. В контексте попыток ФРГ выстроить заметное присутствие в ИТР данный трек кооперации неизбежно будет продолжать активно развиваться.

Военная ценность Японии для стратегического влияния ФРГ в ИТР

В военном плане «узким местом» сотрудничества выступали ограниченные объемы военного экспорта ФРГ в Японию, особенно в сравнении с Австралией, Сингапуром и Республикой Корея (см. табл.). Так, Австралия приобретала грузовики и запасные части для бронетехники, Сингапур – танки, комплектующие к ним и дизельные подводные лодки. Точечные объемы импорта Японии обусловлены высокой степенью технологической развитости военно-промышленного комплекса страны и традиционной ориентацией по отдельным категориям вооружений и военной техники не на ФРГ, а на США. Однако данное положение в целом компенсировалось возникновением и развитием сотрудничества сторон по линии вооруженных сил.

Таблица 1

Объемы экспорта вооружений и военной техники ФРГ в ряд государств ИТР (в млн евро)

Государство	Годы				
	2017	2018	2019	2020	2021
Австралия	265,4	434,4	304,3	236,9	264,1
Новая Зеландия	5,4	4,5	2,8	9,0	2,9
КНР	40,8	12,3	0,7	6,8	0
Сингапур	90,2	77,5	48,8	243,8	629,6
Республика Корея	253,6	230,9	372,4	225,0	186,4
Япония	14,7	19,3	13,2	18,5	22,5

Источник: [Bericht... 2018, S. 86, 92, 95, 100; Bericht... 2019, S. 84, 85, 90, 93, 94, 98; Bericht... 2020, S. 98, 99, 105, 109, 112; Bericht... 2021, S. 111, 112, 116, 120, 124; Bericht... 2022, S. 113, 114, 124, 129].

В августе 2021 – феврале 2022 гг. с первой в истории ФРГ военно-дипломатической миссией в ИТР был направлен фрегат «Бавария». В акваториях двух океанов он осуществил 9 официальных заходов в порты и 5 остановок с целью дозаправки топлива, из них в Японии – лишь 1 и 0 соответственно (в Австралии – 1 и 1) [Indo-Pacific Deployment... 2021a]. Продолжительный дружественный визит в Токио был приурочен к 160-летию установления германо-японских дипломатических отношений (1861 г.) [Indo-Pacific Deployment 2021b]. После пребывания в Токио в середине ноября фрегат был приглашен к проведению совместных морских маневров к югу от японской столицы, на которых присутствовал министр обороны Японии [ibid.], а затем 20–30 ноября 2021 г. участвовал в организуемых ежегодно (с 1996 г.) крупномасштабных учениях ANNUALEX 2021 в Филиппинском море. Япония выделила около 10 фрегатов и эскадренных миноносцев, вертолетоносец и подводную лодку, США (от 7-го оперативного флота) – авианосец, подводную лодку и два танкера, Австралия – фрегат и эскадренный миноносец, Канада – фрегат [Marinemanöver 2021]. Иными словами, вклад ФРГ в ANNUALEX 2021 был равен или близок к таковому у каждой из двух указанных крайними англо-саксонских держав, но был несоизмеримо меньше, чем у государства-организатора. В декабре 2021 г., после посещения Японии (и Кореи) «Бавария» прошла через акваторию Восточно-Китайского, а затем и Южно-Китайского морей, получив отказ КНР в заходе в порт Шанхай [Арзаманова 2022, с. 268]. Тем самым ФРГ продемонстрировала поддержку Японии в ее споре с КНР за острова в Восточно-Китайском море.

Во второй половине августа – начале сентября 2022 г. в ИТР была направлена первая военно-воздушная миссия бундесвера в составе шести истребителей Eurofighter, четырех транспортных самолетов A400M и трех многофункциональных заправщиков A330 MRTT. Они совершили трансконтинентальный перелет по маршруту Абу-Даби – Сингапур в течение суток [Rapid Pacific 2022]. Затем группа разделилась на три части, направленные в Австралию (где они приняли участие в учениях Pitch Black), Корею и Японию соответственно. Самолеты люфтваффе в Японии торжественно встречали F2 Военно-воздушных сил Сил самообороны [Rapid Pacific Teil 4 – Die Besuche 2022].

Выбор для первоочередного использования ФРГ указанных родов войск – военно-морских и военно-воздушных, а не наземных сил – объясняется несколькими причинами: во-первых, географическими особенностями ИТР и самих Японских островов; во-вторых, логистическими аспектами¹; в-третьих, меньшей провокационностью применения военно-воздушных и особенно

1. С учетом дальности расстояний осуществить трансконтинентальную оперативную и одновременно кратковременную (до нескольких недель) переброску и развертывание в случае небольшой группы кораблей и самолетов намного легче, чем сухопутных подразделений, кроме автомобильных сил.

военно-морских сил по отношению к оппоненту – КНР²; в-четвертых, вовлеченностью конкретных видов вооруженных сил ФРГ в «сдерживании» России в плане предоставления контингентов личного состава и техники в состав группировок НАТО внутри германской зоны ответственности³. Следует также учесть, что в 2023 г. германо-японское сотрудничество по линии вооруженных сил было условно односторонним: Берлин направлял свои корабли и группу самолетов в «домашний» регион партнера, а Токио, в свою очередь, – нет. Иными словами, ФРГ демонстрировала готовность участвовать сразу в двух конфронтациях (с Россией и КНР), а Япония – в одной.

На первый взгляд, это должно было обеспечить за ФРГ положение старшей в межгосударственном диалоге. Однако на практике едва ли это так. Объемы использования бундесвера были небольшими в абсолютном отношении – порядка 250 военных в каждом случае [Indo-Pacific Deployment... 2021a; Rapid Pacific 2022] – и удельном – в сравнении с численностью Сил самообороны Японии в целом их части, непосредственно взаимодействовавшей с вооруженными силами ФРГ, и общими размерами самого бундесвера. Не менее важно иное: без опоры на использование военно-морских и воздушных баз в Японии для ФРГ было бы крайне проблематично в принципе развернуть в ИТР полноценное присутствие бундесвера. В свою очередь, в случае попыток использовать свои контингенты в Европе Япония оказывалась существенно менее зависима от поддержки ФРГ, особенно при направлении кораблей Сил самообороны в акватории к югу от Европы (прежде всего, в Средиземное море). Также следует обратить внимание на минимальные объемы военного экспорта ФРГ в Японию.

Заключение

На первом этапе стратегического проникновения ФРГ в ИТР в 2021–2023 гг. роль Японии оказалась даже несколько большей, чем предполагалось на доктринальном уровне изначально (в «Руководящих принципах политики в ИТР», принятых в сентябре 2020 г.). Это обусловлено несколькими обстоя-

2. Напомним особенности развертывания военного присутствия НАТО как организации в Восточной Европе: первоначально (в 2004–2013 гг.) организация ограничивалась военно-морскими и военно-воздушными компонентами, появление же сухопутного присутствия (точечно с 2014 г., притом лишь США, очагового с 2016–2017 гг., достаточно масштабного с 2022–2023 гг.) являлось одним из ключевых индикаторов заметного ужесточения конфронтации между Евро-Атлантическим сообществом и Россией [Strengthening NATO's eastern flank 2025].

3. Наибольшая (во всех отношениях) нагрузка ложилась на сухопутные войска, в заметной меньшей степени – на военно-воздушные силы; фрегаты, представлявшие в реалиях первых десятилетий XXI в. основной класс надводных кораблей, которые предназначались для присутствия в Мировом океане, не использовались в комплектовании войсковых механизмов НАТО.

тельствами. Во-первых, исторически наработанным опытом тесного сотрудничества. Речь шла не только о закономерности того, что поддержка со стороны Токио была необходимым условием для успеха дальневосточных инициатив Берлина. Общим знаменателем навсегда останется принадлежность Германии и Японии к блоку агрессоров во Второй мировой войне и вызванная этим определенная схожесть национальных моделей внешней политики, в целом принципиальная заинтересованность друг в друге (что, в частности, продемонстрировал формат G4). Во-вторых, объективной геостратегической ценностью Японии; в-третьих, тем, что продвинутый диалог ФРГ с Японией в ИТР в сфере безопасности и обороны намного ближе подошел к категории «всесезонного» (сохраняющего в основе своей качество и направленность при смене правительств в обеих странах, заметных изменениях международной обстановки), чем, например, с Австралией. В данном случае проявлялся фактор принадлежности (или отсутствия принадлежности) партнера (Канберры и Токио) к группе англо-саксонских стран.

В начале 2020-х годов значимое для ФРГ сотрудничество с Японией развивалось одновременно в политической плоскости (запуск и использование формата «2+2» и особенно межправительственных консультаций; кооперация в рамках G7 и G4) и по линии вооруженных сил. ФРГ направляла в регион миссии по линии военно-морских (в 2021 г.) и военно-воздушных (в 2022 г.) сил, но пока это отдельные эпизоды, готовые стать тенденцией, а не она сама. Данная особенность отражает ограниченность тех ресурсов, которые ФРГ могла на практике использовать на дальневосточном направлении и тем еще большую ценность для Берлина продвинутого сотрудничества с Японией. Как минимум в ближне- и среднесрочной перспективе данное положение будет сохраняться в увязке с медленным, но идущим ростом вовлеченности ФРГ в «сдерживание» КНР.

Библиография

Арзаманова Т.В. Китайская головоломка в контексте «смены эпох» (*Zeitenwende*) // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 240–259.

Арзаманова Т.В. Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 258–284.

Атлас офицера. М.: Военно-топографическое управление ГШ ВС СССР, 1974. 394 с.

Белов В.Б. Отношения ФРГ с КНР: непростое триединство партнерства, конкуренции и соперничества // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 199–222.

Васильев В.С. Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 234–257.

Васильев В.С. «Холодная война» между США и КНР: роль и интересы Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 125–143.

Истомин И.А. Вашингтон – Сеул – Токио в доктрине Байдена // Россия в глобальной политике. 2023. № 3. С. 208–212.

Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1978. 542 с.

Сидоров А.Ю. Отношения США и Китая при администрации Дж. Байдена: новый этап противостояния // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 27–48.

Трунов Ф.О. Германская модель военных реформ. М.: ИНИОН РАН, 2022. 360 с.

Трунов Ф.О. Динамика противостояния США с КНР и позиция европейских государств // Актуальные проблемы Европы. 2024а. № 4. С. 7–26.

Трунов Ф.О. Особенности подхода Германии к выстраиванию сотрудничества с Японией в сфере безопасности и обороны в начале 2020 х гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 3. С. 143–158.

Трунов Ф.О. Подход ФРГ к противостоянию США – КНР к середине 2020-х годов: политические и военные аспекты // Актуальные проблемы Европы. 2024б. № 4. С. 223–239.

Auswärtiges Amt zu den Konsultationen der Außen- und Verteidigungsministerinnen und -minister Deutschlands und Japans am 3. November 2022 // Auswärtiges Amt. 04.11.2022. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2562000> (дата обращения: 14.12.2024).

Außen- und sicherheitspolitische Konsultationen zwischen Japan und Deutschland // Auswärtiges Amt. 13.04.2021. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/japan-node/aussen-sicherheitspolitische-konsultationen-mit-japan/2453644> (дата обращения: 14.12.2024).

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017. Rüstungsexportbericht 2017. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. 111 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018. Rüstungsexportbericht 2018. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. 109 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. Rüstungsexportbericht 2019. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. 127 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020. Rüstungsexportbericht 2020. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2021. 139 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2021. Rüstungsexportbericht 2021. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz, 2022. 145 S.

Deutschland und Japan arbeiten eng zusammen // Die Bundesregierung. 18.03.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/deutsch-japanische-regierungskonsultationen-2171896> (дата обращения: 14.12.2024).

Gemeinsame Erklärung anlässlich der 5. Deutsch-Chinesischen Regierungskonsultationen // Chine Consulate (Düsseldorf). 09.07.2018. URL: http://dusseldorf.china-consulate.gov.cn/det/xwdt_6/201807/t20180712_3783054.htm (дата обращения: 14.12.2024).

Globalen Herausforderungen gemeinsam begegnen // Die Bundesregierung. 20.06.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/deutsch-chinesische-konsultationen-2197484> (дата обращения: 14.12.2024).

Joint Leaders Statement on AUKUS // The White House. 13.03.2023. URL: <http://web.archive.org/web/20241231152315/https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/joint-leaders-statement-on-aukus-2/> (дата обращения: 04.12.2025).

Indo-Pacific Deployment 2021 // Bundeswehr. 02.08.2021a. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021> (дата обращения: 14.12.2024).

Indo-Pacific Deployment: “Bayern” aus Japan ausgelaufen // Bundeswehr. 15.11.2021b. <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-bayern-aus-japan-ausgelaufen-5262822> (дата обращения: 14.12.2024).

Leitlinien zum Indo-Pazifik. Berlin: Bundesregierung, 2020. 68 S.

Marinemanöver: Die “Bayern” bei ANNUALEX 2021 // Bundeswehr. 09.12.2021. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/manoever-fregatte-bayern-annual-ex-2021-5311952> (дата обращения: 14.12.2024).

Maul H.M., Stanzel A., Thimm J. USA und China auf Kollisionskurs. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik; Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2023. 48 S.

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem japanischen Ministerpräsidenten Kishida zum Abschluss der deutsch-japanischen Regierungskonsultationen (Die Protokollierung des fremdsprachlichen Teils erfolgte anhand der Simultandolmetschung) // Die Bundesregierung. 19.03.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-japanischen-ministerpraesidenten-kishida-zum-abschluss-der-deutsch-japanischen-regierungskonsultationen-2172340> (дата обращения: 14.12.2024).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kishida zum Besuch von Bundeskanzler Scholz in Japan am 28. April 2022 in Tokio (Die Protokollierung des fremdsprachlichen Teils erfolgte anhand der Simultandolmetschung) // Die Bundesregierung. 28.04.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesident-kishida-zum-besuch-von-bundeskanzler-scholz-in-japan-am-28-april-2022-2028824> (дата обращения: 14.12.2024).

Rapid Pacific 2022 // Bundeswehr. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/team-luftwaffe-auf-uebung/rapid-pacific-2022> (дата обращения: 14.12.2024).

Rapid Pacific Teil 4 – Die Besuche // Bundeswehr. 26.09.2022. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/team-luftwaffe-auf-uebung/rapid-pacific-teil-4-die-besuche> (дата обращения: 14.12.2024).

Romei S. Watching Ukraine, South Korea and Japan eye nuclear weapons. Here’s what the US should do // The Bulletin. 20.07.2023. URL: <https://thebulletin.org/2023/07/watching-ukraine-south-korea-and-japan-eye-nuclear-weapons-heres-what-the-us-should-do/> (дата обращения: 14.12.2024).

Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP) // The White House. 24.06.2022. URL: <https://web.archive.org/web/20241126012732/https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-rbp/> (дата обращения: 04.12.2025).

Strengthening NATO’s eastern flank // NATO. 23.10.2025. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/strengthening-natos-eastern-flank> (дата обращения: 17.12.2025).

References

Arzamanova T.V. Kitaiskaya golovolomka v kontekste «smeny epokh» (Zeitenwende) [Chinese conundrum in the context of “change of eras” (Zeitenwende)]. Aktual’nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 4. P. 240–259. (In Russ.)

Arzamanova T.V. Otdel’nye aspekty strategicheskogo planirovaniya Germanii v Indo-Tikhoookanskom regione v usloviyakh vozvrashcheniya sopernichestva velikikh derzhav [Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry]. Aktual’nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 4. P. 258–284. (In Russ.)

Atlas ofitsera [The atlas of the officer]. Moscow: Voенno-topograficheskoe upravlenie GSh vs SSSR, 1974. 394 p.

Auswärtiges Amt zu den Konsultationen der Außen- und Verteidigungsministerinnen und -minister Deutschlands und Japans am 3. November 2022. Auswärtiges Amt. 04.11.2022. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2562000> (date of access: 14.12.2024).

Außen- und sicherheitspolitische Konsultationen zwischen Japan und Deutschland. Auswärtiges Amt. 13.04.2021. <https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/japan-node/aussen-sicherheitspolitische-konsultationen-mit-japan/2453644> (date of access: 14.12.2024).

Belov V.B. Otnosheniya FRG s KNR: neprostoe triedinstvo partnerstva, konkurentsii i soper-nichestva [Germany's relations with China: an uneasy trinity of partnership, competition and rivalry]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 4. P. 199–222. (In Russ.)

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017. Rüstungsexportbericht 2017. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. 111 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018. Rüstungsexportbericht 2018. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. 109 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. Rüstungsexportbericht 2019. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. 127 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020. Rüstungsexportbericht 2020. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2021. 139 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2021. Rüstungsexportbericht 2021. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz, 2022. 145 S.

Deutschland und Japan arbeiten eng zusammen. Die Bundesregierung. 18.03.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/deutsch-japanische-regierungskonsultationen-2171896> (date of access: 14.12.2024).

Gemeinsame Erklärung anlässlich der 5. Deutsch-Chinesischen Regierungskonsultationen. Chine Consulate (Düsseldorf). 09.07.2018. URL: http://dusseldorf.china-consulate.gov.cn/det/xwdt_6/201807/t20180712_3783054.htm (date of access: 14.12.2024).

Globalen Herausforderungen gemeinsam begegnen. Die Bundesregierung. 20.06.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/deutsch-chinesische-konsultationen-2197484> (date of access: 14.12.2024).

Joint Leaders Statement on AUKUS. The White House. 13.03.2023. URL: <http://web.archive.org/web/20241231152315/https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/joint-leaders-statement-on-aucus-2/> (date of access: 04.12.2025).

Indo-Pacific Deployment 2021. Bundeswehr. 02.08.2021a. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021> (date of access: 14.12.2024).

Indo-Pacific Deployment: "Bayern" aus Japan ausgelaufen. Bundeswehr. 15.11.2021b. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-bayern-aus-japan-ausgelaufen-5262822> (date of access: 14.12.2024).

Istomin I.A. Vashington – Seul – Tokio v doktrine Baidena [Washington-Seoul-Tokyo triangle in the Biden doctrine]. Rossiya v global'noi politike [Russia in global affairs]. 2023. N 3. P. 208–212. (In Russ.)

Leitlinien zum Indo-Pazifik. Berlin: Bundesregierung, 2020. 68 S.

Marinemanöver: Die "Bayern" bei ANNUALEX 2021. Bundeswehr. 09.12.2021. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/manoever-fregatte-bayern-annual-ex-2021-5311952> (date of access: 14.12.2024).

Mauil H.M., Stanzel A., Thimm J. USA und China auf Kollisionskurs. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik; Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2023. 48 S.

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem japanischen Ministerpräsidenten Kishida zum Abschluss der deutsch-japanischen Regierungskonsultationen (Die Protokollierung des fremdsprachlichen Teils erfolgte anhand der Simultandolmetschung). Die Bundesregierung. 19.03.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-japanischen-ministerpraesidenten-kishida-zum-abschluss-der-deutsch-japanischen-regierungskonsultationen-2172340> (date of access: 14.12.2024).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kishida zum Besuch von Bundeskanzler Scholz in Japan am 28. April 2022 in Tokio (Die Protokollierung des fremdsprachlichen Teils erfolgte anhand der Simultandolmetschung). Die Bundesregierung. 28.04.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesident-kishida-zum-besuch-von-bundeskanzler-scholz-in-japan-am-28-april-2022-2028824> (date of access: 14.12.2024).

Rapid Pacific 2022. Bundeswehr. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/team-luftwaffe-auf-uebung/rapid-pacific-2022> (date of access: 14.12.2024).

Rapid Pacific Teil 4 – Die Besuche. Bundeswehr. 26.09.2022. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/team-luftwaffe-auf-uebung/rapid-pacific-teil-4-die-besuche> (date of access: 14.12.2024).

Romei S. Watching Ukraine, South Korea and Japan eye nuclear weapons. Here's what the US should do. The Bulletin. 20.07.2023. URL: <https://thebulletin.org/2023/07/watching-ukraine-south-korea-and-japan-eye-nuclear-weapons-heres-what-the-us-should-do/> (date of access: 14.12.2024).

Sidorov A.Yu. Otnosheniya SShA i Kitaya pri administratsii Dzh. Baidena: novyi etap protivostoyaniya [The US – China relations during the Biden administration: a new stage of competition]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024a. N 4. P. 27–48. (In Russ.)

Smirnov L.N., Zaitsev E.B. Sud v Tokio [Tribunal in Tokyo]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, 1978. 542 p. (In Russ.)

Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP). The White House. 24.06.2022. URL: <https://web.archive.org/web/20241126012732/https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/> (date of access: 04.12.2025).

Strengthening NATO's eastern flank. NATO. 23.10.2025. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/strengthening-natos-eastern-flank> (date of access: 17.12.2025).

Trunov Ph.O. Dinamika protivostoyaniya SShA s KNR i pozitsiya evropeiskikh gosudarstv [The dynamics of the US–PRC competition and the positions of the European states]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024a. N 4. P. 223–239. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Germanskaya model' voennykh reform [Germany's model of military reforms]. Moscow: INION RAN, 2022. 360 p. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Osobennosti podkhoda Germanii k vystraivaniyu sotrudnichestva s Yaponiei v sfere bezopasnosti i oborony v nachale 2020 kh gg. [The features of German-Japanese cooperation in the sphere of security and defence in the early 2020s]. Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]. 2023. N 3. P. 143–158. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Podkhod FRG k protivostoyaniyu SShA – KNR k seredine 2020-kh godov: politicheskie i voennye aspekty [FRG's approach to the US – China rivalry by the mid-2020s: political and military aspects]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024b. N 4. P. 223–239. (In Russ.)

Vasil'ev V.S. Anglosaksonskie skrizhali narastayushchego global'nogo tsivilizatsionnogo protivostoyaniya [Anglo-Saxon guidestones of growing global confrontation between civilizations]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 4. P. 234–257. (In Russ.)

Vasil'ev V.S. «Kholodnaya voina» mezhdou SShA i KNR: rol' i interesy Velikobritanii [“Cold War” between the USA and China: the role and interests of Great Britain]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 4. P. 125–143. (In Russ.)

В.Н. Чернега

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ФРАНЦИИ (1958–2025)

***Аннотация.** Ближний Восток традиционно занимает важное место в системе внешнеполитических приоритетов Франции в силу географической близости и геостратегического значения как звена, связывающего Европу с Африкой, частью Азии и Индо-Тихоокеанским регионом. После Второй мировой войны 1939–1945 гг. действия французских дипломатов на Ближнем Востоке осложнялись израильской позицией правительств Четвертой республики и колониальной войной в Алжире. Дипломаты смогли активизироваться после того, как основатель и первый президент Пятой республики генерал Ш. де Голль, завершив эту войну, совершил поворот к «арабской политике». Его преемники на посту главы Франции в целом сохранили суть этого курса. Вместе с тем они вносили в него определенные изменения, обусловленные прежде всего эволюцией ситуации на Ближнем Востоке, в частности, «нефтяным шоком» 1973 г., динамикой израильско-палестинского конфликта, вторжениями США в Ирак в 1991 и 2003 гг., угрозой исламистского терроризма. Стратегия Франции в борьбе за влияние на Ближнем Востоке определялась и определяется, с одной стороны, недостаточностью ее экономических ресурсов, что обусловило акцент на военное взаимодействие и экспорт вооружений, с другой – необходимостью учитывать доминирование здесь США.*

***Ключевые слова:** Ближний Восток; «арабская политика»; экспорт вооружений; израильско-палестинский конфликт; ядерная проблема Ирана.*

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН). Россия, Москва.

E-mail: v.n.tchernega@gmail.com

ORCID ID: 000-002-3031-0187

Researcher ID: AAD-3569-2022

V.N. Chernega

The Middle East in France's State Policy (1958–2025)

***Abstract.** The Middle East has traditionally occupied an important place in the system of foreign policy priorities of France due to its geographical proximity and its geostrategic significance as a link connecting Europe with Africa, part of Asia, and the Indo-Pacific zone.*

After the Second World War, the actions of French diplomacy in the region were complicated by the pro-Israeli position of the governments of the Fourth Republic and the colonial war in Algeria. It was able to become more active after the founder and first president of the current Fifth Republic, General Charles de Gaulle, having ended that war, made a turn to the “Arab policy”. His successors as head of state generally maintained the continuity of de Gaulle’s course. At the same time, they made certain changes to it, conditioned primarily by the evolution of the situation in the Middle East, in particular, the “oil shock” of 1973, the dynamics of the Israeli-Palestinian conflict, and the US invasions of Iraq in 1991 and 2003, threat of Islamic terrorism. France’s strategy in the struggle for influence in the Middle East was and is determined, on the one hand, by the insufficiency of its economic resources, which predetermined the emphasis on military cooperation and arms exports, and on the other hand, by the need to take into account the dominance of the United States here.

Keywords: Middle East; “Arab policy”; arms exports; Israeli-Palestinian conflict; Iran nuclear issue.

Chernega Vladimir Nikolaevich – ScD in Law, Extraordinary and Plenipotentiary Envoy, Chief Researcher of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.

E-mail: v.n.tchernega@gmail.com

ORCID ID: 000-002-3031-0187

Researcher ID: AAD-3569-2022

Введение

Характерной чертой современной французской ментальности, отмечаемой многими исследователями, является противоречие между «деклинизмом», ощущением упадка Франции, уменьшения ее международного влияния, и державными устремлениями этой страны [Encel 2015, p. 12–13]. Корни данного противоречия уходят в период после Второй мировой войны 1939–1945 гг., по результатам которой Франция оказалась среди победителей, но утратила статус мировой державы. Первоначально ее приоритетом являлось сохранение части былого влияния. Отсюда – колониальные войны в Индокитае в 1946–1954 гг. и Алжире в 1954–1962 гг. Поражения в обоих конфликтах, однако, усугубили проблему. Но после прихода к власти в 1958 г. генерала Ш. де Голля, установившего современную Пятую республику, Париж постепенно возвратился к державной политике, насколько это позволяла существовавшая двухполярная мировая система с доминированием США и СССР. Хотя в конце XX в. возник однополярный миропорядок во главе с США, затем начался процесс формирования многополярности, а сама Франция всё больше втягивалась в европейскую интеграцию и даже стала вместе с ФРГ ее «локомотивом», правящие элиты страны не отказались от державных амбиций. Ближнему Востоку в рамках внешнеполитического курса, направленного на их реализацию, придавалось и придается важнейшее значение.

В настоящей статье исследуется эволюция политики Парижа в регионе с 1958 г. по настоящее время, что позволяет осветить вопрос как о ее преемственности, так и о вносимых в нее коррективах. Нами используется широкое понимание Ближнего Востока, охватывающего пространство от Судана до Афганистана, которое всё чаще встречается во французской литературе и в официальных документах. Оно дает возможность не только комплексно подойти к анализу указанной политики, увидеть, в частности, ее взаимосвязь с державными устремлениями Франции в Африке и в Индо-Тихоокеанском регионе, но и избежать неопределенности, связанной с употреблением географических наименований, значение которых со временем менялось (например, Левант). В связи с большим количеством ближневосточных государств в работе рассматриваются те из них, которые, с точки зрения автора, являются наиболее важными для раскрытия избранной темы.

Франция и Ближний Восток в 1958–2017 гг.

Президент Франции Ж. Ширак (в 1996–2005 гг.), выступая в 1996 г. в Кайрском университете, заявил: «Между французами и арабами существует взаимное знание друг друга, которое питает нашу вековую дружбу» [цит. по: Vozo 2019, р. 233]. Если слова о «дружбе» можно отнести к обычной дипломатической риторике, то исторические связи между Францией и рядом арабских стран Ближнего Востока не подлежат сомнению. Так, Алжир и Мавритания были ее колониями, Марокко и Тунис – протекторатами. В 1920–1941 гг. Франция по мандату Лиги Наций управляла Сирией, сыграв главную роль в выделении из нее в 1926 г. Ливана, а в 1945–1951 гг., согласно решению ООН, в Ливии управляла провинцией Феззан (Феццан) [Dubu 1970, р. 652].

После Второй мировой войны «дружбу» осложняли колониальная война в Алжире и откровенная произраильская позиция правительств Четвертой республики (1946–1958). В 1948 г., в разгар первой арабо-израильской войны, Франция стала главным поставщиком оружия еврейскому государству. В 1956 г. она вместе с Израилем и Великобританией участвовала в военной интервенции в Египет, предпринятой после национализации им Суэцкого канала. Как отмечают французские историки С. Бернстен и П. Мильза, помимо неприятия национализации, движущим мотивом Парижа было желание нанести удар по Египту из-за его помощи алжирским повстанцам [Bernstein, Milza 2009, р. 648]. Под давлением США и СССР интервенция была свернута, что, в свою очередь, существенно ослабило позиции Франции в регионе.

Курс Парижа на Ближнем Востоке начал меняться после того, как Ш. де Голль прекратил сотрудничать с Израилем по вопросу о строительстве ядерного центра в г. Димона в 1961 г. (осуществлялось в соответствии с двусторонним секретным соглашением 1957 г.) и завершил в 1962 г. войну в Алжире [ibid.,

р. 278]. После шестидневной войны 1967 г. Израиля с Египтом, Сирией, Иорданией и Ираком Франция осуществляла эмбарго на поставки оружия ее участникам (де-факто это ударило главным образом по Израилю) и последовательно налаживала сотрудничество с некоторыми государствами региона, в том числе с Египтом. Исследовательница из Французского института международных отношений (IFRI) Э. Файе пишет, что из-за эмбарго израильское правительство переориентировалось в закупках вооружений на США, а Париж утратил основной инструмент влияния на Израиль и одновременно надежду играть значительную роль в попытках урегулировать израильско-палестинский конфликт. Напротив, США стали «покровителем» Израиля. Вместе с тем Э. Файе признает, что проведенный Ш. де Голлем разворот к «арабской политике» отвечал установке на увеличение возможностей Франции в маневрировании между двумя сверхдержавами, выражавшемся в поддержке Движения неприсоединения (своего рода «третьего пути» между двумя блоками), на надежное обеспечение страны энергоресурсами и наращивание экспорта вооружений, без которого из-за ограниченных финансовых ресурсов нельзя было поддерживать на державном уровне национальный военно-промышленный комплекс [Fayet 2022, p. 17–18]. Стремление Ш. де Голля восстановить державный статус Франции побудило его вывести страну в 1966 г. из интегрированных военных структур НАТО и закрыть американские базы на ее территории.

Преемники Ш. де Голля на президентском посту стремились одновременно улучшать отношения с США и НАТО и проводить державный внешнеполитический курс. Наиболее последовательно, как считается во Франции, это делал президент Ф. Миттеран (в 1981–1996 гг.)¹. Вместе с тем все французские президенты придерживались по сути деголлевской стратегической установки относительно Ближнего Востока, в соответствии с которой Франция расширяла круг партнеров в регионе. Если раньше Париж уделял основное внимание сотрудничеству с Ливаном, Сирией и Египтом, то после резкого повышения цен на нефть («нефтяного шока») в 1973 г. и начала ливанской гражданской войны в 1975 г. в этот круг вошли Ливия, арабские нефтяные страны Персидского залива (в том числе Ирак) и Иран. В рамках сотрудничества Франция реализовывала в этих странах проекты в сферах инфраструктуры, промышленности, культуры, образования, но главную роль в нем играли военное сотрудничество и экспорт вооружений (боевых самолетов различных типов, вертолетов, ракет, военных кораблей, в том числе подводных лодок, бронетехники, артиллерии). В плане влияния это позволяло в определенной мере компенсировать недостаточные экономические возможности Франции. Данную стратегию можно назвать *торговлей безопасностью*.

1. Отсюда название этого курса, принятое во французской литературе, – *голло-миттерандизм* (франц. – *gaullo-mitterrandisme*).

В числе самых крупных покупателей французского оружия, в частности боевых самолетов и ракет, был Иран. Но после антишахской антизападной революции 1979 г. отношения с ним осложнились, а в начавшейся в 1980 г. войне Ирана и Ирака Франция заняла сторону последнего, прекратив поставки. Имели также место и попытки наладить сотрудничество с Ираном в ядерной области: в 1976 г. Париж заключил с Тегераном соглашение на строительство двух атомных электростанций, но по названным выше причинам оно не было реализовано [Chesnot, Malbrunot 2022, p. 264].

В 1979 г. Франция построила для Ирака ядерный реактор, который был взорван агентами израильской разведки Моссад в порту близ Тулона. Новый реактор доставили к месту назначения в 1980 г., но в следующем году его серьезно повредила израильская авиация. Больше французское ядерное оборудование в Ирак не поставлялось, однако Франция продолжала осуществлять в стране крупные проекты, в том числе в нефтяном секторе и по линии военно-технического сотрудничества. В 1991 г. военный контингент Франции участвовал в осуществленной США против Ирака операции «Буря в пустыне» («Desert Storm»), ставшей ответом на его вторжение в Кувейт. Для Парижа это означало, помимо прочего, утрату крупных контрактов и инвестиций. Как отмечает французский историк Ф. Бозо, Ф. Миттеран колебался, но в итоге поддержал США, опасаясь вытеснения Франции из региона [Bozo 2019, p. 204].

Демонстрация в ходе операции США своего технологического превосходства обернулась для Франции уменьшением притягательности ее вооружений. Если в 1990 г. в их экспорте доля ближневосточных клиентов составляла 61%, то в 1993 г. – лишь 21% [Fayet 2022, p. 21]. В дальнейшем участие Франции в «Буре в пустыне», напротив, облегчило ей развитие сотрудничества в области безопасности, обороны и военно-технической сфере с рядом стран региона, оправившихся от первоначального шока, которые вызвала иракская агрессия, и стремившихся отойти от полной зависимости от США. Если до 1994 г. Франция имела соглашения с Египтом и Саудовской Аравией, касающиеся, в частности обороны и военно-технического сотрудничества, то в последующие два десятилетия она обновила их и заключила аналогичные соглашения с Иорданией, Ливаном, Катаром, Кувейтом, Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), с Саудовской Аравией и Бахрейном были подписаны соглашения по вопросам гражданской обороны и внутренней безопасности [ibid., p. 82–83].

Франция старалась по мере возможности сотрудничать с Израилем, чему способствовала ее жесткая позиция по проблеме создания ядерного оружия Ираном, становившаяся всё более актуальной с начала 2000-х годов. Но развитие связей с Тель-Авивом осложнялось подходом Парижа к израильско-палестинскому конфликту. Суть его была отражена еще в Декларации Европейского экономического сообщества от 13 июня 1980 г., принятие которой инициировал президент В. Жискард д'Эстен (в 1974–1981 гг.): в документе одновременно

признавалось право Израиля на безопасное существование и право палестинцев на самоопределение, т. е. на создание собственного государства [Déclaration du Conseil européen sur le Moyen-Orient lors de la réunion de Venise 1980]. С тех пор эта позиция менялась лишь в нюансах.

Распад СССР и установление однополярного миропорядка резко сузили поле маневра Франции на международной арене, увеличив важность для нее Ближневосточного региона, где она в поисках влияния могла опираться на неработанные связи. Ж. Ширак, неоднократно высказывавшийся о желательности многополярной системы, даже объявил в 1996 г., что «арабская политика должна быть главным направлением внешней политики» страны [цит. по: Vozo 2019, p. 233]. В 2003 г. Франция (вместе с Россией и ФРГ) попыталась противодействовать новому вторжению США в Ирак, которое французский президент считал необоснованным. По словам Э. Файе, это была «лебединая песня» деголлевской политики, не приведшая к желаемому результату [Fayet 2022, p. 21]. Позднее, однако, Ж. Ширак и его преемник президент Н. Саркози (в 2005–2012 гг.) приложили большие усилия, чтобы загладить «иракский инцидент» перед Вашингтоном. Франция по существу конкурировала в Персидском заливе с США, но в тактическом плане отныне старалась «дополнять» их в обеспечении безопасности в регионе, тем более что американские внешнеполитические приоритеты заметно сдвигались в Азию, в сторону соперничества с Китайской Народной Республикой (КНР).

Париж пытался утвердиться и в качестве важного игрока в разрешении иранской ядерной проблемы. Н. Саркози в начале своего президентства предлагал Тегерану в обмен на гарантии отказа от создания ядерного оружия помощь в строительстве атомной электростанции близ г. Бушер, поставки самолетов, вертолетов и спутников для наблюдения за беспокойной границей с Афганистаном [Chesnot, Malbrunot 2022, p. 183]. Переговоры, однако, не увенчались успехом, и в дальнейшем Франция возвратилась в отношении Ирана к жесткой линии, направленной на предотвращение с помощью внешнего давления его продвижения к военному атому. Помимо улучшения отношений с США, которые еще в 2002 г. включили Иран в «Ось зла» (наряду с Корейской Народно-Демократической Республикой и Ираком), это позволило существенно нарастить сотрудничество в военной и военно-технической сферах с монархиями Персидского залива, встревоженных ростом активности в регионе иранского шиитского режима и развитием его ядерной программы. Сближению способствовала также угроза исламского терроризма. Крупным успехом Парижа можно считать открытие в 2009 г. французской военной базы в ОАЭ, состоящей из трех баз – сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил.

Франция одновременно стремилась усилить свое влияние в средиземноморской части Ближнего Востока, привлекая туда Европейский союз (ЕС). Однако ни «барселонский процесс», который по инициативе Ж. Ширака с 1996 г.

должен был стать форматом сотрудничества между ЕС и десятью неевропейскими средиземноморскими странами (Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Марокко, Сирия, Тунис, Турция и Палестинская автономия), ни образованный Н. Саркози в 2009 г. Союз за Средиземноморье, который должен был охватить помимо 10 указанных выше стран, средиземноморские государства ЕС, а также Албанию, Боснию и Герцеговину, Хорватию (тогда еще не члена ЕС) и Мавританию, не принесли искомого результата. Главной причиной явилось равнодушие к данным проектам ФРГ, а затем и новых членов ЕС из Восточной Европы [Lefebvre 2019, p. 66–68].

В марте 2011 г. Франция вместе с Великобританией и при поддержке НАТО (т.е. США) осуществила военную интервенцию в Ливии. Напомним, что операция привела не только к гибели лидера страны М. Каддафи и краху ливийского государства, но и к потоку боевиков (в том числе исламистских) и оружия, который хлынул на соседние территории Сахеля. В этом регионе расположены бывшие колонии Франции – Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад, рассматривавшиеся Парижем как опорные пункты своего влияния в Африке. В 2013 г. Франции пришлось начать там антиджихадистскую операцию «Часовой» («Sentinelle»), переросшую в 2014 г. в более широкую операцию «Бархан» («Barkhane»).

Большинство французских исследователей считают, что к этой аванюре Н. Саркози подтолкнуло стремление адаптироваться к массовым движениям социального протеста («арабской весне»), начавшимся в декабре 2010 г. в Тунисе и вскоре перекинувшимся на Иорданию, Йемен, Египет, Ливию, Сирию. Протесты застали французские власти врасплох, так как они поддерживали нормальные отношения с режимами, существовавшими в этих странах. Н. Саркози решил воспользоваться восстанием части ливийского населения против М. Каддафи, чтобы одновременно оказаться «на правильной стороне истории» и обезопасить позиции Франции в Сахеле, на которые на протяжении длительного времени посягала Ливия. На практике же всё вышло иначе.

Как пишет бывший французский дипломат М. Лефевбр, в более широком плане указанная интервенция соответствовала атлантистской стратегии Н. Саркози, возвратившего Францию в 2009 г. в интегрированные военные структуры НАТО (кроме Группы ядерного планирования). Президент полагал, что Франции будет проще защищать свои державные позиции не путем подчеркивания своей независимости, а внутри «атлантического сообщества», что вызвало ориентацию на американских неоконсерваторов («неоконов») – сторонников смены силой неугодных режимов [ibid., p. 38].

Помимо вмешательства в Ливии, Н. Саркози поддержал вспыхнувшие в январе 2011 г. антиправительственные выступления в Сирии. Франция имела с ней трения, прежде всего из-за сирийских претензий на доминирование в Ливане, с которым французские власти поддерживали тесные отношения. В марте

2012 г. Париж разорвал дипломатические отношения с Дамаском и начал оказывать оппозиционным группировкам (особенно Сирийским демократическим силам, в основном состоящим из курдов) помощь оружием, инструкторами и разведанными [Pichon 2014, p. 38]. Президент Ф. Олланд (в 2012–2017 гг.) показал себя еще более жестким противником Дамаска. Помимо стремления максимально ограничить сирийское влияние в Ливане, этот курс был предопределен указанной выше ориентацией Франции на сотрудничество с США и монархиями Персидского залива. И те, и другие видели в режиме Б. Асада важное звено образованной Ираном антиамериканской и антиизраильской «оси сопротивления», идущей от Йемена к ливанскому движению «Хезболла» в Ливане и ХАМАС (Исламское движение сопротивления) в секторе Газа. Отсюда парадоксальная ситуация, когда Франция, США, другие западные государства, требовавшие ухода Б. Асада во имя продвижения в стране демократии, де-факто образовали единый фронт с Саудовской Аравией и Катаром, имевшими непростые отношения между собой, но с одинаковым рвением поддерживавшими исламистские группировки, менее всего желавшие установления властной системы по западному образцу.

В 2014 г. террористическая угроза со стороны ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта – международная исламистская террористическая организация, деятельность которой запрещена Верховным судом Российской Федерации на территории страны 29 декабря 2014 г. – *Прим. ред.*) подвигла Ф. Олланда начать против него в рамках коалиции под руководством США военную операцию «Шамаль» («Chammal»; пустынный ветер в Ираке). Однако французский президент решил распространить ее и на сирийскую территорию только после терактов, совершенных исламистами в Париже в 2015 г., поскольку считал, что борьба с ними была бы выгодна Б. Асаду. После некоторых колебаний Ф. Олланд отказался от идеи сотрудничества с Россией, к которой его побудили указанные теракты. Франция продолжила курс на противодействие российскому влиянию в Сирии. В конечном счете максимализм Н. Саркози и Ф. Олланда привел к утрате французского влияния на Дамаск.

Франция заняла прагматичную позицию в отношении короля Иордании, Абдаллы II, который смог справиться с народными волнениями, не прибегая к массовым репрессиям, и осудил режим Б. Асада. В 2014 г. Франция в рамках борьбы с ИГИЛ открыла в стране военно-воздушную базу. Вместе с базами в ОАЭ и крупной базой в Республике Джибути, существующей с 1977 г., она стала составной частью «стратегического треугольника», позволяющего Парижу проводить в случае необходимости военные операции на огромном пространстве – от Юга Средиземноморья, Персидского залива и Красного моря до Индо-Тихоокеанского региона.

Прагматизм Франция проявляла и в отношении Египта, где в 2014 г. в результате антиисламистского военного переворота власть перешла к фельдмар-

шалу А. Ас-Сиси, «управляющего страной железной рукой» [Le bilan du monde 2025, p. 172]. Помимо продолжения сотрудничества в инфраструктурной области (к примеру, в развитии каирского метро), Франция смогла нарастить экспорт вооружений в Египет. Этому способствовала перепродажа Каиру в 2015 г. на весьма выгодных условиях двух универсальных десантных кораблей-вертолетоносцев типа Mistral, строившихся для российского военно-морского флота (сделка отменена Ф. Олландом после вхождения в 2014 г. Республики Крым и г. Севастополь в состав Российской Федерации). В 2015 г. Каир купил 24 боевых многоцелевых самолета Rafale, которые ранее не могли выйти на международный рынок [Le Contrat Rafale pour l'Égypte entre en vigueur 2021].

Борьба с исламистской угрозой позволила Парижу сохранить традиционно значительное торгово-экономическое и военное сотрудничество с Тунисом, президент которого З. Бен Али, поддерживавший самые тесные связи с французской элитой, был вынужден бежать из страны в 2011 г. Заинтересованность в противодействии указанной угрозе содействовала расширению развитого сотрудничества Франции в названных сферах с другим традиционным партнером в Магрибе – Марокко, где король Мухаммед VI, как и иорданский король, смог справиться в 2011 г. с волнениями в стране.

Весьма противоречивый характер² носили отношения Франции и Алжира, хотя обе страны активно торговали друг с другом (Франция, в частности, получала значительные объемы алжирских нефти и природного газа), а на французской территории проживала и проживает многочисленная алжирская диаспора.

Общей особенностью отношений всех трех государств с Францией было то, что они, как и Иордания, покупали у нее мало вооружений, предпочитая других поставщиков: Марокко и Тунис – США, Алжир – Россию. В 2014–2016 гг. экспорт французского оружия в Алжир оценивался в 180,3 млн, в Марокко – в 210,1 млн, в Тунис – в 21,7 млн евро [Rapport au Parlement 2024 sur les exportations d'armement de la France, p. 76]. Таким образом, у Франции отсутствовал здесь важный рычаг влияния, образуемый определенной зависимостью покупателя от продавца. Эта ситуация усугублялась, с одной стороны, всё большей активностью на оружейных рынках новых конкурентов – Турции, КНР, Италии, Испании, ФРГ, с другой – прилагаемыми ими усилиями по строительству собственной оборонной промышленности. Отсюда возрастающая важность для французского военно-промышленного комплекса его клиентов в Персидском заливе, прежде всего Катара, Кувейта, ОАЭ и Саудовской Аравии. Однако они также стремились диверсифицировать импорт вооружений и одновременно развивать свою военную индустрию. ОАЭ, например, в 2010-е

2. Причины этой противоречивости исследовались в российской литературе [Современная Франция 2024, с. 216–217]. Здесь укажем лишь на неизжитые проблемы, связанные с войной 1954–1962 гг. и в целом с французской колониальной политикой на данной территории.

годы поставляли некоторые виды оружия в Тунис [Fayet 2022, p. 21]. Стремление удержать французские позиции обусловило откровенно прагматичное отношение Ф. Олланда к действиям Саудовской Аравии, в 2015 г. выступившей (вместе с рядом других мусульманских стран) против проиранских хуситов в гражданской войне в Йемене. Методы ведения войны саудитами вызвали осуждение в мире, в частности, со стороны правозащитных организаций, в том числе во Франции. Помимо важнейшей роли Саудовской Аравии в добыче и экспорте нефти, крупных закупок ею французского оружия, Париж привлекала обнародованная Эр-Риядом в 2016 г. программа развития «Видение 2030», предусматривавшая огромные вложения в инфраструктурные и промышленные проекты и открывавшие большие перспективы для зарубежного бизнеса [Vision 2030, 2025]. Это привело к активной поддержке Францией, в том числе военной, королевства.

Завершая раздел, отметим, что при Ф. Олланде Франция на переговорах по иранской ядерной проблеме, начавшихся в 2005 г., занимала самую жесткую позицию. Переговоры благодаря США и России завершились подписанием в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), который определил пути урегулирования. Париж в конечном счете поддержал СВПД, а французские компании, воспользовавшись отменой введенных ранее санкций ООН против Тегерана, буквально хлынули в Иран (см. подробнее: [Узунова 2019, с. 90–92]). Однако соглашение вызвало недовольство Израиля и монархий Персидского залива, считавших изложенные в документе меры по недопущению создания Ираном ядерного оружия недостаточными и требовавших запрета на разработку им ракетных технологий [Fayet 2022, p. 41]. Противником СВПД был также Д. Трамп, который после своего избрания президентом США в 2016 г. прекратил участие страны в соглашении, чем предопределил его провал (протесты Парижа он проигнорировал).

Ближневосточная политика Э. Макрона (2017–2025)

Пришедший к власти в мае 2017 г. Э. Макрон считал своим главным внешнеполитическим приоритетом углубление европейской интеграции. Вместе с тем, как он неоднократно заявлял, Франция должна была играть на международной арене роль «уравновешивающей державы», предлагающей в контексте растущего соперничества США и КНР некий «третий путь», который вызывал ассоциацию с курсом Ш. де Голля [Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs 2019]. Эту установку новый президент стремился проводить, в частности, на Ближнем Востоке. Ему сразу же пришлось заняться проблемами Сирии и Ливии, где была особенно сложная ситуация. В отношении сирийского кризиса (подробнее о нем см.: [Манойло 2020]) он поначалу обозначил более прагматичный подход по сравнению с Н. Саркози

и Ф. Олландом, однако вскоре возвратился к той же политике. Падение режима Б. Асада в ноябре 2024 г. было воспринято Э. Макроном как подтверждение верности своего курса, и он поспешил установить контакты с исламистской властью. В мае 2025 г. французский президент первым на Западе принял с визитом нового президента А. Аш-Шараа в Париже, несмотря на критику со стороны многих политиков и правозащитных организаций [Le président syrien accueilli par Emmanuel Macron à l'Élysée lors de sa première visite polémique en Occident 2025]. Однако большинство французских специалистов сомневаются, что Париж сможет влиять на политику нового режима, который испытывает трудности в стабилизации сирийского общества, сохраняющего этнические, религиозные и политические противоречия. Сложности ситуации добавляет активность на сирийской территории ряда внешних игроков, особенно Турции и Израиля.

Э. Макрон осудил вооруженную интервенцию 2011 г. Франции и Великобритании в Ливию [Bobin 2018]. Президент попытался примирить два центра власти – «восточное правительство» фельдмаршала Х. Хафтара, опиравшегося на созданную им Ливийскую национальную армию, и Правительство национального согласия во главе с Ф. Аль-Сараджем, признанное ООН (в 2021 г. преобразовано в Правительство национального единства). Э. Макрон приложил большие усилия, чтобы обе стороны согласились провести в стране президентские и парламентские выборы, которые позволили бы преодолеть политический раскол (подробнее о кризисе см.: [«Ливийский вопрос» 2021, с. 34–36, 38–39]). Как указывают французские журналисты К. Шено и Б. Малбруно, специализирующиеся на проблемах Ближнего Востока, главная спецслужба Франции – Генеральный директорат по вопросам внешней безопасности (DGSE) – оказывала помощь армии Х. Хафтара, в то время как командование Силами специальных операций (COS) обучало «президентскую гвардию» Ф. Аль-Сараджа [Chesnot, Malbrunot 2022, p. 145]. В итоге французские посреднические усилия были напрасны – ни президентские, ни парламентские выборы в Ливии не состоялись; в стране по-прежнему два центра власти: Правительство национального единства во главе с А. Х. ад-Дбейбой и Правительство национальной стабильности во главе с У. Хаммадом, за которым стоит Х. Хафтар. В условиях, когда в Ливии активно продвигали и продвигают свои интересы другие страны – Турция, Россия, Египет, ОАЭ, Катар, Италия, ФРГ, возможности Франции оказались недостаточны.

Э. Макрон также стремился улучшить отношения Франции с Алжиром. Во время избирательной президентской кампании в 2017 г. он посетил эту страну и назвал колониализм «преступлением против человечности», что вызвало неоднозначную реакцию во Франции [Macron 2017]. После избрания президентом Э. Макрон в декабре того же года нанес официальный визит в Алжир, в ходе которого попытался наладить взаимодействие с властями, которые,

однако, потребовали не только официального покаяния за упомянутые преступления, но и уплаты компенсаций за эти преступления и репараций за ущерб, нанесенный французскими ядерными испытаниями в Сахаре в 1961–1966 гг. [Chesnot, Malbrunot 2022, p. 105]. Позднее к этому добавилось неприятие попыток французских властей высылать на родину граждан Алжира за совершенные ими во Франции преступления. Летом 2024 г. французские власти признали суверенитет Марокко над Западной Сахарой, независимости которой многие годы добивается военно-политическая организация Фронт ПОЛИСАРИО (Народный фронт освобождения Сегиет-эль-Хамра и Рио-де-Оро), поддерживаемая Алжиром. Это решение вызвало недоумение во французских политических и экспертных кругах, так как ранее Париж избегал четкой позиции по этой проблеме. Марокко – важный торгово-экономический партнер Франции, но главной причиной этого шага, как представляется, стало резкое увеличение для Парижа стратегической важности Марокко после провала в Сахеле при Э. Макроне операции «Бархан» и утраты там французских позиций. По-видимому, свою роль сыграло и желание Марокко купить у Франции 30 истребителей Mirage 2000–9 и 12 транспортных вертолетов дальнего действия H225 Caracal. По сообщениям марокканских средств массовой информации этот список могут пополнить самолеты Rafale и подводные лодки Scorpio [Fernández 2024]. Если соответствующие контракты подпишут, речь будет идти о настоящем прорыве во франко-марокканском военно-техническом сотрудничестве. Однако эта перспектива (как и решение о признании Фронта ПОЛИСАРИО) ожидаемо вызвала крайне отрицательную реакцию Алжира. Судя по всему, пока Парижу не удастся выработать линию, которая позволила бы выйти из этой напряженной ситуации без потерь.

Э. Макрон успешно продолжил курс на сотрудничество с Египтом, хотя режим А. Ас-Сиси считался и считается во Франции жестко авторитарным. Французский капитал активно действует в стране, например, в сфере развития инфраструктуры. В 2021 г. Каир купил еще 30 самолетов Rafale [Le Contrat Rafale pour l'Égypte entre en vigueur 2021]. Одновременно Египет приобретает оружие у США и России, что позволяет ему увереннее чувствовать себя и перед Израилем, и перед США, с которыми он сотрудничает, стремясь избежать слишком большой зависимости. В апреле 2025 г. президент Франции нанес в Египет государственный визит, в ходе которого, кроме крупных экономических контрактов, была подписана Декларация о стратегическом партнерстве, предусматривающая наращивание сотрудничества в военной сфере. Стороны подтвердили необходимость политико-дипломатического решения палестинской проблемы и отвергли инициативу Д. Трампа по выселению из Газы ее жителей. Отметим, что Э. Макрон обещал Египту поддержку в получении помощи ЕС и Международного валютного фонда [Déclaration du Président de la République en Égypte 2025].

Э. Макрон продолжил также реальную политику Парижа в субрегионе Персидского залива, где главными партнерами Франции являются монархии,

которые по-прежнему подвергаются критике со стороны правозащитных организаций. Франция получает отсюда часть необходимых ей нефти и нефтепродуктов [Fayet 2022, p. 58]. Выше говорилось о стратегическом значении для военной базы в ОАЭ, которая, как и база в Иордании, использовалась в ходе операции «Шамаль» в Ираке и Сирии. В целом именно ОАЭ лидируют в Заливе по объему торгово-экономических обменов и инвестиционного взаимодействия с Францией. В 2021 г. они заключили с ней «исторический» контракт на покупку 80 самолетов Rafale – своего рода рекорд, с тех пор никем не превзойденный [Pozis 2025]. Закономерно, что в 2022 г., когда йеменские хуситы обстреливали территорию ОАЭ, Париж перебросил на их защиту авиацию и системы противовоздушной обороны [Fayet 2022, p. 73].

Большое внимание французская дипломатия уделяет сотрудничеству с Катаром – важным экспортером природного газа, который по объему связей с Францией уступает лишь ОАЭ. В 2018 г. Катар первым в Персидском заливе закупил 12 самолетов Rafale [Vente d'armes 2019], что, по-видимому, облегчило продвижение подобного контракта с ОАЭ.

Более всего прагматизм Э. Макрона проявился в отношениях с Саудовской Аравией – крупнейшей арабской страной Персидского залива и одним из важнейших игроков на рынке нефти. В декабре 2021 г., стремясь расширить сотрудничество с королевством, Э. Макрон первым из западных лидеров встретился с наследным принцем Мухаммедом ибн Салман Аль Саудом в нарушение «карантина», которому его подвергли на Западе, в том числе в США, после убийства в октябре того же года в генеральном консульстве королевства в Стамбуле оппозиционного саудовского журналиста Дж. Хашогги.

Несмотря на активность дипломатии Э. Макрона, ему не удалось существенно расширить «нишу» Франции в субрегионе. Хотя США в ходе переориентации на Азию отчасти переформатировали свое присутствие в нем, а монархии Персидского залива в последние годы стремятся к расширению самостоятельности на международной арене, Вашингтон остается для них главным партнером в торгово-экономических обменах, в военной и военно-технической областях. США сохраняют военные базы в Бахрейне, Катаре, Кувейте, ОАЭ, Омане, Саудовской Аравии. В 2020 г., в первую каденцию Д. Трампа, США продемонстрировали свое влияние, инициировав заключение «соглашений Авраама» – Израиля с Бахрейном и ОАЭ. Определенное пространство в торговле, инвестиционном взаимодействии, военно-техническом сотрудничестве, которое всё же высвобождается, заполняется КНР, Россией, Турцией, Израилем и Индией. Об усилении китайских позиций говорит тот факт, что в 2023 г. Пекин добился формального примирения Эр-Рияда и Тегерана. Заслуживает отдельного упоминания также возросшая роль Турции в Катаре. В 2017 г., когда обострились отношения последнего с Саудовской Аравией и рядом поддержавших ее государств, Анкара направила для защиты катарской

границы войска. Большую активность в Заливе проявляют также Великобритания, ФРГ и Италия. Но наибольшая угроза для перспектив Франции в субрегионе связана с тем, что важнейшим фактором ее влияния здесь по-прежнему является экспорт оружия. Однако заинтересованность в нем государств Залива находится под вопросом: во-первых, из-за значительного уменьшения актуальности исламистского терроризма; во-вторых, из-за резкого ослабления «оси сопротивления», созданной Тегераном вследствие крушения режима Б. Асада в Сирии, ударов Израиля по ХАМАС в Газе и «Хезболле» в Ливане (израильские и американские бомбардировки самого Ирана тоже его не усилили); в-третьих, из-за возрастающей конкуренции в оружейной области, а также усилий, прилагаемых государствами Персидского залива, для развития собственной военной промышленности. Они всё чаще требуют передачи им военных технологий и сами наращивают экспорт ряда вооружений [Chaker 2024].

В начале своего президентства Э. Макрон стремился сохранить возможности для сотрудничества с Ираном, которые открыло заключение СВПД. Пользуясь установившимися хорошими личными отношениями с Д. Трампом, он неоднократно пытался смягчить его позицию по соглашению и тем самым спасти договор. В 2019 г. Э. Макрон даже пригласил иранского министра иностранных дел М. Зарифа на встречу «Группы 7» (G7) в Биаррице, чтобы организовать его встречу с американским президентом [Werly 2019]. Однако эти попытки успеха не имели. В дальнейшем президент Франции занял более жесткую позицию и по иранской ядерной проблеме, и по развитию Тегераном своего ракетного потенциала. Таким образом, он вышел за рамки СВПД, но сблизился с линией США, Израиля и монархий Персидского залива. В октябре 2024 г. французские вооруженные силы участвовали в отражении иранских воздушных ударов по Израилю [Guerre au Proche-Orient 2024]. Франция неоднократно подчеркивала, что Израиль имеет право на обеспечение своей безопасности и по сути поддержала израильские и американские бомбардировки объектов, в частности, ядерных центров, на территории Ирана в июне 2025 г. Более того, в случае продолжения иранских атак на еврейское государство Франция была готова вновь защищать Израиль. Вместе с тем Э. Макрон заявлял, что считает бесперспективным эвентуальный курс на силовую смену режима в стране [Israël-Iran 2025]. В июле 2025 г. в связи с фактическим прекращением консультаций между США и Ираном по ядерной проблеме Франция образовала вместе с Великобританией и ФРГ «коалицию», которая пытается продвинуть переговоры по этой проблеме на «европейской площадке» [Nucléaire iranien 2025].

Парижу приходится еще больше маневрировать в контексте обострения израильско-палестинского конфликта, начавшегося в октябре 2023 г. После атаки ХАМАС на Израиль Э. Макрон сначала поддержал его ответные удары по Газе, что соответствовало позиции большей части французских элит, но противоречило настрою многих мусульман, проживающих на территории

страны. Послы Франции в десяти арабских государствах направили президенту письмо, в котором предупреждали, что его установка может обернуться «катастрофическими последствиями» для французского влияния на Ближнем Востоке [Lecomte 2023]. В дальнейшем Э. Макрон, подчеркивая право Израиля защищаться, одновременно ставил всё больший акцент на необходимость положить конец невыносимой гуманитарной ситуации в Газе, а в более широком плане – разрешению конфликта политико-дипломатическим путем, предполагающим признание права палестинцев жить в полноценном государстве. В сентябре 2025 г. на Международной конференции высокого уровня по мирному урегулированию палестинского вопроса и реализации решения о двух государствах, прошедшей в рамках 80-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, и на общих прениях этой сессии он объявил о своем решении признать такое государство. Израиль, как можно было предполагать, отреагировал на данную инициативу крайне болезненно, а Д. Трамп заявил, что «она не имеет никакого значения» [«Reconnaissance d'un État de Palestine» 2025].

Заключение

Проведенный нами анализ подтверждает, что упомянутый в начале статьи «деклинизм» имеет под собой некоторые основания, по крайней мере на Ближнем Востоке. «Арабская политика» Ш. де Голля и его преемников на президентском посту долгое время позволяла Франции наращивать или поддерживать на довольно высоком уровне свое влияние в регионе. Однако установление однополярного мирового порядка сузило возможности французской дипломатии. Парижу пришлось подстраиваться под Вашингтон и в целом удовлетворяться в регионе «нишей», который тот ему оставлял. Формирующаяся многополярность мира дала Франции новые шансы, но ей трудно в полной мере реализовать их из-за относительной слабости экономики. Французские специалисты признают, что ближневосточные партнеры воспринимают их страну не столько как экономическую величину, сколько как военную державу и экспортера вооружений [Chesnot, Malbrunot 2022, p. 258]. Но в этом плане Францию существенно превосходят США. Кроме того, в регионе всё активнее действуют КНР, Россия, Турция, Индия, и ряд стран ЕС (в частности ФРГ, Италия и Испания). Вместе с тем ближневосточные государства развивают собственную военную промышленность и собственный экспортный потенциал.

Осознавая ограниченность своих возможностей, Франция пытается опереться на ресурсы ЕС, что соответствует общему «европеистскому» курсу Э. Макрона. Так, в целях обеспечения безопасности в Ормузском проливе и в Красном море Франция инициировала операции Евросоюза – «Агенор» («Agenor») в 2020 г. и «Щиты» военно-морской группировки ЕС («EUNAVFOR Aspides») в 2024 г. соответственно [Le bilan du monde 2025, p. 179]. В 2022 г. Париж сыграл

активную роль в установлении «стратегического партнерства» между ЕС и государствами Персидского залива, затрагивающего вопросы энергетической и экологической безопасности, торговлю, инвестиционную деятельность и развитие цифровых технологий [ССГ 2022]. Пока, однако, с учетом указанной выше возрастающей конкуренции со стороны других членов ЕС, трудно судить, насколько эта «европеизация» политики Парижа служит его стратегическим интересам.

Говорить о закате державной политики Франции на Ближнем Востоке в краткосрочном и среднесрочном планах, как представляется, было бы преждевременным. Несмотря на ряд провалов французской дипломатии, в частности в Ливии и Алжире, она активно работает в регионе, стремясь использовать имеющиеся у нее возможности и создать новые, однако в длительной перспективе ее влияние здесь может уменьшиться.

Библиография

«Ливийский вопрос»: перспективы урегулирования в контексте европейской и международной безопасности / В.С. Мирзеханов, В.А. Кузнецов, А.С. Сидоров, Ф.О. Трунов, П.В. Шлыков // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика. 2021. № 4. С. 31–43.

Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 145–166.

Современная Франция: между тревогами и надеждами. М.: ИМЭМО РАН, 2022. 256 с.

Узунова Н.Ю. Политика Франции на Ближнем и Среднем Востоке: в поисках утраченного величия // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 1 (521). С. 78–97.

Bernstein S., Milza P. Histoire de la France au XXe siècle. T. 3. Paris: Perrin, 2009. 877 p.

Bobin F. A Tunis, Macron critique l'intervention militaire de l'OTAN en Libye en 2011 // Le Monde. 01.02.2018. URL: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2018/02/01/a-tunis-emmanuel-macron-critique-l-intervention-militaire-de-l-otan-en-libye-de-2011_5250601_3212.html (дата обращения: 16.07.2025).

Bozo F. La politique étrangère de la France depuis 1945. Paris: Flammarion, 2019. 324 p.

ССГ: l'UE dévoile son partenariat stratégique avec le Golf // Commission européenne. 18.05.2022. URL: https://www.eu.europa.eu/commission/presscorner/detail/fr/ip_22_3165 (дата обращения: 18.12.2025).

Chaker R. Les stratégies d'approvisionnement naval des États arabes du Golfe: l'émergence de nouvelles ambitions ? // Le Rubicon. 20.12.2023. URL: <https://lerubicon.org/les-strategies-dapprovisionnement-naval-des-etats-arabes-du-golfe-lemergence-de-nouvelles-ambitions/> (дата обращения: 01.12.2025).

Chesnot Ch., Malbrunot G. Le déclassement français. Élysée, Quai d'Orsay, DGSE: les secrets d'une guerre stratégique. Paris: Michel Lafon, 2022. 293 p.

Déclaration du Conseil européen sur le Moyen-Orient lors de la réunion de Venise, le 13 juin 1980 // Élysée. URL: <https://www.elysee.fr/valery-giscard-d-estaing/1980/06/13/declaration-du-conseil-europeen-sur-le-moyen-orient-lors-de-la-reunion-de-venise-le-13-juin-1980> (дата обращения: 02.07.2025).

Déclaration du Président de la République en Égypte // Élysée. 07.04.2025. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2025/04/07/deplacement-en-republique-arabe-degypte-premiere-journee-au-caire> (дата обращения: 01.12.2025).

Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs // Élysée. 27.08.2019. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1> (дата обращения: 27.06.2025).

Duby G. Histoire de la France. Paris: Editions Larousse, 1970. 711 p.

Encel F. Les voies de la puissance: Penser la géopolitique au XXIe siècle. Paris: Odile Jacob, 2015. 326 p.

Fayet H. Quelle posture stratégique pour la France au Moyen-Orient? // Etudes de l'IFRI. 2022. N 112. 97 p.

Fernández E. Marruecos y Francia reviven la cooperación militar // Atalayar. 13.09.2024. URL: <https://www.atalayar.com/articulo/politique/maroc-et-la-france-relancent-leur-cooperation-militaire/20240913114444205151.html> (дата обращения: 14.04.2025).

Guerre au Proche-Orient: la France mobilise «ses moyens militaires pour parer la menace iranienne sur l'Israël // Francebleu. 02.10.2024. URL: <https://www.francebleu.fr/infos/international/guerre-au-proche-orient-la-france-mobilise-ses-moyens-militaires-pour-parer-la-menace-iranienne-sur-israel-6409146> (дата обращения: 28.07.2025).

Israël-Iran: Emmanuel Macron affirme que vouloir changer le régime iranien par la force serait une «erreur stratégique» // Le Figaro. 17.06.2025. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/israel-iran-emmanuel-macron-affirme-que-vouloir-changer-le-regime-iranien-par-la-force-serait-une-erreur-strategique-20250617> (дата обращения: 28.07.2025).

Le bilan du monde. Édition 2025. Paris: Le Monde, 2025. 218 p.

Lecomte L. La lettre du Figaro du 14 novembre 2023 // Le Figaro. 14.11.2023. URL: <https://www.lefigaro.fr/la-lettre-du-figaro-du-14-novembre-2023-20231114> (дата обращения: 28.07.2025).

Le Contrat Rafale pour l'Égypte entre en vigueur // Dassault Aviation. 15.11.2021. URL: <https://www.dassault-aviation.com/fr/groupe/presse/press-kits/le-contrat-rafale-pour-legypte-entre-en-vigueur/> (дата обращения: 20.07.2025).

Lefebvre M. La politique étrangère de la France. Paris: Humensis, 2019. 128 p.

Le président syrien accueilli par Emmanuel Macron à l'Élysée lors de sa première visite polémique en Occident // Le Figaro. 07.05.2025. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/le-president-syrien-accueilli-par-emmanuel-macron-a-l-elysee-lors-de-sa-premiere-visite-polemique-en-occident-20250507> (дата обращения: 22.07.2025).

Macron E. «La colonisation est un crime contre l'humanité» // Le Point. 15.02.2017. URL: https://www.lepoint.fr/emmanuel-macron-la-colonisation-est-un-crime-contre-l-humanite-15-02-2017-2105177_20.php#11 (дата обращения: 11.07.2025).

Nucléaire iranien: de nouvelles discussions entre Téhéran et les Européens vont avoir lieu vendredi // Le Figaro. 21.07.2025. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/nucleaire-iranien-de-nouvelles-discussions-entre-teheran-et-les-europeens-vont-avoir-lieu-vendredi-20250721> (дата обращения: 28.07.2025).

Pichon F. Syrie: pourquoi l'Occident s'est trompé. Paris: Du Rocher, 2014. 152 p.

Pozis G. Dassault présente le tout premier Rafal F4 pour les Émirats arabes // Air&Cosmos. 31.01.2025. URL: <https://air-cosmos.com/article/dassault-presente-le-tout-premier-rafale-f4-pour-les-emirats-arabes-69865> (дата обращения: 25.07.2025).

Rapport au Parlement 2024 sur les exportations d'armement de la France. 135 p. // Ministère des Armées et des Anciens Combattants. URL: [https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/ministere-armees/Rapport%20au%20Parlement%202024%20sur%20les%20exportations%20d%E2%80%99armement%20de%20la%20France%20\(07%202024\).pdf](https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/ministere-armees/Rapport%20au%20Parlement%202024%20sur%20les%20exportations%20d%E2%80%99armement%20de%20la%20France%20(07%202024).pdf) (дата обращения: 01.12.2025).

«Reconnaissance d'un État de Palestine»: pour Trump, les propos de Macron «n'ont pas beaucoup de poids» // Le Figaro. 31.07.2025. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/reconnaissance-d-un-etat-de-palestine-pour-trump-les-propos-de-macron-n-ont-pas-beaucoup-de-poids-20250725> (дата обращения: 31.07.2025).

Vente d'armes: Qatar, Belgique et Arabie Saoudite sont les plus gros clients de la France en 2018 // France-Inter. 10.07.2019. URL: <https://www.radiofrance.fr/franceinter/ventes-d-armes-qatar-belgique-arabie-saoudite-sont-les-plus-gros-clients-de-la-france--en2018-3337079> (дата обращения: 10.07.2025).

Vision 2030: bilan à mi-parcours-Arabie Saoudite // Direction générale du trésor. 16.03.2025. URL: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/Pays/SA/etat-d-avancement-de-la-vision-2030-en-arabie-saoudite> (дата обращения: 11.07.2025).

Werly R. Au G7 de Biarritz, Emmanuel Macron retient Donald Trump sur l'Iran // Le Temps. 25.08.2019. URL: https://www.letemps.ch/monde/g7-biarritz-emmanuel-macron-retient-donald-trump-liran?srsltid=AfmBOorg-zmFhfMIRPkz7UBOIIIGFDotQk_2iIYWBotZFe8-CXRavQxI_ (дата обращения: 20.07.2025).

References

Bernstein S., Milza P. Histoire de la France au XXe siècle. T. 3. Paris: Perrin, 2009. 877 p.

Bobin F. A Tunis, Macron critique l'intervention militaire de l'OTAN en Libye en 2011. Le Monde. 01.02.2018. URL: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2018/02/01/a-tunis-emmanuel-macron-critique-l-intervention-militaire-de-l-otan-en-libye-de-2011_5250601_3212.html (date of access: 16.07.2025).

Bozo F. La politique étrangère de la France depuis 1945. Paris: Flammarion, 2019. 324 p.

CCG: l'UE dévoile son partenariat stratégique avec le Golf. Commission européenne. 18.05.2022. URL: https://www.europa.eu/commission/presscorner/detail/fr/ip_22_3165 (date of access: 18.12.2025).

Chaker R. Les stratégies d'approvisionnement naval des États arabes du Golfe: l'émergence de nouvelles ambitions ? // Le Rubicon. 20.12.2023. URL: <https://lerubicon.org/les-strategies-d-approvisionnement-naval-des-etats-arabes-du-golfe-lemergence-de-nouvelles-ambitions/> (date of access: 01.12.2025).

Chesnot Ch., Malbrunot G. Le déclassement français. Élysée, Quai d'Orsay, DGSE: les secrets d'une guerre stratégique. Paris: Michel Lafon, 2022. 293 p.

Déclaration du Conseil européen sur le Moyen-Orient lors de la réunion de Venise, le 13 juin 1980. Élysée. URL: <https://www.elysee.fr/valery-giscard-d-estaing/1980/06/13/declaration-du-conseil-europeen-sur-le-moyen-orient-lors-de-la-reunion-de-venise-le-13-juin-1980> (date of access: 02.07.2025).

Déclaration du Président de la République en Égypte. Élysée. 07.04.2025. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2025/04/07/deplacement-en-republique-arabe-degypte-premiere-journee-au-caire> (date of access: 01.12.2025).

Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs. Élysée. 27.08.2019. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1> (date of access: 27.06.2025).

Duby G. Histoire de la France. Paris: Editions Larousse, 1970. 711 p.

Encel F. Les voies de la puissance: Penser la géopolitique au XXIe siècle. Paris: Odile Jacob, 2015. 326 p.

Fayet H. Quelle posture stratégique pour la France au Moyen-Orient? Etudes de l'IFRI. 2022. N 112. 97 p.

Fernández E. Marruecos y Francia reviven la cooperación militar. Atalayar. 13.09.2024. URL: <https://www.atalayar.com/articulo/politique/maroc-et-la-france-relancent-leur-cooperation-militaire/20240913114444205151.html> (date of access: 14.04.2025).

Guerre au Proche-Orient: la France mobilise «ses moyens militaires pour parer la menace iranien sur l'Israël. Francebleu. 02.10.2024. URL: <https://www.francebleu.fr/infos/international/guerre->

au-proche-orient-la-france-mobilise-ses-moyens-militaires-pour-parer-la-menace-iranienne-sur-israel-6409146 (date of access: 28.07.2025).

Israël-Iran: Emmanuel Macron affirme que vouloir changer le régime iranien par la force serait une «erreur stratégique». Le Figaro. 17.06.2025. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/israel-iran-emmanuel-macron-affirme-que-vouloir-changer-le-regime-iranien-par-la-force-serait-une-erreur-strategique-20250617> (date of access: 28.07.2025).

Le bilan du monde. Édition 2025. Paris: Le Monde, 2025. 218 p.

Lecomte L. La lettre du Figaro du 14 novembre 2023 // Le Figaro. 14.11.2023. URL: <https://www.lefigaro.fr/la-lettre-du-figaro-du-14-novembre-2023-20231114> (date of access: 28.07.2025).

Le Contrat Rafale pour l'Égypte entre en vigueur. Dassault Aviation. 15.11.2021. URL: <https://www.dassault-aviation.com/fr/groupe/presse/press-kits/le-contrat-rafale-pour-legypte-entre-en-vigueur/> (date of access: 20.07.2025).

Lefebvre M. La politique étrangère de la France. Paris: Humensis, 2019. 128 p.

Le président syrien accueilli par Emmanuel Macron à l'Élysée lors de sa première visite polémique en Occident. Le Figaro. 07.05.2025. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/le-president-syrien-accueilli-par-emmanuel-macron-a-l-elysee-lors-de-sa-premiere-visite-polemique-en-occident-20250507> (date of access: 22.07.2025).

«Liviiskii vopros»: perspektivy uregulirovaniya v kontekste evropeiskoi i mezhdunarodnoi bezopasnosti [The “Libyan Question”: The Perspectives of Resolution in the Context of European and International Security] / V.S. Mirzekhanov, V.A. Kuznetsov, A.S. Sidorov, F.O. Trunov, P.V. Shlykov. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9. Vostokovedenie i afrikanistika [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 9, Oriental and African studies]. 2021. N 4. P. 31–43. (In Russ.)

Macron E. «La colonisation est un crime contre l'humanité». Le Point. 15.02.2017. URL: https://www.lepoint.fr/emmanuel-macron-la-colonisation-est-un-crime-contre-l-humanite-15-02-2017-2105177_20.php#11 (date of access: 11.07.2025).

Manoilo A.V. Konflikt v Sirii i vneshnyaya politika Rossii [Conflict in Syria and Russian foreign policy activism]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 4. P. 145–166. (In Russ.)

Nucléaire iranien: de nouvelles discussions entre Téhéran et les Européens vont avoir lieu vendredi. Le Figaro. 21.07.2025. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/nucleaire-iranien-de-nouvelles-discussions-entre-teheran-et-les-europeens-vont-avoir-lieu-vendredi-20250721> (date of access: 28.07.2025).

Pichon F. Syrie: pourquoi l'Occident s'est trompé. Paris: Du Rocher, 2014. 152 p.

Pozis G. Dassault présente le tout premier Rafal F4 pour les Émirats arabes. Air&Cosmos. 31.01.2025. URL: <https://air-cosmos.com/article/dassault-presente-le-tout-premier-rafale-f4-pour-les-emirats-arabes-unis-69865> (date of access: 25.07.2025).

Sovremennaya Frantsiya: mezhdu trevogami i nadezhdami [Contemporary France: between worries and hopes]. Moscow, IMEMO, 2022. 256 p. (In Russ.)

Rapport au Parlement 2024 sur les exportations d'armement de la France. 135 p. Ministère des Armées et des Anciens Combattants. URL: [https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/ministere-armees/Rapport%20au%20Parlement%202024%20sur%20les%20exportations%20d%E2%80%99armement%20de%20la%20France%20\(07%202024\).pdf](https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/ministere-armees/Rapport%20au%20Parlement%202024%20sur%20les%20exportations%20d%E2%80%99armement%20de%20la%20France%20(07%202024).pdf) (date of access: 01.12.2025).

«Reconnaissance d'un État de Palestine»: pour Trump, les propos de Macron «n'ont pas beaucoup de poids». Le Figaro. 31.07.2025. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/reconnaissance-d-un-etat-de-palestine-pour-trump-les-propos-de-macron-n-ont-pas-beaucoup-de-poids-20250725> (date of access: 31.07.2025).

Uzunova N.Ju. Politika Francii na Blizhnem i Srednem Vostoke: v poiskah utrachennogo velichija [French policy in the Near East: in search of lost greatness]. Problemy nacional'noj strategii [Problems of national strategy]. 2019. N 1 (521). P. 78–97. (In Russ.)

Vente d'armes: Qatar, Belgique et Arabie Saoudite sont les plus gros clients de la France en 2018. France-Inter. 10.07.2019. URL: <https://www.radiofrance.fr/franceinter/ventes-d-armes-qatar-belgique-arabie-saoudite-sont-les-plus-gros-clients-de-la-france--en2018-3337079> (date of access: 10.07.2025).

Vision 2030: à mi-parcours-Arabie Saoudite. Direction générale du trésor. 16.03.2025. URL: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/Pays/SA/etat-d-avancement-de-la-vision-2030-en-arabie-saoudite> (date of access: 11.07.2025).

Werly R. Au G7 de Biarritz, Emmanuel Macron retient Donald Trump sur l'Iran. Le Temps. 25.08.2019. URL: https://www.letemps.ch/monde/g7-biarritz-emmanuel-macron-retient-donald-trump-liran?srsId=AfmBOorg-zmFhfMIRPkz7UBOllGFDotQk_2iYWB0tZFe8-CXRavQx1_ (date of access: 20.07.2025).

Е.Я. Виттенберг

УЗБЕКИСТАН НА ПУТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу процессов перехода Республики Узбекистан на рельсы инновационного развития. В ней подчеркивается активная конструктивная роль современных властей, осознающих чрезвычайную актуальность реализации этой повестки, соответствующей глобальным мировым трендам социально-экономического развития страны. Далее, в публикации исследованы объективные и субъективные предпосылки этого прогрессивного транзита. Большое внимание в статье уделено анализу постоянно модернизирующейся законодательной базы, призванной регламентировать и стимулировать инновации в стране, а также стратегий инновационного развития Республики. В качестве позитива отмечается, что в стране успешно развивается современная инновационная инфраструктура, состоящая из свободных экономических зон, территорий опережающего развития, венчурных фондов, технопарков, инновационных кластеров, бизнес-инкубаторов и т.д. В статье приводятся примеры успешных инновационных стартапов, в том числе в сфере информатизации, нанотехнологий, искусственного интеллекта, отмечается ряд других достижений страны в инновационном развитии. В статье также дан подробный анализ трудностей и недостатков, мешающих быстрому инновационному развитию. Среди них названы недостаточная развитость отдельных элементов инновационной инфраструктуры, волатильность инновационных процессов, особенности менталитета национальных предпринимателей, коррупция. В заключении автор выражает обоснованный оптимизм по поводу перспектив инновационного развития Узбекистана.*

***Ключевые слова:** инновации; инновационная инфраструктура; инновационные стартапы; венчурные фонды; инновационные кластеры; трудности инновационного развития.*

**Виттенберг Евгений Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник РГГУ. Россия, Москва.
E-mail: intelban@mail.ru**

Vittenberg E. Ya.

Uzbekistan on the path of innovative development

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the processes involved in the transition of the Republic of Uzbekistan to a model of innovative development. Emphasis is placed on the constructive role of the current authorities, who recognize the critical importance of*

implementing this agenda in line with global trends in the socio-economic development of states. In addition, the publication examines the objective and subjective prerequisites for this progressive transition, including the modernization of the legislative framework aimed at regulating and stimulating innovation in the country, as well as the strategies for the innovative development of the Republic. On the positive side, it is noted that the country is successfully developing a modern innovation infrastructure, including free economic zones, advanced development zones, venture funds, technology parks, innovation clusters, and business incubators. The article also provides a detailed analysis of the difficulties and shortcomings that impede rapid innovative development. Among them are the insufficient development of certain elements of the innovation infrastructure, the instability of innovation processes, the particularities of the mentality of national entrepreneurs, and corruption. In conclusion, the author expresses cautious optimism regarding the prospects for Uzbekistan's innovative development.

Keywords: *innovations; innovation infrastructure; innovative startups; venture funds; innovation clusters; difficulties of innovative development.*

Vittenberg Evgeniy Yakovlevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Russian State University for the Humanities. Russia, Moscow. E-mail: intelban@mail.ru

Актуальная для всего мира повестка перехода стран на рельсы инновационного развития не обошла стороной и крупнейшую по населению постсоветскую страну Центральной Азии – Узбекистан.

С приходом к власти президента Шавката Мирзиёева в декабре 2016 г. процессы движения республики по пути инновационного развития заметно ускорились. За период президентства Мирзиёева в стране произошли большие позитивные изменения. Его называют «узбекским Горбачевым», положившим начало перестройке в СССР.

Началась либерализация ряда сфер общественной жизни, масштабная приватизация, улучшился предпринимательский климат, а экономика начала приобретать все более открытый характер. Более того, в последние годы в Узбекистане был принят ряд серьезных мер, направленных на переход страны на рельсы инновационного развития. Все эти изменения оказались столь значительными, что в науке появился ряд статей, в которых осуществлялся анализ достижений и проблем, стоящих на пути инновационного развития Узбекистана [Абдурашидова 2020; Аватков, Рожкова 2023].

Для успешного движения Узбекистана по инновационному пути у республики есть серьезные предпосылки. В стране от СССР осталась довольно развитая индустриальная база.

Республика обладает значительными ресурсами для инновационного развития. Так, в ней имеются серьезные запасы полезных ископаемых.

По подтвержденным запасам таких полезных ископаемых, как золото, уран, медь, природный газ, вольфрам, молибден, магний, литий, германий, ванадий, титан, графит, калийные соли, фосфориты, каолины Узбекистан занимает ведущие места не только в СНГ, но и во всем мире [Полезные ископаемые].

Узбекистан располагал значительными трудовыми ресурсами, составлявшими более 20 млн. человек. При этом рабочая сила страны была относительно квалифицированной, молодой, способной к обучению и недорогой [Какова численность].

Среди субъективных предпосылок перехода Узбекистана на рельсы инновационного развития необходимо отметить глубокое осознание властями страны, значительной частью бизнеса и общества безальтернативности инновационного пути развития.

Немалую роль в создании условий для инновационного развития страны играло стремление властей интегрироваться в мировое инновационное пространство и, осуществляя многовекторную политику, заимствовать новейшие технологии у иностранных партнеров, а также создавать собственные инновационные продукты.

Наличие объективных и субъективных предпосылок для инновационного развития Узбекистана создало условия для продвижения страны по пути развития инноваций.

В плане достижений в этой сфере необходимо прежде всего отметить, что в последние годы в республике шел активный процесс формирования современной законодательной базы, призванной регулировать и стимулировать инновационное развитие страны.

Так, были подписаны и приняты к исполнению десятки указов президента и постановлений правительства, призванных стимулировать инновационное развитие. Однако главным в создании правовой базы по этому вопросу является закон «Об инновационной деятельности», принятый 24 июля 2020 г. [Закон об инновационной деятельности 2020].

Закон был принят с некоторым опозданием по сравнению с аналогичными законами, принятыми в других странах СНГ в конце 90-х и начале двухтысячных. Тем не менее его принятие было важным позитивным решением, поскольку до этого в законодательстве не было единого документа, призванного регулировать и стимулировать инновационную деятельность.

Кроме того, некоторая задержка с принятием Закона имела и позитивное последствие, поскольку она позволила его авторам интегрировать в узбекскую версию все последние международные достижения в разработке подобных законов, что сделало его весьма современным.

В 39 статьях Закона содержатся положения, призванные осуществлять всеобъемлющее регулирование и стимулирование инновационной деятельности: Цель настоящего Закона (ст. 1), Основные понятия (ст. 3), Основные направле-

ния государственной политики в области инновационной деятельности (ст. 5), Государственная поддержка и стимулирование инновационной деятельности (ст. 10), Стратегии инновационного развития (ст. 11), Содействие в подготовке кадров в области инновационной деятельности (ст. 14), Субъекты инновационной деятельности (ст. 15), Виды инноваций (ст. 18), Риски инновационной деятельности, методы их оценки и снижения (ст. 19), Коммерциализация новых разработок (ст. 24), Субъекты инновационной инфраструктуры (ст. 25), Источники финансирования инновационной деятельности (ст. 31), Международное сотрудничество в области инновационной деятельности (ст. 34) и др. [Закон об инновационной деятельности 2020].

По мнению автора, наибольший интерес с точки зрения понимания властями страны важности инновационного развития представляют несколько статей.

Так, в статье 5 декларируется, что основными направлениями государственной политики в области инновационной деятельности являются:

- «– обеспечение правового регулирования инновационного развития;
- определение приоритетных направлений в области инновационной деятельности, в том числе на основе прогнозирования технологического развития;
- создание необходимых условий и инфраструктуры для осуществления инновационной деятельности;
- государственная поддержка и стимулирование субъектов инновационной деятельности;
- содействие привлечению инвестиций в инновационную деятельность;
- развитие государственно-частного партнерства в области инновационной деятельности;
- организация подготовки кадров в области инновационной деятельности;
- развитие международного сотрудничества в области инновационной деятельности» [Закон об инновационной деятельности 2020].

Как представляется, это весьма современный перечень направлений государственной политики в области инновационной деятельности, соответствующий общемировой повестке.

Столь же глубоко продуманной представляется и статья 10, касающаяся мер государственной поддержки и стимулирования инновационной деятельности. Вот содержание ее основных положений:

«Государственная поддержка и стимулирование инновационной деятельности осуществляются в целях создания необходимых правовых, экономических и организационных условий, финансирования инновационных проектов и новых разработок для субъектов, осуществляющих инновационную деятельность.

Государство осуществляет поддержку инновационной деятельности путем:

- принятия и реализации стратегий инновационного развития;
- совершенствования нормативно-правовой базы в области инновационной деятельности;

- предоставления налоговых, таможенных льгот и преференций субъектам инновационной деятельности;
- организации государственных закупок наукоемкой продукции и передовых технологий в целях обеспечения гарантированного их распространения» [Закон об инновационной деятельности 2020].

Важной для осуществления инновационных проектов представляется и статья 19, в которой анализируются риски инновационной деятельности, методы их оценки и снижения [там же].

В качестве определенного недостатка Закона, по мнению автора, является то, что понятие «инновация» относится главным образом к сфере экономики. А между тем, инновации могут быть и в социальной сфере, например, в вопросах борьбы с бедностью, в развитии современного среднего класса, в микшировании избыточного социального неравенства и т. д.

Не исключаются инновации и в такой более консервативной сфере как политические отношения и совершенствование институтов демократии. Отсутствие в Законе даже намёка на подобные инновации связано с тем, что в Узбекистане существует сильная президентская власть, не предполагающая каких-либо либеральных инновационных нововведений.

Известно, что инновации могут быть в науке, образовании, менеджменте, искусстве, спорте и даже в религиях.

В итоге в статье 3 Закона дефиниция понятия «инновация» выглядит довольно абстрактно:

«Инновация – введенная в гражданский оборот или используемая для собственных нужд новая разработка, применение которой на практике обеспечивает достижение значительного социально-экономического эффекта» [Закон об инновационной деятельности 2020].

Наличие неких шероховатостей в Законе не отменяют его прогрессивной роли в инновационном развитии Узбекистана.

Для перехода Узбекистана на рельсы инновационного развития были разработаны две стратегии.

Обе стратегии включают в себя комплекс мер, направленных на поддержку инновационных стартапов, создание развитой инновационной инфраструктуры, увеличение в стране доли инновационно активных организаций, стимулирование спроса на инновации, коммерциализацию инновационных достижений, а также накопление человеческого капитала, являющегося драйвером инноваций.

Первая Стратегия инновационного развития Республики Узбекистан на 2019–2021-е годы была утверждена указом президента от 21.09.2018 г. N УП-5544 [Стратегия инновационного развития на 2019–2021 годы].

Этот документ был небольшим по размеру, но весьма емким по содержанию, призванным задать алгоритм ускоренного развития страны по инновационному пути.

Важно, что в самом начале Стратегии был дан откровенный перечень трудностей и проблем, препятствующих инновационному развитию страны. Среди них были названы следующие:

- «– низкий уровень охвата населения высшим образованием;
- ненадлежащее взаимодействие между министерствами и ведомствами, ответственными за развитие научной и инновационной деятельности;
- низкий уровень коммерциализации результатов научной деятельности;
- отсутствие высококвалифицированных специалистов в сфере инновационного менеджмента, позволяющих активно продвигать и осуществлять трансфер технологий;
- нехватка выделяемых бюджетных средств на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы;
- неэффективность и непрозрачность государственного финансирования научной и инновационной деятельности;
- ненадлежащая защита результатов интеллектуальной деятельности;
- неразвитость корпоративных отношений и принципов корпоративного управления в стране с учетом лучшей зарубежной практики, особенно в государственных компаниях» [Стратегия инновационного развития на 2019–2021 годы].

В главе 2 цели Стратегии были сформулированы масштабно и весьма амбициозно следующим образом:

«1. Главной целью Стратегии является развитие человеческого капитала как основного фактора, определяющего уровень конкурентоспособности страны на мировой арене и ее инновационного прогресса;

2. Для достижения главной цели основными задачами Стратегии являются:

- вхождение Республики Узбекистан к 2030 году в состав 50 передовых стран мира в рейтинге Глобального инновационного индекса;
- повышение качества образования, развитие системы непрерывного образования;
- укрепление научного потенциала и эффективности научных исследований, создание действенных механизмов интеграции образования, науки и предпринимательства для широкого внедрения инноваций;
- увеличение вложения государственных и частных средств в инновации, научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы;
- повышение эффективности деятельности органов государственной власти путем внедрения современных методов и инструментов управления;
- обеспечение защиты прав собственности, создание конкурентных рынков и равных условий ведения бизнеса, развитие государственно-частного партнерства» [там же].

В главе 3 были сформулированы основные направления реализации стратегии. Осуществлять на практике Стратегию планировалось посред-

ством развития образования, науки, изобретательства и трансфера технологий, совершенствования системы финансирования инновационной деятельности, поощрения конкуренции, развития инфраструктуры и информационно-коммуникационных технологий, а также накопления человеческого капитала.

Для осуществления стратегии на практике была разработана «Дорожная карта» реализации Стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019–2021 годы [Указ Президента Республики Узбекистан от 21 сентября 2018 года].

В «Дорожной карте» были обозначены конкретные шаги и мероприятия для достижения целей, изложенных в Стратегии. Документ определял приоритетные направления развития, устанавливал сроки реализации поставленных задач.

Важно, что «Дорожная карта» называла источники финансирования инновационных стартапов, в том числе бюджетные и средства международных организаций, а также частные инвестиции.

И наконец, Дорожная карта определяла какие министерства, ведомства и организации отвечают за реализацию конкретных инновационных проектов.

К примеру, дорожная карта обозначала конкретный проект по развитию инновационной деятельности в сфере ИТ, который предполагал создание технопарка, разработку новых программных продуктов, обучение специалистов в области ИТ, привлечение инвестиций [Указ Президента Республики Узбекистан от 21 сентября 2018 года].

Заметную роль в активизации инновационного развития Республики было призвано сыграть создание в ноябре 2017 г. Указом Президента №УП-5264 от 29 ноября 2017 г. «Министерства инновационного развития Республики Узбекистан».

Одновременно при Министерстве был создан Фонд поддержки инновационного развития и новаторских идей, призванный финансировать инновационные проекты.

Вторая стратегия инновационного развития Узбекистана на 2022–2026 годы была утверждена Указом Президента от 06.07.2022 г. №УП-165.

Сформулированные ее авторами основные положения включали в себя следующие пункты:

«– поддержку стартап-инициатив путем формирования сети субъектов инновационной инфраструктуры (инновационный технопарк, центр трансфера технологий, инновационный кластер, венчурная организация, инновационный центр, бизнес-инкубатор и др.), а также организации крупномасштабного инновационного производства;

– увеличение доли инновационно активных организаций за счет совершенствования институциональных механизмов государственной поддержки инновационной деятельности;

– стимулирование спроса на инновации путем обеспечения комплексной системы создания новых видов продукции и инновационных технологий от идеи – до конечного потребителя;

– переориентация капитала на «прорывные» инновации;

– дальнейшее наращивание человеческого капитала в ходе инновационной деятельности путем развития навыков инновационного предпринимательства на всех этапах образования» и др. [Указ Президента Республики Узбекистан Об утверждении стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2022–2026 годы].

Целевые показатели, которых должна достигнуть Республика к 2026 г. в результате реализации Стратегии, представлены в таблице 1 [Турдикулова 2023].

Таблица 1

Целевые показатели, которых должна достигнуть Республика к 2026 г.

№	Показатели	Единица измерения	Показатель 2022 г.	Целевой показатель 2026 г.
1.	Улучшение позиции Республики Узбекистан в рейтинге Глобального инновационного индекса	место	86	56
2.	Количество субъектов инфраструктуры инновационной деятельности (технопарки, центры трансфера технологий, инновационные кластеры, венчурные фонды, инновационные центры, бизнес-инкубаторы и акселераторы)	ед.	25	75
3.	Количество инновационно активных субъектов предпринимательства (в общем количестве организаций промышленного производства)	ед.	613	2250
4.	Количество новых инновационных (спин-офф) предприятий, специализирующихся на выпуске наукоемкой продукции	ед.	0	36
5.	Доля экспорта высокотехнологичной продукции на внешние рынки в общем объеме экспорта	%	2,1	6
6.	Количество научных разработок, коммерциализированных на внутреннем и внешнем рынках	ед.	150	325
7.	Объем инвестиций частного сектора на разработки и исследования	млн сум	2 804	8 250
8.	Зарубежные гранты, выделенные на разработки и исследования	млрд сум	0	224

Продолжение таблицы

9.	Количество новых рабочих мест, созданных в результате инновационного предпринимательства	ед.	6000	25000
10.	Валовые расходы на исследования и разработки (в процентах от ВВП)	%	0,15	0,24
11.	Валовые расходы на исследования и разработки, осуществляемые частным сектором (в процентах от ВВП)	%	0,1	0,5
12.	Количество созданных новых технологий	ед.	69	284
13.	Доход от интеллектуальной собственности (доля в общем экспорте)	%	0	0,5
14.	Годовое количество зарегистрированных патентов	ед.	30	184
15.	Количество научных исследователей	Чел.	15000	21500
16.	Предприятия, среди работников которых есть научные исследователи (в процентах от общего числа предприятий)	%	13	17
17.	Количество выпускников в области науки и инженерии (в процентах от общего числа выпускников)	%	35,5	41,8
18.	Количество статей в научно-технических изданиях (в базе данных Web of Science)	ед.	900	1500

В плане реализации второй Стратегии с 1 августа 2022 г. началось внедрение единой системы и выстраивание цепочки «отрасль-регион-научная/высшая образовательная организация» для осуществления инновационных проектов.

Кроме того, с 1 августа 2022 г. начала осуществляться на практике система стимулирования создания «прорывных» инноваций, которая включала в себя следующие положения:

«← местным научным организациям и предприятиям предоставлялось право прямого подписания договоров с государственными органами на инновационные товары;

– в хозяйственных обществах с государственной долей в уставном фонде 50 и более процентов создавались Фонды поддержки инновационной деятельности» [Указ Президента Республики Узбекистан Об утверждении стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2022–2026 годы].

Реализация этой программы на практике привела к дальнейшему продвижению Узбекистана по инновационному пути.

Так в последние годы шел активный процесс формирования и развития инновационной инфраструктуры. Ее строительство началось с создания Свободных экономических зон (СЭЗ) и Территорий опережающего развития (ТОР). В середине 2025 г. в Республике действуют около 20 подобных организаций.

Их деятельность регламентируется специальным законом Республики Узбекистан от 17.02.2020 г. N ЗРУ-604 «О специальных экономических зонах» [Закон о специальных экономических зонах].

Одновременно на протяжении почти 20 лет президент и правительство принимали решения, связанные с открытием подобных зон, с совершенствованием в них условий для бизнеса, путем предоставления максимально возможных преференций и льгот для резидентов. Автор насчитал около 50 решений президента и правительства, касающихся создания и функционирования СЭЗ.

Ныне наблюдается появление в стране и таких важнейших инновационных институтов как венчурные фонды и клубы бизнес-ангелов, призванные финансировать инновационные проекты.

Развитие венчурного инвестирования началось с начала работы в 2020 г. в Узбекистане Лондонского венчурного фонда Sturgeon Capital.

Присутствие международного игрока на рынке дало толчок появлению узбекских государственных и частных венчурных фондов. Так, в 2020 г. был принят законопроект, на основании которого был создан первый государственный венчурный фонд UzVC. В дальнейшем были также открыты небольшой частный венчурный фонд Semurg VC и корпоративные венчурные фонды UzCardVC и AloqaVentures.

Кроме того в стране начали открываться ангельские клубы UzAngels, IClub, StartupPartners (PizzaPitch), активно заработал казахстанский клуб Uman Angels Club, а международные финансовые институты, такие как World Bank, IFC, EBRD, USAID, KOICA, Swiss Development Cooperation, которые начали финансировать инновационные стартапы и помогать выстраивать локальную венчурную экосистему.

Оценивая эти позитивные явления, эксперт из KPMG Е. Асемова отмечала, что «рост венчурной сферы обусловлен увеличением активности государственных и частных фондов, а также значительно увеличившейся долей инвестиций бизнес-ангелов. В стране создаются ангельские клубы и растет готовность инвесторов рассматривать не только традиционные вложения, но и инвестиции в инновационные стартапы» [Исследование венчурного рынка].

При этом позитивным является тот факт, что создаваемые венчурные фонды принадлежат к различным формам собственности, однако пока их прежде всего основывают структуры государства.

Так в январе 2025 г. семь государственных банков учредили венчурный фонд United Ventures с капиталом \$ 40 млн, который возглавил бывший сооснователь Sug'urta Bozor A. Курбонов. Кроме того, «Узпромстройбанк» создал

свою венчурную компанию SQB Ventures, а «Алокабанк» организовал новую венчурную организацию – Aloqa Ventures-2 [Семь госбанков учредили].

Важно отметить, что в Узбекистане в 2025 г. появился и первый относительно крупный частный венчурный фонд Imkon Ventures [В Узбекистане начал работу].

Фонд располагает капиталом в \$ 5 млн и концентрирует свое внимание на инвестициях в стартапы на ранних стадиях – «предпосевной» (pre-seed) и «посевной» (seed). Его учредителями выступили два известных в стране предпринимателя, венчурный инвестор Т. Мирзаджанов и основатель студии Startup Garage М. Халил.

Приоритетными направлениями для Фонда являются финтех, SaaS-платформы для бизнеса (B2B), разработки в сферах искусственного интеллекта и deeptech. В ближайшие два года фонд рассчитывает инвестировать в 25–30 стартапов, выделяя \$ 50–150 тыс. на проект [там же].

Для наиболее перспективных стартапов предусматривается дополнительное раундовое участие. По расчетам экспертов, инвестиции фонда обеспечат к 2030 г. создание свыше 1000 квалифицированных рабочих мест.

Основатели Imkon Ventures в перспективе планируют осуществить интеграцию национальных инновационных стартапов в мировую технологическую экосистему и содействовать появлению в Узбекистане «единорогов».

В итоге на венчурном рынке Узбекистана в 2024 г. было заключено 38 сделок. Их совокупный объем достиг \$ 17,5 млн, показав рост за год в 2,7 раза. При этом в данном показателе не учитывался инвестиционный раунд Uzum на \$ 52 млн, по итогам которого группа получила статус первого в стране технологического «единорога» [Объем венчурных сделок].

Наибольшая активность в плане количества сделок отмечается в сферах финтеха, образовательных технологий (EdTech) и искусственного интеллекта. Наличествует в Узбекистане и такой атрибут, имманентно присущий инновационной инфраструктуре, как технопарки.

В стране работают и строятся полтора десятка технопарков, среди которых выделяются IT Park, Технопарк «Чирчик» и несколько молодежных технопарков.

IT Park, расположенный в Ташкенте, является одним из ключевых центров развития высокотехнологичного бизнеса в ЦА. Парк предлагает инновационным резидентам широкий спектр услуг для IT-компаний и стартапов, включая налоговые льготы и развитую инфраструктуру для ведения бизнеса.

Технопарк «Чирчик» предоставляет резидентам площади и земельные участки для размещения производств, специализирующихся в области энергетики, машиностроения, ресурсосбережения и энергоэффективности, а также медицинских технологий.

Технопарк «Джизак» специализируется на локализации производств зарубежных фирм и усилении кооперации между узбекскими и иностранными производственными компаниями.

Что касается молодежных технопарков, то они создаются в разных регионах Узбекистана, таких как Бухара, Наманган, Фергана, Хорезм, Джизак, Сурхандарья и Кашкадарья. Их деятельность направлена на поддержку и развитие молодежного инновационного малого предпринимательства в области робототехники, IT, искусственного интеллекта.

Наряду с технопарками в стране создаются инновационные кластеры [Михайлов 2022].

Как свидетельствует практика, инновационные кластеры создаются в Узбекистане как в передовых направлениях экономики, определяющих мировой инновационный прогресс (в ИИ или цифровизации), так и в традиционных отраслях. Во втором случае они призваны внедрять инновации, например, в сельское хозяйство или логистику.

Больше всего в Узбекистане создано хлопково-текстильных кластеров. На конец 2025 г. их насчитывалось 73 и в настоящее время они играют важную роль во внедрении инноваций в переработку хлопка и производство высококачественной текстильной продукции.

В целом, инновационные кластеры в Узбекистане являются важным инструментом для развития экономики, повышения ее конкурентоспособности и внедрения новых инновационных технологий.

В Узбекистане работает и ряд других институтов, занимающихся инновационными проектами, в том числе исследовательские институты Академии наук, университеты и частные организации, занимающиеся исследованиями и разработками.

Основными организациями среди них являются Астрономический институт, Институт ядерной физики и Физико-технический институт.

Также в Узбекистане есть высшие учебные заведения, такие как Ташкентский государственный технический университет и Ташкентский университет информационных технологий, активно занимающиеся инновационной деятельностью и сотрудничающие с международными технологическими компаниями.

В этих благоприятных условиях в последние годы инновационная стартап-экосистема в Узбекистане активно развивается и практически каждый месяц основываются новые инновационные стартапы.

В итоге в стране появляются единороги. Статус первого технологического единорога достался цифровой экосистеме Uzum (в русском переводе – «виноград»). В марте 2025 г. было объявлено о том, что стартап привлек 100 млн долл. в виде венчурных и заемных средств, после чего его оценка превысила 1 млрд долл., а ежемесячно его экосистемой пользовались около 10 млн человек [Узбекистан: пришло время].

7 декабря 2024 г. в рамках Digital Startups Week 2024, IT Park запустил «Программу цифровых стартапов», направленную на поддержку стартапов

в области цифровых технологий. Программа реализуется в рамках постановления президента от 14.10.2024 г. № ПП-357 «О мерах по дальнейшему развитию экосистемы стартап-проектов и венчурного финансирования», которое направлено на развитие стартап-экосистемы и привлечение зарубежных венчурных инвестиций в Узбекистан [Постановление президента].

При этом, несмотря на реальные успехи, по оценке экспертов, инновационная стартап-экосистема в Узбекистане все еще находится на ранней стадии своего развития. Однако у страны имеется все необходимое для появления новых стартап-«единорогов», которые позволят Узбекистану стать центром всей стартап-экосистемы в Центральной Азии.

Вот мнение по этому поводу одного из успешных инновационных предпринимателей М. Карабаева: «Я думаю, вопрос должен заключаться в том, когда узбекистанские стартапы будут оцениваться в 1 миллиард долларов. Однако прежде они должны достигнуть оценки в 100 миллионов долларов. Надеюсь, что через 2–3 года у нас появятся такие предприятия...» [Музаффар Карабаев].

В последние годы Узбекистан активно выступает и с инновационными инициативами на международной арене. Так, например, в июле 2025 г. республика выступила с инициативой создания единой цифровой платформы в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) для автоматизации торговых и логистических процессов.

Помимо этого, были предложены и другие проекты, включая программу создания международных инновационных кластеров, открытие международных бизнес-школ для малого и среднего бизнеса.

Естественно, что инновационные процессы в Узбекистане, как и в других странах, сталкиваются с различного рода трудностями. Эти трудности могут быть как общего порядка, присущими всем или многим странам, так и специфическими, присущими одной стране, в данном случае Узбекистану.

Препятствиями на пути инновационного развития всех или многих стран, по мнению автора, являются следующие:

1. Неблагоприятная геополитическая обстановка, когда военные конфликты и турбулентная международная ситуация отвлекают значительные средства на вопросы безопасности, мешают циркуляции инновационных идей, технологий, мобильности инновационных кадров. Эта парадигма препятствует также равномерному распространению инноваций во всех сферах общественной жизни, создавая некий инновационный флюс в области обороны и вооружений.

2. Нахождение некоего оптимального соотношения между потребностями инновационного развития и решением социальных вопросов, хотя между ними существует довольно тесная корреляция.

3. Нехватка инвестиций для ускоренного инновационного развития и прежде всего венчурного капитала.

Наряду с общими причинами трудностей в развитии инновационных процессов необходимо назвать специфические, присущие Узбекистану:

1. Недостаточная развитость инновационной инфраструктуры и ее неравномерное распределение по стране.

2. Утечка человеческого капитала из-за эмиграции людей, способных создавать инновационные стартапы.

3. Несовершенства системы льгот по налогам, пошлинам и другим платежам для предприятий и организаций, занимающихся инновационной деятельностью.

5. Все еще слабая кооперация между научно-исследовательскими институтами, разрабатывающими инновационные идеи, с предприятиями, внедряющими инновации.

6. Недостаточное внимание к международному сотрудничеству и интеграции с зарубежными рынками и инновационной экосистемой.

7. Особенности менталитета и наличие когнитивного диссонанса у значительной части национального бизнеса, заключающиеся, с одной стороны, в понимании необходимости внедрения инноваций, а с другой – в нежелании идти на какие-либо финансовые риски, связанные с возможными неудачами инновационных проектов.

8. Коррупция, поглощающая значительные средства, ассигнованные на инновации, путем их расхищения и нецелевого использования, а также отпугивающая потенциальных инвесторов в инновационные проекты. Согласно Индексу восприятия коррупции, представленному Transparency International, в 2024 г. Узбекистан занял в нем 121-е место из 180 [Узбекистан – Индекс коррупции].

9. Расхождения между законами, призванными стимулировать инновационное развитие и правоприменительной практикой, нередко создающей бюрократические препоны на пути инновационных проектов.

10. Низкая социальная ответственность перед внешними и внутренними стейкхолдерами части субъектов инновационной деятельности.

Несмотря на серьезные трудности и препятствия, Узбекистан уверенно движется по пути инновационного развития. Свидетельством этого прогресса является улучшение позиций страны в международных рейтингах и позитивные оценки экспертов.

В 2025 г. Узбекистан занимал 79-е место в Глобальном инновационном индексе (ГИ) из 139 стран, тогда как в 2015 г. он был на 122-м месте, т. е. за десять лет он улучшил свое положение на 43 позиции [Узбекистан поднялся на 79-е место].

По данным Kursiv Media, Узбекистан сохраняет позицию в группе стран с уровнем инноваций выше, чем ожидалось.

Далее, только за период с 2016–2020 гг. (после 2020 г. рейтинг не составлялся) Узбекистан в рейтинге Всемирного банка Doing Business, фиксировавшие

го состояние предпринимательского климата в странах мира, поднялся с 87-го на 69-ю позицию, т. е. на 18 ступеней [Узбекистан поднялся на 69 место].

В инновационное будущее Узбекистана эксперты смотрят с оптимизмом. И для него есть реальные основания. Так в стране создано Министерство инновационного развития для реализации единой государственной политики в сфере инноваций, приняты обновленная версия Закона «Об инновационной деятельности» и «Концепция развития науки до 2030 года», определяющие правовые основы регулирования отношений в сфере инноваций.

В ближайших планах узбекских властей и бизнеса предусмотрено осуществить ряд серьезных мер, призванных активизировать инновационные процессы в стране. Среди них:

«– совершенствование механизмов финансирования инновационных проектов, обеспечивающих формирование необходимых стимулов для повышения производственно-технологического уровня реализуемых проектов;

– повышение заработной платы исследователей, ученых, инженеров и других специалистов, работающих в сфере инноваций;

– создание атмосферы творческой и честной конкуренции между инновационными организациями и стартапами;

– привлечение внимания местных и иностранных инвесторов к инновационному бизнесу в Узбекистане путем снижения ставок налогов и таможенных платежей для предпринимателей, занимающихся инновационной деятельностью;

– расширение возможностей для самореализации талантливой молодежи, стимулирование ее активности для ускоренного воплощения в жизнь ее инновационных идей;

– налаживание более тесного взаимодействия представителей отраслей, ответственных за развитие инноваций в стране, со специализированными институтами по поддержке (акселераторы), принятие краткосрочных целевых программ развития инноваций в отраслях и регионах, освещение в СМИ инновационных идей молодежи на примере российской телепередачи «Чудо техники», а также активизации интеграции в международные рынки с целью расширения рынка местных инновационных идей» [Uzbekistan Country Strategy].

Серьезный импульс переходу страны на рельсы инновационного развития должна придать реализация на практике «Стратегии “Узбекистан – 2030,” принятой 11 сентября 2023 г. [Стратегия «Узбекистан-2030»].

Данная стратегия является важным документом, определяющим основные направления развития Узбекистана на ближайшие семь лет и направленным на достижение 100 целей в рамках пяти приоритетных направлений, посредством радикальной программы реформ, направленной на либерализацию экономики, привлечение иностранных инвестиций, значительное расширение технологического потенциала страны и инновационной инфраструктуры, а также снижения нормативного бремени.

Стратегия «Узбекистан-2030» уделяет значительное внимание инновационному развитию, включая цифровые и космические технологии, а также устойчивые «зеленые» проекты.

В рамках стратегии Узбекистан планирует для ускорения инновационного развития осуществить следующее:

- «– развитие цифровой экономики;
- внедрение цифровых и космических технологий для повышения эффективности во всех сферах;
- создание новых производств, развитие инновационной и транспортной инфраструктуры, переход на «зеленую» экономику;
- привлечение инвестиций, прежде всего в инновационные проекты, развитие государственно-частного партнерства при осуществлении инновационных проектов;

Развитие человеческого капитала» [Стратегия «Узбекистан-2030»].

Все эти меры направлены на создание современной и конкурентоспособной инновационной экономики, способной обеспечить рост благополучия граждан.

Реализация стратегии на практике позволит Узбекистану ощутимо продвигаться по пути инновационного развития и достигнуть поставленных амбициозных целей в этой сфере общественной жизни.

Библиография

Абдурашидова М.С. Особенности финансирования инновационных проектов в Узбекистане // Экономика и финансы (Узбекистан). 2020. №1(133). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-finansirovaniya-innovatsionnyh-proektov-v-uzbekistane/viewer> (дата обращения: 25.11.2025).

Аватков В.А., Рожкова З.П. Узбекистан – страна инноваций? // Вестник Российского Университета Дружбы народов. Сер. Экономика. 2023. Т.31. №3. С. 504–516. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uzbekistan-strana-innovatsiy> (дата обращения: 25.11.2025).

В Узбекистане начал работу первый частный венчурный фонд Imkon Ventures с капиталом \$5 млн // FinTech&Retail. 2025. 04 июня. URL: https://fintech-retail.com/2025/06/04/imkon_ventures/ (дата обращения: 26.11.2025).

Закон Республики Узбекистан от 17.02.2020 г. № ЗРУ-604 О специальных экономических зонах // LexUZ on-line. URL: <https://lex.uz/docs/4737514?ONDATE=07.02.2024> (дата обращения: 26.11.2025).

Закон Республики Узбекистан от 24 июля 2020 года № ЗРУ-630 Об инновационной деятельности // LexUZ on-line. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4910448#4913850> (дата обращения: 25.11.2025).

Исследование венчурного рынка Центральной Азии за 2024 год // KPMG.com URL: <https://kpmg.com/uz/ru/home/insights/2025/03/venture-capital-market.html> (дата обращения: 26.11.2025).

Какова численность трудовых ресурсов в нашей республике? // Национальный комитет республики Узбекистан по статистике. 2023. 21 фев. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/35412-respublikamizda-mehnat-resurslari-soni-qancha-> (дата обращения: 26.11.2025).

Михайлов А.Б. Роль и значение кластеров в экономике Узбекистана // Всероссийская научная конференция с международным участием «Современная наука и образование: актуальные вопросы теории и практики»: сборник материалов конференций: в 2 т. / гл. ред. М.Т. Текуева; Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. Нальчик: КБГУ, 2022. Т. II. URL: https://www.researchgate.net/publication/371984387_Rol_i_znachenie_klasterov_v_ekonomike_Uzbekistana (дата обращения: 27.11.2025).

Музаффар Карабаев: когда появятся стартап-единороги Узбекистана? // IT Park. 2021.16 апреля. URL: <https://it-park.uz/ru/itpark/news/muzaffar-karabaev-kogda-poyavyatsya-startap-edinorogi-uzbekistana> (дата обращения: 26.11.2025).

Объем венчурных сделок в Узбекистане в 2024 году увеличился почти втрое // Spot. uz. URL: <https://www.spot.uz/ru/2025/03/19/ventures-uzbekistan/> (дата обращения: 25.11.2025).

Полезные ископаемые Узбекистана // Central Asian Geoportal. URL: <https://www.geoportal-uz.org/ru/635-2/> (дата обращения: 25.11.2025).

Семь госбанков учредили венчурный фонд United Ventures на \$40 млн // Spot. uz. URL: <https://www.spot.uz/ru/2025/01/30/united-ventures/> (дата обращения: 25.11.2025).

Стратегия инновационного развития Республики Узбекистан на 2019–2021 годы // Norma.onlain. URL: [https://nrm.uz/contentf?doc=557469_strategiya_innovacionnogo_razvitiya_respubliki_uzbekistan_na_2019-2021_gody_\(prilojenie_n_1_k_ukazu_prezidenta_ruz_ot_21_09_2018_g_n_up-5544\)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana](https://nrm.uz/contentf?doc=557469_strategiya_innovacionnogo_razvitiya_respubliki_uzbekistan_na_2019-2021_gody_(prilojenie_n_1_k_ukazu_prezidenta_ruz_ot_21_09_2018_g_n_up-5544)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana) (дата обращения: 26.11.2025).

Стратегия «Узбекистан-2030»: новый виток развития страны // Акционерное общество O'zbekiston temir yo'llari. URL: https://railway.uz/ru/informatsionnaya_sluzhba/novosti/36000/?sphrase_id=8139985 (дата обращения: 26.11.2025).

Турдикулова Ш. Стратегия инновационного развития: достижения в цифрах и фактах // Yuz. 2023. 18 сен. URL: <https://yuz.uz/ru/news/strategiya-innovatsionnogo-razvitiya-dostijeniya-v-tsifrah-i-faktaх>. (дата обращения: 26. 11. 2025).

Узбекистан – Индекс коррупции // Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/uzbekistan/corruption-index> (дата обращения: 27.11.2025).

Узбекистан поднялся на 69-е место в рейтинге «Doing Business» // GRATA International. 2019. 25 нояб. URL: <https://gratanet.com/ru/news/uzbekistan-rose-to-69th-place-in-doing-business-ranking>. (дата обращения: 27.11.2025).

Узбекистан поднялся на 79-е место в Глобальном инновационном индексе 2025 года // Uz Daily. 2025. 17 сент. URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/uzbekistan-podnialsia-na-79-e-mesto-v-globalnom-innovatsionnom-indekse-2025-goda/> (дата обращения: 27.11.2025).

Узбекистан: пришло время собирать виноград технологий // GoTech Innovation. 2024. 28 мая. URL: <https://gotechinnovation.com/ru/uzbekistan-prishlo-vremya-sobirat-vinograd-tehnologij/> (дата обращения: 27.11.2025).

Указ Президента Республики Узбекистан Об утверждении стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2022–2026 годы // Официальный сайт президента Республики Узбекистан. 2022. 06 июля. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5321> (дата обращения: 25.11.2025).

Указ Президента Республики Узбекистан от 21 сентября 2018 года № УП-5544 Об утверждении стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019–2021 годы // PRG. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33859623&pos=5;-35#pos=5;-35 (дата обращения: 26.11.2025).

Uzbekistan Country Strategy 2024-2029 Approved by the Board of Directors on 24 January 2024 // European Bank. EBRD. com. URL: C:\Users\User\Downloads\EBRD-Latest-Uzbekistan-Strategy (1).pdf (дата обращения: 27.11.2025).

References

Abdurashidova M.S. Osobennosti finansirovaniya innovacionny`x proektov v Uzbekistane [Features of financing innovative projects in Uzbekistan] // E`konomika i finansy` (Uzbekistan) [Economy and Finance [Uzbekistan]]. 2020. N 1(133). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-finansirovaniya-innovatsionnyh-proektov-v-uzbekistane/viewer> (date of access: 25.11.2025). (In Russ.)

Avatkov V.A., Rozhkova Z.P. Uzbekistan – strana innovacij? [Uzbekistan – a country of innovation?] // Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhyb` narodov. Ser. E`konomika [Bulletin of Peoples` Friendship University of Russia]. 2023. Vol. 31. N 3. P. 504–516. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uzbekistan-strana-innovatsiy> (date of access: 25.11.2025). (In Russ.)

Issledovanie venchurnogo ry`nka Central`noj Azii za 2024 god [Central Asian Venture Market Research 2024] // KPMG.com. URL: <https://kpmg.com/uz/ru/home/insights/2025/03/venture-capital-market.html> (date of access: 26.11.2025). (In Russ.)

Kakova chislenost` trudovy`x resursov v nashej respublike? [What is the size of the labor force in our republic?] // Nacional`ny`j komitet respubliki Uzbekistan po statistike [National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan]. 2023. 21 Feb. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/35412-respublikamizda-mehnat-resurslari-soni-qancha> (date of access: 26.11.2025). (In Russ.)

Muzaffar Karabaev: kogda poyavyatsya startup-edinorogi Uzbekistana? [Muzaffar Karabaev: When will Uzbekistan`s startup unicorns emerge?] // IT Park. 2021.16 Apr. URL: <https://it-park.uz/ru/itpark/news/muzaffar-karabaev-kogda-poyavyatsya-startup-edinorogi-uzbekistana> (date of access: 26.11.2025). (In Russ.)

Mixajlov A.B. Rol` i znachenie klasterov v e`konomike Uzbekistana [// Vserossijskaya nauchnaya konferenciya s mezhdunarodny`m uchastiem «Sovremennaya nauka i obrazovanie: aktual`ny`e voprosy` teorii i praktiki»: sbornik materialov konferencij: v 2 t. [The role and importance of clusters in the economy of Uzbekistan // All-Russian scientific conference with international participation “Modern science and education: current issues of theory and practice”: collection of conference materials: in 2 volumes] / gl. red. M.T. Tekueva; Kabardino-Balkarskij gosudarstvenny`j universitet im. X.M. Berbekova. Na`chik: KBGU, 2022. Vol. II. URL: https://www.researchgate.net/publication/371984387_Rol_i_znachenie_klasterov_v_ekonomike_Uzbekistana (date of access: 27.11.2025). (In Russ.)

Ob`em venchurny`x sdelok v Uzbekistane v 2024 godu uvelichilsya pochti vtroe [The volume of venture capital deals in Uzbekistan almost tripled in 2024] // Spot. uz. URL: <https://www.spot.uz/ru/2025/03/19/ventures-uzbekistan/> (date of access: 25.11.2025). (In Russ.)

Polezny`e iskopaemy`e Uzbekistana [Mineral resources of Uzbekistan] // Central Asian Geportal. URL: <https://www.geportal-uz.org/ru/635-2/> (date of access: 25.11.2025). (In Russ.)

Sem` gosbankov uchredili venchurny`j fond United Ventures na \$40 mln. [Seven state-owned banks established the \$40 million venture capital fund United Ventures] // Spot. uz. URL: <https://www.spot.uz/ru/2025/01/30/united-ventures/> (date of access: 25.11.2025). (In Russ.)

Strategiya innovacionnogo razvitiya Respubliki Uzbekistan na 2019-2021 gody` [Strategy for Innovative Development of the Republic of Uzbekistan for 2019-2021] // Norma.onlain. URL: [https://nrm.uz/contentf?doc=557469_strategiya_innovacionnogo_razvitiya_respubliki_uzbekistan_na_2019-2021_gody_\(prilojenie_n_1_k_ukazu_prezidenta_ruz_ot_21_09_2018_g_n_up-5544\)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana](https://nrm.uz/contentf?doc=557469_strategiya_innovacionnogo_razvitiya_respubliki_uzbekistan_na_2019-2021_gody_(prilojenie_n_1_k_ukazu_prezidenta_ruz_ot_21_09_2018_g_n_up-5544)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana) (date of access: 26.11.2025). (In Russ.)

Strategiya «Uzbekistan-2030»: novy`j vitok razvitiya strany` [Strategy “Uzbekistan-2030”: a new round of development for the country] // Akcionerное obshhestvo O`zbekiston temir yo`llari. URL: https://railway.uz/ru/informatsionnaya_sluzhba/novosti/36000/?sphrase_id=8139985 (date of access: 26.11.2025). (In Russ.)

Turdikulova Sh. Strategiya innovacionnogo razvitiya: dostizheniya v cifrax i faktax [Innovative Development Strategy: Achievements in Facts and Figures] // Yuz. 2023. 18 Sep. URL: <https://yuz.uz/ru/news/strategiya-innovatsionnogo-razvitiya-dostizheniya-v-tsifrax-i-faktax>. (date of access: 26. 11. 2025). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan Ob utverzhdenii strategii innovacionnogo razvitiya Respubliki Uzbekistan na 2022–2026 gody` [Decree of the President of the Republic of Uzbekistan on approval of the strategy for innovative development of the Republic of Uzbekistan for 2022–2026] // Official'ny`j sajt prezidenta Respubliki Uzbekistan [Official website of the President of the Republic of Uzbekistan]. 2022. 06 Jul. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5321> (date of access: 25.11.2025). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 21 sentyabrya 2018 goda N UP-5544 Ob utverzhdenii strategii innovacionnogo razvitiya Respubliki Uzbekistan na 2019 – 2021 gody` [Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated September 21, 2018 N UP-5544 On approval of the strategy for innovative development of the Republic of Uzbekistan for 2019–2021] //PRG. URL:https://on-line.zakon.kz/Document/?doc_id=33859623&pos=5;-35#pos=5;-35 (date of access: 26.11.2025). (In Russ.)

Uzbekistan Country Strategy 2024–2029 Approved by the Board of Directors on 24 January 2024 [// European Bank. EBRD. com. URL: C:\Users\User\Downloads\EBRD-Latest-Uzbekistan-Strategy (1).pdf (date of access: 27.11.2025).

Uzbekistan – Indeks korrupcii [Uzbekistan – Corruption Index] // Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/uzbekistan/corruption-index> (date of access: 27.11.2025). (In Russ.)

Uzbekistan podnyalsya na 69-e mesto v rejtinge «Doing Business» » [Uzbekistan rose to 69th place in the Doing Business ranking] // GRATA International. 2019. 25 Nov. URL: <https://gratanet.com/ru/news/uzbekistan-rose-to-69th-place-in-doing-business-ranking>. (date of access: 27.11.2025). (In Russ.)

Uzbekistan podnyalsya na 79-e mesto v Global'nom innovacionnom indekse 2025 goda [Uzbekistan rose to 79th place in the Global Innovation Index 2025] // Uz Daily. 2025. 17 Sep. URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/uzbekistan-podnyalsia-na-79-e-mesto-v-globalnom-innovatsionnom-indekse-2025-goda/> (date of access: 27.11.2025). (In Russ.)

Uzbekistan: prishlo vremya sobirat' vinograd tehnologij [Uzbekistan: It's time to harvest the grapes of technology] // GoTech Innovation. 2024. 28 May. URL: <https://gotechinnovation.com/ru/uzbekistan-prishlo-vremya-sobirat-vinograd-tehnologij/> (date of access: 27.11.2025). (In Russ.)

V Uzbekistane nachal rabotu pervy`j chastny`j venchurny`j fond Imkon Ventures s kapitalom \$5 mln. [The first private venture fund, Imkon Ventures, with a capital of \$5 million, has begun operations in Uzbekistan] // FinTech&Retail. 2025. 04 Jun. URL:https://fintech-retail.com/2025/06/04/imkon_ventures/ (date of access: 26.11.2025). (In Russ.)

Zakon Respubliki Uzbekistan ot 24 iyulya 2020 goda N ZRU-630 Ob innovacionnoj deyatel'nosti [Law of the Republic of Uzbekistan dated July 24, 2020 N ZRU-630 On innovative activities] // LexUZ on-line. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4910448#4913850> (date of access: 25.11.2025). (In Russ.)

Zakon Respubliki Uzbekistan ot 17.02.2020 g. N ZRU-604 O special'ny`x e`konomicheskix zonax [Law of the Republic of Uzbekistan dated February 17, 2020 N ZRU-604 On special economic zones] // LexUZ on-line. URL:<https://lex.uz/docs/4737514?ONDATE=07.02.2024> (date of access: 26.11.2025). (In Russ.)

Р.М. Сейткалиев

**ЧЕЧЕНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ:
ВЫБОР СТРАНЫ ПРОЖИВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ**

Аннотация. В статье анализируется процесс концентрации чеченских беженцев в отдельных европейских странах, ставших самыми привлекательными для чеченцев с точки зрения доступности поездки, благоприятного режима одобрения заявок на политическое убежище, экономических выгод и перспектив. Через анализ интеграционных программ ФРГ и Польши показаны экономические предпосылки переезда и закрепления чеченцев в экономически развитых странах. Отдельно рассмотрен фактор процесса концентрации не только в странах, но и в их отдельных регионах – стремление проживать по соседству с представителями своей нации, в том числе с представителями своего тейпа, что рассматривается чеченцами как залог выживания в чуждой стране. Соседство повышает экономические и социальные связи формирующейся чеченской диаспоры, хотя существование монолитного сообщества остается под вопросом. Показана роль общины в сохранении привычного патриархального уклада жизни и в противодействии размыванию ценностных ориентиров, что входит в разногласия с трендом на либерализацию чеченского общества, прежде всего молодежи.

Ключевые слова: чеченские беженцы; экономические мигранты; одобрение заявок; пособие для мигрантов; интеграционная политика; религиозность; чеченские ценности.

Сейткалиев Роман Максutowич – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Россия, Москва.

E-mail: seytkaliev_roman@mail.ru

Web of Science Researcher ID: AAR-9372-2021

Scopus Author ID: 57196713166

ORCID ID: 0000-0003-0485-1497

Seytkaliev R.M.

Chechen refugees in European countries: choice of host state and integration challenges

Abstract. The article analyzes the process of concentration of Chechen refugees in specific European countries that have become the most attractive to Chechens in terms of travel accessibility, favorable asylum approval regimes, economic benefits, and opportunities.

Through an analysis of integration programs in Germany and Poland, the economic prerequisites for the relocation and settlement of Chechens in economically developed countries are demonstrated. Other factors in the concentration process are also examined, not only at the national level but also within specific regions of those countries, namely the desire to live in proximity to representatives of their own nation and, not least, to members of their own teip, which is perceived by Chechens as a guarantee of survival in a foreign country. This strengthens the economic and social ties of the emerging Chechen diaspora, although the existence of a monolithic community remains open to question. Finally, the role of the community in preserving traditional patriarchal ways of life and in resisting the erosion of value orientations is highlighted, which comes into conflict with the trend toward the liberalization of Chechen society, especially among its youth.

Keywords: *Chechen refugees; economic migrants; approval of applications; migrant benefits; integration policy; religiosity; Chechen values.*

Seytkaliev Roman Maksutovich – Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

Russia, Moscow.

E-mail: seytkaliev_roman@mail.ru

Web of Science Researcher ID: AAR-9372-2021

Scopus Author ID: 57196713166

ORCID ID: 0000-0003-0485-1497

Введение

Миграция чеченских беженцев в Европу стала заметным явлением в новейшей истории России. На протяжении двух первых десятилетий XXI в. они составляли абсолютное большинство граждан Российской Федерации по числу просителей политического убежища в европейских странах [Молодикова 2015, с. 100]. Хотя, следует отметить, что до середины 1990-х годов, во время первой чеченской кампании, жители Чеченской Республики предпочитали переезжать в соседние субъекты или в страны СНГ к родственникам. Достоверные статистические данные о численности жителей Республики, покинувших свои дома в ходе первого чеченского конфликта 1994–1996 гг., неизвестны. Во время второго конфликта 1999–2000 гг. внутренними мигрантами стали почти 570 тыс. человек [Воробьева 2003, с. 12–13]. Военные действия стали главным push-фактором миграции, хотя чеченские беженцы первой волны ставили своей целью возвращение на родину после окончания боевых действий. Однако несколько причин не только подтолкнули к миграции остальных, но и удержали от возвращения уже бежавших. К ним прежде всего относится преследование членов семей бывших боевиков и их потенциальных сторонников, а также выдавливание в 2010-х годах из Чечни последователей течения в исламе – салафизма. К pull-факторам миграции принадлежит экономическое

положение в европейских странах, которое выгодно отличалось от ситуации на родине: низкий уровень безработицы, высокий уровень жизни, социальные гарантии, а также гарантии юридической защиты.

В Европе чеченцы, несмотря на подачу документов на политическое убежище в разных странах, со временем сосредоточились в Австрии, Бельгии, Норвегии, Польше, Франции и ФРГ, что определилось экономическими выгодами и доступностью переезда. Данные о том, какое количество чеченцев вообще мигрировало в европейские страны разнятся. Исследователь миграции О.Р. Гулина, как и неправительственная организация из Франции «Ассамблея чеченцев Европы» (включена 3 октября 2025 г. Министерством юстиции Российской Федерации в перечень организаций, чья деятельность признана нежелательной на территории страны), сообщают о 150 тыс. чеченцев в Европейском союзе (ЕС) [Гулина 2018]. Ассамблея чеченцев Европы в своих цифрах скорее ориентируется на официально зарегистрированных беженцев, не учитывая нелегальных [Первый учредительный съезд Ассамблеи Чеченцев Европы 2019]. И.Н. Молодикова общее количество кавказцев (в основном чеченцев) в странах ЕС оценивала в диапазоне от 130 (на 2013 г.) до 220 (на 1996–2006 гг.) тыс. человек [Молодикова 2015, с. 104], а в 2019 г. писала о 100–170 тыс. человек в основном тексте статьи, но указала «около» 180 тыс. человек в аннотации [Molodikova 2019, p. 120, 119].

Вероятно, общее количество чеченцев в ЕС, включая детей, находится в пределах 200 тыс. человек: эту оценку в 2020 г. представили корреспонденты газеты «Dosh», выпускаемой усилиями северокавказских беженцев в Европе, и эта информация может быть более объективной в силу того, что ее представляют сами беженцы [Чеченцы в Норвегии 2020]. Миграционные службы, официальные ведомства, эксперты и средства массовой информации сообщают следующие цифры о чеченских мигрантах в европейских странах. Количество чеченцев во Франции насчитывает около 65–70 тыс. человек (включая незарегистрированных мигрантов и тех, кто официально зарегистрирован в другой стране ЕС) [Что известно о чеченской диаспоре во Франции 2020]. В ФРГ их около 40 тыс. человек [Schliephack 2022, S. 12]. В Австрии исследователи также говорят о примерно 40 тыс. проживающих чеченцев [Menschen tschetschenischer Herkunft in Österreich 2022, S. 3, 11, 24, 37, 43]. В Бельгии их 18 тыс. человек [Country: Belgium], в Норвегии – 15 тыс. человек [Чеченцы в Норвегии 2020; Sugaipova, Wilhelmson 2021, p. 140], в Польше – 10 тыс. человек, а также 1–3 тыс. человек в других странах ЕС [Чеченцы в Норвегии 2020]. Таким образом, на шесть стран приходится свыше 90% всех чеченских беженцев в Европе, или около 190 тыс. человек.

Цель данного исследования состоит в обосновании экономических предпосылок выбора беженцами той или иной страны для проживания, анализе их экономического положения и процесса интеграции.

Польское направление миграции чеченцев

Для большей части чеченских беженцев путь в Европу начинался с Польши. В пользу польского маршрута говорили цена поездки, лояльное отношение поляков в 2000-х годах, большая территория страны, откуда можно было продолжить путь в другие страны, а также длинная и уязвимая белорусско-польская граница, помощь в переходе которой предлагали контрабандисты, польские и чеченские таксисты. Вследствие большого количества чеченцев и высокого процента их среди мигрантов из России польское ведомство, единственное из статистических европейских служб, добавило этническую строку «чеченцы» в страновую графу. По их подсчетам в 2000–2020 гг. в страну прибыло 100 тыс. чеченцев. Они составили 90% заявителей о предоставлении статуса беженца, 38%, 90% и 93% лиц, которым были предоставлены статусы беженца, толерантное пребывание и дополнительной защиты соответственно [Iglicka 2017, p. 123, 128].

Поток миграции в Польшу в меньшей степени подчинялся периодам увеличения или снижения шансов получить политическое убежище в стране и больше зависел от этого уровня в других странах Европы, куда после процедуры рассмотрения статуса в Польше, переезжали беженцы (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество беженцев из Российской Федерации в Польше в 1997–2010 гг.

Год	Тип защиты					Всего
	Международная защита	Дополнительная защита	Толерантное пребывание	Отрицательное решение	Рассмотрение	
1997	5	0	0	52	31	88
1998	1	0	0	40	17	58
1999	3	0	0	27	13	43
2000	26	0	0	66	222	314
2001	206	0	0	216	806	1228
2002	206	0	0	1894	386	2486
2003	182	20	0	1675	4297	6174
2004	197	757	0	933	2678	4565
2005	285	1803	0	1862	4158	8108
2006	384	2015	0	634	3593	6626
2007	105	2870	0	1194	964	5133
2008	129	1486	1060	1120	5309	9104
2009	103	65	2334	2144	5928	10 574
2010	43	110	203	2541	4740	7637

Источник: [Urząd do Spraw Cudzoziemców].

В начале 2000-х годов фиксировался большой наплыв просителей убежища, но затем, как и во всех странах ЕС, в 2010 г. произошло снижение их числа. За год доля получивших убежище снизилась с 43% от всех карт пребывания (вид на жительство на 90 дней) граждан Российской Федерации до 32% в 2011 г. [Polityka migracyjna... 2012, s. 7]. Короткий период наплыва в 2013 г. стал эпизодическим и вскоре стабилизировался на более низком уровне. Исследователи выделили три фактора случившегося: выдавливание последователей идей ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта – международная исламистская террористическая организация, деятельность которой 29 декабря 2014 г. запрещена Верховным судом Российской Федерации на территории страны) с Северного Кавказа; избавление от протестно настроенных граждан перед Зимними Олимпийскими играми в Сочи; экономические меры правительства ФРГ и связанные с этим слухи. Последний фактор вызвал самое серьезное движение мигрантов, поэтому некоторые исследователи даже заговорили о новой волне российских беженцев [Gulina 2020, p. 4]. В данном случае речь идет о решении правительства ФРГ установить размер денежного содержания заявителей на уровне *HarzIV* (пособие по безработице). Эта мера привлекла в страну, не самую популярную из-за тщательно проводимых проверок соответствия статусу беженца, рекордное количество последних из России в 15 тыс. человек. Этому способствовало муссирование недостоверных слухов в Чеченской Республике о выделяемой ФРГ фиксированной сумме денег (подъемные) и земли под постройку дома.

Данный период массового притока беженцев продлился пять лет, включавший европейский миграционный кризис 2015–2016 гг., затем последовало снижение, вызванное ужесточением миграционной политики в Польше (см. табл. 2). Впервые за долгие годы европейские страны стали массово соблюдать Дублинский регламент¹ и высылать беженцев обратно в Польшу, что усилило националистические силы в этой стране. В 2015 г. к власти в Польше пришла националистическая партия «Право и справедливость», чьи решения впоследствии поставили труднопреодолимый барьер для беженцев с востока. Основой этих решений стало препятствование беженцам на всех этапах их пути, включая работу касс на железнодорожных вокзалах (обязательная покупка обратных билетов), изолирование людей без виз в отдельных вагонах, долгое рассмотрение заявок, немотивированный пропуск одной-двух семей в день. Отдельные случаи показывали, что беженцы вынуждены были ездить в течение полугода, прежде чем их пропускали через границу. Многие отчаивались и уезжали обратно в Россию или решали остаться в Республике Беларусь, но таких меньшинство [Все будут рады... 2019] (см. табл. 2).

1. Часть права ЕС, которая определяет ответственность за рассмотрение ходатайств просителей убежища в государстве – члене ЕС, где проситель впервые пересек границу ЕС.

Таблица 2

Количество беженцев из Российской Федерации в Польше в 2011–2022 гг.

Год	Тип защиты					Всего
	Международная защита	Дополнительная защита	Толерантное пребывание	Отрицательное решение	Рассмотрение	
2011	82	180	112	52	31	405
2012	67	119	242	1798	4796	7022
2013	63	111	301	1098	4966	6539
2014	114	121	202	1580	13 994	16 011
2015	21	116	101	1002	3822	5062
2016	10	57	35	670	6566	7338
2017	14	72	10	1080	7702	8878
2018	9	61	1	1260	1582	2913
2019	8	68	4	1212	1543	2835
2020	15	51	8	961	712	1747
2021	90	0	0	645	0	735
2022	100	0	0	600	0	700

Источник: [Urząd do Spraw Cudzoziemców].

Польские власти категоричны в своих заявлениях. Они считают, что под видом беженцев скрываются экономические мигранты. Отчасти данное утверждение справедливо, поскольку только 30% беженцев, подавших заявление на предоставление убежища, в назначенный срок появляются в миграционном центре. Остальные едут в другие страны [Polityka migracyjna..., s. 26]. К такому же выводу пришла польский экономист и социолог К. Иглицка, проанализировавшая данные образовательных учреждений страны, в которых после первого года пребывания беженцев было зафиксировано лишь 30% чеченских школьников, подавших документы о зачислении (см. подробнее: [Iglicka 2017]).

Сравнение интеграционных политик Польши и ФРГ

Понимание, почему подавляющее большинство чеченских беженцев используют Польшу как транзитную страну, приходит после рассмотрения ее интеграционной политики и характера отношений власти и местных жителей к инокультурным лицам.

Интеграционная программа Польши зависит от трех видов политической защиты: гуманитарной, дополнительной и толерантной (см. табл. 3). Если первые две категории беженцев могут рассчитывать на финансовую, юридическую помощь или помощь с размещением, то людям, получившим толерантный статус,

приходится работать буквально с первого дня своего пребывания, что невозможно, учитывая незнание польского языка. Помощь, предусмотренная по гуманитарной и дополнительной защитах, часто на практике сводится к выплате небольшого пособия в течение года, а сама политика интеграции страдает от нечеткой координации ответственных лиц [Laskus 2016, s. 69]. С недостаточностью помощи, которую правительство выделяет беженцам, согласны польские исследователи: они уверены, что беженцы скрывают источники получения денег, так как гуманитарные программы не покрывают их основные расходы [Sipos 2020, p. 4].

Центры размещения беженцев сосредоточены преимущественно в сельских районах. Многие предпочитают оставаться там или поблизости уже после положительного рассмотрения дел из-за низкой арендной платы. Это повышает сплоченность и самоорганизованность чеченцев и создает приемлемые экономические условия в рамках этнической общины. Подобный характер существования чреват изолированием от местного общества, что негативно сказывается на интеграции. Но также следует признать, что дистанцирование от местного населения усиливается этническим отторжением и эксплуатацией со стороны поляков. Чешский социолог М. Сипос сравнивает жизнь чеченцев в районе миграционных центров с гетто венгерских цыган, подчеркивая желание беженцев защитить внутреннюю автономию от внешнего мира [ibid, p. 9].

Интеграционная политика в богатых европейских странах выглядит привлекательнее. Австрия, Бельгия, Норвегия, Франция и ФРГ предоставляют беженцам помощь, которая на порядок выше и качественнее, чем в Польше. Например, интеграционная политика ФРГ представляет собой положения, закрепленные в Конституции (Основной закон, п. 1, ст. 1 и п. 1, ст. 20), по которой власть обязана обеспечить каждому гражданину, а также иностранцу, достойный прожиточный минимум [Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland]. Те иностранцы, которые по мнению властей находятся в стране временно, получают прожиточные пособия в соответствии с Законом о пособиях просителям убежища 1993 г. [Asylbewerberleistungsgesetz].

Таблица 3

Сравнение интеграционных политик Германии и Польши (2015–2025 гг.)

Параметры	Страны	
	ФРГ	Польша
Соискатели убежища в центрах размещения.	Смешанная форма помощи: натуральная форма и выдача денежных средств; оплата проезда, бесплатная юридическая и медицинская помощь.	Выделение фиксированных сумм по категориям: одежда, средства гигиены, питание и т. п. (оплата необходимых услуг производится из этих средств).
Размер пособия для беженцев, получивших убежище.	Равен сумме прожиточного минимума.	Ограничен одним годом, менее прожиточного минимума.

Продолжение таблицы

Дополнительные средства.	Возмещение части расходов на аренду жилья и отопление.	Не предусмотрены, поскольку, по мнению местных властей, выделяемые средства соискателям в центрах размещения и лицам, уже признанных беженцами, достаточны.
Характер интеграции.	Мультикультурализм (равенство пришлого населения с коренным при сохранении первым родной культуры).	Адаптация с элементами ассимиляции (подстраивание пришлых под новые условия жизни в стране прибытия).
	Социальное гражданство (инкорпорация в сферу занятости и систему социального обеспечения, при ограничении возможности политического участия в делах общества и получения нового гражданства).	
Отношение коренных к инокультурным.	Лояльное.	Дискриминационное.

Источник: [Classen 2011, Sipos 2020].

Немецкая интеграционная политика представляет собой четкое распределение полномочий на федеральном и земельном уровнях (см. табл. 3). Земли определяют количество принимаемых мигрантов, а городские власти оказывают помощь с арендой, выплатами и трудоустройством [Морозова, Золотарев 2015, с. 89]. В первую очередь, это касается признанных беженцев и тех, кто имеет дополнительную защиту. Толерантный статус не позволяет приступить к работе, поэтому беженцы с данным статусом живут в миграционных центрах.

Стоит отметить, что интеграционное законодательство пусть и в некоторых случаях с запозданием (как например признание страны иммиграционной), но реагирует на вызовы времени. Так, размер социальных пособий просителям убежища был в 2010 г. увеличен по решению Верховного суда, который признал положения Закона о льготах просителям убежища неконституционными, потому что в нем отсутствовала адекватная система оценки потребностей, и денежные суммы основывались на свободно оцененных цифрах [Classen 2011, S. 8]. В 2015 г. социальные пособия сравнялись с пособием для безработных HarzIV.

Коренное немецкое население в целом хорошо относится к беженцам; сказывается богатый миграционный опыт страны, и то, что свыше четверти населения имеет «миграционное прошлое»: они сами (или один из родителей) родились не в Германии. Негативное отношение к приезжим несколько увеличилось после миграционного кризиса, когда в страну хлынула критическая масса иностранцев, однако большинство чеченцев приехали до 2015 г., что предопределило благоприятное отношение к ним.

Экономическое положение чеченцев в европейских странах

подавляющая часть чеченцев, переехавших в европейские страны до 2010 г. получили вид на жительство и разрешение на работу, поэтому их экономическое положение более устойчиво, чем у тех, кто приехал после 2010 г. Большинство из них были светскими людьми, женщины чаще вступали на рынок труда или могли подрабатывать; так, в 2000-х годах женщины чаще брали на себя роль основного добытчика и выступали медиатором между семьей и принимающим обществом [Szczepanikova 2012, p. 476]. Совокупный доход семьи позволяет им жить, помогать родственникам в Чечне, откладывать средства и строить дом на родине. Свидетельства об отправлении денег на строительство домов в Чеченской Республике можно найти в различных интервью, а также в научных работах чеченских исследователей (например: [Хасуев 2015, с. 83]). Беженцы, прибывшие после 2011 г., и особенно во время европейского миграционного кризиса в ФРГ, испытывали большие проблемы с получением разрешения на работу. Большинству оформляли только временное пребывание, а срок рассмотрения заявок и апелляции (распространенный случай, так как ФРГ отказывает 95% просителей) длился от нескольких месяцев до нескольких лет. В то же время выделяемая им поддержка на время рассмотрения их дела довольно скудна, поэтому многие вынуждены подрабатывать нелегально. Проблема с трудоустройством сохраняется и сегодня. Например, в Австрии в 2021 г. было трудоустроено 35,3% прибывших в 2015 г. в страну чеченцев, тогда как работу нашли 68,8% и 65,7% беженцев из Сирии и Афганистана, получившие доступ к интеграционным курсам [Tschetschenische Bevölkerung in Österreich, S. 11].

В ситуации, когда официальная помощь оказывается ограниченному кругу лиц, а остальные вынуждены ждать долгое время, прежде чем им будет дано право выйти на рынок труда, залог финансовой состоятельности чеченцев зависит от взаимопомощи внутри диаспоры. Поэтому чеченцы переезжают в другие страны и районы, где им окажут помощь их родственники и другие чеченцы. Большое количество чеченцев по прошествии нескольких лет поменяли место проживания. Например, в Финляндии, которая до 2010 г. положительно рассматривала около 40% прошений чеченцев, в 2017 г. зарегистрировала только 636 носителей чеченского языка в качестве родного. В Дании также, несмотря на высокий уровень принятия беженцев из Чеченской Республики до 2010 г., из-за особенностей интеграции вопросы расселения делегировались муниципалитетам по всей стране на основе квот, что обеспечивало их равномерное распределение [Коробущенко 2021, с. 116]. В данном случае отсутствие возможности жить поблизости могло составить трудность для чеченцев. Немаловажную роль в процессе выбора страны проживания играет климат. Из северных стран Европы только в Норвегии с ее высоким уровнем жизни сегодня

ня насчитывается большая диаспора чеченцев, притом что уровень признания политического убежища в ней был аналогичен уровню признания в соседней Швеции.

Исследование на примере представителей больших диаспор выявило, что прибывающие в районы с более крупными этническими сетями мигранты, с большей вероятностью будут трудоустроены вскоре после прибытия по сравнению с теми, кто впервые обосновался в районах с небольшими этническими сетями. Однако они также с меньшей вероятностью инвестируют в человеческий капитал в виде школьного и высшего образования и, следовательно, с меньшей вероятностью будут трудоустроены через несколько лет после прибытия [Battisti, Peri, Romiti 2018, p. 2]. Другое исследование, проведенное уже непосредственно на примере чеченцев, обнаружило, что говорить об общей чеченской диаспоре в ФРГ, не совсем правильно. Вернее будет говорить о чеченских сообществах, выбирающих компактное проживание на основе принадлежности к одному тейпу, притом что тейпы не всегда могут поддерживать связь между собой [Schliephack 2022, S. 30]. Это соответствует мнению И.Н. Молодиковой, что чеченцы в европейских странах сегодня более разобщены, что не в последнюю очередь связано с внутренними разногласиями, которые перекочевали вместе с ними в Европу [Molodikova 2019, p. 120]. Несмотря на это, взаимовыручка, помощь в поиске работы, а также обеспечение привычными товарами входят в число наиболее важных вопросов, которые успешно решаются на уровне горизонтальных связей.

Вместе с тем общинный характер жизни и клановая структура могут быть препятствием для интеграции, поскольку в европейских странах не распространена культура помощи «своим». Это может усугубляться высокой степенью ожидания помощи от государства (патернализм), особенно распространенной среди мигрантов из стран бывшего СССР, и гендерными предпочтениями трудоустройства: беженцы из стран Африки, Азии и Ближнего Востока, не склонные требовать от государства заботы о себе, интегрируются быстрее, чем беженцы из России (см. подробнее: [Wysieńska 2013]).

Особенности интеграции чеченцев в условиях либерального общества

Из истории интеграции чеченцев в принимающее общество известно, что они стараются сохранить идентичность, язык и культуру. Примеры чеченцев, переселенных из Российской империи в Иорданию, Сирию и Османскую империю, свидетельствуют об успешном сохранении ими традиций.

Важное отличие нынешнего процесса от чеченской миграции имперских времен в том, что чеченцы эмигрировали в страны, где господствует христианство и/или светское общество. Поэтому чеченцы большое внимание уделяют противодействию внешним, негативным с их точки зрения, процессам

«европеизации». В Чечне в формирующихся диаспорах видят или уникальный инструмент интеграции чеченцев во внешний мир, или угрозу национальной идентичности [Эльбуздукаева 2019, с. 489]. Эти же вопросы в большей степени волнуют и чеченских исследователей, где упор делается на сохранении ценностных ориентиров чеченцев в европейских странах (например: [Лечиева, Саидов 2017; Абдулвахабова 2019; Курбанова 2020]). Организованный Совет старейшин чеченцев в Европе, как и аналогичный в Чеченской Республике, старается урегулировать проблемы в самой общине (в частности отношения внутри семей), по возможности избегая вмешательства правоохранительных органов и выступая представителем общества в диалоге с государственными органами. В большей степени чеченская диаспора основывается на общем чувстве эмоциональной привязанности к родине, движимое коллективными обидами и совместным опытом насильственного отделения, но не «добровольными экономическими или другими личными причинами» [Sugaipova, Wilhelmsen 2021, p. 143]. Во многом это объясняется ненадобностью из-за экономических возможностей в странах прибытия для желающих работать. Примеры организованных чеченских обществ в Австрии, Бельгии, Норвегии, Франции и ФРГ, подтверждают это правило. Они целиком сосредоточились на поддержании культурных традиций и изучении языка.

Молодые люди и те, кто уже родился в европейских странах, демонстрируют высокий уровень интеграции. Большинство детей учатся или обучались в обычных школах. Есть работы, где рассмотрены проблемы молодых людей в системе школьного образования, с упором на агрессивное отстаивание своих интересов (например: [Молодикова 2015, с. 112]). Однако данная проблема относится к аспекту разности культур, преимущественно в гомогенной Польше. Отечественные исследователи сосредоточились на проблемах самоидентификации чеченской молодежи. Выясняется, что, повзрослев, чеченцы оказываются под влиянием негармонично сложенных поведенческих и мировоззренческих установок. Также в плоскости ценностных установок и конфликта отцов и детей исследуется второе поколение. По прошествии 20 лет с момента миграции стало очевидно, что ценностные установки родителей и детей мигрантов не совпадают. Молодежь живет в сложных условиях мозаичной социокультурной среды, где, с одной стороны, на них оказывает влияние ценностная модель родителей, во многом сложившаяся в условиях советской системы и традиционной этнической культуры, и с другой – западная модель гражданского общества с ее культом личностной свободы и автономии субъектности. Кроме того, на них влияют этническая и религиозная общины, выполняющие социальную функцию акторов коллективной ответственности индивида [Курбанова 2020, с. 118]. Второе поколение эмигрантов, как показывают исследования, еще нельзя считать свободным от влияния этнической культуры страны выезда. И в то же время второе поколение ориентировано на будущее. Они не привя-

заны к конкретной территории, не чувствуют сакрального смысла в своей «родной земле» и «отечестве» [Kurbanova, Nalgieva, Ismailova, Umarova 2022, p. 235]. По аналогии с детьми турецких мигрантов в Германии можно сказать, что уровень экономических притязаний у детей будет выше, чем у родителей, но и возможностей для их реализации будет больше. Чеченцы, выросшие в Европе, «новые чеченцы» (как они сами себя определяют) в меньшей степени отмечают неприятие мигрантов (мусульман), и сомневаются по поводу своих финансовых перспектив, и успешной карьеры, которой противостоит множество скрытых сил. Большинство уверены, что страна дает большие возможности, которые при должном усердии доступны им так же, как и коренному жителю [ibid, p. 233].

В целом чеченцы, особенно второе поколение, достаточно органично принимают либеральные ценности и дистанцируются от некоторых стигматизирующих чеченских норм. Сегодня это становится общим для многих чеченцев, что объясняется защитой их прав в европейских странах, где нивелируется необходимость соблюдения религиозных и культурных норм, служивших защитой им ранее при слабой централизованной власти. Следует отметить, что дети светских родителей, получивших советское образование, более религиозны, что связано с распространением мусульманских общин в Европе, доступностью религиозного образования, и главное с необходимостью обозначения принадлежности к группе, понимаемой как источник поддержки в агрессивной среде [ibid.]. Нередко родители сами настроены, чтобы дети дистанцировались от соблазнов «европеизации», девушки носили хиджаб и быстрее выходили замуж. Следовательно, раннее замужество и жизнь в соответствии с религиозными канонами для многих девушек оборачивается уходом с рынка труда.

Заключение

Предложенная автором сравнительная оценка экономических выгод более и менее развитых стран показывает оправданный выбор в пользу интеграционной вариативности и расширения возможностей при переезде. В самом общем виде можно утверждать, что финансовая составляющая ведет к формированию очагов концентрации чеченцев, несмотря на существующие барьеры в виде миграционных законодательств разных стран и общих правил Дублинского регламента. Также переезд чеченцев и концентрация их в отдельных странах и районах стран обуславливается преимуществом взаимопомощи. Между тем можно сделать предварительный вывод, что те беженцы, кому было отказано в виде защиты, будут всеми силами пытаться остаться, что с учетом культуры взаимопомощи между чеченцами приводит к нелегальному закреплению в новых странах. Исторический опыт чеченских беженцев, если они переезжают массово, демонстрирует следующую модель включения социума в другую социальную систему: копирование институтов социума на родине на приме-

ре Совета чеченских старейшин при автономистском замещении отдельных институтов принимающей страны, что необходимо чеченцам для обладания определенной степенью обособленности, противостоящей размыванию нации.

В практическом плане сегодня в содержании и задачах различных организаций чеченцев за рубежом не прослеживается экономической составляющей, что, однако, характерно для многих групп мигрантов, решающих общие экономические вопросы за счет индивидуальных действий своих членов (прием «своих» на работу, производство знакомых товаров). Оценка влияния индивидуальных характеристик мигранта и этнической группы в качестве самостоятельной единицы говорит о ключевой роли группы как коллективного надзорного органа.

Динамика экономического развития показывает улучшение положения чеченцев и увеличение количества тех, кто связывает свое будущее со странами прибытия, а не с далекой родиной. Изменение соотношения этого показателя между двумя возрастными группами показывает увеличение в пользу тех, кто планирует остаться, что объясняется не только перспективами экономическими, но и развития человеческого потенциала, которое получает дополнительную поддержку при нарастающем принятии чеченцами механизмов и инструментов институциональной системы государства пребывания. Последнее не оказывает прямого влияния на религиозность, скорее опосредованное, учитывая степень религиозной свободы в европейских странах. Религиозность в первую очередь влияет на уровень социальных контактов с населением, особенно у женщин.

Эта зависимость в целом, носит очевидный характер даже на бытовом уровне (чеченские юноши в Европе стремятся взять в жены «правильную» девушку из Чеченской Республики, а родители желают рано выдать замуж дочерей за европейских чеченцев), но, тем не менее, перспективы молодого поколения чеченцев выглядят привлекательнее, так как они в большей степени связывают свою жизнь с новой страной и меньше подвержены традиционному укладу.

Библиография

Абдулвахабова Б.Б.-А. Социальное приспособление чеченок к инокультурной среде в странах Западной Европы // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы международной конференции. М.: Институт этнографии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Калининград: Издательство Балтийского федерального университета имени И. Канта, 2019. С. 485–489.

Воробьева О.Д. Вынужденная миграция в России // Современные проблемы миграции в России: материалы общероссийской научной конференции. М.: [б. и.], 2003. С. 7–13.

Все будут рады, если они уедут. Один день из жизни чеченских беженцев // RFI. 25.11.2019. URL: <https://www.rfi.fr/ru/россия/20191123-все-будут-рады-если-они-уедут-один-день-из-жизни-чеченских-беженцев> (дата обращения: 05.04.2025).

Гулина О. Чеченцы из России: (Не)видимые беженцы в Европе: специфика гуманитарной миграции чеченцев из России в Европу // Riddle. 18.04.2018. URL: <https://ridl.io/chechency-iz-rossii-nevidimye-bezhency-v/> (дата обращения: 19.02.2025).

Коробушенко В.Ю. Особенности политики Дании по интеграции мигрантов // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 10 (62). С. 114–119.

Курбанова Л.У. Проблемы адаптации второго поколения чеченской диаспоры в Европе // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы международной конференции. Грозный: Издательство Чеченского государственного университета, 2020. С. 315–319.

Лечица М.И., Саидов А.А. Ценности и ценностные ориентации чеченцев // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 329–332.

Молодикова И.Н. Мигранты с Северного Кавказа в ЕС: проблемы интеграции и гендерных ролей // Науки о земле. 2015. № 2. С. 99–119.

Морозова В.Н., Золотарев Д.П. Германский опыт интеграции мигрантов в принимающее общество // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Вып. № 2 (6). С. 87–92.

Первый учредительный съезд Ассамблеи Чеченцев Европы – от Tumi Dishni – Нона Хонгашвили // Chechenassembly. 02.03.2021. URL: <https://chechenassembly.com/2021/03/02/%d0%bf%d0%b5%d1%80%d0%b2%d1%8b%d0%b9-%d1%83%d1%87%d1%80%d0%b5%d0%b4%d0%b8%d1%82%d0%b5%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d1%8b%d0%b9-%d1%81%d1%8a%d0%b5%d0%b7%d0%b4-%d0%b0%d1%81%d1%81%d0%b0%d0%bc%d0%b1%d0%bb%d0%b5/> (дата обращения: 01.02.2026).

Хасуев А.Э. Миграция чеченской молодежи в страны Европы. Причины и последствия // Вестник Чеченского университета имени А.А. Кадырова. 2015. № 2 (18). С. 81–83.

Чеченцы в Норвегии: между интеграцией и ассимиляцией // Журнал Дош – Новости Кавказа. 13.03.2020. URL: <https://web.archive.org/web/20200927160222/https://doshdu.com/chechency-v-norvegii-mezhdu-integraciej-i-assimiljaciej/> (дата обращения: 02.02.2026).

Что известно о чеченской диаспоре во Франции // Slon.fr. 20.06.2020. URL: <https://slon.fr/что-известно-о-чеченской-диаспоре-во-франции/> (дата обращения: 25.04.2025).

Эльбуздукаева Т.У. Эмигрантская повседневность чеченок в странах Западной Европы: история и современность // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы международной конференции. М.: Институт этнографии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Калининград: Издательство Балтийского федерального университета имени И. Канта, 2019. С. 489–492.

Asylbewerberleistungsgesetz // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/asyblbg/> (дата обращения: 01.02.2026).

Battisti M., Peri G., Romiti A. Dynamic Effects of Co-Ethnic Networks on Immigrants' Economic Success. Munich: Munich Society for the Promotion of Economic Research – CESifo GmbH, 2018. 40 p.

Country: Belgium // Joshua project. URL: <https://joshuaproject.net/countries/BE> (дата обращения: 27.02.2026).

Classen G. Das Asylbewerberleistungsgesetz und das Grundrecht auf ein menschenwürdiges Existenzminimum, Stellungnahme zur Anhörung am 07.02.2011 im Ausschuss für Arbeit und Soziales des Deutschen Bundestages. Frankfurt am Main; Berlin: Förderverein PRO ASYL e. V.; Flüchtlingsrat Berlin e. V., 2011. 60 S.

Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz> (дата обращения: 01.02.2026).

Gulina O. Russian nationals looking for refuge in the European Union. Vienn: Prague Process Secretariat International Centre for Migration Policy Development, 2020. 14 p.

Menschen tschetschenischer Herkunft in Österreich / M. Hofmann, S. Langanger, M. Heß, A. Rochowanski, A. Holzer, M. Kurbanova, A. Tulej. Wien: Österreichischer Integrations fonds, 2022.

47 S. URL: https://www.integrationsfonds.at/fileadmin/user_upload/OeIF_Persp-1-22_Tschetschenen-WEb.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

Iglicka K. Chechen's Lesson. Challenges of Integrating Refugee Children in a Transit Country: A Polish Case Study // *Central and Eastern European Migration Review* Received. 2017. Vol. 6, N 2. P. 123–140. DOI: 10.17467/ceemr.2017.08.

Kurbanova L., Nalgieva H., Ismailova L., Umarova Z. Adaptation Strategies Through a New Identity: A Comparative Analysis of Two Generations of Chechen Migrants in Belgium // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2022. Vol. 646. P. 229–237. DOI: 10.2991/assehr.k.220208.041.

Laskus K. Pomoc społeczna dla uchodźców // *Kontrola Państwowa*. 2016. Vol. 61, N 2 (367). S. 61–74.

Molodikova I. Muslim Refugees from Russia: Do the Chechens Bring Their Own 'aul' from Chechnya to the EU? Muslim Minorities and the Refugee Crisis in Europe // *Muslim Minorities and the Refugee Crisis in Europe* / ed. by K. Górak-Sosnowska, M. Pachocka and J. Misiuna. Warsaw: SGH Publishing House, 2019. P. 119–133.

Polityka migracyjna Polski w odniesieniu do obywateli Republiki Białorusi, Ukrainy i Federacji Rosyjskiej. [S. l.]: Departament Polityki Migracyjnej Ministerstwa Spraw, [s. a.]. 49 s.

Schliephack C. Sicherheitsrelevante Entwicklungen in den tschetschenischen Gemeinschaften in Deutschland. Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2022. 112 S.

Sipos M. "We are all brothers here": The making of a life by Chechen refugees in Poland // *Popul Space Place*. 2020. Vol. 26, Iss. 2. P. 1–11. DOI: 10.1002/psp.227_Ref1171092336.

Sugaipova M., Wilhelmssen J. The Chechen post-war diaspora in Norway and their visions of legal models // *Caucasus survey*. 2021. Vol. 9, N 2. P. 140–158. DOI: 10.1080/23761199.2021.1872242.

Szczepanikova A. Becoming more conservative? Contrasting gender practices of two generations of Chechen women in Europe // *European Journal of Women's Studies*. 2012. Vol. 19, Iss. 4. P. 475–489. DOI: 10.1177/1350506812466611.

Tschetschenische Bevölkerung in Österreich. S. l.: Österreichischer Integrations fonds, Bundesamt für Fremdenwesen und Asyl, [2023]. 14 S. URL: https://www.integrationsfonds.at/fileadmin/content/AT/monitor/Laender_Factsheet_Tschetschenien.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

Urząd do Spraw Cudzoziemców // Urzędy centrale. URL: <https://www.gov.pl/web/udsc> (дата обращения: 01.02.2026).

Wysieńska K. Where is my home? Homelessness and Access to Housing among Asylum-seekers. Refugees and Persons with International Protection in Poland. [S. l.]: UN High Commissioner for Refugees (UNHCR) Regional Representation for Central Europe, 2013. 25 p.

References

Abdulvahobova B.B.-A. Sotsialnoye prispobleniye chechenok k inokulturnoy srede v stranakh Zapadnoy Evropy [Social adaptation of Chechen women to a foreign cultural environment in Western Europe]. *Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastoyashchego. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Women and men in migration processes of the past and present. Materials of the international conference]*. 2019. P. 485–489. (In Russ.)

Asylbewerberleistungsgesetz. Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/asylblg/> (date of access: 01.02.2026).

Battisti M., Peri G., Romiti A. Dynamic Effects of Co-Ethnic Networks on Immigrants' Economic Success. Munich: Munich Society for the Promotion of Economic Research – CESifo GmbH, 2018. 40 p.

Chto izvestno o chechenskoj diaspore vo Frantsii [What is known about the Chechen diaspora in France]. *Slon.fr*. 20.06.2020. URL: <https://slon.fr/chto-izvestno-o-chechenskoj-diaspore-vo-frantsii/> (date of access: 25.04.2025). (In Russ.)

Chechentsy v Norvegii: mezhdru integratsiyey i assimilyatsiyey [Chechens in Norway: between integration and assimilation]. Zhurnal Dosh – Novosti Kavkaza [Dosh Magazine – News of the Caucasus]. 13.03.2020. URL: <https://web.archive.org/web/20200927160222/https://doshdu.com/chechency-v-norvegii-mezhdru-integratsiyey-i-assimilyatsiyey/> (date of access: 02.02.2026). (In Russ.)

Classen G. Das Asylbewerberleistungsgesetz und das Grundrecht auf ein menschenwürdiges Existenzminimum, Stellungnahme zur Anhörung am 07.02.2011 im Ausschuss für Arbeit und Soziales des Deutschen Bundestages. Frankfurt am Main; Berlin: Förderverein PRO ASYL e. V.; Flüchtlingsrat Berlin e. V., 2011. 60 S.

Country: Belgium. Joshua project. URL: <https://joshuaproject.net/countries/BE> (date of access: 27.02.2026).

El'buzdukaeva T.U. Emigrantskaya povsednevnost' chechenok v stranakh Zapadnoy Evropy: istoriya i sovremennost' [Emigrant everyday life of Chechen women in Western Europe: history and modernity]. Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastoyashchego. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Women and men in migration processes of the past and present. Materials of the international conference]. Moscow: Institut etnografii i antropologii imeni N.N. Miklukho-Maklaya RAN; Kaliningrad: Izdatel'stvo Baltiyskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta, 2019. P. 489–492. P. 489–492. (In Russ.)

Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz> (date of access: 01.02.2026).

Gulina O. Russian nationals looking for refuge in the European Union. Vienn: Prague Process Secretariat International Centre for Migration Policy Development, 2020. 14 p.

Gulina O. Chechentsy iz Rossii: (Ne)vidimye bezhentsy v Evrope: cpetsifika gumanitarnoy migratsii chechentsev iz Rossii v Evropu [Chechens from Russia: (In)visible Refugees in Europe: The specifics of Chechen humanitarian migration from Russia to Europe]. Riddle. 18.04.2018. URL: <https://ridl.io/chechency-iz-rossii-nevidimye-bezhency-v/> (date of access: 19.02.2025). (In Russ.)

Iglicka K. Chechen's Lesson. Challenges of Integrating Refugee Children in a Transit Country: A Polish Case Study. Central and Eastern European Migration Review Received. 2017. Vol. 6, N 2. P. 123–140. DOI: 10.17467/ceemr.2017.08.

Khasuev A.E. Migratsiya chechenskoy molodezhi v strany Evropy. Prichiny i posledstviya [Migration of Chechen youth to European countries. Causes and consequences]. Vestnik Chechenskogo universiteta imeni A.A. Kadyrova [Bulletin of Kadyrov Chechen State University]. 2015. N 2 (18). P. 81–83. (In Russ.)

Korobushchenko V.Yu. Osobennosti politiki Danii po integratsii migrantov [Features of Denmark's policy on the integration of migrants]. Skif. Voprosy studentcheskoy nauki [Skiff. Issues of Student Science]. 2021. N 10 (62) 3. 114–119. (In Russ.)

Kurbanova L.U. Problemy adaptatsii vtorogo pokoleniya chechenskoy diasporoy v Evrope [Problems of adaptation of the second generation of the Chechen diaspora in Europe]. Aktual'nye problemy sovremennoy nauki: vzglyad molodykh uchenykh. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Actual problems of modern science: the view of young scientists. Materials of the international conference]. Groznyy: Izdatel'stvo Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020. P. 315–319. (In Russ.)

Kurbanova L., Nalgieva H., Ismailova L., Umarova Z. Adaptation Strategies Through a New Identity: A Comparative Analysis of Two Generations of Chechen Migrants in Belgium. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2022. Vol. 646. P. 229–237. DOI: 10.2991/assehr.k.220208.041.

Laskus K. Pomoc społeczna dla uchodźców. Kontrola Państwowa. 2016. Vol. 61, Nr. 2 (367). S. 61–74.

Lechieva M.I., Saidov A.A. Tsennosti i tsennostnye orientatsii chechentsev [Values and value orientations of Chechens]. Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology]. 2017. Vol. 6, N 4 (21). P. 329–332. (In Russ.)

Menschen tschetschenischer Herkunft in Österreich / M. Hofmann, S. Langanger, M. Heß, A. Rochowanski, A. Holzer, M. Kurbanova, A. Tulej. Wien: Österreichischer Integrationsfonds, 2022. 47 S. URL: https://www.integrationsfonds.at/fileadmin/user_upload/OeIF_Persp-1-22_Tschetschenen-WEB.pdf (date of access: 01.02.2026).

Molodikova I.N. Migranty s Severnogo Kavkaza v ES: problemy integratsii i gendernykh roley [Migrants from the North Caucasus in the EU: issues of integration and gender roles]. *Nauki o zemle* [Earth Sciences]. 2015. N 2. P. 99–119. (In Russ.)

Molodikova I. Muslim Refugees from Russia: Do the Chechens Bring Their Own 'aul' from Chechnya to the EU? Muslim Minorities and the Refugee Crisis in Europe. *Muslim Minorities and the Refugee Crisis in Europe* / ed. by K. Górak-Sosnowska, M. Pachocka and J. Misiuna. Warsaw: SGH Publishing House, 2019. P. 119–133.

Morozova V.N., Zolotarev D.P. Germanskiy opyt integratsii migrantov v prinyimayushchee obshchestvo [The German experience of integrating migrants into the host society]. *Nauchnyy Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Scientific bulletin of the Voronezh state university of architecture and civil engineering. Series: Social and humanitarian sciences]. 2015. Vol. N 2 (6). P. 87–92. (In Russ.)

Pervyy uchreditel'nyy s"ezd Assamblei Chechentsev Evropy – ot Tumi Dishni – Nona Khongashvili [The First Founding Congress of the Assembly of Chechens of Europe – from Tumi Dishni – Nona Khongashvili]. *Chechenassembly* [Chechenassembly]. 02.03.2021. URL: <https://chechenassembly.com/2021/03/02/%d0%bf%d0%b5%d1%80%d0%b2%d1%8b%d0%b9-%d1%83%d1%87%d1%80%d0%b5%d0%b4%d0%b8%d1%82%d0%b5%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d1%8b%d0%b9-%d1%81%d1%8a%d0%b5%d0%b7%d0%b4-%d0%b0%d1%81%d1%81%d0%b0%d0%bc%d0%b1%d0%bb%d0%b5/> (date of access: 01.02.2026). (In Russ.)

Polityka migracyjna Polski w odniesieniu do obywateli Republiki Białorusi, Ukrainy i Federacji Rosyjskiej. [S. l.]: Departament Polityki Migracyjnej Ministerstwa Spraw, [s. a.]. 49 s.

Schliephack C. Sicherheitsrelevante Entwicklungen in den tschetschenischen Gemeinschaften in Deutschland. Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2022. 112 S.

Sipos M. "We are all brothers here": The making of a life by Chechen refugees in Poland. *Popul Space Place*. 2020. Vol. 26, Iss. 2. P. 1–11. DOI: 10.1002/psp.227_Ref1171092336.

Sugaipova M., Wilhelmson J. The Chechen post-war diaspora in Norway and their visions of legal models. *Caucasus survey*. 2021. Vol. 9, N 2. P. 140–158. DOI: 10.1080/23761199.2021.1872242.

Szczepanikova A. Becoming more conservative? Contrasting gender practices of two generations of Chechen women in Europe. *European Journal of Women's Studies*. 2012. Vol. 19, Iss. 4. P. 475–489. DOI: 10.1177/1350506812466611.

Tschetschenische Bevölkerung in Österreich. S. l.: Österreichischer Integrationsfonds, Bundesamt für Fremdenwesen und Asyl, [2023]. 14 S. URL: https://www.integrationsfonds.at/fileadmin/content/AT/monitor/Laender_Factsheet_Tschetschenien.pdf (date of access: 30.01.2026).

Urząd do Spraw Cudzoziemców. Urzędy centrale. URL: <https://www.gov.pl/web/udsc> (date of access: 01.02.2026).

Vorob'eva O.D. Vynuzhdenneya migratsiya v Rossii [Forced migration in Russia]. *Sovremennye problemy migratsii v Rossii: materialy obscherossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Modern problems of migration in Russia: proceedings of the All-Russian scientific conference]. Moscow: [s. n.], 2003. P. 7–13. (In Russ.)

Vse budut рады, esli oni uedut. Odin den' iz zhizni chechenskikh bezhentshev [Everyone will be happy if they leave. One day in the life of Chechen refugees]. RFI [RFI]. 25.11.2019. URL: <https://www.rfi.fr/ru/россия/20191123-все-будут-рады-если-они-uedут-один-день-из-жизни-чеченских-беженцев> (date of access: 05.04.2025).

Wysieńska K. Where is my home? Homelessness and Access to Housing among Asylum-seekers. Refugees and Persons with International Protection in Poland. [S. l.]: UN High Commissioner for Refugees (UNHCR) Regional Representation for Central Europe, 2013. 25 p.

А.А. Глазов

**СОВЕТСКАЯ КОНТРПРОПАГАНДА В НАЦИСТСКОМ РАДИОЭФИРЕ,
1941–1945 гг.**

Аннотация. За исключением работ автора настоящей статьи в современной отечественной и зарубежной историографии практически нет исследований, специально посвященных развитию «черной» радиопропаганды СССР в годы Великой Отечественной войны. Данная статья является продолжением цикла публикаций автора, посвященных истории советского «черного» радиовещания в 1941–1945 гг. В ней раскрывается то, как была организована и в чем заключалась работа т.н. постороннего голоса, действовавшего в нацистском радиоэфире в период с августа 1941 г. и по 4 мая 1945 г. Особый акцент сделан на заключительном периоде войны, поэтому автором были привлечены преимущественно документы Отдела международной информации ЦК ВКП(б) (хранящиеся в РГАСПИ), который контролировал и направлял деятельность НИИ-205, среди прочего осуществлявшего – после роспуска Коминтерна – советскую «черную» радиопропаганду. Актуальность избранной темы обусловлена значимостью информационного пространства в современном мире как арены столкновения и отстаивания национальных интересов ведущих держав.

Ключевые слова: СССР; нацистская Германия; Великая Отечественная война; «черная» радиопропаганда; «посторонний голос»; Коминтерн; НИИ-205.

**Глазов Александр Андреевич – старший научный сотрудник ИВИ РАН.
Россия, Москва.**

E-mail: viadelcorso@yandex.ru

SPIN-код: 1681-2766

ORCID ID: 0000-0003-1273-5154

ResearcherID: AAC-7670-2020

Scopus Author ID: 57215184731

Glazov A. A.

Soviet counter-propaganda on Nazi radio broadcasting, 1941–1945

Abstract. *With the exception of the works of the author of this article there are almost no studies in modern Russian or foreign historiography specifically devoted to the development of Soviet “black” radio propaganda during the Great Patriotic War. This article continues the author’s series of publications on the history of Soviet “black” radio broadcasting in 1941–1945. It describes the work of the so-called “extraneous voice,” which operated on Nazi radio frequencies from August 1941 to May 4, 1945, and explains how this activity was organized. The author primarily focuses on the final period of the war and mainly draws on documents from the Department of International Information (OMI) of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (held in the Russian State Archive of Social and Political History), which supervised and directed the activities of NII-205, an institution that, among other functions, conducted Soviet “black” radio propaganda following the dissolution of the Comintern. The relevance of the chosen topic is due to the significance of the information space in the modern world as an arena in which leading powers defend their national interests.*

Keywords: *USSR; Nazi Germany; Great Patriotic War; “black” radio propaganda; “stranger’s voice”; Comintern, NII-205.*

Glazov Aleksandr Andreevich – Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

E-mail: viadelcorso@yandex.ru

SPIN-код: 1681-2766

ORCID ID: 0000-0003-1273-5154

ResearcherID: AAC-7670-2020

Scopus Author ID: 57215184731

Вскоре после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз специалистами Народного комиссариата связи (НКС) первыми в мире было создано и успешно введено в эксплуатацию особое техническое оборудование, которое дало возможность коминтерновским комментаторам/дикторам из числа иностранных коммунистов, находясь и не покидая территорию СССР, вмешиваться прямо во вражеские радиовыступления и передачи на длинных, средних и коротких волнах и в режиме реального времени оппонировать противникам и опровергать их утверждения, подрывая тем самым фашистскую пропаганду. Сперва – в августе 1941 г. – Исполком Коммунистического Интернационала (ИККИ) и НКС СССР приступили к организации работы так называемого постороннего голоса на волнах немецкого радио [Машинописная копия дневника Г. Димитрова за 1941 г., л. 118, 132, 135]. Затем настал черед и начали действовать «голоса» на итальянском, болгарском, финском, венгерском, чешском

и словацком языках. Их вторжения (из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Казани, Архангельска, Уфы) в трансляции вражеских радиостанций должны были готовиться и реализовываться таким образом, чтобы они воспринимались местной аудиторией слушателей как незаконные проникновения в эфир «голосов» внутренних оппозиционных и национально-освободительных сил. Таким образом, работа «посторонних голосов» являлась одной из составляющих «черной» радиопропаганды СССР периода Великой Отечественной войны, т. е. радиопропаганды, скрывавшей свое истинное происхождение и местоположение (подробнее, напр., см.: [Глазов 2020]).

После формального роспуска международной организации коммунистов в середине 1943 г. и ликвидации ее органов комментаторы/дикторы, работавшие в качестве «посторонних голосов» (в советских документах их деятельность называлась «работой с радионакладками», см., напр.: [Справка о способе работы «голоса», л. 79]), стали сотрудниками или в своем роде совместителями в Научно-исследовательском институте № 205/НИИ-205 при ЦК ВКП(б) – по сути, преемнике Отдела печати и радиовещания ИККИ – и продолжили осуществлять проникновения в радиоэфир стран нацистского блока со своими репликами, лозунгами-призывами и краткими выступлениями. НИИ-205, возглавлявшийся директором Бедржихом Геминдером/Фридрихом¹, функционировал под руководством вновь созданного в ЦК ВКП(б) Отдела международной информации/ОМИ², во главе которого встал бывший генеральный секретарь ИККИ Георгий Михайлович Димитров. В число задач, возлагавшихся на ОМИ, в частности, входило улучшение внешнеполитической пропаганды Советского Союза.

Г.М. Димитров придавал работе «посторонних голосов» большое значение. Так, еще весной 1942 г. (т. е. до роспуска Коминтерна) Димитров, находясь под впечатлением от удачных действий «голоса» на волнах болгарского радио

1. Бедржих Геминдер – деятель чехословацкого и международного коммунистического движения. Родился в поселке Витковице (ныне часть чешской Остравы) в 1901 г. Родной язык – немецкий. Образование – незаконченное высшее. Член Коммунистической партии Чехословакии с 1921 г. В 1923–1928 гг. был на комсомольской работе в Чехословакии. В 1928 г. прибыл в Москву. В 1928–1930 гг. являлся кандидатом в члены Исполкома Коммунистического Интернационала молодежи и работал в его аппарате заведующим Отделом агитации и пропаганды. В 1930–1935 гг. находился в Чехословакии на партийной работе (в качестве партийного работника и журналиста). В 1935 г. вновь оказался в СССР. И вплоть до роспуска Коминтерна работал в аппарате его Исполкома. К моменту ликвидации – в середине 1943 г. – коминтерновских органов руководил Отделом печати и радиовещания Исполкома Коминтерна. Затем (с 1943 и по 1946 г.) занимал пост директора НИИ-205 (подробнее, напр., см.: [Печень 2009, с. 59, 122–123]).

2. Процесс формирования ОМИ ЦК ВКП(б) стартовал 12 июня 1943 г. Но он сильно затянулся, более чем на год (подробнее, напр., см.: [Адибеков 1997, с. 28–41; Адибеков, Шахназарова, Шириня 1997, с. 228–241; Лебедева, Наринский 2002, с. 227–253]).

(действий Станке Димитрова/Марека), отмечал, что возможность коминтерновских комментаторов/дикторов проникать во вражеские передачи и противостоять противнику в его же радиоэфире – «это большое дело и чрезвычайно могучее средство радиопропаганды» [Машинописная копия дневника Г. Димитрова за 1942 г., л. 36].

«Посторонний голос», с августа 1941 по 4 мая 1945 г. работавший на волнах немецкого радио («голоса», работавшие на другие страны, имели в целом аналогичные задачи), должен был, во-первых, содействовать – параллельно с передачами советских «черных» радиостанций – доведению до разрозненных немецких антифашистских сил правильной с точки зрения Москвы общей политической линии и ориентации. Во-вторых, оперативно отвечать на выпады и требовавшие того тезисы Берлина, одновременно распространять среди широких слоев немецкого населения подрывавшую внутренний порядок и противоречившую официальным утверждениям нацистской пропаганды информацию – пусть и зачастую искаженную – о ситуации на фронте и в тылу, на подконтрольной гитлеровцам территории и за ее пределами. В-третьих, способствовать подъему морального духа местных антифашистских групп и отдельных активистов посредством демонстрации хорошей осведомленности о внутреннем положении и последних событиях в Германии и на занятых ею землях, об актуальных настроениях и фактах из жизни «немецкой нации», а также создания у аудитории немецких слушателей ощущения своего физического присутствия в самом Третьем рейхе и осуществления своих вторжений в нацистский радиоэфир непосредственно с его территории. В-четвертых, усиливать страх гражданского населения перед военными успехами и способностью влиять на обстановку внутри Рейха держав Антигитлеровской коалиции, прибегая к таким психологическим приемам, как, например, исходившие якобы от местных антифашистских борцов и жителей ложные сообщения о бомбардировках, диверсиях и актах саботажа (причем в разных частях Рейха).

Функции «постороннего голоса» на немецком языке в разные годы выполняли следующие иностранные коммунисты: судетский немец Бруно Кёлер³,

3. Бруно Кёлер – деятель чехословацкого и международного коммунистического движения. Родился в Северной Богемии в 1900 г. Член Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) с 1921 г. В 1926–1928 гг. учился в Международной Ленинской школе в советской столице. С 1931 г. был членом ЦК и членом Политбюро ЦК КПЧ. На VII конгрессе Коминтерна был избран членом ИККИ. В 1935–1938 гг. являлся депутатом Национального собрания Чехословацкой республики. В октябре 1938 г. эмигрировал во Францию. До февраля 1940 г. был секретарем Заграничного комитета КПЧ. В мае 1941 г. приехал в СССР. В июле 1941 г. стал сотрудником Отдела печати ИККИ (см., напр.: [Характеристика на Б. Кёлера, л. 3; Б. Кёлер. Анкетный лист, л. 13–14 (с оборотами); Распоряжение о переводе Б. Кёлера, л. 15]).

немцы Антон Аккерман⁴, Пауль Вандель (Класснер)⁵, Рихард Гиптнер (Магнуссон)⁶, австрийцы Йоганн Коплениг⁷ и Фридль Фюрнберг⁸ и др. Они

4. Антон Аккерман (урожденный Евгений Ханиш) – деятель немецкого и международного коммунистического движения. Родился в Тальхайме (Саксония) в семье рабочего в 1905 г. Летом 1927 г. вступил в Коммунистическую партию Германии (КПГ). В конце 1920-х – начале 1930-х годов учился и работал в Международной Ленинской школе в Москве. После возвращения в Германию в 1933 г. находился на нелегальной партийной работе. Летом 1935 г. принял участие в работе VII конгресса Коминтерна в качестве делегата от КПГ. Осенью 1935 г. был избран членом ЦК КПГ. В период с 1935 по 1940 г. находился на партийной работе в Чехословакии, Испании и Франции. Весной 1940 г. приехал в советскую столицу, где стал сотрудником аппарата ИККИ. С лета 1943 г. руководил работой радиостанции Национального комитета «Свободная Германия». В мае 1945 г. вернулся в Германию. В 1949 г. был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК СЕПГ. В 1953 г. на короткий отрезок времени занял пост министра иностранных дел ГДР (см., напр.: [Справка на А. Аккермана, л. 27–29; Автобиография А. Аккермана, л. 34–36; Выписка из приказа № 29 по Институту № 99, л. 137; А. Аккерман. Личный листок по учету кадров, л. 138–139 (с оборотами)]).

5. Пауль Вандель – деятель немецкого и международного коммунистического движения. Родился в 1905 г. в Мангейме в семье рабочего. В 1926 г. вступил в Коммунистическую партию Германии (КПГ). В 1930-е годы учился и затем преподавал в Международной Ленинской школе в Москве. Также работал в ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) и был секретарем Вильгельма Пика в ИККИ. В 1941–1943 гг. руководил немецкой секцией коминтерновской спецшколы в бакирском селе Кушнареново. В августе 1943 г. вошел в состав Заграничного бюро КПГ в советской столице. Летом 1945 г. вернулся в Германию. После войны вошел в состав ЦК СЕПГ и стал первым министром народного образования ГДР (подробнее, напр., см.: [Wandel Paul 1973, p. 435; Wandel Paul]).

6. Рихард Гиптнер – деятель немецкого и международного коммунистического движения. Родился в Гамбурге в семье рабочего в 1901 г. В Коммунистической партии Германии с 1919 г. В 1922–1928 гг. входил в Исполком Коммунистического Интернационала молодежи. В 1929–1933 гг. работал под началом Г.М. Димитрова в Западноевропейском бюро Коминтерна в Берлине. С весны 1933 г. находился в эмиграции – во Франции и Скандинавии. В 1935–1941 гг. являлся помощником генерального секретаря ИККИ Димитрова в Москве. После возвращения – в апреле 1945 г. – в Германию стал секретарем ЦК СЕПГ, вице-президентом Берлинского управления Народной полиции и позднее перешел в качестве ответственного работника в Министерство иностранных дел ГДР. Также он служил восточногерманским послом в КНР и ПНР, был в Каире полномочным представителем правительства ГДР в арабских странах (подробнее, напр., см.: [Леонгард 1960, с. 345–346; Gyrtner Richard 1973, p. 139–140; Gyrtner Richard]).

7. Йоганн Коплениг – деятель австрийского и международного коммунистического движения. Родился в Санкт-Лоренцене (Каринтия) в семье батрака в 1891 г. Вступил в Коммунистическую партию Австрии (КПА) в 1920 г. С 1922 г. – член ЦК КПА. В 1924 г. был избран генеральным секретарем ЦК КПА. С 1928 г. являлся членом ИККИ. В период с 1935 по 1943 г. – членом Президиума ИККИ. В 1934–1939 гг. руководил Заграничным бюро ЦК КПА в Чехословакии и во Франции. В 1939–1943 гг. был представителем компартии Австрии при ИККИ. Затем руководил Заграничным бюро ЦК КПА в Москве. В 1945 г. вернулся в Австрию (см., напр.: [И. Коплениг. Биографическая справка, л. 18–19; Автобиография И. Копленига, л. 249–250]).

8. Зигфрид (Фридль) Фюрнберг – деятель австрийского и международного коммунистического движения. Родился в Эггенбурге (Нижняя Австрия) в 1902 г. Вырос в Вене, куда его семья переехала в 1904 г. В 1919 г. вступил в Коммунистическую партию Австрии (КПА). С 1924 г. был членом ЦК КПА. Избирался членом Политбюро ЦК КПА. В 1937–1943 гг. работал

готовили тексты кратких выступлений и полемических комментариев, а также непосредственно проникали во вражеский радиоэфир. Заготовленные тексты и экспромты произносились ими в паузах или прямо «поверх» передач и трансляций, в идеале охватывавших значительную аудиторию немецких слушателей.

В середине осени 1944 г. Наркомат связи СССР впервые обратился к руководству НИИ-205 с вопросом как об итогах уже прошедших трех лет «работы с накладками», так и о ее дальнейших перспективах. Предполагалось, что оценка эффективности и выявление конкретных недостатков в работе «посторонних голосов» позволит НКС СССР усовершенствовать разработанную его специалистами аппаратуру, обеспечивавшую техническую возможность несанкционированных проникновений радиокomentаторов/дикторов со своими «вставками» с территории Советского Союза прямо во вражеский эфир. На завершающем этапе Великой Отечественной войны и в том числе в связи с началом освобождения Красной армией Европы советская пропаганда расширялась и переживала трансформацию (подробнее о развитии советской пропаганды в 1943–1945 гг., напр., см.: [Советская пропаганда 2015]). Реакцией на закономерно последовавший в этих условиях со стороны НКС вопрос о промежуточных результатах и эффективности деятельности «посторонних голосов» – являвшейся составной частью комплекса усилий СССР на информационном фронте мировой войны – стало проведение в НИИ-205 совещания, посвященного соответствующей теме, – «работе с накладками». Кроме того, после этого совещания, 24 октября 1944 г. Б. Геминдер направил в ЦК ВКП(б), Г.М. Димитрову письмо [Письмо Б. Геминдера Г. Димитрову, л. 15–18], в котором кратко рассказал руководителю ОМИ о достигнутых к тому времени «посторонними голосами» успехах, текущем состоянии и объеме их работы. Геминдером подчеркивалось, что «в течение трех лет Наркомсвязь создал обширную технику, вложил большие средства и обеспечил проведение этой работы (с накладками. – А. Г.) квалифицированными работниками». При этом им отмечалось: «В связи с последними событиями⁹ некоторые работы по накладкам уже отпали ([на] финск., болг., итал. [языках]). Таким образом эти объекты, оснащенные богатой техникой, не используются¹⁰. Одновременно появились новые возможности¹¹ (Киев, Львов, Барановичи)».

в Коминтерне. Во время Великой Отечественной войны занимал должность заместителя заведующего Отделом печати ИККИ, т. е. был замом Б. Геминдера/Фридриха (см., напр.: [Фюрнберг 1978, с. 154; Адибеков, Шахназарова, Шириня 1997, с. 233]).

9. Здесь имелись в виду следующие события: Переворот 9 сентября 1944 г. в Болгарии и ее переход к участию в военных действиях на стороне Антигитлеровской коалиции, разрыв Финляндией отношений с нацистской Германией и подписание Московского перемирия 19 сентября 1944 г. и др.

10. То есть оборудование, которое ранее было задействовано в работе «посторонних голосов» на финском, болгарском и итальянском языках, более не использовалось и простаивало.

11. Которые, однако, так и не были использованы для работы «посторонних голосов».

Согласно указанному письму Геминдера [Письмо Б. Геминдера Г. Димитрову, л. 15–16], немецкоязычный «посторонний голос» в октябре 1944 г. осуществлял свои вторжения в нацистский эфир, фактически находясь в Москве. При этом его работа велась, во-первых, на длинных волнах Deutschlandsender¹², общенациональной радиостанции Третьего рейха. Во-вторых, на средних волнах гитлеровских региональных радиостанций: «Бреслау¹³», «Торн¹⁴», «Кракау¹⁵», «Позен¹⁶», «Брюнн¹⁷» и «Кёнигсберг». В-третьих, на использовавшихся нацистским радиовещанием коротких волнах. Работа была построена в рассматриваемый период так, что одновременно можно было действовать «на одной длинноволновой, одной средневолновой и двух коротковолновых станциях».

Нацистский режим, по всей видимости, рассматривал «посторонний голос» как серьезную угрозу и пытался бороться с его вторжениями в трансляции радиостанций Третьего рейха. В октябрьском письме 1944 г. Б. Геминдер объяснял Димитрову: «Когда противник предпринимает контрмеры против нашей работы на одной из станций, мы переходим на работу на какую-либо другую из названных... станций. Таким образом в течение вечерних¹⁸ часов мы работаем таким методом на 4–5 станциях противника. В последнее время противник выключает частично свои станции до одного часа и более» [Письмо Б. Геминдера Г. Димитрову, л. 16].

По утверждению Б. Геминдера, ссылавшегося в октябре 1944 г. на изучение показаний военнопленных и анализ высказываний немецкой прессы, а также на сам факт активного противодействия со стороны гитлеровцев, немецкоязычный «посторонний голос» в восточной части Третьего рейха должен был быть хорошо слышен местной аудиторией [Письмо Б. Геминдера Г. Димитрову, л. 16].

Подчеркнем, что в качестве аргумента в пользу эффективности работы «голоса» среди прочего приводились отклики зарубежных средств массовой информации на его действия в нацистском эфире (причем отклики не только вражеских СМИ, но также союзных и нейтральных стран). Например, британское агентство Reuters 1 января 1945 г. сообщило о работе «голоса» во время

12. В переводе с нем. – «Германское радио».

13. Немецкое название польского города Вроцлав.

14. Немецкое название польского города Торунь.

15. Немецкое название польского города Краков.

16. Немецкое название польского города Познань.

17. Немецкое название чешского города Брно.

18. Днем работа велась только на коротких волнах, тогда как вечером – на длинных, средних и коротких. Среди вероятных причин: насыщенность – особенно в дневное время – длинноволнового диапазона помехами, зачастую ограничивающими возможность приема дальних радиовещательных станций; изменение свойств ионосферы в темное и светлое время суток, делающее прием дальних средневолновых радиостанций днем почти невозможным и др.

немецкой трансляции по радио новогоднего выступления А. Гитлера. И об этом руководством НИИ-205 – в том числе следившего за распространявшейся иностранной печатью и радиостанциями информацией – было оперативно доложено руководителю ОМИ Г.М. Димитрову: «...Гитлер говорил из своей ставки. Речь была произнесена с почти головокружительной скоростью, намного быстрее, чем всегда, и без обычных риторических пауз и выкриков. Голос звучал сильно и, по-видимому, Гитлер выступал в большой пустой комнате. Речь транслировалась всей немецкой радиосетью, а также всеми станциями стран-спутников, еще находящихся под нацистским контролем. Во время речи часто был слышен “голос-призрак”¹⁹» [Сообщение агентства Reuters о работе «голоса», л. 3–4]. Тот факт, что германский диктатор произносил свою новогоднюю речь очень быстро и без свойственных ему остановок, должен был свидетельствовать о том, что Гитлер действительно опасался вторжений «голоса» и старался свести к минимуму его возможности своевременно вставлять разборчивые для немецких слушателей реплики и комментарии.

В марте 1945 г. директор НИИ-205 Б. Геминдер проинформировал Димитрова о датированном 23 февраля отклике Лондонского радио на очередное проникновение «голоса» в радиоэфир Третьего рейха: «Когда берлинское радио объявило, что прекращает свою работу вследствие приближения неприятельских самолетов, тайный голос тут же добавил: “Вот они снова – самолеты. Вот ответ на болтовню Геббельса”» [Отклик Лондонского радио на работу «голоса», л. 59–60].

Также в марте 1945 г. Научно-исследовательский институт № 205 передал руководству Отдела международной информации ЦК ВКП(б) выдержку из выступления Франца Кармазина²⁰, которое транслировалось радио Братиславы на немецком языке 9 числа указанного месяца: «Я получил ряд писем, на большинство из которых уже ответил. Пользуюсь случаем, чтобы рассказать, что – как сообщается – хриплый голос крикуна пытается мешать нашим (немецкоязычным. – А. Г.) передачам. Его голос не дошел до Братиславы. Однако меня радует, что этот голос коснулся вашего слуха, но не дошел до ваших сердец. Мы привыкли к тому, что враг выискивает крикунов и нытиков... Маленький жид, который вмешивается своим карканьем в наши передачи, подтверждает нашу уверенность в том, что с этой стороны всегда следует ожидать только помех» [Отклик радио Братиславы на работу «голоса», л. 61–62].

19. «Голос-призрак» (нем.: *Geisterstimme*) – одно из имен, которое было дано непосредственно немецкой аудиторией «постороннему голосу», работавшему на волнах германского радио.

20. Франц Кармазин (1901–1970) – государственный и политический деятель Словакии 1920–1940-х годов. По своему этническому происхождению являлся судетским немцем. Придерживался и действовал с национал-социалистических позиций. В частности, он участвовал в создании Карпато-немецкой партии. Во время Второй мировой войны был госсекретарем по делам фольксдойче в Первой Словацкой республике и фактически подчинялся Берлину.

19 мая 1945 г. М. Димитров получил от НИИ-205 информацию о появлении «постороннего голоса» в нацистском эфире 1 мая 1945 г. во время трехминутного молчания, объявленного на радио в знак траура после радиосообщения К. Дёница о смерти А. Гитлера. «Голос» обратился к немецким слушателям со следующими словами: «Слушайте голос германского народа! Тринадцать лет нам лгали и нас обманывали. Нацистские вожаки: Гитлер, Гиммлер, Геббельс и вся компания привели Германию к величайшей катастрофе в ее истории. Нам обещали рай и весь мир. Конечным результатом являются руины, разрушения, ужасное обнищание нашего народа, национальный позор и ненависть народов. Германский народ, отомсти! Германский народ, спаси себя! Действуй! Действуй! Уничтожай заразу, которая 13 лет опустошала нашу страну, разлагала нашу душу и отравляла нашу жизнь. Разбей нацистскую заразу, вырви с корнем нацистских бонз, которые бессовестно обогащались. Не только евреи и иностранцы испытывали безграничные страдания и были убиты, нет, более 10 млн немцев и немок умерли за Гитлера, умерли за нацистских вожakov, умерли за их партийную политику. Они гибли на полях сражений, умирали за стенами тюрем и в концентрационных лагерях, в подвалах гестапо. Германский народ, мы еще не погибли! Теперь наступает великий решающий час. Крупнейший негодяй мировой истории Гитлер умер. Только теперь германский народ снова обрел жизнь» [Появление «голоса» в нацистском радиоэфире, л. 13].

Итоговый отчет о работе «постороннего голоса» на немецком языке в радиоэфире Третьего рейха в период с августа 1941 г. по 4 мая 1945 г. был подготовлен Б. Кёлером к 9 мая 1945 г. и направлен директором НИИ-205 Б. Геминдером руководителю Отдела международной информации ЦК ВКП(б) Г.М. Димитрову 17 мая указанного года. Димитров ознакомился с его содержанием не позднее 16 июня 1945 г. [Отчет о работе «голоса» на немецком языке, л. 7–12]. В нем раскрывалось то, как была организована деятельность «голоса», вторгавшегося в нацистский эфир, и что из себя представляли его «проникновения» во вражеские передачи и трансляции, говорилось о специфике и объеме этой работы, задействованных кадрах, указывались выявленные недостатки и отмечались достигнутые успехи. Далее – в настоящей статье – впервые публикуется и сопровождается необходимыми комментариями текст представленного документа, – итогового отчета НИИ-205 от 9 мая 1945 г. о работе «постороннего голоса» на волнах немецкого радио во время Великой Отечественной войны.

Археографическая обработка публикуемого документа проведена в соответствии с общепринятыми в России правилами издания исторических документов. Его текст передается по современным правилам орфографии и пунктуации. Явные ошибки и опечатки исправлены без специальных оговорок в примечаниях.

Отчет о работе «голоса» на немецком языке

Продолжительность и объем работы

Работа «голоса» началась в августе 1941 г. и закончилась 4 мая 1945 г. Основная работа шла из Москвы. Во время эвакуации²¹ работа производилась из Уфы и Казани. В 1941 г., помимо радиостанции «Германия»²², в нашем распоряжении имелось лишь два немецких средневолновых радиопередатчика²³, так что работа могла производиться²⁴ только в вечерние часы²⁵. Позднее мы получили возможность работать и на коротких волнах, так что могли работать и днем, т. е. в любое время, когда это требовалось. Поскольку работа на средних волнах была наиболее успешной, постольку работа была развернута главным образом на этой радиостанции²⁶. В течение всех лет²⁷ мы работали на немецком языке через²⁸ следующие станции: Бреславль²⁹, Кёнигсберг, Варшава, Познань, Торн, Краков, Брно, Братислава, Прага, Вена, Берлин, Кельн, Гамбург, Клагенфурт, а также через радиостанцию «Германия» и на 6 коротких волнах.

По техническим соображениям (условия света) основная вечерняя работа в летние месяцы производилась от 11 часов вечера до 1:30–2:00 ночи, а в зимние месяцы – с 8 до 11:30 вечера. Дневная работа, как правило, производилась с 10 до 11 часов утра. Помимо этого времени работа производилась тогда, когда по радио выступали нацистские лидеры.

Работа проводилась таким образом: зачастую мы организовывали одновременную передачу по вечерам на средней, длинной и короткой волнах, а днем – одновременно на двух коротких волнах, вследствие чего объем работы был особенно велик. В первые месяцы у немцев не было никаких защитных средств, а позднее они стали охранять от нас свои станции специальными шумовыми установками. Но, так как шумовые установки мешали передаче их собственной программы, отдельные радиостанции, как правило, выключали шумовые установки, когда думали, что мы не находимся больше на их волне.

21. Имеется в виду нахождение Исполкома Коминтерна в эвакуации в период с октября 1941 г. по май – июнь 1943 г.

22. Речь здесь идет о длинноволновой радиостанции *Deutschlandsender*.

23. Имеется в виду две немецкие средневолновые радиостанции.

24. На волнах этих радиостанций.

25. Прием дальних средневолновых радиостанций был возможен только в темное время суток. На качество приема дальних длинноволновых радиостанций в дневное время негативно влияли помехи.

26. Имеется в виду на средневолновых радиостанциях.

27. Имеется в виду за весь период, что действовал немецкоязычный «посторонний голос».

28. Имеется в виду на волнах.

29. Старое русское название польского Вроцлава.

Это давало нам возможность постоянно совершать неожиданные нападения на их станции. Поскольку в нашем распоряжении имелось так много станций, нам удавалось в течение 1–2 минут сразу переключаться на другую станцию, когда нам мешали, или возвращаться на ту станцию, шумовые установки которой перестали действовать. Так как зачастую они не включали своевременно шумовые установки или им требовалось 2–15 минут, чтобы привести в действие шумовые установки, мы постоянно находили возможность беспрепятственно проводить нашу работу. Таким образом, почти каждый вечер в эфире разворачивалась настоящая война с 7–8 средневолновыми станциями, помимо коротковолновых станций, которыми мы пользовались в течение одного вечера. Часто германские станции отказывались от этой борьбы, совсем выключая на продолжительный срок радиостанции (например, весной 1943 года Варшава вообще прекратила работу в вечерние часы).

Метод и содержание работы

Мы пользовались двояким методом работы: с одной стороны, немедленно реагировали на текст противника, с другой стороны, использовали перерывы между передачами и тихую музыку для передачи нашего текста.

Немедленное реагирование на текст противника производилось в форме реплик или коротких замечаний к словам противника. Во время войны почти ни одна речь Гитлера, Геббельса, Геринга, Риббентропа, Гимmlера и т. д. не оставалась без немедленного ответа. То же происходило и с политическими комментариями Фриче³⁰, Шарпинга³¹, Крика³² и т. д., с «фронтовыми известиями пропагандистских рот³³», с «Эхо Германии» и т. д. Содержание наших реплик состояло в опровержении, разоблачении, иронизировании слов противника, в передаче в репликах информации о фактах, новых событиях, в призывах и директивах, касающихся борьбы против Гитлера и войны, а также в вызывании паники у противника. В течение всего времени мы не скупались и на политическую брань по адресу нацистских главарей.

Использование перерывов в передачах и тихой музыки происходило следующим образом: через небольшие промежутки передавались короткие сооб-

30. Имеется в виду Ганс Фриче (1900–1953) – нацистский журналист и пропагандист, ведущий политический радиокорментарий в Третьем рейхе. В 1942–1945 гг. руководил Отделом радио Министерства народного просвещения и пропаганды.

31. Имеется в виду Карл Шарпинг (1908–1969) – нацистский журналист и пропагандист, политический радиокорментарий. Был заместителем Г. Фриче в Министерстве народного просвещения и пропаганды.

32. Имеется в виду нацистский журналист и пропагандист Отто Крик (нем. Otto Hermann Kriegk; 1892–1945/1946).

33. Имеется в виду рота пропаганды вермахта.

щения в 2–3–4 строки. Зачастую в форме коротких абзацев в течение одного вечера передавался текст в 6–7 страниц, напечатанных на пишущей машинке, причем этот текст повторялся через разные станции, которыми мы пользовались. В такой форме давалась подробная установка ко всем текущим событиям, к положению на фронтах и т. д. В такой форме велась подробная полемика с известиями нацистов, с нацистскими речами, нацистскими воззваниями и т. п. В такой форме беспрерывно велась агитация, передавались призывы к борьбе и директивы. Порой особенно удавалось использовать медленную диктовку военных сводок для записи в военных частях. В долгие промежутки, предназначенные для записи текста, мы диктовали нашу информацию и наши призывы.

Результат работы

Дело компетентных органов дать оценку эффективности и участия «голоса» в общей пропагандистской деятельности во время войны. Мы укажем здесь только, как реагировал противник на нашу работу.

Имеется много отзывов противника о работе «голоса». До 1942 года Геббельс и Фриче несколько раз высказывались о нашей работе, а потом стали умалчивать о нас. Немецкие газеты цитировали реплики «голоса» и полемизировали с ними. Не называя нас, германское радио зачастую полемизировало с замечаниями «голоса» (например, сделанное в свое время замечание: «чем глубже в Россию, тем больше будет поражение Гитлера», они называли тогда «величайшей глупостью вражеской пропаганды»). Показания военнопленных тоже подтверждали эффективность нашей работы. Отзывом о нашей работе являются различные эпитеты, которыми противник наделял «голос». По радио и германской печати нам известны следующие эпитеты, данные противником: «Иван страшный», «Крикун», «Хрипун», «появился темный человек», «маленький еврейский мальчишка пытается мешать». Доказательством эффективности работы было, наконец, и выключение станций, а также шумы во время работы, причем чем неприятнее становились для нацистов сообщения «голоса», тем шумы эти принимали все более дикий характер, и все чаще выключали радиостанции. Так, например, на резкую политическую брань по адресу нацистских главарей они реагировали особенно сильными шумами, или при известии о падении Курска, а позднее Харькова варшавская радиостанция была немедленно выключена. Бывали случаи, когда прямо объявлялось, что причиной выключения станции являлась не воздушная тревога, а посторонние шумы, или когда приходилось извиняться перед слушателями за шумы со ссылкой на то, что «немецкая сторона не виновата в них». Факты, которые приводил противник, подчеркивают, что работа «голоса» была эффективной.

Недостатки в работе

Наряду с техническими трудностями, которые порой не позволяли немедленно и своевременно реагировать на только что высказанные аргументы, основные недостатки сводились главным образом к следующему: не всегда реплики одинаково хорошо удавались и не всегда попадали в цель. Однако в течение всех лет работы, производившейся без предварительного контроля, не произошло ничего, что могло бы вызвать затруднения. Следующим недостатком было то, что порой тот или иной диктор ввиду другой работы не всегда приходил достаточно подготовленным и потому недостаточно использовал время и повторял слишком много общих вещей вместо того, чтобы останавливаться на актуальных вопросах.

Сотрудники «голоса»

С начала и до конца в работе участвовал товарищ Кёлер. В течение этих лет³⁴ в работе участвовали товарищи Класснер, Магнус³⁵, Мале³⁶, Фюрнберг, Фридрих, Коплениг, Аккерман и Корб³⁷.

34. Имеется в виду за весь период, что действовал «посторонний голос» на немецком языке, в его работе приняли участие.

35. Имеется в виду Рихард Гиптнер (Магнуссон).

36. Ганс Мале (урожденный Генрих Август Людвиг Мальман) – деятель немецкого и международного коммунистического движения. Родился в Гамбурге в семье рабочего-коммуниста в 1911 г. Во второй половине 1920-х – середине 1930-х годов являлся одним из руководителей пионерского и комсомольского движений в Германии. В 1932 г. вступил в Коммунистическую партию Германии. В 1932–1933 гг. представлял Германию в Международном детском бюро Исполкома Коммунистического Интернационала молодежи (ИККИМ) в Москве. Летом 1933 г. вернулся в Германию, где вел нелегальную партийную работу до 1935 г. В 1936 г. вновь прибыл в СССР. Работал в ИККИМ и Международной Ленинской школе. В 1938–1941 гг. являлся редактором немецких молодежных передач Московского радио. Во время Великой Отечественной войны был задействован в работе с немецкими военнопленными, деятельности «черной» радиопропаганды СССР (*Sturmadler*) в эфире Третьего рейха, организации и реализации работы Национального комитета «Свободная Германия». В конце апреля 1945 г. вернулся в Германию. Стоял у истоков восточногерманского радиовещания (подробнее, напр., см.: [Mahle Hans; Riege 2003]).

37. Имеется в виду Роберт Корб – деятель чехословацкого и немецкого коммунистического движения. Р. Корб родился в богемском городе Течене-Боденбахе (ныне чешский Дечин-Подмоклý) в семье железнодорожника в 1900 г. В Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) состоял с 1921 г. Являлся соучредителем немецкой секции КПЧ. В 1920-е – начале 1930-х годов находился в Чехословакии на партийной и редакторской работе. В 1932 г. стал членом ЦК КПЧ. В середине 1930-х годов работал в Праге в качестве главного редактора немецкой подпольной коммунистической газеты «Роте Фане». В 1936 г. вошел в Политбюро ЦК КПЧ. В конце 1938 г. прибыл в СССР, где с января 1939 г. работал в аппарате Исполкома Коминтерна и позднее в НИИ-205. Среди прочего входил в состав редакции советской «черной» радиостанции «Судетонемецкое свободное радио» (нем. *Sudetendeutscher Freiheitssender*). В июле 1946 г.

В течение всех лет с большой преданностью и готовностью работали товарищи из Наркомсвязи, которые в любое время предоставляли нам технику, необходимую для работы. Особо отмечаем т. т. Челинина, Новицкого, Колпакова, Кондратьева, Бадалова, Шумахина, Лехушину и многих других работников на радиостанциях и контрольных пунктах в Москве, Казани и Ленинграде, имена которых известны в Наркомсвязи и которых за их самоотверженную работу днем и ночью необходимо было бы премировать³⁸.

(Бруно Кёлер)

Москва, 9 мая 1945 г.

РГАСПИ. Ф. 128. Д. 841. Л. 8–12.

Библиография

А. Аккерман. Личный листок по учету кадров // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 205. Д. 23. Л. 138–139 (с оборотами).

Автобиография А. Аккермана // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 23. Л. 34–36.

Автобиография И. Копленига // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 187. Д. 17. Л. 249–250.

Адибеков Г.М. Коминтерн после формального роспуска (1943–1944 гг.) // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 28–41.

Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 286 с.

Б. Кёлер. Анкетный лист // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 4820. Л. 13–14 (с оборотами).

Б. Кёлер. Приказ о переводе // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 4820. Л. 15.

Выписка из приказа № 29 по Институту № 99 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 23. Л. 137.

Глазов А.А. Развитие «черной» радиопропаганды СССР в годы Великой Отечественной войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 3 (89). URL: <https://history.jes.su/s207987840009188-5-1/>.

Коплениг И. Биографическая справка // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 187. Д. 17. Л. 18–19.

Лебедева Н.С., Наринский М.М. Роспуск Коминтерна и создание Отдела международной информации ЦК ВКП(б). Май 1943 – май 1945 // История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2002. С. 227–253.

Леонгард В. Революция отвергает своих детей. Карлсруэ: Кондор, 1960. 578 с.

Машинописная копия дневника Г. Димитрова за 1941–1943 гг. (на рус. яз.) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 195. Д. 1.

Отклик радио Братиславы на работу «голоса» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 840. Л. 61–62.

уехал в Берлин. Вступил в СЕПГ и работал в аппарате ее ЦК. Затем занимал руководящие посты в штази (подробнее, напр., см.: [Korb Robert]).

38. *Последнее предложение отчеркнуто на полях слева двумя вертикальными параллельно идущими чертами (обе проведены карандашом).*

- Отклик Лондонского радио на работу «голоса» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 840. Л. 59–60.
 Отчет о работе «голоса» на немецком языке // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 841. Л. 7–12.
 Печень Н.А. Из прошлого в будущее (исторический очерк о комплексе зданий по улице Вильгельма Пика, 4). М.: РГСУ, 2009. 127 с.
 Письмо Б. Геминдера Г. Димитрову // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1227. Л. 15–18.
 Появление «голоса» в нацистском радиозфире // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 841. Л. 13.
 Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943–1945 гг.). Сборник документов / Авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 397 с.
 Сообщение агентства Reuters о работе «голоса» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 840. Л. 3–4.
 Справка на А. Аккермана // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 23. Л. 27–29.
 Справка о способе работы «голоса» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 840. Л. 79.
 Фюрнберг Ф. // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. В 30 томах / Отв. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1969–1978. Т. 28. Франкфурт – Чага. 1978. 649 с. С. 154.
 Характеристика на Б. Кёлера // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 4820. Л. 3.
 Gyptner Richard // Biographical Dictionary of the Comintern / Ed. by Branko M. Lazić, Milorad M. Drachkovitch. Stanford: Hoover Institution Press, 1973. 458 p. P. 139–140.
 Gyptner Richard // Bundesstiftung Aufarbeitung. URL: <https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/de/recherche/kataloge-datenbanken/biographische-datenbanken/richard-gyptner> (дата обращения: 10.10.2025).
 Korb Robert // Bundesstiftung Aufarbeitung. URL: <https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/de/recherche/kataloge-datenbanken/biographische-datenbanken/robert-korb> (дата обращения: 15.10.2025).
 Mahle Hans // Bundesstiftung Aufarbeitung. URL: <https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/de/recherche/kataloge-datenbanken/biographische-datenbanken/hans-eigtl-heinrich-august-ludwig-mahlmann-mahle> (дата обращения: 15.10.2025).
 Riege K. Einem Traum verpflichtet. Hans Mahle – eine Biographie. Hamburg: VSA-Verlag, 2003. 473 s. URL: https://www.vsa-verlag.de/uploads/media/VSA_Riege_Einem_Traum_verpflichtet.pdf (дата обращения: 12.11.2025).
 Wandel Paul // Biographical Dictionary of the Comintern / Ed. by Branko M. Lazić, Milorad M. Drachkovitch. Stanford: Hoover Institution Press, 1973. 458 p. P. 435.
 Wandel Paul // Bundesstiftung Aufarbeitung. URL: <https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/de/recherche/kataloge-datenbanken/biographische-datenbanken/paul-wandel> (дата обращения: 09.10.2025).

References

- Akkerman A. Lichniy listok po uchetu kadrov [A. Ackermann. Personal data sheet] // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [The Russian State Archive of Socio-Political History] (dalee [hereinafter] – RGASPI). F. 495. Op. 205. D. 23. L. 138–139 (s oborotami) [including the backs of the sheets]. (In Russ.)
 Avtobiografiya A. Akkermana [Ackermann's autobiography] // RGASPI. F. 495. Op. 205. D. 23. L. 34–36. (In Russ.)
 Avtobiografiya I. Kopeniga [Autobiography of Johann Kopenig] // RGASPI. F. 495. Op. 187. D. 17. L. 249–250. (In Russ.)
 Adibekov G.M. Komintern posle formal'nogo rospuska (1943–1944 gg.) [The Comintern after its formal dissolution (1943–1944)] // Voprosy` istorii [Questions of History]. 1997. N 8. P. 28–41. (In Russ.)
 Adibekov G.M., Shaxnazarova E`.N., Shirinya K.K. Organizacionnaya struktura Kominterna. 1919–1943 [The organizational structure of the Comintern. 1919–1943]. М.: ROSSPE`N, 1997. 286 p. (In Russ.)

B. Keler. Anketnyi list [Questionnaire filled out by Bruno Köhler] // RGASPI. F. 495. Op. 205. D. 4820. L. 13–14 (s oborotami) [including the backs of the sheets]. (In Russ.)

B. Keler. Prikaz o perevode [Bruno Köhler. Transfer order] // RGASPI. F. 495. Op. 205. D. 4820. L. 15. (In Russ.)

Vypiska iz prikaza № 29 po Institutu № 99 [Institute No. 99. Extract from Order N 29] // RGASPI. F. 495. Op. 205. D. 23. L. 137. (In Russ.)

Glazov A.A. Razvitiye «chernoj» radiopropagandy` SSSR v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` [Soviet “Black” Radio Propaganda during the Great Patriotic War] // E`lektronny`j nauchno-obrazovatel`ny`j zhurnal «Istoriya» [Electronic scientific and educational journal “History”]. 2020. T. 11. Vy`pusk 3 (89). URL: <https://history.jes.su/s207987840009188-5-1/> (date of access: 12.11.2025). (In Russ.)

I. Koplenig. Biograficheskaya spravka [Johann Koplenig. Biographical information] // RGASPI. F. 495. Op. 187. D. 17. L. 18–19. (In Russ.)

Lebedeva N.S., Narinskij M.M. Rospusk Kominternu i sozdanie Otdela mezhdunarodnoj informacii CzK VKP(b). Maj 1943 – maj 1945 [The Dissolution of the Comintern and the Creation of the Department of International Information of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). May 1943 – May 1945] // Istoriya Kommunisticheskogo Internacionala 1919–1943. Dokumental`ny`e ocherki [The History of the Communist International 1919–1943. Documentary Essays] / Otv. red. A.O. Chubar`yan. M.: Nauka, 2002. P. 227–253. (In Russ.)

Leongard V. Revolyuciya otvergaet svoix detej [The Revolution Rejects Its Children]. Karlsrue`: Kondor, 1960. 578 p. (In Russ.)

Mashinopisnaya kopiya dnevnika G. Dimitrova za 1941–1943 gg. (na rus. yaz.) [Typewritten copy of G. Dimitrov’s diary. 1941–1943 (in Russian)] // RGASPI. F. 495. Op. 195. D. 1. (In Russ.)

Otklik radio Bratislavy na rabotu «golosa» [Reaction of Bratislava radio to work of the so-called extraneous voice] // RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 840. L. 61–62. (In Russ.)

Otklik Londonskogo radio na rabotu «golosa» [Reaction of London radio to work of the so-called extraneous voice] // RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 840. L. 59–60. (In Russ.)

Otchet o rabote «golosa» na nemetskom yazyke [Report on the work of the so-called extraneous voice in German] // RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 841. L. 7–12. (In Russ.)

Pechen` N.A. Iz proshlogo v budushhee (istoricheskij ocherk o komplekse zdanij po ulice Vil`gel`ma Pika, 4) [From the Past to the Future (historical essay on the building complex at 4 Wilhelm Pieck Street)]. M.: RGSU, 2009. 127 p. (In Russ.)

Pis`mo B. Gemindera G. Dimitrovu [Letter from Bedřich Geminder to G. Dimitrov] // RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 1227. L. 15–18. (In Russ.)

Poyavlenie «golosa» v natsistskom radioefire [Appearance of extraneous voice on the waves of the Nazi radio] // RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 841. L. 13. (In Russ.)

Sovetskaya propaganda na zavershayushhem e`tape vojny` (1943–1945 gg.). Sbornik dokumentov [Soviet Propaganda in the Final Stage of the War (1943–1945). A Collection of Documents] / Avt.-sost. A.Ya. Livshin, I.B. Orlov. M.: Politicheskaya e`nciklopediya, 2015. 398 p. (In Russ.)

Soobshchenie agentstva Reuters o rabote «golosa» [Reuters news message about the work of the so-called extraneous voice] // RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 840. L. 3–4. (In Russ.)

Spravka na A. Akkermana [Information about Ackermann] // RGASPI. F. 495. Op. 205. D. 23. L. 27–29. (In Russ.)

Spravka o sposobe raboty «golosa» [Information about the way the extraneous voice works] // RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 840. L. 79. (In Russ.)

Fyurnberg F. // Bol`shaya sovetskaya e`nciklopediya. 3-e izd. V 30 tomakh [The Great Soviet Encyclopedia. 3rd ed. In 30 volumes] / Otv. red. A.M. Proxorov. M.: Sov. e`nciklopediya, 1969–1978. T. 28. Frankfurt – Chaga. 1978. 649 p. P. 154. (In Russ.)

Kharakteristika na B. Kelera [Reference on Bruno Köhler’s profile] // RGASPI. F. 495. Op. 205. D. 4820. L. 3. (In Russ.)

Gyptner Richard // Biographical Dictionary of the Comintern / Ed. by Branko M. Lazić, Milorad M. Drachkovitch. Stanford: Hoover Institution Press, 1973. 458 p. P. 139–140.

Gyptner Richard // Bundesstiftung Aufarbeitung. URL: <https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/de/recherche/kataloge-datenbanken/biographische-datenbanken/richard-gyptner> (date of access: 10.10.2025).

Korb Robert // Bundesstiftung Aufarbeitung. URL: <https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/de/recherche/kataloge-datenbanken/biographische-datenbanken/robert-korb> (date of access: 15.10.2025).

Mahle Hans // Bundesstiftung Aufarbeitung. URL: <https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/de/recherche/kataloge-datenbanken/biographische-datenbanken/hans-eigtl-heinrich-august-ludwig-mahlmann-mahle> (date of access: 15.10.2025).

Riege K. Einem Traum verpflichtet. Hans Mahle – eine Biographie. Hamburg: VSA-Verlag, 2003. 473 S. URL: https://www.vsa-verlag.de/uploads/media/VSA_Riege_Einem_Traum_verpflichtet.pdf (date of access: 15.10.2025).

Wandel Paul // Biographical Dictionary of the Comintern / Ed. by Branko M. Lazić, Milorad M. Drachkovitch. Stanford: Hoover Institution Press, 1973. 458 p. P. 435.

Wandel Paul // Bundesstiftung Aufarbeitung. URL: <https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/de/recherche/kataloge-datenbanken/biographische-datenbanken/paul-wandel> (date of access: 09.10.2025).

В.С. Груздинская

ИСТОРИК МЕЖДУ МИРАМИ: ЭДУАРД ВИНТЕР И ЕГО СОВЕТСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

***Аннотация.** В статье рассматриваются советско-восточногерманские научные связи во второй половине XX в. Проблема исследуется на материале личной и деловой переписки историка из ГДР Эдуарда Винтера (1896–1982) и его советских коллег. Исследование построено на анализе материалов личного фонда Э. Винтера, хранящегося в Архиве Берлин-Бранденбургской академии наук. Выявленные источники позволили проследить повседневные практики научной коммуникации. Восточногерманский историк имел широкую сеть контактов с коллегами из СССР. В общей сложности их насчитывается свыше 40 человек. В рамках данной статьи внимание ограничено «ленинградским кругом» корреспондентов Э. Винтера, который составляли литературоведы П.Н. Берков и Г.Н. Моисеева, историк-славист А.С. Мыльников, химик М.А. Безбородов и др. В ходе исследования было установлено, что переписка преимущественно носила деловой характер и была сосредоточена на обмене книгами и отписками статей, обсуждении историографических новинок, уточнении архивных справок, согласовании переводов и публикаций. Другим значимым местом эпистолярного общения стало обсуждение возможности участия в сборниках и совместных проектах. Переписка показывает, что не всегда договоренности удавалось соблюсти и планы срывались из-за чрезмерной загруженности. Личная проблематика в эпистолярном общении Э. Винтера редко проскальзывает и выступает маркером доверительных отношений, проявляясь в ситуациях соболезнований и дружеской поддержки. Э. Винтер предстает посредником между разными, порой поллярными, научными традициями, становясь одновременно их проводником и «экспортером». В заключение делается вывод о «разломе» между институциональными и личными связями: именно персональные контакты обеспечивали устойчивость, оперативность обмена и включенность участников в сети «социалистической науки».*

***Ключевые слова:** Эдуард Винтер; советско-восточногерманские научные связи; история советской науки; международные интеллектуальные связи; социалистическая наука.*

Груздинская Виктория Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН).

Россия, Москва.

E-mail: vik11910314@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: B-7752-2019

Scopus Researcher ID: 57219342307

ORCID ID: 0000-0002-9533-9861

Gruzdinskaya V.S.

**A Historian Between Worlds: Eduard Winter
and His Soviet Correspondents**

***Abstract.** This article examines Soviet–East German scientific ties in the second half of the twentieth century.*

The issue is explored using personal and professional correspondence between Eduard Winter (1896–1982), a historian from the GDR, and his Soviet colleagues. The study is based on an analysis of materials from Winter’s personal collection, housed in the Archives of the Berlin–Brandenburg Academy of Sciences. The identified sources make it possible to trace the everyday practices of scientific communication. The East German historian had a wide network of contacts with colleagues from the USSR, totaling over forty individuals. In this article, attention is limited to the “Leningrad circle” of E. Winter’s correspondents, which included literary scholars P.N. Berkov and G.N. Moiseyeva, Slavic historian A.S. Mylnikov, and chemist M.A. Bezborodov. The study established that the correspondence was primarily businesslike and focused on exchanging books and reprints of articles, discussing historiographic developments, clarifying archival references, and coordinating translations and publications. Another significant aspect of epistolary communication was the discussion of participation in collections and joint projects. The correspondence reveals that agreements were not always honored, and plans were sometimes disrupted due to excessive workloads. Personal issues rarely surfaced in E. Winter’s correspondence and served as a marker of trust, manifesting in situations of condolence and friendly support. E. Winter appears as a mediator between different, sometimes polar, scholarly traditions, simultaneously serving as their conduit and “exporter.” The study concludes by noting a “rift” between institutional and personal ties: it was personal contacts that ensured the stability, efficiency of exchange, and the participants’ engagement in the network of “socialist science”.

***Keywords:** Eduard Winter; Soviet–East German scholarly relations; history of Soviet science; international intellectual relations; socialist science.*

Gruzdinskaya Viktoria Sergeevna – Candidate of Historical Sciences and a Senior Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (IWH RAS). Russia, Moscow.

E-mail: vik11910314@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: B-7752-2019

Scopus Researcher ID: 57219342307

ORCID ID: 0000-0002-9533-9861

Российско-немецкие интеллектуальные связи традиционно привлекают внимание исследователей. В историографии накоплен обширный опыт анализа различных форм научного взаимодействия между российскими и немецкими учеными, включая институциональные, персональные и коммуникативные аспекты их контактов [Советско-германские научные связи 2011; Немцы в России 2003; Бонвеч 2005; Расчесова 2014; Актуальное прошлое 2018; Ганин 2024

и др.]. Вместе с тем, несмотря на значительное количество работ, данная проблематика сохраняет ряд существенных лагун. В частности, недостаточно полно изучен период с конца 1940-х по конец 1980-х годов, характеризовавшийся сложной системой международных научных связей в условиях существования двух германских государств: ФРГ и ГДР.

Научные контакты СССР с Западной Германией носили, как правило, ограниченный и эпизодический характер, тогда как взаимодействие с учеными Восточной Германии, оказавшейся в сфере советского влияния, напротив, отличались институциональной разветвленностью и широкой географией. Эти связи развивались в рамках межакадемического сотрудничества, совместных исследовательских проектов, научных командировок и личных контактов между представителями ученого сообщества. В общую схему научного взаимодействия между СССР и ГДР вписывались контакты между историками двух стран. Как и в случае с другими социалистическими государствами Европы, большую роль в выстраивании сотрудничества играли не только научные институции, но и конкретные ученые. Мосты между двумя научными традициями возводили и поддерживали восточногерманские историки, среди них важное место занимали коммунисты Лео Штерн (Leo Stern; 1901–1982), Юрген Кучинский (Jürgen Kuczynski; 1904–1997), Вальтер Бартель (Walter Bartel; 1904–1992), Карл Оберман (Karl Obermann; 1905–1987) и др.

Особняком в этом ряду стоит фигура Эдуарда Винтера (Eduard Winter; 1896–1982). Причины, по которым мы выделяем этого историка, напрямую связаны с его биографией, полной необычных поворотов и невероятных переплетений. Хотя его работы по истории религии и церкви, российско-немецким связям широко востребованы в современной российской историографии [см., напр.: Беглов, Токарева 2024; Мусаев 2025], его связи с отечественными историками остаются практически неизученными [Ковалев 2015]. В Архиве Берлин-Бранденбургской академии наук (Archiv der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften) сохранился личный фонд Э. Винтера, содержащий уникальные эпистолярные источники. Ученого связывали и многолетняя переписка, и однократные обмены письмами с широким кругом коллег из Чехословакии, Польши, Венгрии, СССР и др. В рамках настоящей статьи предлагается обратиться к анализу переписки немецкого историка с советскими корреспондентами из Ленинграда, что позволит реконструировать механизмы научной коммуникации, формы профессионального взаимодействия и особенности интеллектуального диалога в контексте развития «социалистической науки». Обращение к ленинградским голосам переписки Э. Винтера неслучайно и вызвано его научными интересами проблемы российско-немецких интеллектуальных связей. Прежде чем перейти к анализу эпистолярного наследия восточногерманского ученого, кратко остановимся на его биографии.

Зигзаги судьбы Э. Винтера: между верой, наукой и идеологией

Детство Эдуарда Винтера прошло в чешско-австрийском приграничье. Будущий историк родился в городе Грогау (ныне – Градек над Нисоу) в семье судебного клерка. Его отец был искренне верующим и преданным католической церкви человеком – типичным австрийцем «телом и душой» [Němec 2017, S. 103]. На определенном жизненном этапе эти черты проявил и Э. Винтер. Интерес к религии возник у него еще в школьные годы, тогда он ежегодно проходил курс духовных упражнений у иезуитов в Богосудове. Царивший в семье и обществе патриотический имперско-австрийский дух глубоко проник в Э. Винтера. Так, в 1915 г., будучи учеником выпускного класса, он предпринял попытку записаться добровольцем на фронт Первой мировой войны. Потерпев неудачу – специальная комиссия признала его негодным к военной службе, Э. Винтер решил посвятить себя служению церкви. В 1915–1919 гг. он обучался богословию в Collegium Canisianum, открытом в 1911 г. в Инсбруке международном учебном заведении Ордена иезуитов.

Летом 1919 г. Э. Винтер, уже рукоположенный в сан священника, вернулся в Богемию, которая теперь стала частью самостоятельного чехословацкого государства [Luft 2016, S. 63]. Он продолжил обучение в Немецком Карловом университете в Праге, получив в 1921 г. докторскую степень. На протяжении многих лет его профессиональная деятельность была тесно связана с этим учебным заведением [Konrád 2011]. В 1920-е годы Э. Винтер принимал деятельное участие в общественной жизни: стал соучредителем и идейным руководителем немецкого молодежного движения «Штаффельштайн» (Staffelstein), включился в деятельность немецкого католического благотворительного общества в Чехословакии. Современные исследователи связывают погруженность ученого в общественные дела со стремлением найти «выход из национального и национально-политического кризиса», обострившегося после немецко-австрийского поражения и формирования новой системы межгосударственных отношений в послевоенной Европе [Němec 2017, S. 108]. Поэтому свои социальные контакты Э. Винтер выстраивал, ориентируясь главным образом на Веймарскую Германию. В 1926–1932 гг. он регулярно участвовал во встречах немецких интеллектуалов (Hohenrodter Bund), которые ежегодно в сентябре собирались для обсуждения новых методов и возможностей народного образования и образования взрослых [Němec 2017, S. 108].

В конце 1920-х годов Э. Винтер сблизился с чешскими учеными, преимущественно благодаря изучению деятельности католического священника, богослова, математика Б. Больцано (Bernard Bolzano; 1781–1848). Эти исследования не просто открыли немецкому историку двери в чешскую профессиональную корпорацию, но и обеспечили авторитетное место в ней. В 1930-е годы Э. Винтер пережил существенную трансформацию мировоззренческих установок, вызванную как напряженными процессами европейского исторического развития, так и внутрен-

ними интеллектуальными и экзистенциальными поисками. Накопившиеся разочарования обусловили постепенное ослабление его религиозной идентификации. Параллельно произошел сдвиг в его научных интересах: проблемы богословия и философии уступили место сюжетам европейской интеллектуальной истории. В рамках этой исследовательской переориентации особое значение для Э. Винтера приобрёл иосифизм, под которым понимается совокупность реформ, проводившихся австрийским императором Иосифом II, направленных на трансформацию католической церкви и подчинение ее институциональных структур светской власти.

В годы Второй мировой войны Э. Винтер жил в Праге, где был вынужден приспособляться к стремительно меняющемуся политическому контексту. Осенью 1941 г. Э. Винтер занял должность профессора на философском факультете Немецкого Карлова университета. Это было невозможно без связи с национал-социалистической партией Германии и оккупационными властями Протектората Богемии и Моравии. В историографии вопрос о возможном членстве ученого в НСДАП поднимался несколько раз [Wiedemann 2000; Waibel 2011]. Э. Винтер публично отрицал свою причастность к национал-социалистам, напротив, подчеркивал свое участие в борьбе с ними. В современной историографии на основе архивных документов было доказано членство историка в НСДАП.

Послевоенный период отмечен для профессора глубокими жизненными и профессиональными трансформациями. После увольнения из Немецкого Карлова университета в июле 1945 г. он переехал в Австрию, где рассчитывал закрепиться на кафедре истории Восточной Европы в Венском университете. Проработав там чуть менее двух лет, с 1946 по 1947 г., Э. Винтер вновь был вынужден искать место службы. Накануне его избрания профессором Венского университета в австрийской прессе вышла серия обличительных статей о его связях с гитлеровским режимом.

Потерпев фиаско в Вене, ученый совершил резкий разворот от умеренного консерватизма в сторону социалистического интернационализма. В 1947 г. Э. Винтер получил предложение занять кафедру в Галле-Виттенбергском университете им. Мартина Лютера. Он переехал в оккупированную Советским Союзом часть Германии, оставив в Австрии жену и детей. В 1948 г. Э. Винтер был избран ректором университета. Ученый рассматривался новыми властями как идеальная фигура переходного периода, призванная выступить «связующим звеном между “старым” буржуазным миром и “новым” миром, в котором “диктатура пролетариата” была провозглашена целью построения лучшего человека и лучшего, более справедливого общества» [Luft 2016, S. 349]. Усиливало его позиции и признание в международных научных кругах, лояльность к коммунистическому режиму. Более того он сам искренне считал, что единственный путь сохранения немецкой нации связан с «обращением к славянскому Востоку, представленному Советским

Союзом» [Němes 2017, S. 256]. В 1951 г. Э. Винтер сложил с себя полномочия ректора, формально по состоянию здоровья. Профессор вновь переехал, на этот раз в Берлин. Там сначала он занял кафедру истории Восточной Европы в Берлинском университете им. Гумбольдта, а затем получил место в Академии наук.

Отношение к Э. Винтеру в немецкой научной среде было сложным и неоднозначным. С одной стороны, он стал примером перековки старых научных кадров на социалистический лад. В 1955 г. Э. Винтер был избран академиком Немецкой академии наук в Берлине (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin), а на следующий год был удостоен Государственной премии ГДР (Nationalpreis der DDR). Ученый сосредоточил в своих руках различные академические должности и превратился в одного из лидеров исторической науки ГДР. Он охотно принимал любые публичные должности, награды и иные формы официального признания, поскольку они способствовали укреплению его позиций. Для Э. Винтера было принципиально важно оставаться включенным в официальные иерархии немецкой науки, так как связанный с ними институциональный авторитет обеспечивал ему определенную степень защиты и покровительство [Luft 2016, S. 393].

В то же время многолетний конкурент за звание главного историка ГДР, коммунист с «чистой биографией» Л. Штерн в письмах к высокопоставленным партийным деятелям без стеснения называл Э. Винтера «интриганом иезуитского толка» [Němes 2017, S. 265]. Острая конкуренция между историками проявилась в начале 1960-х годов, в период, когда встал вопрос о выходе Э. Винтера на пенсию. Ему все же удалось сохранить за собой возможность продолжать научную работу в Академии наук ГДР, тогда как все попытки сохранить место в университете не увенчались успехом. Контракт профессору продлевали дважды, каждый раз сроком на один год, вплоть до 1965 г.

Выйдя на пенсию, Э. Винтер совместно с группой своих учеников сосредоточился на изучении трех тем: 1) Б. Больцано, 2) политический клерикализм и 3) немецко-российские научные связи. В современной литературе отмечается, что работа Э. Винтера как общественно-политического, так и научного характера была направлена на благо немецко-русского/советского взаимопонимания, которое он поддерживал до конца своей жизни благодаря многочисленным личным контактам [Luft 2016, S. 406]. Тому доказательство обширная переписка немецкого историка с коллегами из СССР¹.

1. На основе анализа его эпистолярного наследия было установлено, что ученый состоял в эпистолярном общении (правда, заметим, разной степени интенсивности и насыщенности) с порядка 40 коллегами – историками, литературоведами, историками науки и др. из Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева. При этом сохранились как письма к Э. Винтеру, так и черновики его писем. Можно с уверенностью сказать, что сохранилось не все. Например, известно, что с конца 1950-х годов он переписывался с П. Н. Берковым, но в фонде восточнонемецкого историка сохранились всего три письма от советского коллеги за 1964–1967 гг.

Голоса из Ленинграда: корреспонденты Э. Винтера

Начало эпистолярного общения Э. Винтера с советскими коллегами относится к концу 1950-х годов, ко времени его первых приездов в СССР. Важным стимулом к расширению сети личных контактов стало его посещение Советского Союза в ноябре 1961 г., приуроченного к празднованию 250-летия со дня рождения М.В. Ломоносова. Немецкий профессор в числе 25 иностранных учёных был приглашен на юбилейную сессию. В конце октября 1961 г. профессор получил письмо от президента АН СССР М.В. Келдыша, в котором сообщалось, что советская сторона берет на себя связанные с его пребыванием в СССР расходы [Письмо М.В. Келдыша Э. Винтеру от 23.10.1961 г.]. Юбилейные торжества прошли в Москве и Ленинграде и включали помимо научной повестки насыщенную культурную программу (экскурсии по городу, посещение театров и музеев)². В своих воспоминаниях Э. Винтер назвал поездку в СССР незабываемой. Он отметил жгучий мороз и сильный ветер, дуэт которых, по его словам, создавал странное ощущение, словно «с лица сходит плоть и остаются кости» [Winter 1994, S. 130]. Настоящим открытием он назвал Эрмитаж, где его поразила уникальная и обширная коллекция полотен Рембрандта.

Э. Винтер высоко оценил и научные итоги поездки, в ходе которой он встречался и активно общался с советскими коллегами. О приеме у президента АН СССР профессор вспоминал: «Это был пышный праздник. За ужином я сидел рядом с выдающимся историком Б.А. Рыбаковым, с которым, как и с М.Н. Тихомировым, у меня время от времени завязывались беседы» [Winter 1994, S. 130]. 24 ноября он встретился с проректором ЛГУ С.И. Тюльпановым, который в 1945–1949 гг. возглавлял управление пропаганды Советской военной администрации в Германии. С теплотой немецкий ученый записал о своем давнем знакомом: «Он, как и прежде в Берлине, проявил себя как культурно-политически чуткий партнер, и на вечернем приеме Академии стремился лично сблизить меня с Хвостовым и Топчиевым» [Winter 1994, S. 130]. Впрочем, в основе сближения с советскими коллегами лежал совместный проект по изданию дневников немецкого учёного Д. Мессершмидта³.

Встретился профессор и с директором Института истории естествознания и техники АН СССР, историком науки Н.А. Фигуровским. Ученые обсуждали вопрос о создании Национального комитета по истории науки ГДР с целью выступить в 1962 г. с совместным докладом о немецко-российских научных связях XVIII в. на X Международном конгрессе по истории науки в Итаке (США). В своих воспоминаниях Э. Винтер, однако, не упоминает, что этим планам

2. Подробнее о юбилейных торжествах см.: [Осипова 2016].

3. О работе над дневниками Мессершмидта сохранились воспоминания ученика Э. Винтера П. Хоффмана: [Hoffmann 2006, S. 145–150].

не суждено было сбыться. На родине профессор столкнулся с резким сопротивлением его включения в состав Национального комитета: оппоненты аргументировали свою позицию тем, что он не являлся гражданином ГДР (до конца своих дней историк сохранил австрийский паспорт) и, следовательно, не имел юридических оснований представлять восточногерманскую науку в международных организациях [Luft 2017, S. 387].

Вернувшись в Берлин, Э. Винтер сосредоточил свои исследования вокруг проблемы немецко-российских научных связей в рамках концепции «немецко-славянской взаимности». Эту идею исследователь разрабатывал совместно с ленинградским литературоведом П.Н. Берковым [Шиппан 2021, с. 123]. Ученые были знакомы с конца 1950-х годов. Как следует из воспоминаний Э. Винтера, их сближение произошло благодаря личным встречам во время его командировки в Ленинград в 1957 г. и приезда П.Н. Беркова в Берлин в том же году [Winter 1994, S. 108]. В личном фонде Э. Винтера сохранилась всего пара писем от советского коллеги, но их содержание и тон свидетельствует о близких отношениях. Так, в письме от 1 января 1967 г. П.Н. Берков благодарил за поздравления с 70-летием, разбавляя их неформальным сообщением о своих делах: «Несколько слов о себе: у меня не было публичного чествования, я от него отказался, но неофициально день моего рождения был отмечен банкетом в ресторане “Нева”, было много народу, кажется, было весело. А через несколько дней мне пришлось лечь в больницу (из-за сердца). Но все оказалось не так опасно. 30-го декабря меня выпустили из больницы, и мы переехали в Комарово. Здесь сейчас чудесно: снег, тишина, чудный воздух» [Письмо П.Н. Беркова Э. Винтеру от 01.01.1967 г.]. Также ленинградский ученый поздравил Э. Винтера с выходом в свет сборника, приуроченного к его юбилею⁴, и благодарил за возможность участвовать в нем. Издание, подчеркнул П.Н. Берков, следует считать «монументальным признанием Вашей славы мирового ученого» [Письмо П.Н. Беркова Э. Винтеру от 01.01.1967 г.]. В двух других сохранившихся эпистолярных свидетельствах (от 7 июня 1964 г. и 15 августа 1966 г.) также содержатся упоминания о событиях личной жизни и сердечные приветы супруге и детям.

Такой формат коммуникации все же не совсем типичен для Э. Винтера. Пожалуй, подобного рода общение связывало немецкого профессора еще с московским историком А.М. Сахаровым. Учитывая внушительный объем и насыщенность их эпистолярного диалога⁵, данный сюжет останется за пределами внимания в данной статье. Переписка Э. Винтера с советскими коллегами носила преимущественно деловой характер и была сосредоточена на профессиональных вопросах. Среди его корреспондентов были известные ленинградские

4. Имеется в виду сборник [Ost und West 1966].

5. В фонде Э. Винтера сохранилось 36 писем от А.М. Сахарова, датированных 1960–1977 гг. См.: [Письма от А.М. Сахарова Э. Винтеру].

ученые: историк-славист А.С. Мыльников, литературовед Г.Н. Моисеева и химик М.А. Безбородов.

Обмен научными изданиями и мнениями относительно историографических новинок нередко оказывался в центре переписки. Так, 19 ноября 1966 г. А.С. Мыльников подчеркивал важность и полезность для себя книги Э. Винтера о реформах австрийского императора Иосифа II⁶. Одновременно с письмом ленинградский исследователь переслал немецкому коллеге сборник «Славянское возрождение», в котором опубликована первая часть его исследования о происхождении чешского Просвещения XVIII в. [Письмо А.С. Мыльникова Э. Винтеру от 19.11.1966 г.]. А.С. Мыльников завершил письмо просьбой: «Ваше мнение об этой работе, господин профессор, даже в форме личного письма, было бы для меня очень интересным и полезным» [Письмо А.С. Мыльникова Э. Винтеру от 19.11.1966 г.]. С просьбами к ленинградскому ученому обращался и Э. Винтер. Так, из ответного письма А.С. Мыльникова от 7 октября 1973 г. известно, что немецкий профессор консультировался у него по поводу архивных коллекций. Советский историк уточнял: «АВПР – это Архив внешней политики России, составная часть Архива Министерства иностранных дел СССР. Фонд «Сношения России с Австрией» состоит в основном из переписки русского посольства с Петербургом и Москвой» [Письмо А.С. Мыльникова Э. Винтеру от 7.10.1973 г.]. Далее он привел ссылку на путеводитель по Центральному государственному архиву древних актов (т.1., М., 1946), где указаны интересующие Э. Винтера фонды.

В переписке нередко обсуждались детали сотрудничества. Э. Винтер принимал активное участие в издаваемых советскими научными учреждениями сборниках. В частности, сотрудница Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР Г.Н. Моисеева в ноябре 1973 г. сообщала немецкому коллеге, что присланная им ранее статья для очередного выпуска сборника «XVIII век» находится в издательстве [Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 10.11.1973 г.]. Выпуск посвящался памяти П.Н. Беркова. Э. Винтер написал туда мемориально-историографический очерк о своем друге-коллеге. Правда, при подготовке сборника к печати произошла ошибка. В редакции перепутали статью немецкого ученого: вместо историографического этюда о П.Н. Беркове ему приписали авторство работы «Ранние русские ямбы и их немецкие образцы». Недоразумение обнаружилось на этапе корректуры. Письмо с извинениями в феврале 1974 г. ему направила филолог, ученица П.Н. Беркова Н.Д. Кочеткова: «Приношу Вам свои самые искренние извинения за ту ошибку, которая, по моей вине, произошла с наименованием Вашей статьи. Речь шла о Вашей статье “П.Н. Берков и ‘Материалы и исследования по истории Вос-

6. Имеется в виду: [Winter 1962].

точной Европы”», представленной для сборника памяти Павла Наумовича Беркова. Редколлегия сборника хотела получить от Вас подтверждение о согласии опубликовать именно эту статью на безгонорарных условиях» [Письмо Н.Д. Кочетковой Э. Винтеру от 11.02.1974 г.]. История завершилась благополучно – текст немецкого профессора в переводе Р.Ю. Данилевского увидел свет в 1975 г. [Винтер 1975].

Нередко корреспонденты обменивались планами будущих исследований. Так, в январе 1974 г. Винтер поделился с Г.Н. Моисеевой намерениями написать книгу о Феофане Прокоповиче и Симоне Тодорском как представителях религиозной мысли XVIII в. Советская исследовательница полностью его поддержала, добавив: «Я думаю, что Вы создадите очень интересный труд. Именно Вы, ибо никто другой не смог бы взяться за эту тему – так она сложна, и кроме того, требует громадных специальных знаний в области западноевропейской и русской теологической мысли, и древнего и нового времени» [Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 19.02.1974 г.].

В следующих письмах Э. Винтера и Г.Н. Моисеевой продолжилось обсуждение данной темы. Ленинградская исследовательница сообщала немецкому профессору об архивных находках, которые могли его заинтересовать. Например, в собрании академика В.Н. Перетца в Древлехранилище ИРЛИ АН СССР она обнаружила «Морфологию греческого языка Симона Тодорского», представляющую собой копию с киевского издания 1738 г. Н.Г. Моисеева писала, что по интересующему Э. Винтера вопросу она консультировалась с основателем Древлехранилища и большим знатоком древнерусской литературы, доктором филологических наук В.И. Малышевым (1910–1976). Именно он уверил ее в том, что в неописанной части архива возможны и другие полезные находки, с чем вызвался помочь [Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 02.04.1974 г.]. В письме от 26 июня 1974 г. Н. Моисеева сообщала, что заказала фотокопии некоторых источников: титула, предисловия и введения «Морфологии греческого языка» Симона Тодорского 1738 г., а также фрагменты «дела» XVIII в. о Феофане Прокоповиче [Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 26.06.1974 г.]. Последний источник, по ее мнению, особенно интересен, так как в нем Феофан Прокопович назван «лютеранином» и противопоставлен «истинному ревнителю православия» Феофилакту Лопатинскому. Н.Г. Моисеева предупредила профессора, что фотокопии еще не готовы, а она вынуждена уехать в санаторий в Крым, поэтому документы ему придет В.И. Малышев. Собственно, что он и сделал в июле 1974 г., сопроводив посылку короткой и доброжелательной запиской [Письмо В.И. Малышева от 08.07.1974 г.]. Этим эпистолярный разговор между Э. Винтером и В.И. Малышевым ограничился.

Письма Н.Г. Моисеевой изобиловали большим количеством деталей из научной жизни Ленинграда, отличались динамичным и эмоционально-деловым тоном. Любопытно ее обращение к Э. Винтеру от 23 октября 1972 г. Она бла-

годарила профессора за присылку библиографически редкого в СССР издания. Работа принадлежала перу историка из ФРГ – Х. Хертеля⁷ – и потому была недоступна советским исследователям. Э. Винтеру, однако, удавалось преодолевать жесткие барьеры, воздвигнутые Берлинской стеной. От всего сектора ИРЛИ АН СССР Н.Г. Моисеева просила: «Если Вы не будете возражать, то разрешите ознакомиться с этой книгой сотрудникам группы «XVIII век» и, в частности, Н.Д. Кочетковой <...> Прошу Вашего разрешения возвратить Вам книгу через месяц, в конце ноября» [Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 23.10.1972 г.]. Согласие немецкого профессора было получено, а книга вернулась в Берлин спустя полгода – в марте 1973 г. [Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 03.03.1973 г.].

Из переписки известны примеры, когда по тем или иным причинам сотрудничество срывалось. Так, в январе 1979 г. А.С. Мыльников отказался от предложения Э. Винтера подготовить статью о немецком переводе «Слова о полку Игореве». Ленинградский историк писал: «<...> я учитывал как характер Вашего сборника, так и соответствие с его задачами того материала, которым располагаю. И я пришел к выводу, что для этой цели мне пришлось бы провести еще ряд изысканий, которые потребовали бы значительного времени. К сожалению, огромная нагрузка, которая была намечена мною ранее, и которая не терпит отлагательства, а равно ограниченные сроки, лимитирующие Ваше издание – все это вынуждает меня отказаться от прежней мысли направить Вам необходимый материал. Я исхожу при этом из реального положения. Мне не хотелось бы строить иллюзорные планы, которые затем я не смог бы выполнить. Думаю, что это не шло бы на пользу делу» [Письмо А.С. Мыльникова Э. Винтеру от 12.01.1979 г.].

Завершил письмо ученый надеждой на будущие встречи и совместные проекты и добавил: «Пока же я от всего сердца желаю Вам успеха в задуманном Вами труде по германо-славянским контактам. Мы хорошо знаем и глубоко уважаем Вашу титаническую деятельность по раскрытию позитивного наследия в истории взаимного общения между немецкими и славянскими народами. И потому я убежден, что усилия в этой области Вы с успехом будете предпринимать и впредь» [Письмо А.С. Мыльникова Э. Винтеру от 12.01.1979 г.]. Показательно, что в данный сборник Э. Винтер не пригласил известного советского специалиста по «Слову...» (хотя его концепция рождала много споров) А.А. Зими́на (1920–1980). Ученые состояли в переписке. Исходя из материалов фонда Э. Винтера, это общение не было плотным и ограничивалось обменом нескольких писем в конце 1960-х годов уже после масштабной научной дискуссии взглядов советского историка. Несмотря на этот факт, А.А. Зимин оставил

7. Имеется в виду: [Härtel 1970].

неприглядные воспоминания о немецком коллеге, назвав его исследования слабыми и представляющими собой в лучшем случае «наспех сколоченный свод довольно банальных фактов и пустых слов» [Зимин 2015, с. 324]. С нескрываемой обидой он описывал, как изменилось к нему отношение Э. Винтера во второй половине 1960-х гг. «Меня он дружески похлопывал по плечу, конечно, до Слова, а там я стал для него ненужным, хотя и сохранил ко мне теплые чувства» – фиксировал А.А. Зимин [Зимин 2015, с. 324]. Возможно, такая реакция была вызвана тем, что его не пригласили в немецкий сборник. В мемуарах Э. Винтера нет ни строчки: ни о дискуссии вокруг «Слова о полку Игореве», ни о А.А. Зимине (даже бегло его фамилия не упоминается, в отличие от многих советских историков-специалистов по средневековой истории Руси).

Ранее уже упоминалось, что личные вопросы в переписке возникали крайне редко. За исключением П.Н. Беркова и А.М. Сахарова, отношения с которыми можно охарактеризовать как дружески-приятельские, наиболее явным примером вхождения в зону интимных переживаний следует считать письмо историка химии XVIII в. М.А. Безбородова от 12 декабря 1976 г. [Письмо М.А. Безбородова Э. Винтеру от 12.12.1976 г.]. В нем он выражал соболезнования Э. Винтеру по случаю кончины его супруги Марии. Советский учёный выражал в письме неподдельное сочувствие: «Я очень хорошо понимаю Вас. В 1965 году – одиннадцать лет назад – я также потерял свою любимую жену, с которой дружно прожили вместе 43 года. Полгода я не мог прийти в себя. И только потом я принялся за книгу “Синтез и строение силикатных стекол”, над которой мы работали вместе, и закончил ее. Она была напечатана в 1968 году. На титульном листе я написал “Светлой памяти жены и друга”» [Письмо М.А. Безбородова Э. Винтеру от 12.12.1976 г.]. Мария Винтер скончалась в начале 1976 г. Утрата супруги стала для профессора глубоким душевным потрясением. Как отмечают его биографы, после смерти жены в 1976 г. Винтер эмоционально еще сильнее сблизился с ГДР, что отчасти отразилось и в его дневниковых записях. В этот период он называл ГДР родиной, имея в виду родину своей масштабной научной деятельности и родину своих учеников [Luft 2017, S. 422.].

В четырех других сохранившихся письмах М.А. Безбородова зафиксированы сведения об отправке и получении книг или статей, а также сообщение о смене телефонного номера. В марте 1964 г. советский ученый узнал о скором приезде Э. Винтера в Ленинград, по этому поводу написал ему телефон для связи и выразил надежду на встречу [Письмо А.М. Безбородова Э. Винтеру от 25.03.1964 г.]. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют ответить на вопрос, удалось ли учеными лично встретиться в городе на Неве. В конце мая – июне 1964 г. Э. Винтер предпринял продолжительную поездку в Советский Союз. Основным поводом стало его участие в юбилейных мероприятиях, посвященных 150-летию со дня рождения украинского по-

эта Т. Шевченко. После торжеств в Киеве и краткого путешествия по Днепру в начале июня ученый прибыл в Ленинград, где продолжил работу в академическом архиве. В мемуарах он привел дневниковые записи от 4 июня: «Какой же это гигантский край – Советский Союз, какой великий народ! Дружба с ним имеет огромное значение» [Winter 1994, S. 144].

* * *

Таким, образом, на материале эпистолярного наследия Э. Винтера показано, что научная коммуникация между историками СССР и ГДР строилась не только через формализованные институциональные каналы, но и через устойчивые личные контакты, поддерживаемые конкретными исследователями. Переписка выступала важнейшим инструментом обмена научной информацией, координации совместных проектов, обсуждения историографических новинок и источниковых находок, а также способом преодоления идеологических и политических ограничений эпохи Холодной войны, с одной стороны, и выстраивания коммуникативных сетей в рамках «социалистической науки» – с другой.

Э. Винтер в этом контексте предстает как посредник между научными традициями. В условиях послевоенного развития Германии он выступает примирителем разных, порой полярных, интеллектуальных традиций, становясь одновременно их проводником и «экспортером». В рамках статьи внимание было ограничено ленинградскими адресатами Э. Винтера. Анализ писем позволил выявить характерные черты этой коммуникации: преобладание деловой проблематики, редкость обращения к личным темам и одновременно высокий уровень доверия между корреспондентами.

Обращение к переписке Э. Винтера дополняет существующие представления о советско-восточногерманских научных связях, уточняя их «человеческое измерение» и показывая роль индивидуальных акторов в формировании и поддержании транснациональных научных сетей в социалистическом мире. Эпистолярные источники оказываются важным инструментом реконструкции интеллектуальной истории эпохи и открывают перспективы для дальнейших исследований персональных и коммуникативных аспектов научного взаимодействия в XX в.

Библиография

Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук Российской государственности в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. СПб.: Реноме, 2018. 642 с.

Беглов А.Л., Токарева Е.С. Что думали в Ватикане о религиозном возрождении на оккупированной территории СССР в 1942 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Серия 2: История. История русской православной церкви. 2024. № 120. С. 163–179.

Бонвеч Б. Научные связи России и Германии: традиции и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2005. Вып. 10. С. 162–166.

Винтер Э. П.Н. Берков и «Материалы и исследования по истории Восточной Европы» // XVIII век. Вып. X: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Ленинград: Наука, 1975. С. 49–53.

Ганин М.А. Научно-технические командировки ученых в Германию в 1920-е годы как один из факторов промышленного комплекса // Новая и новейшая история. 2024. № 5. С. 168–182.

Зимин А.А. Храм науки (размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М.: Аквариус, 2015. С. 35–384.

Ковалев М.В. А.В. Флоровский и его немецкие корреспонденты // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога: сб. ст. Саратов: Изд-во Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина. Саратов, 2015. С. 136–183.

Мусаев В.И. Православие в Польше в 1870–1920-е гг. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. 580 с.

Немцы в России: три века научного сотрудничества: сб. ст. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 604 с.

Осипова Н.М. Празднование 250-летнего юбилея со дня рождения М.В. Ломоносова // Ломоносовские чтения в Кунсткамере. К 270-летию издания первого «Атласа Российского» (1745) и 250-летию со дня смерти М.В. Ломоносова (1765). СПб.: МАЭ РАН, 2016. Вып. 2. С. 119–132.

Письма от А.М. Сахарова Э. Винтеру // Archiv der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften (далее – АБВАУ). NL Eduard Winter. NR 733.

Письмо А.М. Безбородова Э. Винтеру от 25.03.1964 г. // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 74.

Письмо А.С. Мыльников Э. Винтеру от 19.11.1966 // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 590.

Письмо А.С. Мыльников Э. Винтеру от 7.10.1973 // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 590

Письмо А.С. Мыльников Э. Винтеру от 12.01.1979 г. // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 590.

Письмо В.И. Малышева от 08.07.1974 г. // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 520.

Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 03.03.1973 г. // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 565.

Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 23.10.1972 г. // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 565.

Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 02.04.1974 г. // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 565

Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 10.11.1973 г. // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 565

Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 19.02.1974 г. // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 565

Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 26.06.1974 г. // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 565.

Письмо М.А. Безбородова Э. Винтеру от 12.12.1976 г. // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 74.

Письмо М.В. Келдыша Э. Винтеру от 23.10.1961 г. // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 3355

Письмо Н.Д. Кочетковой Э. Винтеру от 11.02.1974 // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 428.

Письмо П.Н. Беркова Э. Винтеру от 01.01.1967 г. // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 63.

Письмо П.Н. Беркова Э. Винтеру от 01.01.1967 г. // АБВАУ. NL Eduard Winter. NR 63.

Расчесова М.В. Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание Комиссии историков СССР и ГДР (1949–1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5. С. 78–86.

Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб.: Наука, 2001. 366 с.

Шиппан М. Царь Петр I и его время в немецкой литературе XX века: библиографический обзор // Историографический сборник: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021. Вып. 28. С. 121–140.

Härtel H.-J. Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovitsch. Würzburg: Augustinus-Verlag, 1970. 244 S.

Hoffmann P. In der hinteren Reihe aus dem Leben eines Osteuropa-Historikers in der DDR. Berlin: Nora, 2006. 328 S.

Konrád O. Dějepisectví, germanistika a slavistika na Německé univerzitě v Praze, 1918–1945. Praha: Karolinum, 2011. 360 s.

Luft I. Eduard Winter zwischen Gott, Kirche und Karriere. Vom böhmischen katholischen Jugendbundführer zum DDR-Historiker. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2016. 602 S.

Němec J. Eduard Winter 1896–1982. Zpráva o originalitě a přizpůsobení se sudetoněmeckého historika. Brno: Filozofická fakulta, Masarykova univerzita, 2017. 384 S.

Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag. Berlin: Akademie-Verlag, 1966. 816 S.

Waibel H. Diener vieler Herren: Ehemalige NS-Funktionäre in der SBZ/DDR. Frankfurt am Main, 2011. 390 S.

Wiedemann A. Die Reinhard-Heydrich-Stiftung in Prag (1942–1945). Dresden, 2000. 132 S.

Winter E. Der Josefinitismus und seine Geschichte. Geschichte des österreichischen Reformkatholizismus 1740–1848. Berlin: Rutten & Loening, 1962. 349 S.

Winter E. Erinnerungen (1945–1976). Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1994. 160 S.

References

Aktual'noe proshloe: vzaimodeystvie i balans interesov Akademii nauk Rossiyskogo gosudarstva v XVIII – nachale XX v. Ocherki istorii: v 2 kn. [The Relevant Past: Interaction and Balance of Interests of the Academy of Sciences of the Russian State in the 18th–Early 20th Centuries. Essays on History. In 2 vols.]. St. Petersburg: Renome, 2018. (In Russ.)

Beglov A.L., Tokareva E.S. Chto dumali v Vatikane o religioznom vrozozhdenii na okkupirovannoy territorii SSSR v 1942 g. [What Was Thought in the Vatican about Religious Revival in the Occupied Territory of the USSR in 1942] // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo universiteta. Ser. 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 2024. N 120. P. 163–179. (In Russ.)

Bonvech B. Nauchnye svyazi Rossii i Germanii: traditsii i perspektivy [Scientific Relations between Russia and Germany: Traditions and Prospects] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2005. Iss. 10. P. 162–166. (In Russ.)

Ganin M.A. Nauchno-tehnicheskie komandirovki uchenykh v Germaniyu v 1920-e gody kak odin iz faktorov promyshlennogo kompleksa [Scientific and Technical Trips of Scholars to Germany in the 1920s as a Factor in Industrial Development] // Novaya i noveyshaya istoriya. 2024. N 5. P. 168–182. (In Russ.)

Kovalev M.V. A.V. Florovskiy i ego nemetskie korrespondenty [A.V. Florovsky and His German Correspondents] // Istoricheskaya pamyat' i strategii rossiysko-nemetskogo mezhkul'turnogo dialoga: sb. st. Saratov: Izd-vo Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. Yu.A. Gagarina, 2015. P. 136–183. (In Russ.)

Musaev V.I. Pravoslavie v Pol'she v 1870–1920-e gg. [Orthodoxy in Poland in the 1870s–1920s]. St. Petersburg, 2025. 580 p. (In Russ.)

Nemtsy v Rossii: tri veka nauchnogo sotrudnichestva: sb. st. [Germans in Russia: Three Centuries of Scientific Cooperation. Collected Papers]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003. 604 p. (In Russ.)

Osipova N.M. Prazdnovanie 250-letnego yubileya so dnya rozhdeniya M.V. Lomonosova [Celebration of the 250th Anniversary of M.V. Lomonosov's Birth] // Lomonosovskie chteniya v Kunstkamere. K 270-letiyu izdaniya pervogo "Atlasa Rossiyskogo" (1745) i 250-letiyu so dnya smerti M.V. Lomonosova (1765). St. Petersburg: MAE RAS, 2016. Iss. 2. P. 119–132. (In Russ.)

Pis'ma ot A.M. Sakharova E. Vinteru [Letters from A.M. Sakharov to E. Winter] // Archiv der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften (ABBAW). Nachlass Eduard Winter. N 733. (In Russ.)

Pis'mo A.M. Bezborodova E. Vinteru ot 25.03.1964 g. [Letter from A.M. Bezborodov to E. Winter, March 25, 1964] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr 74. (In Russ.)

Pis'mo A.S. Myl'nikova E. Vinteru ot 12.01.1979 g. [Letter from A.S. Mylnikov to E. Winter, January 12, 1979] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 590. (In Russ.)

Pis'mo A.S. Myl'nikova E. Vinteru ot 19.11.1966 g. [Letter from A.S. Mylnikov to E. Winter, November 19, 1966] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 590. (In Russ.)

Pis'mo A.S. Myl'nikova E. Vinteru ot 7.10.1973 g. [Letter from A.S. Mylnikov to E. Winter, October 7, 1973] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 590. (In Russ.)

Pis'mo G.N. Moiseevoy E. Vinteru ot 02.04.1974 g. [Letter from G.N. Moiseeva to E. Winter, April 2, 1974] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 565. (In Russ.)

Pis'mo G.N. Moiseevoy E. Vinteru ot 03.03.1973 g. [Letter from G.N. Moiseeva to E. Winter, March 3, 1973] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 565. (In Russ.)

Pis'mo G.N. Moiseevoy E. Vinteru ot 10.11.1973 g. [Letter from G.N. Moiseeva to E. Winter, November 10, 1973] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 565. (In Russ.)

Pis'mo G.N. Moiseevoy E. Vinteru ot 19.02.1974 g. [Letter from G.N. Moiseeva to E. Winter, February 19, 1974] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 565. (In Russ.)

Pis'mo G.N. Moiseevoy E. Vinteru ot 23.10.1972 g. [Letter from G.N. Moiseeva to E. Winter, October 23, 1972] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 565. (In Russ.)

Pis'mo G.N. Moiseevoy E. Vinteru ot 26.06.1974 g. [Letter from G.N. Moiseeva to E. Winter, June 26, 1974] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 565. (In Russ.)

Pis'mo M.A. Bezborodova E. Vinteru ot 12.12.1976 g. [Letter from M.A. Bezborodov to E. Winter, December 12, 1976] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 74. (In Russ.)

Pis'mo M.V. Keldyshya E. Vinteru ot 23.10.1961 g. [Letter from M.V. Keldysh to E. Winter, October 23, 1961] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 3355. (In Russ.)

Pis'mo N.D. Kochetkovoy E. Vinteru ot 11.02.1974 g. [Letter from N.D. Kochetkova to E. Winter, February 11, 1974] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 428. (In Russ.)

Pis'mo P.N. Berkova E. Vinteru ot 01.01.1967 g. [Letter from P.N. Berkov to E. Winter, January 1, 1967] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 63. (In Russ.)

Pis'mo V.I. Malysheva ot 08.07.1974 g. [Letter from V.I. Malyshev, July 8, 1974] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 520. (In Russ.)

Raschesova M.V. Zarozhdenie sotrudnichestva nemetskikh i sovetских istorikov. Sozdanie Komissii istorikov SSSR i GDR (1949–1961 gg.) [The Emergence of Cooperation between German and Soviet Historians: The Establishment of the USSR–GDR Commission of Historians (1949–1961)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2014. N 5. P. 78–86. (In Russ.)

Shippan M. Tsar' Petr I i ego vremena v nemetskoy literature XX veka: bibliograficheskiy obzor [Tsar Peter I and His Era in 20th-Century German Literature: A Bibliographic Review] // Istoriograficheskiy sbornik. Vol. 28. Saratov, 2021. (In Russ.)

Sovetsko-germanskije nauchnye svyazi vremeni Veymarskoy respubliki [Soviet–German Scientific Relations during the Weimar Republic]. St. Petersburg: Nauka, 2001. 366 p. (In Russ.)

Winter E. P.N. Berkov i «Materialy i issledovaniya po istorii Vostochnoy Evropy» [P.N. Berkov and “Materials and Studies on the History of Eastern Europe”] // XVIII vek. Iss. X: Russkaya literatura XVIII veka i ee mezhdunarodnye svyazi. Leningrad: Nauka, 1975. P. 49–53. (In Russ.)

Zimin A.A. Khram nauki (razmyshleniya o prozhitom) [The Temple of Science (Reflections on a Life Lived)] // Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennykh istorikov vtoroy poloviny XX veka. Moscow: Akvarius, 2015. (In Russ.)

М.В. Ковалев

НАУЧНЫЕ КОМАНДИРОВКИ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ В САЛАЗАРОВСКУЮ ПОРТУГАЛИЮ

***Аннотация.** Статья посвящена малоизученной проблеме научных взаимодействий между СССР и Португалией в период «Нового государства». На основе материалов российских и зарубежных архивов, а также опубликованных источников реконструируются научные командировки советских ученых в Португалию в период 1950 – начале 1970-х годов. В статье показано, что начало поездок относится в осени 1953 г. Оно было связано со стремительным изменением вектора советской научной политики. В то же время установлено, что подобные визиты носили исключительный характер и были связаны с участием советских ученых в крупных международных научных мероприятиях, проходивших на территории Португалии. Режим Салазара продолжал с недоверием и настороженностью смотреть на любые действия Москвы, видя в них политическую подоплеку.*

Было установлено, что в практику командировок в Португалию были вовлечены преимущественно представители естественных, медицинских и технических наук, тогда как гуманитарные контакты оставались крайне ограниченными. В статье подробно рассмотрены организационные трудности командировок, обусловленные отсутствием дипломатических отношений между СССР и Португалией, сложными визовыми процедурами и логистикой, бюрократическими задержками. Анализ отчетов советских ученых позволил выявить не только особенности восприятия ими португальских научных институтов и исследовательской инфраструктуры, но и особенности зафиксированных в них повседневных португальских реалий.

Был сделан вывод, что научные контакты с Португалией выступали своеобразным индикатором трансформации советской научной политики в эпоху «оттепели», отражая постепенное восстановление международных профессиональных связей при сохранении значительных политических и административных ограничений. Даже при наличии политической воли и научного интереса командировка советского ученого в Португалию оставалась для советской системы нетипичной задачей, требовавшей каждый раз специальных решений.

Ключевые слова: СССР; Португалия; международные научные связи; международные научные конгрессы; трансфер знаний; заграничные командировки; советско-португальские отношения.

Ковалев Михаил Владимирович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН). Россия, Москва.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: C-6747–2014

Scopus Researcher ID: 53984354100

ORCID ID: 0000–0002–4722–818 X

Kovalev M.V.

Scientific Mission of Soviet Scholars to Salazar's Portugal

***Abstract.** This article addresses the insufficiently studied problem of scientific interactions between the Soviet Union and Portugal during the period of the Estado Novo. Drawing on materials from Russian and foreign archives, as well as published sources, it reconstructs the scientific trips of Soviet scholars to Portugal from the 1950s to the early 1970s. The study demonstrates that the first such visits took place in the autumn of 1953 and were closely linked to a rapid shift in the direction of Soviet scientific policy. At the same time, it establishes that these trips were exceptional in nature and were almost exclusively associated with the participation of Soviet scholars in major international scientific congresses and conferences held in Portugal. The Salazar regime continued to view any actions by Moscow with suspicion and caution, interpreting them as potentially politically motivated.*

It is shown that participation in scientific travel to Portugal primarily involved representatives of the natural, medical, and technical sciences, whereas contacts in the humanities remained extremely limited. The article examines in detail the organizational difficulties associated with these trips, caused by the absence of diplomatic relations between the USSR and Portugal, complex visa procedures and travel logistics, and bureaucratic delays. An analysis of Soviet scholars' travel reports makes it possible to identify not only their perceptions of Portuguese scientific institutions and research infrastructure, but also the everyday realities of Portuguese society as recorded in these accounts.

The article concludes that scientific contacts with Portugal functioned as a specific indicator of the transformation of Soviet scientific policy during the period of the Khrushchev Thaw, reflecting a gradual restoration of international professional ties while significant political and administrative constraints persisted. Even where political will and scientific interest were present, a research trip to Portugal remained an atypical undertaking for the Soviet system, requiring ad hoc and highly individualized decisions.

***Keywords:** USSR; Portugal; international scientific relations; international scientific congresses; knowledge transfer; foreign scientific travel; Soviet-Portuguese relations.*

Kovalev Mikhail Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (IWH RAS). Russia, Moscow.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: C-6747–2014

Scopus Researcher ID: 53984354100

ORCID ID: 0000–0002–4722–818 X

Российско-португальские интеллектуальные связи имеют долгую историю. При этом опыты научных взаимодействий между странами изучены еще недостаточно [Ковалев 2020]. Особенно это касается периода нахождения во главе португальского правительства Антониу ди Оливейра Салазара в 1932–1968 гг. С его именем связывают историю самой долгой диктатуры в новейшей европейской истории и становление режима «Нового государства» (1933–1974), который совсем ненадолго пережил своего создателя [Щелчков, Филатов 2024]. В основе официальной идеологии того периода лежали принципы корпоративизма, традиционных ценностей, колониализма и антикоммунизма. Закономерно, что СССР и Португалия оказались по разные стороны идеологического фронта. Между двумя странами вплоть до «Революции гвоздик» 1974 г. не существовало дипломатических отношений. Официальный Лиссабон яростно обличал СССР и не уставал повторять о коммунистической угрозе для всего мира. В советской же пропаганде Португалия рисовалась как поработанная фашистами и католическими клерикалами страна. Едва ли не единственной официальной формой взаимодействий между странами в 1930–1940-е годы были крайне ограниченные и эпизодические торговые контакты [Филатов 2024, с. 53–55]. Если в 1920-х годах Португалию еще посещали отдельные советские ученые и деятели культуры, то после утверждения во главе правительства Салазара и оформления «Нового государства» такие визиты на долгое время сделались совершенно невозможными.

Прорыв в истории советско-португальских научных контактов наступил летом 1953 г., когда в Москве было решено направить делегацию в Лиссабон для участия в XV Международном конгрессе хирургов. Он был инициирован Международным хирургическим обществом и запланирован на 13–20 сентября 1953 г. Решение отправить представителей в Португалию в полной мере вписывалось в стремительно меняющуюся после смерти И.В. Сталина динамику советской научной политики, в которой важнейшее место теперь отводилось развитию международных связей. Последнее имело особенное значение, поскольку в период идеологических кампаний позднего сталинизма и борьбы с космополитизмом был взят курс на национализацию советской науки и ее изоляцию от науки западной. СССР прервал отношения со многими международными научными ассоциациями и объединениями, советские ученые практически прекратили участие в крупных международных конгрессах и конференциях. Теперь же был взят курс на возвращение в мировую науку. Командировки советских ученых в Португалию стали частью новой научной политики. Представляется важным проанализировать эти практики, поскольку они еще никогда не попадали в поле зрения исследователей.

Подготовка советской делегации к конгрессу осуществлялась в спешном порядке. В ее состав вошли именитые хирурги – Борис Васильевич Петровский, Алексей Григорьевич Савиных, Виктор Иванович Стручков, Федор Григорьевич

Углов. Вместе с ними в полном соответствии с духом времени были направлены сопровождающие лица: секретарь делегации В.Д. Апанов и переводчик Б.К. Черкасов. Вероятно, их функции выходили за пределы решения организационных и коммуникативных вопросов. Тем более что делегация направлялась в Португалию, где официальные советские лица не бывали с 1920-х годов, и политический режим которой в СССР считался едва ли не фашистским.

Советских ученых ожидал непростой путь. Сначала им требовалось приехать в Париж, ибо в условиях отсутствия дипломатических отношений между Москвой и Лиссабоном советским гражданам требовалось получать визу в португальском посольстве во Франции. Однако в подходящие даты прямых авиарейсов между Москвой и Парижем не было, потому потребовалось добираться с пересадкой в Бельгии. Утром 10 сентября советские хирурги вылетели в Брюссель. Поскольку самолет совершал по пути остановки в Минске, Варшаве и Праге, то прибытие в бельгийскую столицу состоялось поздним вечером. Там выяснилось, что часть билетов до Парижа уже распродана. Советским хирургам пришлось ночевать в аэропорту в ожидании самолета утром следующего дня. Добравшись 11 сентября до Парижа, они весь оставшийся день провели в решении вопросов с визами и обменом валюты. И вновь возникла проблема с нехваткой билетов. Потому было решено, что в Португалию сначала вылетит Петровский вместе с переводчиком, а остальные будут дожидаться подходящего рейса в Париже. Так советским хирургам неожиданно представилась возможность провести два дня во французской столице, знакомясь с ее достопримечательностями. Лишь 14 сентября удалось вылететь в Лиссабон. Но маршрут снова лежал через Брюссель, дневная остановка в котором позволила бегло осмотреть город. Утром 15 сентября делегаты вылетели в Лиссабон с остановкой в Мадриде, в этот раз уже без выхода в город. В Португалию они прибыли в 14:14 того же дня [Углов 2021, с. 70–72].

Однако на этом организационные сложности не закончились. Как было уже сказано, решение о направлении советской делегации в Лиссабон было принято в самый последний момент, вследствие чего ни тематика докладов советских хирургов, ни даже окончательный состав делегации заранее не были доведены до сведения руководства Конгресса. В результате советские доклады не вошли в заранее отпечатанную программу. Несмотря на возникшие затруднения, руководство Международного хирургического общества и президиум Конгресса оперативно нашли выход из сложившейся ситуации. Представленные советской стороной доклады – в письменном виде на русском и французском языках – были в срочном порядке рассмотрены и дополнительно включены в программу: три из них – для пленарных заседаний, еще два – в рамках форума. Советским делегатам были предоставлены все необходимые материалы, пропуска и билеты для участия в работе Конгресса. Показательно, что по итогам обсуждений руководство Международного хирургического обще-

ства с явным удовлетворением констатировало восстановление полноценного участия советских представителей в деятельности организации, расценив это как важный шаг к возобновлению профессионального и научного сотрудничества. Конгресс проходил под патронатом президента страны генерала Франсишку Кравейру Лопиша, и он лично присутствовал на церемонии открытия в здании Национального собрания [Liebermann-Meffert, White 2005, p. 91].

Визит советских хирургов красочно описал в своих мемуарах Ф.Г. Углов. Помимо сугубо научных зарисовок в них присутствует яркое и насыщенное описание португальских реалий. Страна на краю Европы воспринималась как яркий и неизведанный мир. Потому в мемуарах много места уделено описанию лиссабонских трамваев и фуникулеров, черно-белых узорчатых мостовых и украшенных азулежу фасадов домов, узких улочек Альфамы и замка святого Георгия, утопающей в зелени Авенида да Либердаде и заполненных публикой кафе. Углова поражала лиссабонская экзотика вроде ослов и мулов, развозящих товары, торговцев-зазывал, которые кричали сильно и часто, в результате чего уже с охрипшими голосами то и дело «пускали «петуха»» [Углов 2021, с. 77]. Углов внимателен к мельчайшим деталям будь то одежда, досуг или национальная кухня. Но из его описаний видно, что даже для советского интеллектуала португальский мир совершенно незнаком. Потому, например, он путается и именует знаменитого государственного деятеля XVIII в. маркиза де Помбала «королем Де Помбе» [Углов 2021, с. 76, 78]. Лиссабон предстает в глазах Углова как место культурных и социальных контрастов.

Нет сомнений, что советские гости ехали в далекую страну с опаской и страхами, которые генерировались многочисленными инструктажами. Однако португальские реалии не оказались пугающими. Углов фиксировал: «Отношение к нам со дня нашего приезда до дня отлета было исключительно доброжелательным и приветливым. Первое время мы замечали, что за нами ходят, но потом, убедившись, по-видимому, что мы не замыслиаем делать “коммунистического переворота” в Португалии, эту слежку, во всяком случае, столь явную, прекратили» [Углов 2021, с. 81]. Он отмечал, что полиция была вполне корректна с советскими гостями и что приемы с участием официальных лиц проходили в теплой атмосфере. А ведь речь шла о встречах с участием президента страны, министра иностранных дел, мэра Лиссабона. К слову, на приеме у президента советский хирург столкнулся с неведомой ему до этого практикой фуршета [Углов 2021, с. 73].

Благожелательное поведение полиции, общественных и политических фигур, вероятно, казалась советским гостям удивительным. Потому в своих мемуарах Углов не раз специально подчеркивал хорошее отношение к советским гостям: «Со стороны португальских властей советская делегация встретила лояльное и любезное отношение» [Углов 2021, с. 82]. Большую любезность и внимание к советским гостям проявили и португальские коллеги, в том числе

глава конгресса профессор Рейналду душ Сантуш (Reynaldo dos Santos), один из крупнейших специалистов в области сосудистой хирургии¹. Углов отмечал, что душ Сантуш был очень предупредительным и старался выполнить все пожелания советских хирургов. По завершении конгресса профессор специально встретился с ними и пригласил вновь посетить Лиссабон [Углов 2021, с. 100–102].

Советские хирурги посетили два лечебных учреждения – Лиссабонский онкологический институт и хирургическую клинику, где присутствовали на показательной операции. Португальские коллеги стремились показать советским гостям город и возили их на экскурсии. Доклады советских участников вызвали большой интерес. В частности, это касалось разработок Петровского в области использования диафрагмы в торакальной пластической хирургии [Petrovsky 1954]. В то время он стоял во главе отечественных разработок в области хирургического лечения нервно-мышечных заболеваний пищевода, в частности разрабатывал методы хирургического лечения кардиоспазма [Богопольский, Кабанова, Полякова 2018, с. 57]. В завершении лиссабонского конгресса Петровский единогласно был избран одним из вице-президентов будущего XVI Международного конгресса хирургов в Копенгагене в 1955 г.

Итоги визита превзошли, таким образом, все ожидания. Ф.Г. Углов вспоминал: «В этой стране, которая официально нас не признает, мы убедились, что народ в своей основной массе питает к нам удивительно хорошие теплые чувства и, где только могли, его представители выражали нам свою любовь и симпатию» [Углов 2021, с. 102].

Буквально следом за советскими хирургами в Лиссабон приехала делегация советских архитекторов во главе с президентом Академии архитектуры СССР Аркадием Григорьевичем Мордвиновым². Она должна была принять участие в III конгрессе Международного союза архитекторов, который намечался в Лиссабоне с 20 по 27 сентября 1953 г. Вновь решение принималось

1. Можно допустить, что доброе отношение Р. душ Сантуша к советским ученым было не случайным. Среди его близких знакомых – эмигрант, известный историк искусства и бывший приват-доцент Петроградского университета Мирон Аркадьевич Малкиель-Жирмунский. Профессор душ Сантуш был среди тех, кто помог ему в 1940 г. перебраться из оккупированной Франции в Португалию [Carta de M. Malkiel-Jirmounsky a R. dos Santos, novembro de 1940]. В 1938 г. Р. душ Сантуш благодарил в письме французского коллегу, Жана Абади (Jean Baptiste Marie Jules Abadie), главного хирурга госпиталя в алжирском Оране, за присланную статью о его визите в СССР [Cópia da carta a J. Abadie, 28 de janeiro de 1938]. Таким образом, у португальского врача имелся определенный интерес к России и СССР.

2. Также в состав делегации вошли секретарь правления Союза советских архитекторов Григорий Александрович Захаров, главный архитектор Москвы Александр Васильевич Власов, главный архитектор Киева Анатолий Владимирович Добровольский, секретарь делегации Вячеслав Вениаминович Попов и переводчица Елена Васильевна Иванова [Материалы III Конгресса Международного союза архитекторов, л. 175, 193, 202].

в большой спешке, буквально в середине августа – начале сентября. Оно обсуждалось непосредственно на уровне ЦК КПСС, поскольку СССР с конца 1949 г. прекратил уплату членских взносов в Международном союзе архитекторов, не участвовал в его мероприятиях и вообще не отвечал на поступающую оттуда корреспонденцию [Материалы III Конгресса Международного союза архитекторов, л. 213]. Пришлось заранее ходатайствовать непосредственно перед Н.С. Хрущевым, чтобы тот дал распоряжение Министерству финансов СССР помочь в погашении советской задолженности по членским взносам в Международный союз архитекторов. Для этого запрашивалась сумма в размере 486 тыс. французских франков [Материалы III Конгресса Международного союза архитекторов, л. 206]. Без оплаты долга советская делегация лишалась бы права голоса на Конгрессе и в Ассамблее Союза. Правление ССА попутно обращалось в Исполнительный комитет Моссовета с просьбой дать указание об отпуске делегатам за наличный расчет костюмов, пальто и других вещей [Материалы III Конгресса Международного союза архитекторов, л. 212]. Делегацию и в этот раз ждал сложный маршрут: перелет из Москвы в Прагу, затем из Праги в Брюссель, из Брюсселя в Париж, где нужно было получить португальские визы, и уже затем – в Лиссабон.

Португальская исследовательница Ж. Бритеш на основе архивных материалов показала, что, тайная политическая полиция – PIDE – следила за советскими участниками. Бритеш обнаружила в архиве десятки донесений агентов, в которых с особой подробностью описывались обстоятельства, время и место, когда тот или иной португальский архитектор приближался к советской делегации [Brites 2011, p. 187]. Причину внимания властей она связала с оппозиционными настроениями в кругах португальских архитекторов. Для многих из них защита современной архитектуры принимала политические очертания. Тем более что в глазах западного сообщества по-прежнему существовала связь между коммунизмом и архитектурным модернизмом, хотя в самом Советском Союзе уже дистанцировались от конструктивистского авангарда [Brites 2011, p. 184].

Проведение в Лиссабоне в 1953 г. конгресса Международного союза архитекторов «стало подлинным глотком космополитизма» и привнесло в Португалию дискуссию о «синтезе» искусств, которая в то время велась в Европе и Америке [Marques 2012, p. 25]. Дискуссии, развернувшиеся в ходе заседаний, наглядно выявили напряжение между Западом и Востоком. А.Г. Мордвинов, уклонившись от участия в прямых дискуссиях, выступил с самостоятельным сообщением под названием «Искусство и реализм». В нем он, не отказываясь от идеи «синтеза» искусств, подверг резкой критике функционалистскую архитектуру и абстрактное искусство в целом. Роль и место архитектора в современных общественных процессах, его творческие искания он трактовал в русле социалистического реализма, который противопоставлялся модернистским тенденциям [Brites 2011, p. 184]. Мордвинова поддержала предста-

витель социалистической Польши Хелена Сыркус (Helena Syrkus), декларировавшая, что «архитектура должна быть поставлена на службу человеку» [O III Congresso da U.I. A. 1954, p. 10]. Опасения PIDE и одновременно чаяния «левых» архитекторов относительно советских участников оказались напрасными. К тому же в рамках Международного союза преобладающей оставалась иная установка: защита абстрактного искусства, интегрированного в современную архитектуру и тесно связанного с идеями и практиками художественного авангарда [Brites 2011, p. 184].

В Москве позитивно оценили участие советской делегации в лиссабонском конгрессе. В нем видели важный шаг по восстановлению институциональных контактов советских архитекторов с зарубежными коллегами. В резолюции по итогам обсуждения доклада о поездке в Лиссабон, состоявшегося 2 ноября 1953 г. на расширенном заседании Президиума Союза советских архитекторов (ССА) и Президиума правления Московского отделения ССА, констатировалась важность разработки специального плана по активизации работы в Международном союзе архитекторов. Помимо того, было признано необходимым создать в составе аппарата правления ССА отдел международных связей [Материалы III Конгресса Международного союза архитекторов, л. 176]³.

Аналитический обзор архивных документов 1950-х годов дает основание говорить, что советские ученые сталкивались с внутренними препятствиями при обсуждении возможностей научных командировок в Португалию. Причем эти препятствия были связаны не столько с идеологическими причинами, сколько с внутренними бюрократическими факторами.

6 июня 1955 г. в АН СССР поступило приглашение принять участие в XV Международном конгрессе Международного союза теоретической и прикладной химии, намеченного на сентябрь 1956 г. в Лиссабоне. Видимо, ожидая неоднозначную реакцию Москвы, ученый секретарь конгресса, французский химик Пьер Лоран, работавший в Португалии, обращаясь 6 июня 1955 г. к президенту АН СССР, специально подчеркнул, что химическое общество ГДР не просто выразило желание участвовать в предстоящем мероприятии, но и согласилось вести пропаганду конгресса [Переписка с институтами АН СССР об участии советских ученых, л. 52, 57]. 2 июля 1955 г. полученные информационные материалы были направлены иностранным отделом АН СССР в отделение химических наук для решения вопроса об участии. Однако ответа оттуда не последовало. 12 ноября 1955 г. профессор Лоран повторно написал

3. Известно, что в 1959 г. делегация советских архитекторов во главе с Павлом Васильевичем Абросимовым должна была отправиться в Лиссабон для участия в VI Ассамблее Международного союза архитекторов 20–27 сентября 1959 г. [Материалы по подготовке и проведению заседания Ассамблеи и Исполкома МСА, л. 8, 9, 14]. Однако обстоятельства этой поездки пока не проясняются документальными свидетельствами.

в Москву и просил дать ответ: «В настоящее время к нам поступило около 2500 предварительных заявок, однако из Вашей страны не поступило ни одной заявки. Поэтому я позволю себе связаться с Вами и просить Вас о любезности сообщить мне, что я смогу сделать со своей стороны с тем, чтобы привлечь для участия в конгрессе представителей от Вашей страны» [Переписка с институтами АН СССР об участии советских ученых, л. 23]. 24 ноября Лоран вновь написал президенту АН СССР Александру Николаевичу Несмеянову и сообщил, что согласие участвовать в лиссабонском конгрессе уже подтвердили Чехословацкая академия наук и Химическое общество ГДР [Переписка с институтами АН СССР об участии советских ученых, л. 26–27]. Такая мягкая и деликатная ремарка должна была в то же время четко продемонстрировать, что представители других европейских социалистических стран отнюдь не против поездки в Португалию.

Тогда начальник Иностранного отдела Степан Гаврилович Корнеев напрямую обратился к Несмеянову с просьбой ускорить решение [Переписка с институтами АН СССР об участии советских ученых, л. 3]. Одновременно в дело вмешалось Министерство иностранных дел. 17 декабря 1955 г. и.о. заведующего V Европейским отделом В.П. Николаев направил официальный запрос главному ученому секретарю АН СССР Александру Васильевичу Топчиеву, осведомляясь: получала ли Академия приглашения на лиссабонский конгресс и планирует ли она принять в нем участие [Переписка с институтами АН СССР об участии советских ученых, л. 2]. Министерский запрос, впрочем, был направлен в Иностранный отдел Академии наук, который сам не располагал необходимой информацией. Корнееву в ответном письме 23 декабря только и оставалось, что заверить чиновников в желании направить в Лиссабон делегацию, правда, оговорившись, что состав ее пока не сформирован [Переписка с институтами АН СССР об участии советских ученых, л. 4]. Письмо за подписью Несмеянова с предварительным согласием приехать было незамедлительно направлено в Португалию [Переписка с институтами АН СССР об участии советских ученых, л. 29].

Лишь 6 января 1956 г. отделение химических наук в ответ на письмо из иностранного отдела № 461707 от 2 июля 1955 г. (!) представило предварительный список участников из 13 человек. Среди них были такие известные специалисты, как академик Александр Павлович Виноградов с докладом «Методы определения редких элементов с помощью радиоактивных изотопов», академик Александр Наумович Фрумкин с докладом «Вращающийся дисковой электрод и его применение для определения коэффициентов диффузии в полярографии»), член-корреспондент Иван Владимирович Тананаев с докладом «Физико-химический анализ в аналитической химии» и др. Всего 13 человек [Переписка с институтами АН СССР об участии советских ученых, л. 5–6]. 13 января 1956 г. профессор Лоран ответил Несмеянову: «Разрешите выразить

Вам мое удовольствие по поводу участия Вашей страны в Конгрессе. Приезд Ваших ученых очень желателен, и мы приложим все усилия, чтобы их пребывание в Португалии было приятным» [Переписка с институтами АН СССР об участии советских ученых, л. 19].

В Москве началась стремительная подготовка к конгрессу. Причем участвовать в его работе теперь выразили желание не только представители АН СССР. Так, Министерство химической промышленности ходатайствовало о поездке заместителя директора подведомственного ему Научно-исследовательского института химических реактивов Ростислава Петровича Ластовского с докладом «О новых комплексонах» [Переписка с институтами АН СССР, л. 8–11]. 12 февраля то же Министерство просило о включении в состав делегации еще трех специалистов [Переписка с институтами АН СССР об участии советских ученых, л. 17]. В мае 1956 г. Министерство геологии и охраны недр обратилось с просьбой включить в состав делегации сотрудника Всесоюзного института минерального сырья, доктора химических наук А.К. Русанова. 2 июля Министерство химической промышленности напомнило АН СССР о желательности включения в состав делегации уже упомянутого Ластовского, а также Галины Ивановны Острожинской, начальника аналитической лаборатории НИИ органических полупродуктов и красителей и академика Валентина Алексеевича Каргина из Физико-химического института имени Л.Я. Карпова [Переписка с институтами АН СССР, л. 35–36].

К сожалению, архивные документы не дают возможности понять, чем же закончилась в итоге череда прошений о поездке на конгресс в Португалию. Тем не менее приведенный пример весьма показателен. Он хорошо демонстрирует перипетии работы советской бюрократии в процессе развития международных научных контактов. Однако можно допустить, что советские научные организации банально не понимали, как вообще реагировать на приглашения, поступающие из таких стран, как Португалия. Опыт поездок по таким «сложным» направлениям был накоплен еще в недостаточной степени.

Трудности организации командировок в Португалию демонстрирует и опыт поездки советских ученых на VII конгресс Международной ассоциации по гидравлическим исследованиям, который проходил в Лиссабоне с 24 по 29 июня 1957 г. Участие в нем приняли 211 ученых из 28 стран. Среди главных тем для обсуждения – гидравлика водоприемных сооружений, транспорт наносов, моделирование морских волн, эффект масштаба моделей, моделирование кавитации [Отчет о деятельности Международной ассоциации, л. 12]. Советский Союз представляли академик АН Армянской ССР Иван Васильевич Егизаров и ленинградский профессор Михаил Алексеевич Дементьев.

Международная ассоциация по гидравлическим исследованиям (МАГИ) была создана в 1935 г., а СССР входил в число ее учредителей. Однако в конце 1940-х годов СССР разорвал отношения с ней, как почти со всеми международ-

ными научными союзами. В январе 1957 г. перед Егиазаровым была поставлена задача включиться в переговоры о возобновлении участия СССР в работе МАГИ. В конце мая советская делегация во главе с Андреем Михайловичем Некрасовым, начальником Технического управления Министерства энергетики СССР, посетила штаб-квартиру организации в Нидерландах и договорилась об участии советских ученых в предстоящем лиссабонском конгрессе. В связи с необходимостью срочного решения вопросов, делегированные на конгресс Егиазаров и Дементьев не успели заблаговременно представить в оргкомитет свои доклады [Отчет о деятельности Международной ассоциации, л. 12]. Советские участники направились в Португалию через Францию, попутно посетив по приглашению французских коллег гидравлические лаборатории в Шату и Гренобле.

Организационный комитет и иностранные участники лиссабонского конгресса радушно приняли советских гостей, несмотря на то что в работе предыдущих конгрессов СССР не участвовал. Глава МАГИ француз Пьер Данель (Pierre Danel) на первом же заседании попросил участников приветствовать советскую делегацию. Егиазарову было предложено руководить одним из заседаний конгресса. Более того, его кандидатура была выдвинута в почетные члены МАГИ и единогласно поддержана [Отчет о деятельности Международной ассоциации, л. 67].

В отчете о поездке, составленном Егиазаровым, нет описаний португальских повседневных реалий, совершенно не затрагиваются общественно-политические сюжеты. Вместе с тем его волнуют вопросы развития международных научных связей, координации исследований и обмена научной информацией. Показательно, что в своем отчете Егиазаров критиковал, пусть и в мягкой форме, советскую научную политику. Он, разумеется, говорил о «внимании Партии и Правительства к научной работе», но при этом не принимал «пренебрежительного отношения к достижениям за рубежом» и «отказ от необходимости изучения иностранной литературы» [Отчет о деятельности Международной ассоциации, л. 5]. Егиазарова восхитили информационные возможности зарубежных коллег. Он писал, что даже Лиссабонская инженерная лаборатория имеет большой отдел документации, библиотеку в 20 тыс. томов, получает 350 журналов и поддерживает связи с 250 иностранными научными учреждениями [Отчет о деятельности Международной ассоциации, л. 97]. Советского ученого приятно удивили и инфраструктурные возможности описанного научного учреждения: «Мы не ожидали видеть в небольшой Португалии столь большую и хорошо оборудованную лабораторию. Она отличается добротностью постройки и оборудования, законченностью всех устройств и большой чистотой, ... имеет прекрасно оборудованные мастерские и большой отдел документации» [Отчет о деятельности Международной ассоциации, л. 100].

Обрисовывая опыт зарубежных коллег, Егиазаров настаивал на необходимости более широких контактов с мировой наукой. В частности, он призывал актив-

нее распространять советские исследования за рубежом, обязательно снабжая их полными и информативными резюме на английском или французском языках. Егиазаров фиксировал, что вследствие неверного понимания роли научных контактов и обмена публикациями СССР во многих случаях утрачивал приоритет, поскольку за рубежом существовали значительные трудности в ознакомлении с советской научной литературой. Профессор настаивал на необходимости изменения публикационных норм, а именно на широкой рассылке изданий и возвращении к практике публикаций резюме на иностранных языках. Последняя, как известно, фактически была ликвидирована в период идеологических кампаний позднего сталинизма. Егиазаров подчеркивал: «В этом отношении дружественные нам демократические страны Европы, Китай и Индия находятся в лучшем положении, так как продолжали издавать свои труды с иностранными резюме, рассылали их и участвовали в международных конференциях и конгрессах» [Отчет о деятельности Международной ассоциации, л. 9].

Участие советских ученых в VII Конгрессе Международной ассоциации по гидравлическим исследованиям в Лиссабоне стало важным показателем начавшегося восстановления международных научных связей СССР в сфере технических наук после периода изоляции конца 1940-х – начала 1950-х годов. Опыт поездки позволил Егиазарову не только зафиксировать высокий уровень организации и информационной обеспеченности зарубежной науки, но и критически осмыслить ограничения советской научной политики в сфере международного обмена и публикационной практики. Тем самым лиссабонский конгресс выступил для него важным аргументом в пользу расширения контактов с мировой наукой и пересмотра подходов к распространению результатов советских исследований за рубежом.

В 1958 г. Португалию посетили сразу две делегации советских ученых-медиков. Визиты были связаны с участием в крупных международных мероприятиях.

Первым стал Семинар Европейского бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), который проходил с 17 апреля по 17 мая 1958 г. в двух странах – сначала в Португалии, затем в Великобритании. Столь долгая продолжительность мероприятия объяснялась тем, что это была не только встреча для обмена информацией, но также научное путешествие с целью ознакомления с национальными системами здравоохранения. В 1950–1960-е годы подобные выездные семинары широко практиковались Европейским бюро ВОЗ. Они проводились, как правило, в двух странах, чтобы продемонстрировать разный опыт организации и управления здравоохранением. В период с 1951 по 1966 гг. выездные семинары охватили 14 стран и собрали 162 участника [World Health Organization, p. 12–14]. Участие советских представителей в работе семинаров в полной мере вписывалось в изменившуюся стратегию взаимоотношений Советского Союза с ВОЗ. Следует напомнить, что в феврале 1949 г. СССР демон-

стративно вышел из этой международной организации, а вслед за ним последовали другие социалистические страны. В период «оттепели» официальные подходы изменились. В июле 1955 г. СССР официально заявил о своем желании вернуться к взаимодействию с ВОЗ. Организация приветствовала этот шаг и в знак своего расположения запросила выплатить лишь небольшой процент от задолженности по членским взносам за предыдущие годы. В 1956 г. СССР и другие европейские социалистические страны возобновили работу в ВОЗ и ее подразделениях [Fee, Cueto, Brown 2016, p. 1913; Michaels 2023, p. 49].

Весной 1958 г. на семинар в Португалию и Великобританию отправился Александр Федорович Серенко, занимавший в ту пору должность первого заместителя министра здравоохранения РСФСР. В поездке его сопровождал переводчик А.Н. Соломонов. Участие в семинаре приняли представители 23 европейских государств, включая все социалистические страны (за исключением Албании и Венгрии).

Работа семинара началась 18 апреля 1958 г. Его участникам предстояло посетить лечебные учреждения, научно-исследовательские институты, санитарно-противоэпидемические станции, учреждения материнства и детства. Помимо того, в ходе научных сессий предполагалось обсуждение актуальных вопросов, таких как проблема питания населения и его отдельных групп, отягощенных особыми условиями труда, проблема жилищ, в том числе санитарные нормативы в жилищном строительстве, обеспечении водой, устройство канализации, применение радиоактивных веществ в медицине, вопросы подготовки сестринских кадров. Перед посещением каждого учреждения или обсуждением конкретного вопроса всем участникам раздавались короткие справки на рабочих языках: английском и французском. Перед каждой экскурсией проводились специальные заседания, на которых участникам представляли характеристику объектов, включенных в маршрут. [Отчет Серенко, л. 92–93].

Участники экскурсий по Португалии были разделены на три группы: первая посещала север страны, вторая – центр, третья – юг. Серенко вошел в состав второй группы. Помимо Лиссабона он вместе с другими участниками побывал в Коимбре, Каштелу-Бранку, Порталегри и некоторых сельских районах. Передвижение осуществлялось на специальном автобусе. Серенко отмечал в своем отчете, что португальские власти стремились максимально полно показать гостям медицинские учреждения страны. Это стремление привело к перегрузке программы: участники начинали ежедневную работу в 9.00 утра, а завершала около полуночи [Отчет Серенко, л. 94].

В отчете Серенко Португалия рисуется как небольшая аграрная страна, в которой «земля находится в руках церкви и крупных землевладельцев», и где господствует примитивная агротехника. Вместе с тем отмечаются и несомненные достижения вроде производства высококлассных вин, оливкового масла и переработки пробкового дуба. Высоко оценивается туристическо-рекреационный

потенциал. В то же время индустриальное развитие оценивается критически, отмечается, что все важнейшие промышленные товары ввозятся из-за границы, в первую очередь оборудование, автомашины, ткани [Отчет Серенко, л. 95]. В целом, описание португальских реалий, данное советским медиком, ровное, не содержащее идеологических оценок и острых политических нападок.

Естественно, в отчете была подробно описана система здравоохранения. Серенко обращал внимание на почти повсеместный платный характер медицинских услуг, что затрудняло к ним доступ значительной части населения, на отсутствие специализированной помощи в сельской местности. Он отмечал трудности с подготовкой врачебных кадров. Высшее медицинское образование давалось только в Лиссабоне, Коимбре и Порту. Причем цена обучения была высока, а потому позволить себе его могли лишь выходцы из обеспеченных семей. Серенко удивил тот факт, что для немалого числа врачей медицина являлась, по сути, побочным заработком, поскольку они были вовлечены в предпринимательскую деятельность. Он упоминал профессора психиатрии в Коимбре, который попутно был членом правления железных дорог Испании и Португалии [Отчет Серенко, л. 98–99].

Тем не менее, несмотря на критические ремарки, советский гость подчеркнул усилия португальского правительства по улучшению санитарного состояния предприятий, водопроводов, борьбе с опасными заболеваниями [Отчет Серенко, л. 99]. Им было отмечено, например, строительство в Лиссабоне нового госпиталя – Санта-Мария на 1500 коек, нового здания медицинского факультета Коимбрского университета, Института тропической медицины.

Хотя ни Салазар, ни PIDE ни разу не упомянуты в отчете советского медика, одна примечательная черта португальской повседневности не ускользнула от его взгляда. Речь идет о практиках корпоративизма, который был важнейшим элементом идеологии «Нового государства». Еще в 1930-е годы корпоративные институты были провозглашены средством взаимной поддержки и классового сотрудничества, они должны были исправлять недостатки свободного капитализма. А. А. Щелчков и Г. А. Филатов по этому поводу заметили, что «корпоративизм виделся Салазару как синдикализация (огосударствление профсоюзов) всех сфер жизни общества», как «орудие достижения единства и органичности общества» [Щелчков, Филатов 2024, с. 80]. Примечательно, что Серенко описал корпоративные практики без оценочных характеристик: «В Португалии вместо профсоюзов созданы корпорации, в которые входят: в одну – промышленники-предприниматели и рабочие их предприятий, во вторую – землевладельцы, самодеятельные крестьяне и батраки и т. п. На взносы членов корпораций в ряде городов открыты и содержатся так называемые социальные центры, в сельской местности – “народные дома” и “дома рыбака”. В этих учреждениях имеются школы кройки и шитья для женщин, самодеятельные клубы, читальни, амбулаторный врачебный прием и детские ясли-сады. Набор

этих учреждений может быть увеличен или уменьшен по решению правления корпораций» [Отчет Серенко, л. 101]. Упомянутые советским гостем институции действительно занимали важное место в португальской жизни. Дома народа и Дома рыбака создавались на основе декрета от 12 октября 1933 г., «и на них возлагались не только функции организации и контроля трудящихся, но и реализация социальных программ». Дома рыбака вообще были предметом особого внимания, поскольку в рыбацких поселках «всегда были сильны солидарность и взаимопомощь, существовали неформальные братства» [Щелчков, Филатов 2024, с. 84–85].

В конце португальской экскурсии состоялась конференция всех участников в Лиссабоне. Серенко выступил на ней с докладом об организации поликлинического обслуживания населения в СССР, а также о системе подготовки медицинских кадров. 3 мая он вылетел из Португалии в Великобританию, где ему предстояло участвовать в продолжении выездного семинара.

Если с поездкой Серенко, занимавшего пост первого заместителя министра здравоохранения РСФСР, судя по документам, не возникло организационных трудностей, то иной пример рисует подготовка советской делегации к Международному конгрессу по тропической медицине и паразитологии.

4 августа 1958 г. академик Петр Григорьевич Сергиев, исполняющий обязанности президента Академии медицинских наук СССР (АМН СССР), обратился в ЦК КПСС напрямую к М.А. Суслову. В своем письме он сообщал, что с 5 по 13 сентября 1958 г. в Лиссабоне должен состояться Международный конгресс по тропической медицине и паразитологии. К работе в нем были приглашены и представители СССР. Министерство здравоохранения наметило делегацию в составе четырех ученых, в которую помимо самого Сергиева вошли академик АМН СССР, вирусолог Валентин Дмитриевич Соловьев, член-корреспондент АМН СССР, директор Института по изучению полиомиелита Михаил Петрович Чумаков, член-корреспондент АМН СССР, бактериолог Анатолий Александрович Смородинцев. Помимо того, Президиум АМН СССР представил список из десяти ученых, которые должны были поехать в качестве научных туристов, то есть за свой счет. Оформление этой группы было поручено «Интуристу». Однако, как жаловался в своем послании академик Сергиев, «тов. Большаков И.Г. (Министерство внешней торговли) задержал дальнейшее оформление из-за отсутствия специального на это разрешение ЦК КПСС несмотря на то, что Министерство внешней торговли в принципе согласно направить ученых на конгресс в качестве туристов» [Письмо П.Г. Сергиева М.А. Сулову, л. 54]. Сергиев подчеркивал, что поездка в Лиссабон получила одобрение в Государственном комитете по культурным связям с зарубежными странами при Совете министров СССР. На этом основании Президиум АМН СССР просил ЦК КПСС разрешить поездку группы научных туристов в Португалию. Отдел административных органов ЦК КПСС опера-

тивно рассмотрел это обращение уже 9 августа и поддержал его. В решении говорилось, что ходатайство о командировке в Лиссабон нашло поддержку и в Министерстве иностранных дел. Суслов в итоге наложил на это прошение резолюцию: «Согласиться» [Письмо Отделения административных органов, л. 55], и советская делегация получила возможность выехать в Лиссабон. Среди главных тем конгресса, лежавших в русле актуальных проблем эпидемиологии, паразитологии, вирусологии, общественной гигиены, была борьба с малярией. Этой проблемой активно занимался португальский Институт гигиены и тропической медицины, на базе которого проходили заседания международного конгресса. Исследователями уже отмечено, что фокус деятельности этой организации, основанной в 1902 г., постепенно смещался «от имперского и колониального контекста к транснациональному сотрудничеству в рамках международного и глобального здравоохранения» [Navik, p. 86]. В связи с этим доклад академика Сергиева о борьбе с малярией в СССР в полной мере вписывался в транснациональную практику обмена знаниями и идеями в сфере профилактики массовых заболеваний.

Приведенные примеры поездок советских ученых в Португалию были связаны с опытом представителей естественных и технических наук. Невзирая на идеологические преграды и бюрократические проволочки, в Москве и Лиссабоне к этим визитам относились со сдержанной заинтересованностью. В случае с учеными-гуманитариями рисуется иная картина. Красноречивый пример дает история с приглашением советских ученых на IX Международный конгресс по романской лингвистике, который планировался к проведению в Лиссабоне с 31 марта по 4 апреля 1959 г. 26 января 1959 г. профессор Луиш Линдли Синтра (Luís Filipe Lindley Cintra), секретарь Организационного комитета, в письме на имя Президента АН СССР выразил глубокую заинтересованность в участии сотрудников лингвистических институтов академии в предстоящем научном мероприятии. В том же письме говорилось, что романист Мелитина Александровна Бородина, доцент Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена, уже выразила согласие приехать в Португалию: «Мы надеемся, что она лично сможет принять участие в работе Конгресса, может быть в качестве официального представителя своего Института» [Переписка с институтами АН СССР по выездам советских ученых в Португалию, л. 12].

Об обстоятельствах приглашения Бородиной на конгресс мало что известно. Если опираться на письмо профессора Синтры, то складывается ощущение, что она, как член Общества романской лингвистики, получила первый пригласительный циркуляр и ответила на него положительно. Вероятно, о подготовке Конгресса в Лиссабоне ее мог информировать кто-то из многочисленных французских коллег, с которыми она состояла в переписке. Показательно, что в переводе на русский язык письма профессора Синтры, сделанного

для руководящих органов АН СССР, информация о согласии Бородиной приехать в Португалию выделена синими чернилами и отмечена вопросительным знаком [Переписка с институтами АН СССР по выездам советских ученых в Португалию, л. 2]. Нет сомнения, что эти сведения были негативно расценены в АН СССР, поскольку нарушали официальные научные иерархии. Да и сам факт согласия конкретного советского ученого, не увенчанного на тот момент академическими лаврами и не имевшего административного ресурса, отраженный к тому же в письмах от иностранца, мог вызвать острые вопросы в официальных советских инстанциях.

К сожалению, реконструировать ход обсуждений возможности участия советских представителей в лиссабонском лингвистическом конгрессе на основе выявленных архивных материалов не представляется возможным. Известно лишь, что 16 февраля 1959 г. главный ученый секретарь АН СССР А. В. Топчиев сообщил в Лиссабон, что ввиду позднего приглашения на конгресс академия лишена возможности направить своих представителей [Переписка с институтами АН СССР по выездам советских ученых в Португалию, л. 1].

Доподлинно известно лишь об одном визите советского ученого-гуманитария в Португалию в изучаемый период. Им был академик Александр Андреевич Губер, который с 1957 г. исполнял обязанности председателя Национального комитета историков СССР и в этом качестве регулярно участвовал в международных встречах. Архивные материалы Международного комитета исторических наук (МКИН) свидетельствуют, что 29 февраля 1968 г. Губер известил заместителя председателя Национального комитета историков Португалии, профессора Лиссабонского университета Виржинию Рау (Virgínia Rau) о своем приезде на заседание Бюро МКИН в июле того же года [Réunion du Bureau de Lisbonne].

Из письма Рау к генеральному секретарю Международного комитета исторических наук, французскому профессору Мишелю Франсуа (Michel Marie François) от 18 марта 1968 г. узнаем, что Губер просил о возможности немного задержаться в Лиссабоне после завершения официальной программы. Желание ученого кажется вполне понятным, поскольку для него открылась уникальная возможность посетить страну, где, вероятно, ни один советский историк не бывал. 3 июля 1968 г. В. Рау написала в Париж М. Франсуа, что «по просьбе Португальского комитета исторических наук Министерство иностранных дел Португалии направило инструкции, с тем чтобы наше консульство в Париже и наше посольство в Вене (Австрия) выдали визы в порядке любезности профессорам А. А. Губеру, Александру Гейштору и Йоржо Тадичу, чтобы они могли прибыть в Лиссабон и принять участие в заседании Бюро Международного комитета исторических наук, которое состоится с 25 по 30 июля сего года» [Réunion du Bureau de Lisbonne]. Это была необходимая процедура, поскольку Португалия не поддерживала дипломатических отношений ни с одной социа-

листической страной Европы. По этой причине граждане этих стран (в данном случае – СССР, Польши и Югославии) должны были получать визы в португальских дипломатических представительствах других стран. Как уже говорилось ранее, советские граждане традиционно получали португальские визы в Париже.

Основные совещания Бюро состоялись 26–27 июля на гуманитарном факультете Лиссабонского университета. Среди главных тем обсуждения была подготовка Международного конгресса исторических наук в Москве в 1970 г. [Международные научные связи, л. 1]. Хозяева мероприятия организовали экскурсии для осмотра знаменитых средневековых памятников: бенедиктинского монастыря Санта-Мария-да-Витория в Баталье и цистерцианского монастыря Санта-Мария де Алкобаса, а также поездку в Коимбру для знакомства с университетом и его библиотекой. Увы, выявленные на сегодняшний день источники в архивах Москвы, Лиссабона и Парижа фиксируют лишь сам факт визита Губера и не дают иной, более подробной информации⁴.

Приведенный материал показывает, что, в отличие от естественных и технических наук, международные контакты советских гуманитариев с Португалией в конце 1950-х – 1960-е годы оставались крайне ограниченными и институционально узкими. Инициативы, исходившие от зарубежных коллег и адресованные конкретным советским ученым, нередко наталкивались на сопротивление академической бюрократии и нарушение устоявшихся иерархий, что фактически блокировало участие гуманитариев в международных форумах. Немногочисленные визиты, подобные поездке академика Губера, носили исключительный характер и были возможны лишь при сочетании высокого институционального статуса ученого и благоприятной международной конъюнктуры.

Среди поездок советских ученых в Португалию в эпоху «Нового государства» особняком стоит визит доктора геолого-минералогических наук, профессора, декана геологического факультета МГУ Алексея Алексеевича Богданова, который стал участником Коллоквиума по тектонике Иберийского полуострова с 10 сентября по 1 октября 1970 г. Уникальность поездки состоит в том, что профессор Богданов оказался едва ли не единственным советским ученым, кто получил возможность провести масштабные полевые исследования в Португалии, а не презентовать результаты уже проделанных научных работ. Обратим внимание и на дату проведения мероприятия, которая скорее всего соотносится с португальскими политическими реалиями. В августе 1968 г. после неудачного падения с шезлонга у Салазара началось резкое ухудшение здоровья. 27 сентября он был отстранен от власти. Новым главой правительства стал Марселу Каэтану. Время его нахождения у власти получило наименова-

4. Удивительно, но пока не удалось обнаружить отчета Губера об этой командировке, хотя по правилам того времени он должен был такой отчет представить.

ние «Марселистская весна» [Филатов 2023] Она характеризовалась попытками либерализации культурной, интеллектуальной, общественной жизни. Упомянутый международный Коллоквиум как раз хорошо соотносится с контекстом этого периода.

Идея его проведения возникла еще в начале 1960-х годов, когда после публикации первой тектонической карты Европы стало понятно, что отражение тектоники Пиренейского полуострова неудовлетворительно. Требовалось заново провести тектоническое картирование региона; тем более что уже был накоплен огромный полевой материал по Испании и Португалии, собранный не только учеными из этих стран, но и их коллегами из Франции, ФРГ, Нидерландов и др. Он требовал осмысления большой международной научной группы. В 1968–1969 гг. началась подготовка проекта международного Коллоквиума, который предполагал бы не только обмен информацией и обсуждение конкретных вопросов тектоники, но и проведение полевых исследований. Началась подготовка специального совещания в Париже, однако за несколько недель до его открытия испанская сторона уведомила, что проект следует отложить. Переговоры возобновились в Париже в марте 1970 г. при участии геологических комиссий Испании и Португалии. К участию в проекте были приглашены ученые Франции, ФРГ, Нидерландов, Великобритании и СССР. От СССР предполагалось участие А.А. Богданова, а также академиков Владимира Ивановича Смирнова и Александра Вольдемаровича Пейве; однако они в итоге не смогли поехать. Общую подготовку Коллоквиума взяла на себя Национальная геологическая комиссия Испании [Богданов 1971а, с. 115–116]. С апреля по август 1970 г. шла активная подготовка мероприятия, включавшая выработку и согласование маршрутов, назначение руководителей этапов и др.

Коллоквиум начался 10 сентября в Мадриде, где состоялся съезд участников. С 11 по 17 сентября ученые совершили экскурсию на север и северо-запад Испании, исследовав Кантабрийские горы. Оттуда они направились на северо-восток Португалии, где провели исследования в регионе Трас-ос-Монтес, посетили массив Морайш, оттуда направились к Порту, затем в Коимбру и оттуда в Лиссабон.

Богданов отмечал, что хотя «португальские коллеги не успели подготовить необходимый справочный материал по северу своей страны», этот недостаток искупался «исключительной темпераментностью, активностью и высокой квалификацией руководителя этой части поездки – молодого португальского геолога А. Рибейру» [Отчет о командировке проф. А.А. Богданова, л. 115]. Этот молодой ученый, Антониу Рибейру (António Augusto Ramos Ribeiro), так запомнившийся профессору Богданову, впоследствии обретет репутацию ведущего португальского специалиста в области тектоники плит, исследований сейсмической активности и методов оценки деформации земной коры. Он станет профессором Лиссабонского университета (1979) и действительным членом Лиссабонской академии наук (2000).

Хотя экспедиционный отчет Богданова был посвящен исключительно геологическим вопросам, визит в Коимбру произвел на него столь большое впечатление, что он позволил сделать небольшое лирическое отступление. Он писал: «В Коимбре, помимо ряда геологических объектов, был посещен знаменитый, один из старейших, Университет, который в последние годы обогатился новыми крупными лабораториями и аудиторными корпусами; но в котором бережно сохраняются как средневековые реликвии (залы XIV–XV веков), так и чудесная библиотека, выстроенная в начале XVIII века. Университет Коимбры в начале XX столетия славившийся своей консервативностью форм (студенты и профессора в плащах при шпагах!) – в настоящее время, видимо, является вполне современным заведением, со значительным числом студентов» [Отчет о командировке проф. А. А. Богданова, л. 83].

21 сентября в Лиссабоне в Генеральной дирекции по горному делу и геологическим службам Португалии было проведено заседание участников Коллоквиума, где были рассмотрены первичные результаты полевых работ. Богданов также посетил Лиссабонский университет, Геологическую комиссию Португалии, Геологический музей и успел посетить исторические памятники города [Отчет о командировке проф. А. А. Богданова, л. 84]. Стоит отметить, что он тепло отозвался в своем отчете об усилиях Геологической комиссии по организации полевых маршрутов, и особенно благодарил ее за предоставление всем участникам новейших геологических карт [Отчет о командировке проф. А. А. Богданова, л. 81]. Данная ремарка показательна в свете хорошо знакомых профессору Богданову реалий того времени: в СССР издание, хранение и оборот карт строго контролировались. Потому свободный доступ к картографическим материалам, имевшийся у зарубежных коллег, вызывал неподдельную зависть [Ковалев, Шешнёв 2025, с. 703].

22 сентября экспедиция выехала из Лиссабона на юго-запад Португалии, чтобы ознакомиться с геологическим районом Сезимбра, расположенным на Атлантическом побережье и связанным с горным массивом Аррабиды. Зона была примечательна тем, что в ней наглядно представлены молодые мезозойско-третичные структуры – горные образования, сложившиеся в последние десятки миллионов лет геологической истории. Именно тогда происходили крупные движения земной коры, которые привели к формированию современных горных систем. Молодые деформации накладывались на более древний геологический фундамент. Именно поэтому Сезимбра часто фигурировала в работах по тектонике юго-запада Пиренейского полуострова. После Сезимбры участники Коллоквиума посетили районы городов Бежа и Эвора и двинулись на самый юг Португалии. Вблизи устья реки Гвадиана ученые пересекли границу и вернулись на территорию Испании. 24–25 сентября они ознакомились с западной частью хребта Сьерра-Морена. 26 сентября в Кордове состоялось обсуждение научных результатов.

27–29 сентября были заняты осмотром западной и восточной частей горной системы Кордильера-Бетика. 30 сентября группа совершила последние экскурсии. По пути в Мадрид ученые осмотрели восточную часть массива Сьерра-Морена и Толедские горы.

За 20 дней участники Коллоквиума посетили все важнейшие тектонические зоны северо-западной, западной и южной Испании, а также всей материковой Португалии. В общей сложности они проделали на машинах путь более чем в 4800 км. 1 октября 1970 г. в Мадриде состоялось обсуждение итогов Коллоквиума в кабинете президента Национальной геологической комиссии. На этом заседании рассматривались общие принципы геологического районирования древних горных структур Испании и Португалии, сформировавшихся в палеозойскую эру (примерно 540–250 млн лет назад). Речь шла о том, как делить эти древние геологические области на крупные зоны и как правильно отразить их на тектонических картах. Кроме того, участники рассмотрели схему внутреннего деления более молодых горных образований альпийского возраста – прежде всего в Бетийской области на юге Испании. Эти горные комплексы возникли значительно позже палеозойских структур в результате альпийского горообразования, связанного со столкновениями литосферных плит [Богданов 1971а, с. 116].

Примечательна ремарка Богданова, относящаяся к дате проведения итогового заседания: «1 октября 1970 г. в Мадриде является неприсутственным днем в связи с юбилеем прихода к власти Каудильо. Поэтому на коллоквиуме не присутствовал президент комиссии, которого заменил г-н Альверайдо» [Отчет о командировке проф. А. А. Богданова, л. 94]. Это единственное упоминание пиренейских политических реалий в объемном отчете советского геолога. Его повествование о поездке по Испании и Португалии напрочь лишено политических и идеологических оценок. Напротив, весь текст дает ясно понять, как важны совместные усилия ученых разных стран для решения фундаментальных научных проблем. Богданов заключал: «Коллоквиум содействовал сближению точек зрения испанских и португальских геологов, которые впервые совместно осмотрели все тектонические области Иберийского полуострова. Коллоквиум был отлично организован. Он прошел строго по намеченной программе (без каких-либо сокращений) в предусмотренные сроки. Необходимо отметить исключительно дружескую и деловую обстановку, в которой проходила работа и которая царилась с момента открытия коллоквиума до его закрытия» [Отчет о командировке проф. А. А. Богданова, л. 97; Богданов 1971а, с. 116].

Поездка оказалась важной для научных исследований самого Богданова. В 1971 г. он опубликовал статью о палеозойских геологических структурах Испании и Португалии [Богданов 1971б]. Однако дальнейшей разработке накопленных материалов помешала смерть ученого 18 сентября 1971 г.

* * *

Выявленные и проанализированные примеры поездок советских ученых в Португалию в период «Нового государства» позволяют говорить о редком, но показательном канале научных контактов между странами, которые считали друг друга идеологическими противниками. Сам факт таких поездок был исключением из привычной для СССР географии обменов: Португалия находилась на периферии советской научной политики, воспринималась как политически сложное направление. Именно поэтому визиты советских делегаций приобретали особое значение. Они фиксировали стремление к расширению международных коммуникаций в сложных контекстах эпохи Холодной войны.

Показательно, что даже в тех случаях, когда португальские организаторы проявляли осторожную заинтересованность и приглашали советских участников (как в истории с химическим конгрессом 1956 г.), механизм принятия бюрократических решений в СССР работал с задержками и неизменно требовал внешних толчков – вмешательства различных административных инстанций. Повторяющимся мотивом становится спешность решений и, как следствие, неполная включенность советских докладов в официальные программы, необходимость экстренного согласования материалов и корректировки организационных планов уже на месте. Эти обстоятельства показывают, что даже при наличии политической воли и научного интереса командировка в Португалию оставалась для советской системы нетипичной задачей, требовавшей каждый раз специальных решений.

Хотя официальный Лиссабон, как свидетельствуют документы, прямо не препятствовал приезду советских ученых, но воспринимал их настороженно. Это подтверждают факты слежки за советскими гостями со стороны PIDE. Присутствие советских делегаций неизбежно имело политическое измерение. Отдельной системной особенностью выступали организационные трудности, обусловленные отсутствием дипломатических отношений между СССР и Португалией. Необходимость получать визы через третьи страны (прежде всего через Францию), сложные маршруты перелетов, дефицит билетов, трудности с обменом валюты превращали поездки советских ученых в цепочку трудностей.

Взаимное недоверие Москвы и Лиссабона не давало возможности формировать двусторонние научные контакты. Все известные опыты советско-португальского научного взаимодействия были вписаны в широкий контекст международных интеллектуальных коммуникаций. Характерно, что командировки советских ученых были связаны не с португальским направлением как таковым, на с их участием в международных конгрессах и конференциях, проводившихся на территории Португалии. Иными словами, Португалия выступала площадкой, но не самостоятельным научным партнером.

Дисциплинарный профиль командированных ученых также не случаен: почти исключительно это были представители естественных, медицинских и технических наук. Эти области знания были одновременно наиболее интер-

национализированными и наиболее прагматичными. Участие в конгрессах приносило несомненные эффекты – демонстрацию достижений советской науки, развитие отношений с важными международными организациями, доступ к научной информации. Напротив, гуманитарные контакты оказывались политически и идеологически уязвимыми, а потому ограниченными. Исключения были крайне редки и связаны с высоким статусом участника и международной конъюнктурой, что видно на примере визита академика Губера в 1968 г.

Таким образом, практика советского присутствия в Португалии отражала своего рода широкий перекося международной научной активности СССР в сторону точных и прикладных дисциплин при относительной слабости гуманитарного направления. В то же время португальские командировки – при всей их эпизодичности – были ярким индикатором широкой перестройки советской научной политики и научной дипломатии: от изоляции конца 1940-х – начала 1950-х годов до восстановления членства в международных объединениях и регулярном присутствии на международных научных площадках.

Библиография

Богданов А.А. Коллоквиум по тектонике Иберийского полуострова // Геотектоника. 1971. № 4. С. 115–116.

Богданов А.А. Некоторые особенности строения палеозойд Иберийского полуострова (Испания и Португалия) // Вестник МГУ. Сер. 4. Геология. 1971. № 5. С. 6–28.

Ковалев М.В. Российско-португальские научные связи на рубеже XIX–XX вв. и Франсишку Афонсу Шавиш (1857–1926) // Россия XXI. 2020. № 6. С. 116–135.

Ковалев М.В., Шешнёв А.С. Научные командировки А.В. Пейве в страны Восточной Европы в 1960–1980-е годы // Вопросы истории естествознания и техники. 2025. Т. 46. № 4. С. 690–713. DOI: 10.7868/S2713041X25060056

Материалы III Конгресса Международного союза архитекторов в г. Лиссабоне (отчеты, доклады, резолюция и др.) // РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 1290. Л. 1–305.

Материалы по подготовке и проведению заседания Ассамблеи и Исполкома МСА в Лиссабоне с 20 по 26 сентября 1959 г. // РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 1591. Л. 1–96.

Международные научные связи учреждений Отделения истории АН СССР в 1968 году // Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 550. Л. 1–50.

Отчет о деятельности Международной ассоциации по гидравлическим исследованиям, об участии СССР в международном обмене опытом, об участии советской делегации в работах VII конгресса Ассоциации в Лиссабоне и о посещении гидравлических лабораторий Франции и Португалии, июль–август 1957 г. // ЦГАНТД СПб. Ф. 315. Оп. 12. Д. 794. Л. 1–117.

Отчет о командировке проф. А.А. Богданова на Коллоквиум по тектонической карте Иберийского полуострова // АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 409. Л. 76–106.

Отчет Серенко А.Ф. об участии в семинаре-путешествии, организованном Европейским региональным бюро ВОЗ от 17 апреля по 17 мая 1958 года в Португалии и Англии // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 274. Л. 92–106.

Переписка с институтами АН СССР об участии советских ученых в работе XV Международного конгресса теоретической и прикладной химии, проводимого в Лиссабоне в 1956 г. // АРАН. Ф. 579. Оп. 1. 1955 г. Д. 11. Л. 1–60.

Переписка с институтами АН СССР по выездам советских ученых в Португалию для участия в IX Международном конгрессе по романской лингвистике, 1959 г. // АРАН. Ф. 579. Оп. 1. 1958–1968 гг. Д. 156. Л. 1–19.

Письмо Отдела административных органов ЦК КПСС М.А. Суслову, 9 августа 1958 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 267. Л. 55.

Письмо П.Г. Сергиева М.А. Суслову, 4 августа 1958 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 267. Л. 54.

Углов Ф.Г. Архив хирурга: встречи с иностранными коллегами. М.: АСТ, 2021. 400 с.

Филатов Г.А. Оттепель Марселу Каэтану // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2023. № 40. С. 106–124. DOI: 10.32608/2305-8773-2023-40-1-106-124

Филатов Г.А. Российско-португальские отношения: от первых контактов до Второй мировой войны // *Россия и современный мир*. 2024. № 4. С. 44–58. DOI: 10.31249/rsm/2024.04.03

Щелчков А.А., Филатов Г.А. Португалия Салазара: история самой длительной диктатуры в Европе. М.: Кучково поле, 2024. 400 с.

Brites J. Arquitectos e oposição ao Estado Novo // *Autoritarismos, totalitarismos e respostas democráticas / Coord. C. Cordeiro. Ponta Delgada; Coimbra: Universidade dos Açores; Universidade de Coimbra, 2011. P. 177–204.*

Carta de M. Malkiel-Jirmounsky a R. dos Santos, novembro de 1940. // Câmara Municipal de Cascais, Casa Reynaldo dos Santos Irene Quilhó dos Santos. PT/CMCSC-CRSIQS/RS/F/001-1048/003

Cópia da carta a J. Abadie, 28 de janeiro de 1938 // Câmara Municipal de Cascais, Casa Reynaldo dos Santos Irene Quilhó dos Santos. PT/CMCSC-CRSIQS/RS/F/002-001

Fee E., Cueto M., Brown T.M. At the Roots of The World Health Organization's Challenges: Politics and Regionalization // *American Journal of Public Health*. 2016. Vol. 106. N 11. P. 1912–1917. DOI: 10.2105/AJPH.2016.303480

Havik P.J. O IHMT numa perspetiva histórica: trajetórias institucionais desde 1950 // *Anais do Instituto de Higiene e Medicina Tropical*. 2015. Vol. 14. P. 85–100.

Kelly A.H., Valeeva D. The means and models of malaria eradication: Untangling the mosquito ovary across the Iron Curtain // *History of the Human Sciences*. 2025 (First published online: October 25, 2025). DOI: 10.1177/09526951251358127

Liebermann-Meffert D., White H. A Century of International Progress and Tradition in Surgery. Stuttgart; New York: Georg Thieme Verlag, 2005. 392 p.

Marques I.M.A. Arte e habitação em Lisboa 1945–1965: Cruzamentos entre desenho urbano, arquitetura e arte pública: Tese de doutoramento. Barcelona: Universitat de Barcelona, 2012. 563 p.

Michaels P.A. Soviet Medical Internationalism amid Destalinization, 1953–1958 // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2023. Vol. 50. N 1. P. 40–63. DOI: 10.30965/18763324-bja10070

O III Congresso da U.I.A. // *Arquitectura*. 1954. Ano XXVI. № 53. P. 9–14.

Petrovsky B.V. L'Utilisation du diaphragme dans les operations plastiques thoraciques // *Quinzieme Congres de la Societe Internationale de Chirurgie*. Lisbonne, 13–20 Septembre 1953. Bruxelles: Imprimerie H. De Smedt, 1954. P. 1545–1546.

Réunion du Bureau de Lisbonne, les 26 et 27 juillet 1968 // *Archives nationales de France*. 105AS/305.

World Health Organization. Regional Office for Europe. Sixty years of WHO in Europe. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2010. 70 p.

References

Bogdanov A.A. Kollokvium po tektonike Iberijskogo poluostrova [Colloquium on the Tectonics of the Iberian Peninsula] // *Geotektonika*. 1971. N 4. P. 115–116. (In Russ.)

Bogdanov A.A. Nekotorye osobennosti stroeniya paleozoyd Iberijskogo poluostrova (Ispaniya i Portugaliya) [Some Structural Features of the Paleozoic of the Iberian Peninsula (Spain and Portugal)] // *Vestnik MGU. Ser. 4. Geologiya*. 1971. N 5. P. 6–28. (In Russ.)

Brites J. Arquitectos e oposição ao Estado Novo // Autoritarismos, totalitarismos e respostas democráticas / Coord. C. Cordeiro. Ponta Delgada; Coimbra: Universidade dos Açores; Universidade de Coimbra, 2011. P. 177–204.

Carta de M. Malkiel-Jirmounsky a R. dos Santos, novembro de 1940. // Câmara Municipal de Cascais, Casa Reynaldo dos Santos Irene Quilhó dos Santos. PT/CMCSC-CRSIQS/RS/F/001-1048/003
Cópia da carta a J. Abadie, 28 de janeiro de 1938 // Câmara Municipal de Cascais, Casa Reynaldo dos Santos Irene Quilhó dos Santos. PT/CMCSC-CRSIQS/RS/F/002-001

Fee E., Cueto M., Brown T.M. At the Roots of The World Health Organization's Challenges: Politics and Regionalization // *American Journal of Public Health*. 2016. Vol. 106. N 11. P. 1912–1917. DOI: 10.2105/AJPH.2016.303480

Filatov G.A. Otpepel' Marselu Kaetanu [Marcelo Caetano's Thaw] // *Latinoamerikanskiy istoricheskii al'manakh*. 2023. N 40. P. 106–124. DOI: 10.32608/2305-8773-2023-40-1-106-124 (In Russ.)

Filatov G.A. Rossiysko-portugalskie otnosheniya: ot pervykh kontaktov do Vtoroy mirovoy voyny [Russian-Portuguese Relations: From the First Contacts to the Second World War] // *Rossiia i sovremennyy mir*. 2024. N 4. P. 44–58. DOI: 10.31249/rsm/2024.04.03 (In Russ.)

Havik P.J. O IHMT numa perspetiva histórica: trajetórias institucionais desde 1950 // *Anais do Instituto de Higiene e Medicina Tropical*. 2015. Vol. 14. P. 85–100.

Kelly A.H., Valeeva D. The means and models of malaria eradication: Untangling the mosquito ovary across the Iron Curtain // *History of the Human Sciences*. 2025 (First published online: October 25, 2025). DOI: 10.1177/09526951251358127

Kovalev M.V. Rossiysko-portugalskie nauchnye svyazi na rubezhe XIX–XX vv. i Fransishku Afonsu Shavish (1857–1926) [Russian-Portuguese Scientific Relations at the Turn of the 19th–20th Centuries and Francisco Afonso Chaves (1857–1926)] // *Rossiia XXI*. 2020. N 6. P. 116–135. (In Russ.)

Kovalev M.V., Sheshnev A.S. Nauchnye komandirovki A.V. Peyve v strany Vostochnoy Evropy v 1960–1980-e gody [Scientific Trips of A.V. Peyve to Eastern Europe in the 1960s–1980s] // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 2025. Vol. 46. N 4. P. 690–713. DOI: 10.7868/S2713041X25060056 (In Russ.)

Liebermann-Meffert D., White H. *A Century of International Progress and Tradition in Surgery*. Stuttgart; New York: Georg Thieme Verlag, 2005. 392 p.

Marques I.M.A. *Arte e habitação em Lisboa 1945–1965: Cruzamentos entre desenho urbano, arquitetura e arte pública: Tese de doutoramento*. Barcelona: Universitat de Barcelona, 2012. 563 p.

Materialy III Kongressa Mezhdunarodnogo soyuza arkhitektorov v g. Lissabone (otchet, doklady, rezolyutsiya i dr.) [Materials of the 3rd Congress of the International Union of Architects in Lisbon (Reports, Papers, Resolution, etc.)] // *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGA-LI)*. F. 674. Inv. 3. Fol. 1290. P. 1–305. (In Russ.)

Materialy po podgotovke i provedeniyu zasedaniya Assamblei i Ispolkoma Mezhdunarodnogo soyuza arkhitektorov v Lissabone s 20 po 26 sentyabrya 1959 g. [Materials on the Preparation and Holding of the Assembly and Executive Committee Meeting of the International Union of Architects in Lisbon, September 20–26, 1959] // *RGALI*. F. 674. Inv. 3. Fol. 1591. P. 1–96. (In Russ.)

Mezhdunarodnye nauchnye svyazi uchrezhdeniy Otdeleniya istorii AN SSSR v 1968 godu [International Scientific Contacts of the Institutions of the History Department of the USSR Academy of Sciences in 1968] // *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk (ARAN)*. F. 457. Inv. 1 (1953–2002). Fol. 550. P. 1–50. (In Russ.)

Michaels P.A. Soviet Medical Internationalism amid Destalinization, 1953–1958 // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2023. Vol. 50. № 1. P. 40–63. DOI: 10.30965/18763324-bja10070

O III Congresso da U.I.A. // *Arquitectura*. 1954. Ano XXVI. N 53. P. 9–14.

Otchet o deyatelnosti Mezhdunarodnoy assotsiatsii po gidravlicheskim issledovaniyam, ob uchastii SSSR v mezhdunarodnom obmene opytom, ob uchastii sovetской delegatsii v rabotakh

VII kongressa Assotsiatsii v Lissabone i o poseshchenii gidravlicheskih laboratoriy Frantsii i Portugalii, iyul'–avgust 1957 g. [Report on the Activities of the International Association for Hydraulic Research, on the USSR's Participation in International Exchange of Experience, Participation of the Soviet Delegation in the 7th Congress in Lisbon, and Visits to Hydraulic Laboratories in France and Portugal, July–August 1957] // Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv nauchno-tekhnicheskoy dokumentatsii Sankt-Peterburga. F. 315. Inv. 12. Fol. 794. P. 1–117. (In Russ.)

Otchet o komandirovke prof. A.A. Bogdanova na Kollokvium po tektonicheskoy karte Iberiyskogo poluostrova [Report on Prof. A.A. Bogdanov's Scientific Trip to the Colloquium on the Tectonic Map of the Iberian Peninsula] // ARAN. F. 579. Inv. 2. Fol. 409. P. 76–106. (In Russ.)

Otchet Serenko A.F. ob uchastii v seminare-puteshestvii, organizovannom Evropeyskim regional'nym byuro VOZ s 17 aprelya po 17 maya 1958 goda v Portugalii i Anglii [Report by A.F. Serenko on Participation in the Study Tour Organized by the WHO European Regional Office, April 17–May 17, 1958, in Portugal and England] // Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI). F. 5. Inv. 47. Fol. 274. P. 92–106. (In Russ.)

Perepiska s institutami AN SSSR ob uchastii sovetских uchenykh v rabote XV Mezhdunarodnogo kongressa teoreticheskoy i prikladnoy khimii, provodimogo v Lissabone v 1956 g. [Correspondence with Institutes of the USSR Academy of Sciences on the Participation of Soviet Scientists in the 15th International Congress of Pure and Applied Chemistry Held in Lisbon in 1956] // ARAN. F. 579. Inv. 1. 1955. Fol. 11. P. 1–60. (In Russ.)

Perepiska s institutami AN SSSR po vyezdam sovetских uchenykh v Portugaliyu dlya uchastiya v IX Mezhdunarodnom kongresse po romanskoj lingvistike, 1959 g. [Correspondence with Institutes of the USSR Academy of Sciences on Trips of Soviet Scholars to Portugal to Participate in the 9th International Congress of Romance Linguistics, 1959] // ARAN. F. 579. Inv. 1. 1958–1968. Fol. 156. P. 1–19. (In Russ.)

Petrovsky B.V. L'Utilisation du diaphragme dans les operations plastiques thoraciques // Quinzieme Congres de la Societe Internationale de Chirurgie. Lisbonne, 13–20 Septembre 1953. Bruxelles: Imprimerie H. De Smedt, 1954. P. 1545–1546.

Pis'mo Otdela administrativnykh organov TsK KPSS M.A. Suslovu, 9 avgusta 1958 g. [Letter from the Administrative Organs Department of the CPSU Central Committee to M.A. Suslov, August 9, 1958] // RGANI. F. 5. Inv. 47. Fol. 267. P. 55. (In Russ.)

Pis'mo P.G. Sergieva M.A. Suslovu, 4 avgusta 1958 g. [Letter from P.G. Sergiev to M.A. Suslov, August 4, 1958] // RGANI. F. 5. Inv. 47. Fol. 267. P. 54. (In Russ.)

Réunion du Bureau de Lisbonne, les 26 et 27 juillet 1968 // Archives nationales de France. 105AS/305.

Shchelchkov A.A., Filatov G.A. Portugaliya Salazara: Istoriya samoy dlitel'noy diktatury v Evrope [Salazar's Portugal: The History of the Longest Dictatorship in Europe]. Moscow: Kuchkovo pole, 2024. 400 p. (In Russ.)

Uglov F.G. Arkhiv khirurga: vstrechi s inostrannymi kollegami [A Surgeon's Archive: Meetings with Foreign Colleagues]. Moscow: AST, 2021. 400 p. (In Russ.)

World Health Organization. Regional Office for Europe. Sixty years of WHO in Europe. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2010. 70 p.

Т.М. Фадеева

**ТИТУЛ ЕКАТЕРИНЫ II «ЦАРИЦА ХЕРСОНИСА ТАВРИЧЕСКОГО»
КАК ЧАСТЬ «ГРЕЧЕСКОГО ПРОЕКТА» И РОЛЬ ЕПИСКОПА
СТАНИСЛАВА БОГУШ-СЕСТРЕНЦЕВИЧА В ЕГО
ГЕРАЛЬДИЧЕСКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о новом императорском титуле Екатерины II. От даты присоединения Крыма к России 8 апреля 1783 г. прошло менее года, когда 2 февраля 1784 г. была принята новая форма полного титула императрицы, в котором появились слова «Царица Херсониса Таврического», и указ Сенату об учреждении Таврической области. Замыкая ряд ранее присоединенных ордынских ханств, ныне царств Казанского, Астраханского, Сибирского, Крымское ханство выстуило под названием царства Херсониса Таврического, отсылавшего к античному и византийскому наследию и отвечавшего идеям «Греческого проекта».

При скудости знаний о Крыме и даже о локализации Херсонеса – Херсона – Корсуни как места крещения Руси возникает вопрос об источнике самой формулы и участвовавшего наименования Крымского полуострова определениями «Таврический» и «Таврида». Представляется, что при ответе на эти и другие вопросы может помочь обращение к научному и литературному наследию римско-католического архиепископа Станислава Богуш-Сестренцевича, посвященного Крыму, и его контактам с Г.А. Потемкиным и Екатериной II. Особое внимание автором уделено сочинениям архиепископа «История царства Херсонеса Таврического (Истории Тавриды)» и трагедии «Гикия в Тавриде», по мотивам труда Константина Багрянородного «Об управлении империей».

Ключевые слова: Екатерина II; «Греческий проект»; локализация Херсона – Корсуни; Херсонес Таврический; Станислав Богуш-Сестренцевич; трагедия «Гикия в Тавриде»; Константин Багрянородный; таврская богиня в нумизматике и эпиграфике; царица – базилисса Херсонеса.

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Москва, Россия.

E-mail: fadeewatatjana@yandex.ru

Scopus Author ID: 57417541300

ORCID ID: 0000-0002-6371-9157

T.M. Fadeeva

Catherine II's title "Tsarina of the Tauric Chersonesus" as part of the 'Greek Project' and the role of Bishop Stanislaw Bohusz-Siestrzeńcewicz in its heraldic and geographical justification

Abstract. The article examines the issue of the new imperial title of Catherine II. Less than a year had passed since the annexation of Crimea to Russia on April 8, 1783, when, on February 2, 1784, a new form of the empress's full title was adopted, in which the words "Tsarina of the Tauric Chersonesus" appeared, along with a decree to the Senate on the establishment of the Tauride region. Closing the row of previously annexed Horde khanates, now the kingdoms of Kazan, Astrakhan, and Siberia, the Crimean Khanate was designated under the name of the kingdom of Tauric Chersonesus, referring to the ancient and Byzantine heritage and responding to the ideas of the "Greek project."

Given the paucity of knowledge about Crimea and even about the localization of Chersonesus–Kherson–Korsun, as the place of the baptism of Rus', the question arises regarding the source of both the formula itself and the increasingly frequent naming of the peninsula with the definitions "Tauride" and "Taurida." It seems that the answer to these and other questions can be found in the scientific and literary heritage of the Roman Catholic Archbishop Stanislaw Bohusz-Siestrzeńcewicz (1731–1826), which is dedicated to Crimea, and in his contacts with G.A. Potemkin and Catherine II. Particular attention is given to his works "The History of the Kingdom of Tauric Chersonesus" ("The History of Taurida") and the tragedy "Gikia in Taurida", based on the work of Constantine Porphyrogenitus.

Keywords: Catherine II; "Greek project"; localization of Kherson-Korsun; Tauric Chersonesus; Stanislaw Bohusz-Siestrzeńcewicz; tragedy "Gikia in Taurida"; Constantine Porphyrogenitus; Taurian goddess in numismatics and epigraphy; queen – basilissa of Chersonesus.

**Fadeeva Tatyana Mikhailovna – Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher of Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Moscow, Russia.**

E-mail: fadeewatatyana@yandex.ru

Scopus Author ID: 57417541300

ORCID ID: 0000-0002-6371-9157

В статье рассматривается история появления нового императорского титула Екатерины II «Царица Херсониса Таврического», зафиксированного геральдически менее чем через год после присоединения Крыма к России.

Манифестом от 8 апреля 1783 г. объявлялось, что «полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону» решено было «взять под державу Нашу» [О принятии... 1830, с. 898], а уже 2 февраля 1784 г. была учреждена Таврическая область [Об учреждении... 1830] и принята новая форма полного титула императрицы: «Божию поспешествующею милостию Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская: Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская,

Царица Сибирская, Царица Херсониса Таврическаго, Государыня Псковская...» [Форма полного титула... 1830, с. 17]. Итак, в титулатуре появились слова «Царица Херсониса Таврическаго».

Каковы особенности новой формулы и что послужило основой ее появления? С конца XVI в. в титуле российских государей было три «царства» – Казанское, Астраханское и Сибирское¹. Логично было бы ожидать, что Крым как ликвидированное ханство продолжит ряд бывших ордынских ханств под названием *Крымское царство*. Однако он замкнул этот ряд в ином качестве – как *царство Херсониса Таврическаго*. Здесь статус царства трактовался шире, отсылая «к византийскому наследию» [Пчелов 2012, с. 175]. «Ведь царями на Руси именовали прежде всего византийских императоров, – подчеркивает Е.В. Пчелов, – а само появление царского статуса у русских государей воспринималось также как воплощение преемственности от Византии», «частью» которой «Крым когда-то являлся» [там же].

Херсонес – античный город-полис – оставался центром византийских владений на Крымском полуострове, а в IX в. получил статус фемы – военно-административной области Византийской империи. «Царство Херсониса Таврическаго» подчеркивало «преемственность от Византии» как «одной из ее частей» [там же, с. 176]. «Сама же форма “Херсонис”, – подмечает Е.В. Пчелов, – отражала современное Екатерине II, новогреческое произношение, что соотносилось с актуальными политическими задачами “Греческого проекта”» [там же].

Екатерина II и поощряемые ею идеи «Греческого проекта» трактовали присоединение Новороссии и Крыма «как справедливое “возвращение” на исконно православные греческие территории и восстановление на этих землях исторической преемственности от Византии, наследницей которой считалась Российская империя» [там же, с. 174]. Отсюда еще один аспект «Греческого проекта» – возрождение дотатарских названий – прежде всего *Таврия* и *Таврида*. Поэтому новая область именовалась не Крымской, а *Таврической*, ряду городов, известных с античности, возвращались прежние названия, а новые города получали названия, восходящие к греческой топонимии [там же].

Необычность, даже парадоксальность нового титула можно увидеть и в том, что авторы титула, живописуя Херсонес, причем не только как место крещения киевского князя Владимира, но как «царство», в момент присоединения Крыма к России располагали весьма смутными сведениями о локализации реального Херсонеса – Херсона. Русские и малороссийские книжники помнили о Корсуне как о месте крещения князя Владимира, не придавая значения его локализации. Однако после того как в середине XV в. жители оставили

1. Эти «царства» были ордынскими ханствами, обозначение которых царствами восходит к средневековой русской традиции наименования ордынского хана царем [Пчелов 2012, с. 175].

город, его местоположение было скоро забыто. «Поиски византийского Херсона стали актуальной задачей», поскольку «крещение Владимира в Херсоне было важным аргументом российской государственной идеологии, оправдывающей притязания на южные земли», – пишет в специальном исследовании этого вопроса Н.И. Храпунов [Храпунов 2016, с. 236]. По его наблюдениям, «путешественники и кабинетные исследователи предложили несколько вариантов локализации византийского города на Крымском полуострове и за его пределами» [там же].

Екатериной II была воспринята версия, согласно которой Херсон располагался в нижнем течении реки Днепр. 18 июня 1778 г. императрица своим указом новороссийскому генерал-губернатору князю Г.А. Потемкину предписала основать «гавань и верфь» на Днепро-Бугском лимане, назвав ее «*Херсоном*» [О назначении места... 1830, с. 722, 723]. Императрица первоначально предпочла локализацию на Днепре, исходя из кратких слов летописи о том, что князь Владимир, осадивший Корсунь, «ста... в лимени» [Повесть временных лет 1997, стлб. 109], где и был основан современный Херсон, причем устье Днепра воспринималось как залив Черного моря. Указание на лиман («в лимени») послужило основанием возникновения других вариантов. Так, В.Н. Татищев обратил внимание на Кинбурнскую косу и решил, что «Корсунь же не иной как ныне именуемой Кинбурн» [Татищев 1995, с. 232, примеч. 182]. Это соображение показалось императрице убедительным, хотя в «Записках касательно Российской истории» она допускала различные варианты: «Писатели о сем граде Корсуне говорят разное: иные кладут точно быть Кинбурну; другие полагают нынешнюю Ахтиарскую гавань на Черном море в Крыму; третьи почитают город Кафу на том же полуострове. Но понеже летописцы именно говорят Корсун на Лимане, то вероятнее видится Кинбурн» [Екатерина II 1787, с. 124–125, примеч. 9].

В отличие от кабинетных исследований, военные топографы уверенно располагали Херсонес на берегах Ахтиарской бухты. В письме Екатерине II Г.А. Потемкин назвал «Таврический Херсон источником нашего христианства, а потому и людскости» [Екатерина II и Г.А. Потемкин 1997, № 674, с. 180]. Здесь топоним «Таврический Херсон» уже употреблялся в значении всего Крымского полуострова [Храпунов 2016, с. 243].

Экспедиция В.Ф. Зуева (1754–1794) от Академии наук была направлена в Крым еще в 1781–1782 гг. [Тункина 2002, с. 43–44]. Затем Г.А. Потемкин организовал поиски развалин Корсуна как места крещения князя Владимира. Так, он поручил подполковнику Бальдани отыскать материальные остатки, связанные с этим событием. Посетив реальное городище Херсонеса в юго-западном Крыму, Бальдани нашел близ него остатки подземного водопровода [Богуш-Сестренцевич 1806, с. 340, примеч. 1], который, согласно летописи, Владимир при-

казал разрушить, чтобы принудить горожан сдаться². Эту локализацию поддерживал ученейший митрополит Евгений Булгарис, находившийся тогда в Крыму. В беседе с Ш.-Ж. Роммом в 1786 г. он указал, что «древний Херсон находился в Актиаре, на месте нынешнего Севастополя» [Ромм 2011, с. 71]. Летом 1783 г. Потемкин поручил К.И. Габлицу (1752–1821) «составить естественнонаучное описание Крыма “по всем трем царствам природы”» [Тункина 2002, с. 45]. «Физическое описание Таврической области» увидело свет в 1785 г., историческое было окончено в 1787 г.³ «Богатые античными памятниками земли обратили на себя внимание представителей различных слоев русского общества... приступивших к экономическому освоению... Новороссийского края, – пишет И.В. Тункина. – В списках широко распространились краткие исторические известия о Крыме, как правило анонимные» [там же, с. 39].

Все упомянутые, однако, сочинения были изданы уже после принятия нового титула императрицы и поэтому не проливают свет на его происхождение. Неудовлетворительное же состояние знаний о Херсонесе и Крыме в 1783–1784 гг., как показано выше, позволяет поставить вопрос: откуда была почерпнута формула «царство Херсониса Таврического»?

Обратимся к личности и трудам римско-католического архиепископа Станислава Богуш-Сестренцевича (1731–1826). «Поэт, драматург, переводчик, философ, лингвист, филолог и историк, – пишет о нем белорусский исследователь его творчества М.А. Попов, – он пользовался среди своих современников заслуженной славой эрудита и популяризатора научного знания» [Попов 2011, с. 42]. Уроженец Великого княжества Литовского, он питал естественный интерес к истории этого крупного и влиятельного средневекового княжества, которая неоднократно переплеталась с историей Крыма. Имя Станислава Богуш-Сестренцевича тесно связано с самой ранней историографией Тавриды. Именно в его сочинениях названию «Крымское ханство» устойчиво предпочиталась в тех или иных вариантах формула «царство Херсонеса Таврического», которая подразумевала под собой греческое и византийское наследие⁴.

2. В 1786 г. французский путешественник Ш.-Ж. Ромм видел в канцелярии таврического губернатора в Симферополе «сочинение г-на Бальдани о Тавриде» (не сохранилось) [Ромм 2011, с. 122].

3. К.И. Габлиц 29 мая 1787 г. в Карасубазаре (ныне г. Белогорск) поднес Екатерине II «первую часть исторического описания Тавриды, а также труд с анализом географических известий античных и средневековых авторов», за что получил от императрицы орден Святого Владимира 4-й степени и бриллиантовый перстень [Тункина 2002, с. 45–46].

4. Историческим «фундаментом» мифологемы «Царства Херсониса Таврического» предположительно стали упоминания «о Корсуньстеи стране» [Повесть временных лет 1997, стлб. 50] и о царице Корсунской Анне в русско-византийском договоре 944 г. и в изводе Жития святого Стефана Сурожского, соответственно.

Судьба или, скорее всего, крутые повороты истории екатерининского правления свели императрицу с архиепископом за 10 лет до присоединения Крыма к России. По итогам первого раздела Речи Посполитой (1772) в Российскую империю влилось население римско-католического исповедания (преимущественно этнические литовцы и белорусы), которому требовался духовный пастырь. На должность «Епископа Католических в России церквей» императрица выбрала Станислава Богуш-Сестренцевича. Этому способствовала его слава проповедника. Особенно важную роль в его карьере сыграла проповедь 13 ноября 1771 г. в кафедральном соборе в Вильно (ныне Вильнюс), в которой он после покушения на польского короля Станислава Августа Понятовского «осудил всякую попытку неповиновения» ему и «призвал во всем подчиняться монаршей воле» [Попов 2011, с. 43]. Во время «антиправительственного и антироссийского вооруженного восстания шляхты» (Барская конфедерация 1768–1772), отрицательного восприятия Станислава Августа и Екатерины II, необходимо «было обладать смелостью и блестящим ораторским мастерством, чтобы убедить» паству «в правильности своей точки зрения» [там же]. Речь была отпечатана и послана польскому королю, который в свою очередь велел разослать ее по владетельным европейским дворам. Екатерина II оценила ораторское искусство и ход мыслей Станислава Богуш-Сестренцевича как хорошего посредника между Императорским двором и католическим населением присоединенных земель.

Белорусские исследователи М. А. Попов и А. И. Ганчар считают, что 1773 г. оказался «переломным в судьбе» епископа [Попов, Ганчар 2012, с. 148]. Поясняя это, они пишут: «Определяя его на белорусскую кафедру, российская императрица... надеялась найти сотрудника, который не только был бы верным исполнителем ее воли, но также сумел бы понять ее политику, разделить ее идеи. Сам митрополит являлся одним из тех представителей католического духовенства, которые в XVIII в. выступали за идею подчинения церкви государству, видя в нем гаранта стабильного развития. <...> Екатерина II возвела С. Богуша-Сестренцевича в сан могилевского архиепископа-митрополита и заставила папу канонически утвердить свое назначение» [там же, с. 148–149].

Указ о назначении Станислава Богуш-Сестренцевича архиепископом Могилевским, который должен был передать ему Г.А. Потемкин, Екатерина II подписала 17 января 1782 г. (см. текст документа: [там же, с. 194–198]). Их встреча состоялась весной 1783 г. в Крыму. Потемкин предложил архиепископу, по словам историка А.В. Старчевского, написать «историю новоприсоединенной страны» [Старчевский 1852, с. 58], будучи поражен не только его «обширной эрудицией» [там же, с. 57], но и особенно формулой «царство Херсонеса Таврического», удачно сменившей название «Крымское ханство».

В 1783 г., после путешествия в Крым, полный впечатлений и «желающий отблагодарить» [Попов 2011, с. 44] императрицу и Г.А. Потемкина, Стани-

слав Богуш-Сестренцевич сочинил трагедию в стихах «“Гиция в Тавриде”». Трагедия, написанная автором “Истории Таврической”» («Gicya w Taurydzie. Tragedia przez autora «Historii Tauryskiej» parisana»), изданную в Могилевской типографии в том же году. Такое заглавие дало повод польскому библиографу К. Эстрейхеру отнести первое издание «Истории Тавриды» к 1780 г. [там же, с. 46, примеч. 2]. Речь могла идти о раннем варианте рукописи по истории Крыма, которую автор после путешествия по Тавриде с Потемкиным и прямого заказа по написанию такого труда счел необходимым дополнить и усовершенствовать. В пользу предположения о варианте более раннего издания в местной типографии (в 1774 г. им была основана в Могилеве типография, печатавшая не только духовную, но и светскую литературу) свидетельствует то, что сюжет о Гикии, героине Херсона, означает знакомство автора с сочинением византийского императора Константина Багрянородного (908–959) «Об управлении империей», которое кратко воспроизводилось во всех изданиях «Истории Тавриды». Трагедия «Гикия в Тавриде» неоднократно ставилась «на сцене театра» З.Г. Чернышева – в 1772–1782 гг. белорусского генерал-губернатора [там же, с. 44]. В настоящее время оригинал трагедии хранится в библиотеке Виленского университета [там же]. Профессор Гданьского университета, исследующая историю польского театра XVIII в., И. Кадульская предположила, что Станислав Богуш-Сестренцевич написал пьесу в связи с приездом в 1780 г. Екатерины II в Могилев для встречи с императором Иосифом II [Kadulska 1997, s. 55]. Сюжет трагедии был заимствован у Константина Багрянородного и значительно переиначен в духе трагедий времени, где главной пружиной действия обычно была борьба между любовью и долгом. *Царица* Херсона Гиция (Гикия) любила Савромата – сына боспорского короля. В боевом столкновении победу одержали войска херсонской царицы, после чего Савромат женился на Гикии. Согласно авторской задумке, «образ царицы Херсона... должен был символизировать образ... Екатерины II» [Попов 2011, с. 44; Попов, Ганчар 2012, с. 136]. Не здесь ли впервые прозвучал титул «Гикия, царица Херсонеса Таврического»?

Однако, «имев по должности мало свободных часов» [Богуш-Сестренцевич 1806, с. 7], митрополит Могилевский сумел завершить свой труд спустя 17 лет. В 1800 г. в г. Брауншвейг увидело свет двухтомное исследование на французском языке «Histoire du royaume de la Chersonese Taurique (Histoire de la Tauride)» [«История царства Херсонеса Таврического (История Тавриды)»], в котором описана судьба Крыма с древнейших времен и до его присоединения к России. Образованные круги общества смогли ознакомиться с этой работой год спустя, о чем свидетельствует посвящение императору Александру I, датированное июлем 1801 г. В 1806 г. Станислав Богуш-Сестренцевич издал исправленный и дополненный текст на русском языке под названием «История царства Херсонеса Таврийского (История о Таврии)», сочиненная на французском языке Станиславом Сестренцевичем Богушем, Преосвященным Митро-

политом Римско-Католических церквей в России, Архиепископом Могилевским». Основанное на трудах античных и средневековых авторов, а также на впечатлениях от поездки по Крыму с князем Г. А. Потемкиным летом 1783 г. и с Екатериной II в ходе ее знаменитого путешествия 1787 г., сочинение архиепископа было одной из наиболее ранних и значимых работ по истории Крыма в период после присоединения полуострова к России. В 1824 г. в Санкт-Петербурге появилось обновленное издание на французском языке.

Главный упрек, обращенный к автору современными исследователями, состоит в том, что его труд сводится в основном к пересказу античных и средневековых источников, иногда дополняемых критическими замечаниями. Впрочем, едва ли в период нахождения полуострова под властью Крымского ханства и Османской империи были возможны научные исследования в нашем понимании. Автор ограничился материалом, которым можно было располагать в тех условиях, собрав необходимую основу для дальнейшего изучения полуострова, ставшего наконец доступным для ученых. Именно это, как заслугу архиепископа Могилевского, отметила И. В. Тункина: «Несмотря на компилятивный характер и полное отсутствие критики использованных автором источников... эта книга явилась одним из первых сводных пересказов нарративной традиции о северном побережье Понта» [Тункина 2002, с. 42].

Для последующих поколений исследователей сочинение стало «вернейшим указателем источников, в коих можно находить сведения о Тавриде» [цит. по: там же]. Добавим, что архиепископ, будучи видным ученым и ярким представителем эпохи Просвещения, не ограничился «сводным пересказом свидетельств разновременных письменных источников» [там же, с. 319], но высказал некоторые важные положения, развитые в дальнейшем другими. Сам выбор названия его сочинения послужил «установочным материалом», сосредоточившим внимание на античной и византийской традиций, столь важных для последующего обоснования идеи о Херсонесе-городе на берегу обширнейшей бухты юго-западного Крыма как сакральном месте принятия христианства на Руси.

В своем объемистом сочинении автор последовательно проводит в качестве названия полуострова, вместо общепринятого в его время *Крым*, – Таврия, Таврида, Таврический (Tavria, Tauride, Taurique): «...имя Таврии... есть древнейшее название сего полуострова, а тавры – древнейшие его жители» [Богуш-Сестренцевич 1806, с. 45]. Все остальные народы, во множестве перебивавшие на полуострове, были пришлыми, их имена отложились в многовековой истории полуострова – Киммерия, Скифия, Крымская Готия, Хазария и др., но пальму первенства, по мнению архиепископа, надлежало отдать самому первому, раннему, оседлому населению – таврам, отсюда *Таврия*, *Таврийский полуостров*, *Таврида*. Именно эти названия стали наиболее употребительными для Екатерины II, Г. А. Потемкина и, соответственно, для российских подданных.

Императрица проявляла особую заинтересованность в восстановлении и даже изобретении греческих названий. В этом просматривалось волевое, намеренное начало, поскольку обращение к традиции собственно города и республики Херсонес античного и средневекового времени давало не так много. Херсонес – это просто полуостров (а таких названий было немало), далее следовало уточнение «Херсонес в Таврике» (см. подробнее: [Храпунов 2006, с. 579]). В свою очередь, Херсонес Таврический мог относиться к «малому Херсонесу» – «современному Гераклеяскому полуострову» [там же, с. 572], ограниченному линией (предположительно стеной), проведенной между верховьями бухт Севастопольской и Балаклавской. В лучшие времена он включал и более обширные территории, но при этом никогда не служил обозначением Крыма в целом. Однако, как предпочтение греко-римской, византийской традициям, названия *Херсонес Таврический*, *Таврида* распространились на весь полуостров.

Еще один вопрос, пока не нашедший объяснения, возникает в связи с заглавием сочинения Станислава Богуш-Сестренцевича «История царства Херсонеса Таврического...». Автору, знатоку античных и средневековых текстов, было отлично известно, что Херсонес, в отличие от Боспорского царства, с самого начала был республикой и соблюдал принципы коллегиального, выборного правления на всех этапах своего существования. Более того, в его сочинении соответствующий раздел озаглавлен так: «Книга VI. О Херсонитской или Херсонесской Республике в Таврии» [Богуш-Сестренцевич 1806, с. 285]. Откуда же царство?

Херсонес являлся представителем интересов Империи: «Ведущий византийский центр Крыма, с которым по значимости не могли соперничать иные города и крепости Таврики, оставался оплотом империи, одной из ее нескольких десятков военно-административных единиц – фем» [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 268]. В договоре 944 г. ««князи Рустии» признавали византийскими все («елико же есть») города «Корсунской страны», то есть не один Херсон, но, очевидно, известные «кастра климатов» (горные крепости. – Т. Ф.), снова собранные воедино под властью василевса ромеев» [там же, с. 269].

Здесь необходимо обратиться к особенностям правления, связанным с духовным миром и религиозными традициями граждан, в которых отразился сплав эллинских и таврских представлений о верховном местном божестве и его роли в жизни республики. В настоящее время их дополняют археологические находки, предоставившие исследователям богатства эпиграфики и нумизматики. На их основе мы обратимся к вопросу о «царстве» в Херсонесской республике или о мудрости выборных правителей древнего Херсонеса.

Во всех изданиях «Истории Тавриды» архиепископ обращался к труду Константина Багрянородного, в котором последняя обширная 53-я глава посвящена Херсонесу [Константин Багрянородный 1989, с. 259–273]. Современные

историки в целом согласны, что в основу этой главы «легли местные, херсонесские хроники» [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 97], о существовании которых свидетельствует, в частности, эпитафическая находка – надпись в честь историка Сириска III в. до н. э. «К сожалению, – пишут исследователи Херсонеса, – они дошли до нас только в таком виде, “из вторых рук”, и поэтому вызывают... противоречивые толкования, требуют особенно осторожной исторической трактовки» [там же].

53-я глава посвящена перипетиям борьбы Боспорского царства за овладение Херсонесом, причем последняя попытка связана с тем, что боспорский царь Асандр устроил женитьбу своего сына на Гикии, дочери херсонесского протевона Ламаха. Последний поставил условием, чтобы молодые остались жить в Херсонесе, в доме тестя. Однако сын Асандра «тайно от жены приводил» в этот дом в течение двух лет «по несколько воинов, которые в подходящий момент должны были открыть ворота в городе боспорским войскам» [там же]. Гикия, случайно обнаружив засаду, как истинная патриотка родного города, пожертвовала домом и мужем: она «приказала закрыть выходы из дома», обложить его хворостом и «подожгла его» [там же]. Враги задохнулись в дыму и пламени, но город был спасен.

На этот сюжет книги «Об управлении империей» опирался Станислав Богуш-Сестрэнцевич в трагедии «Гикия в Тавриде», где перед ним стояла сверхзадача – прославить Екатерину II в образе Гикии. На правах автора-сочинителя архиепископ вывел свою героиню в образе царицы Херсонеса Таврического. Учитывая особенности управления Херсонесом, он имел на это определенные основания. В рассказе Константина Багрянородного упоминается, что в городе в честь Гикии за ее подвиг были поставлены две статуи. В одной она представлена в скромном виде в момент разоблачения перед старейшинами предательства мужа-боспорянина, на другой – в виде грозной воительницы с луком и копьем⁵.

Подобные статуи таврской богини Девы известны в античном мире, существование же такой статуи в Херсонесе исследователи связывают прежде всего с тем, что на серии монет она изображена в различных ракурсах. Так, нумизмат В.А. Анохин считал, что описание второй статуи «полностью соответствует раннему монетному типу Девы» («защищающейся»), а «версия, именуемая

5. *Византийский император писал: «Тогда как на одной стеле они поместили ее скромно наряженной и открывающей горожанам все, связанное с заговором ее собственного мужа, на другой они представили ее действующей и ведущей борьбу с затеявшими заговор против города. На пьедестале статуи они описали все совершенные ею с помощью божией благодетельности для горожан. Если находится любитель прекрасного, он регулярно от времени до времени обтирает пьедестал статуи, чтобы можно было прочесть на нем о событиях и вспомнить о совершенном ею и о провале козней боспорян» [Константин Багрянородный 1989, с. 271].*

статую божества Гикией, появилась, вне всяких сомнений, в позднее время как результат приспособления остатков языческих верований и «идолов» к новой, христианской религии» [Анохин 1977, с. 76]. Действительно, на реверсе ряда херсонесских монет, начиная с выпуска, датируемого Анохиным 63–47 гг. до н.э., появляется тип «Дева в рост с луком и копьем», варианты которого существуют непрерывно почти до конца античного чекана, т. е. до второй половины III в. н.э. Авторы книги «Жизнь и гибель Херсонеса» подчеркивают, что «... описания этой статуи полностью совпадают со статуарным типом главной богини Херсонеса – Девы, который с середины I века до н. э. появляется на монетах города. Таким образом, в данном случае сведения письменных источников хорошо согласуются с изображениями на монетах» [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 97]. Этому взгляду также придерживаются историки В.В. Хапаев и М.И. Золотарев, отмечая «статуи» в честь Гикии, «одна из которых изображала героиню в образе богини Девы-заступницы» [Хапаев, Золотарев 2008, с. 115].

Эпиграфические находки и изображения на монетах указывают, что херсонесцы с самого начала усвоили местный культ Девы. В знаменитой присяге, начинающейся с имен важнейших богов, она упомянута четвертой, но первой, предваряя неназванных олимпийских богов и богинь: «Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой, богами и богинями Олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укреплениями Херсонесцев» [цит. по: Латышев 1909, с. 145]. Среди надписей, относящихся к культу Девы, есть посвящения от частных лиц, декреты и почетные надписи, охватывающие период с IV в. до н.э. по II в. н.э. Свидетельство «особого статуса богини» – «эпиграфические памятники, в которых вместо имени гражданина, являвшегося базилеем-эпонимом⁶, было выбито «В царствование Девы...»; «приложили печать в первом ряду: богиня-базилисса» (царица)» [Романчук 2008, с. 596]. Возникновение особого статуса богини было обусловлено постоянной военной угрозой (см.: [Толстой 1918, с. 112–113; Зограф 1951, с. 154–158]); к тому же средства на изготовление плит с декретами, а также для выпуска монет черпались из сокровищницы храма в кризисные времена. В такие годы «магистратура базилея-эпонима» нередко «оставалась вакантной» и «ее «занимала» богиня Дева» [Романчук 2008, с. 598]. В притворе храма Девы была поставлена мраморная плита с надписью III в. до н.э. в честь историка Сирика, а сам он увенчан золотым венком за то,

6. Т.е. «царем». Как писал В.М. Зубарь об управлении Херсонесом: «Определенное место в системе государственной власти занимал “царь”, именем которого назывался год. “Царь” также председательствовал на праздниках и был представителем государства в религиозных делах» [Сорочан, Зубарь, Марченко, с. 79]. Подобная практика наблюдалась и на «родине основателей Херсонеса – Гераклея Понтийской», как и «в некоторых других дорийских полисах», где «эпонимными магистратами» являлись «архонты-базилеи» [Романчук 2008, с. 596].

что в своем труде описал «явления Девы» как спасительницы города от различных угроз, начиная от варварских набегов и кончая непростыми взаимоотношениями Херсонеса с Боспором и с другими близлежащими городами⁷. Так в народном сознании отразилось представление о заступничестве богини, выступающей в статусе «басилиссы (царицы) Херсонеса Таврического». В честь нее воздвигались статуи, чеканились монеты с ее изображением, на пьедестале высекались надписи о победах со словами благодарности ее покровительству.

Представляется, что эта традиция отразилась в сочинении Константина Багрянородного в образе легенды о Гикии и ее статуях и, возможно, нашла продолжение в титуле, предложенном Станиславом Богуш-Сестренцевичем Екатерине II.

Библиография

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.

Богуш-Сестренцевич С. История царства Херсонеса Таврийского (История о Таврии). Т. 1. СПб.: Типография Шнора, 1806. 442 с.

Декрет в честь историка Сирика // *Inscriptions of the Northern Black Sea*. URL: <https://iospre.kcl.ac.uk/3.1-ru.html> (дата обращения: 08.01.2026).

Екатерина II. Записки касательно Российской Истории. Ч. 1. СПб.: Императорская типография, 1787. 416, [2] с.

Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 / изд. подгот. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997. 990 с.

Зограф А.Н. Античные монеты. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 264 с, 25 ил. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1989. 496 с.

Латышев В.В. Гражданская присяга херсонесцев // ПОНТИКА. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1909. С. 142–160.

О назначении места для заведения на Лимане гавани и верфи и о наименовании одного Херсоном // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В., 1830. Т. 20. № 14764. С. 722–723.

О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В., 1830. Т. 21. № 15708. С. 897–898.

Об учреждении Таврической области // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В., 1830. Т. 22. № 15920. С. 17–18.

Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. Стлб. 1–286.

Попов М.А. Литературная и научная деятельность митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича // *Веснік Магіл'єўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова: навукова-метадычны часопіс*. 2011. № 1. С. 42–51.

7. В почетном декрете в честь историка Сирика [Декрет...] записано, что каменную стелу с текстом постановления следует установить в преддверии храма Парthenос.

Попов М.А., Ганчар А.И. Митрополит С. Богуш-Сестренцевич: формирование государственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях (конец XVIII – первая четверть XIX в.). Гродно: ГГАУ, 2012. 278 с.

Пчелов Е.В. Царица Херсониса Таврического: крымский титул Екатерины Великой // Е.Р. Дашкова и XVIII век. М.: МГИ, 2012. С. 173–179.

Романчук А.И. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. В 2-х томах. Т. 1. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 720 с.

Ромм Ш.-Ж. Путешествие в Крым в 1786 году // Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. С. 53–128.

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков: Майдан, 2000. 828 с.

Старчевский А.В. Русская историческая литература в первой половине XIX века. Карамзинский период с 1800–1825 год // Библиотека для чтения. 1852. Т. 112. С. 49–108.

Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Ладомир, 1995. 353 с.

Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг.: 2-я государственная типография, 1918. IV, 164 с.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

Форма полного титула Ее Императорского Величества // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В., 1830. Т. 22. № 15919. С. 17.

Хапаев В.В., Золотарев М.И. Херсонес Таврический в мировой истории. Исторические очерки. Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. 184 с.

Храпунов Н.И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // Античная древность и средние века. 2016. Вып. 44. С. 236–251.

Храпунов Н.И. О древнем названии города: Херсонес Таврический или Херсонес в Таврике? // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 2006. Вып. 12, ч. 2. С. 571–584.

Kadulski I. Teatr Jezuicki XVIII i XIX wieku w Polsce. Z antologią dramatu. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1997. 552 s.

References

Anokhin V.A. Monetnoe delo Khersonesa (IV do n. e. – XII v. n. e.) [Coinage of Chersonesos (4th BC – 12th century AD)]. Kiev: Naukova dumka, 1977. 176 p. (In Russ.)

Bogush-Sestrentsevich S. Istoriya tsarstva Khersonesa Tavriyskago (Istoriya o Tavrii) [History of the kingdom of Tauric Chersones (History on Tavriya)]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Shnora, 1806. 442 p. (In Russ.)

Dekret v chest' istorika Siriska [Decret in honor of Sirisk]. Inscriptions of the Northern Black Sea. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.1-ru.html> (date of access: 08.01.2026). (In Russ.)

Ekaterina II i G.A. Potemkin. Lichnaya perepiska. 1769–1791 / izd. podgot. V.S. Lopatin [Catherine II and G.A. Potemkin. Personal correspondence. 1769–1791 / prepared by V.S. Lopatin]. Moscow: Nauka, 1997. 990 p. (In Russ.)

Ekaterina II. Zapiski kasatel'no Rossiyskoy Istorii [Notes on Russian history]. Iss. 1. Saint Petersburg: Imperatorskaya tipografiya, 1787. 416, [2] p. (In Russ.)

Forma polnogo titula Ee Imperatorskogo Velichestva [The full title of Her Imperial Majesty]. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V., 1830. Vol. 22. N 15919. P. 17. (In Russ.)

Kadulska I. Teatr Jezuicki XVIII i XIX wieku w Polsce. Z antologią dramatu. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1997. 552 s.

Khapaev V.V., Zolotarev M.I. Khersones Tavricheskii v mirovoi istorii. Istoricheskie ocherki [Tauric Chersonese in world history. Historical essays]. Simferopol': Biznes-Inform, 2008. 184 p. (In Russ.)

Khrapunov N.I. O drevnem nazvanii goroda: Khersones Tavricheskii ili Khersones v Tavrike? [The City's Ancient Name: Tauric Chersonese or Chersonese in Taurica?] Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Simferopol': Tavriya, 2006. Vol. 12, part 2. P. 571–584. (In Russ.)

Khrapunov N.I. Vizantiiskii Kherson i Ekaterina Velikaya [Byzantine Kherson and Catherine the Great]. Antichnaya drevnost' i srednie veka [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. 2016. Iss. 44. P. 236–251. (In Russ.)

Konstantin Bagryanorodnyi. Ob upravlenii imperiei [On the Governance of the Empire]. Moscow: Nauka, 1989. 496 p. (In Russ.)

Latyshev V.V. Grazhdanskaya prisyaga khersonestsev [The civil oath of the Chersonese]. ПОНТИКА. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1909. P. 142–160. (In Russ.)

O naznachenii mesta dlya zavedeniya na Limane gavani i verfi i o naimenovanii onogo Khersonom [On the designation of a place for the establishment of a harbor and shipyard on the Liman, and on the naming of it Kherson]. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V., 1830. Vol. 20. N 14764. P. 722–723. (In Russ.)

O prinyatii poluostrova Krymskogo, ostrova Tamana i vsey Kubanskoj storony pod Rossiyskuyu derzhavu [On the adoption of the Crimean Peninsula, the island of Taman, and the entire Kuban region under the Russian Empire]. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V., 1830. Vol. 21. N 15708. P. 897–898. (In Russ.)

Ob uchrezhdenii Tavricheskoy oblasti [On the creation of the Tauride region]. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V., 1830. Vol. 22. N 15920. P. 17–18.

Popov M.A. Literaturnaya i nauchnaya deyatel'nost' mitropolita Stanislava Bogusha-Sestrentsevicha [Literary and scientific activity of Metropolitan Stanislav Bogush-Sestrentsevich]. Vesnik Magileyskaga dzyarzhaynaga yuniversiteta imya A.A. Kulyashova: navukova-metadychny chasopis [Bulletin of Mogilev State University named after A.A. Kuleshov: scientific and methodological journal]. 2011. N 1. P. 42–51. (In Russ.)

Popov M.A., Ganchar A.I. Mitropolit S. Bogush-Sestrentsevich: formirovanie pravitel'svennoy politiki po otnosheniyu k Rimsko-katolicheskoi tserkvi na belorusskikh zemlyakh (konets XVIII – pervaya chetvert' XIX v.) [Metropolitan S. Bogush-Sestrentsevich: the formation of government policy towards the Roman Catholic Church in the Belarusian lands (late XVIII – first quarter of the XIX century)]. Grodno: GGAU, 2012. 278 p. (In Russ.)

Povest' vremennykh let po Lavrent'evskomu spisku [Primary Chronical according to the Laurentian Codex]. Polnoe sobranie russkikh letopisey [The Complete collection of Russian chronics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. Vol. 1. Col. 1–268.

Pchelov E.V. Tsaritsa Khersonisa Tavricheskogo: krymskii titul Ekateriny Velikoi [Tsarina of the Tauric Chersonis: the Crimean title of Catherine the Great]. E.R. Dashkova i XVIII vek [C.R. Dashkova and XVIII century]. Moscow: MGI, 2012. P. 173–179. (In Russ.)

Romanchuk A.I. Issledovaniya Khersonesa-Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy. V 2-kh tomakh [Studies of Chersones – Cherson. Excavations. Hypotheses. Problems. In 2 volumes]. Vol. 1. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 720 p. (In Russ.)

Romm Sh.-Zh. Puteshestvie v Krym v 1786 godu [Travel in Crimea at 1786 year]. Petrova E.B., Prokhorova T.A. Krymskie puteshestviya: Sharl' Zhil'ber Romm. «Puteshestvie v Krym v 1786 godu»

[Journey to the Crimea in 1786 // Petrova, E.B., Prokhorova, T.A. Crimean Travels: Charles Gilbert Romm. Journey to the Crimea in 1786]. Simferopol': Biznes-Inform, 2011. P. 53–128. (In Russ.)

Sorochan S.B., Zubar' V.M., Marchenko L.V. Zhizn' i gibel' Khersonesa [The life and death of Chersonesos]. Khar'kov: Maidan, 2000. 828 p. (In Russ.)

Starchevskiy A.V. Russkaya istoricheskaya literatura v pervoy polovine XIX veka. Karamzinskiy period s 1800–1825 god [Russian historical literature in the first half of the XIX century. Karamzin' period from 1800–1825]. Biblioteka dlya chteniya [Library for reading]. 1852. Vol. 112. P. 49–108. (In Russ.)

Tatishchev V.N. Sobranie sochineniy [Collected works]. Vol. 2. Moscow: Ladomir, 1995. 353 p. (In Russ.)

Tolstoi I.I. Ostrov Belyi i Tavrika na Evksinskom Ponte [Island Bely and Tavrika on the Euxine Ponte]. Petrograd: 2-ya gosudarstvennaya tipografiya, 1918. IV, 164 p. (In Russ.)

Tunkina I.V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredin XIX v.) [Russian Science on Classical Antiquities of the South of Russia (XVIII – mid. XIX century)]. Saint Petersburg: Nauka, 2002. 676 p. (In Russ.)

Zograf A.N. Antichnye monety [antique coins]. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 264 p, 25 il. (In Russ.)

С. Э. Билюга

**ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»:
ОБЗОР ПОСЛЕДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹**

***Аннотация.** В данной статье сделана попытка сделать обзор последних современных исследований в области изучения теории революций на предмет выявления причин возникновения «цветных революций». В статье показано, что современные теоретики революций в большинстве своем говорят об одних и тех же факторах – конфликт элит, слабый правящий режим, экономические проблемы, столкновения этнические/клановые/экономические, коррупция и т.д. Однако некоторые ученые предлагают совершенно новый подход к изучению причин революций. Так, например, Л.Е. Гринин и А.В. Кортаев исследуют революции через призму глобального подхода – с позиции мир-системы. Другой известный ученый – Марк Р. Бейссинджер – впервые говорит о либеральной парадигме как основном структурном факторе в продвижении демократических ценностей путем безкровной революции. Один из ведущих специалистов в теории революций Дж.А. Голдстоун показывает, что не только структурные факторы являются причинами революций, стоит также обратить внимание на международную составляющую, на внутренние культурные, идеологические и социальные противоречия в обществе. С. Левицкий вместе с Т.У. Лукан считают, что основная причина революций связана с конфликтами внутри элит. Ч. Тилли утверждает, что одной из самых важных причин продолжает оставаться мобилизация масс в революционном процессе. Д. Риттер показал, что невооруженная революция может увенчаться успехом в борьбе с диктаторским режимом только в том случае, если у последнего будут связаны руки в отношении того, как он может использовать репрессивные силы против протестующих.*

***Ключевые слова:** социально-политическая дестабилизация; ненасильственные протесты; причины революций; массовые беспорядки; смена режима; коррупция; цветные революции.*

1. Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 23-78-01252).

Билюга Станислав Эдуардович – кандидат политических наук, доцент факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.

Scopus ID: 57192906481

ORCID ID: 0000-0002-7015-860X

SPIN: 4512-1458

Author ID: 829670

E-mail: bilyuga@fgp.msu.ru

Bilyuga S.E.

The Causes of “Color Revolutions”: A Review of Recent Research²

Abstract. This article attempts to review the latest research in the field of the theory of revolutions in order to identify the causes of “color revolutions.” The article shows that modern theorists of revolutions mostly focus on the same factors: elite conflict, weak ruling regimes, economic problems, ethnic/clan/economic clashes, corruption, etc. However, some scholars propose completely new approaches to studying the causes of revolutions. For example, L.E. Grinin and A.V. Korotaev explore revolutions through the prism of a global approach – from the perspective of the world system. Another well-known scholar, Mark R. Basinger, emphasizes for the first time the liberal paradigm as the main structural factor in promoting democratic values through a bloodless revolution. One of the leading experts in the theory of revolutions, J.A. Goldstone, shows that, in addition to structural factors, it is also important to consider the international component, as well as internal cultural, ideological, and social contradictions in society. S. Levitsky, along with T.U. Lucan, argues that the main reason for revolutions is related to conflicts within the elites. C. Tilly contends that one of the most important causes continues to be the mobilization of the masses in the revolutionary process. D. Ritter demonstrated that an unarmed revolution can succeed in the fight against a dictatorial regime only if the latter’s hands are constrained in its use of repressive forces against protesters; dictators are most effectively constrained when they rely heavily on the support of a powerful democratic regime.

Keywords: socio-political destabilization; nonviolent protests; causes of revolutions; mass riots; regime change; corruption; color revolutions.

Bilyuga Stanislav Eduardovich – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor at the Faculty of Global Studies at Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.

Scopus ID: 57192906481

ORCID ID: 0000-0002-7015-860X

SPIN: 4512-1458

Author ID: 829670

E-mail: bilyuga@fgp.msu.ru

2. The study was supported by the Russian Science Foundation (project N 23-78-01252).

По мнению американского социолога, политолога, историка, одного из ведущих представителей исторической социологии Чарльза Тилли, одной из самых важных причин продолжает оставаться мобилизация масс в революционном процессе [Тилли 2019]. Ученый приводит четыре условия дестабилизационного процесса:

- 1) организация участников;
- 2) мобилизация (через различные способы передачи информации);
- 3) наличие общих интересов у участников протестных движений;
- 4) наиболее благоприятные обстоятельства (внешние и внутренние).

Другой политический социолог, специализирующийся на революциях и социальных движениях, доцент Стокгольмского университета Даниэль Риттер проанализировал усилия по смене режимов на Ближнем Востоке, начиная с иранской исламской революции 1979 г. и заканчивая арабскими восстаниями 2010–2011 гг. в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии. Д. Риттер в своей книге по-новому рассматривает международные отношения как центральный и решающий фактор успеха таких революций [Ritter 2019].

Он утверждал, что невооруженная революция может увенчаться успехом в борьбе с диктаторским режимом только в том случае, если у последнего будут связаны руки в отношении того, как он может использовать свои репрессивные силы против протестующих.

Иранский шах Бен Али в Тунисе и Х. Мубарак в Египте удерживались благодаря влиянию своих покровителей на Западе; в то время как Иран в 2009 г., М. Каддафи в Ливии и Б. Асад в Сирии не имели такой зависимости от западных покровителей и могли мобилизовать свои силы для подавления оппозиции. Из трех лидеров только Муаммар Каддафи лишился власти. Это произошло после того, как он направил войска для подавления оппозиции в Бенгази, что побудило НАТО вмешаться. Альянс, стремясь предотвратить массовую резню, оказал повстанцам авиационную поддержку, что решительно изменило ход конфликта.

В Сирии и Бахрейне, напротив, вмешательство союзников (России и Саудовской Аравии) имело решающее значение для того, чтобы помочь режимам, на которые были направлены их действия, выжить.

Таким образом, главная причина революции, а точнее, успешного завершения революции – это поддержка западных стран.

Другой американский политолог, специалист по политическому насилию и его альтернативам, профессор в Гарвардской школе Кеннеди доктор Эрика Ченовет в своем исследовании утверждает, что мобилизация через социальные сети приводит к протестам «без лидеров», и таким протестам не хватает системной подготовки, планирования и создания коалиций, чтобы противостоять государственным репрессиям [Chenoweth 2020].

В своей последней работе Марк Р. Бейссинджер, американский политолог, профессор политики имени Генри У. Патнэма в Принстонском универси-

тете, показывает, что, хотя в середине XX в. преобладали социальные революции в сельской местности, в последние десятилетия их частота снизилась, в то время как количество городских революций, основной тактикой которых являются ненасильственные протесты, часто включающие захват центральных общественных площадей или других символических городских пространств, резко увеличилось [Beissinger 2022]. Недемократические страны со средним уровнем дохода, с репрессивными, крайне коррумпированными режимами, лидеры которых долгое время находились у власти, были особенно уязвимы перед гражданским бунтом в городах.

С его точки зрения, украинская революция случилась во время экономического подъема, но на фоне глубокого общественного протеста против коррупции и кумовства во власти. Городские жители проявили особую обеспокоенность по поводу коррупции в правительстве.

В основе враждебности, питающей современные городские революции, лежат два аспекта неолиберального развития: рост городского среднего класса, разочарованного коррумпированным и репрессивным режимом, и сокращение предоставления общественных благ и субсидий многим из тех же городских групп.

Некоторые городские гражданские революции (например, Оранжевая революция) использовали культурные различия и подогревали недовольство отношениями между культурой и государством. Если посмотреть на участников городских гражданских революций в разных странах и регионах мира, то можно обнаружить мало общего, кроме стремления освободить публичную сферу от хищных и деспотичных правительств.

Недавние исследования показали, что дополнительные факторы, включая различия в этнической идентичности, которые часто имеют значение в случаях сепаратизма, также сыграли важную роль в результатах движения.

Помимо этого автор выделяет следующие причины революций – экономические спады, уязвимость определенных типов режимов, конфликты внутри элит, местные оппозиционные силы и т. д.

Кроме того, М.Р. Бейссинджер приходит к выводу, что самой революционной силой в мире за последние два столетия был сам либерализм. Демократизация и распространение капитализма породили мощную смесь – демократический капитализм, который укоренился во многих государствах по всему миру и стал своего рода здравым смыслом, на основе которого работает большинство международных организаций. В этом смысле существует мощное направление революционного либерализма, ориентированное на продвижение (иногда принудительное) демократического капитализма, которое функционирует как глобальный проект. В то же время, если в конце XX в. и начале XXI в. наблюдалась тенденция к более мирным революциям, возникает соблазн оценить саму революцию как силу прогрессивных, либеральных перемен.

Любой политический режим – независимо от того, предполагает ли он распределение политической власти между одним, немногими или многими – со временем (будь то из-за коррупции, поражения в войне, демографических изменений или какой-либо другой комбинации причин) окажется неспособным удовлетворить требования некоторых политических групп и, таким образом, происходят революционные перемены.

В то же самое время автор приходит к выводу относительно давно либеральных государств. Современные либеральные государства, по-видимому, защищены от революций двумя способами: «решением» социальных проблем путем сочетания экономического роста и перераспределения и институционализацией точек соприкосновения между теми, кто недоволен, и теми, кто находится у власти. Эти точки соприкосновения способствуют компромиссу, а не конфронтации. Они также способствуют делегитимизации насильственных протестов, считая их выходящими за рамки законного спора.

Американский политолог, профессор государственного управления Гарвардского университета Стивен Левицкий вместе с профессором политологического университета Торонто Уэй Лукан считает, что основная причина революций связана с конфликтами внутри элит [Levitsky, Way 2022].

По их мнению, авторитарные режимы – это те, при которых одна партия, коалиция или клика постоянно остается у власти, как правило, на протяжении всего срока службы лидеров-основателей и часто вопреки неблагоприятным условиям. Устойчивые автократии с меньшей вероятностью могут столкнуться с серьезными разногласиями как изнутри (например, государственные перевороты), так и со стороны общества (например, крупномасштабные протесты), даже в таких обстоятельствах, как экономический кризис, провал крупной политики или смена руководства, которые часто приводят к таким разногласиям. Более того, когда возникают проблемы с режимом, устойчивые автократии лучше подготовлены к тому, чтобы противостоять им.

Сплоченная элита является важной основой прочного авторитарного правления. Внутренние расколы часто представляют серьезную угрозу выживанию авторитарного режима. Те, кто лучше всего подходит для смещения автократов, – это члены ближайшего окружения, потому что у них есть доступ к средствам принуждения, административным, покровительственным и медийным ресурсам, необходимым, чтобы бросить вызов диктатору.

Авторы видят три столпа долговечности режима следующим образом. Во-первых, сплоченная элита – это такая элита, в которой переход высокопоставленных должностных лиц режима в оппозицию наблюдается редко даже в периоды кризиса. Когда происходит переход, к ним присоединяются немногие действующие лица режима. Хотя внутриэлитный конфликт может быть обширным (и даже жестоким), проигравшие в междоусобицах и другие диссидентствующие элиты либо сплачивают ряды, либо хранят молчание вместо того, что-

бы работать против режима во время кризисов. Во-вторых, ученые разделяют силу и лояльность аппарата принуждения на две составляющие. Сильный аппарат принуждения – это тот, в котором сектор безопасности, включая армию, полицию, разведывательные службы и другие специализированные службы внутренней безопасности, достаточно велик и эффективен, чтобы отслеживать инакомыслие и пресекать протесты по всей территории страны, вплоть до уровня деревни и района. Лояльный аппарат принуждения – это тот, который последовательно поддерживает революционный режим даже в периоды кризисов.

Во-вторых, лояльность вооруженных сил проявляется в том, что они не предпринимают попыток государственного переворота или военных мятежей с целью свержения режима или смены правящей элиты.

В-третьих, оценивая подавление альтернативных центров власти, авторы различают его полную и частичную формы. К полному подавлению они относят случаи, когда все значимые общественные институты, экономические акторы и организованные группы либо уничтожены, либо лишены самостоятельности и поставлены в полную зависимость от государства.

В совместной работе К.Дж. Бэк, М. Буковански, Э. Ченовет, Дж. Лосон, Ш.Э. Непстад и Д.П. Риттер в качестве основных причин революций выдвигают следующие [Beck, Bukovansky, Chenoweth, Lawson, Nepstad, Ritter 2022]:

- коррупцию;
- экономические проблемы;
- политические репрессии;
- экономическое отчаяние;
- демографическое давление;
- внутриэлитные конфликты;
- уязвимость типов режимов;
- проблема кланов.

В свою очередь другой коллектив авторов, современников революций, а именно – Дж. Голдстоун, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев во введении к одному из самых монументальных произведений о теории революции предлагает глобальный подход к изучению данной тематики [Goldstone, Grinin, Korotayev 2022]. По мнению авторитарных исследователей теории революций, их причины в основном связаны с событиями в мировой системе, которые можно разделить на три волны:

1) конец XX – начало XXI в. – экономический рост вместе с политическим процветанием;

2) события Арабской весны – экономические проблемы;

3) события после Арабской весны – упадок в экономике вместе с политическим кризисом.

Все три волны так или иначе были связаны с внешним влиянием, кото-

рое выражалось в первом случае в попытках внедрения демократических принципов, во втором – в борьбе стран за Ближний Восток и в третьем – расширение географии революций с ростом терроризма и исламизма.

В результате экономическая стабильность сменилась полной стагнацией с соответствующими последствиями, которые мы видим в этих странах до сих пор.

Российский философ, историк, главный научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков факультета социальных наук НИУ ВШЭ Л.Е. Гринин считает, что одной из самых главных структурных причин возникновения революций является уязвимость государства [Grinin 2022]. В основном это выражается в конфликтах внутри элиты, при которых начинают набирать популярность оппозиционные лидеры со своими предложениями и идеями о правильном, с их точки зрения, пути развития и т. д. Такие лидеры обязательно найдут поддержку как среди простого народа, так и среди альтернативных СМИ.

Такая ситуация возможна при условии, что действующая власть начинает проводить либеральную недисциплинированную политику, направленную на ослабление режима, что является неотъемлемым условием для проведения «цветных революций».

Один из самых известных теоретиков революций Линкольн А. Митчелл, адъюнкт-исследователь Института изучения войны и мира им. Арнольда А. Зальцмана, а также адъюнкт-доцент кафедры политологии Колумбийского университета считает, что одной из главных причин «цветной революции» необходимо считать молодежь и роль неправительственных организаций в финансировании как демократических преобразований, так и подготовки сил для осуществления своих революционных намерений [Mitchell 2022].

Российский ученый Николай Сергеевич Розов предложил классификацию причин революции, связанную с внутриэлитным конфликтом:

«– слабость и неэффективность власти (периодические провалы, невыполненные обещания и обязательства);

– наличие и влияние политических сил (идей, организаций, лидеров и перспектив), способных прийти на смену старому режиму;

– фрагментация элиты, т. е. появление антиэлиты, обладающей значительными политическими ресурсами, недовольной существующей властью и институтами и стремящейся улучшить свое положение за счет смены режима;

– утрата лидерами силовых структур традиционной уверенности в том, что полная лояльность и послушание правителям – самая безопасная стратегия, особенно при подавлении протестов и беспорядков;

– резкое ухудшение экономических условий и обман ожиданий;

– концентрация недовольных (“поджигателей”), готовых к протестам и радикальным политическим действиям. Революционные ситуации превращаются в перевороты, когда массовые эмоции (гнев, враждебность, разочаро-

вание) достигают уровня переворота, а количество протестов и уровень требований возрастают;

– существующие структуры и модели для организации и мобилизации протестных действий. Это могут быть существующие группы и сети, основанные на предыдущем опыте протеста и насилия, а также родственные связи, соседские отношения, сотрудничество, участие в войнах и т.д., или новые модели для вербовки новых членов и их идеологического вовлечения» [Rozov 2022].

Молодой российский ученый А.С. Ходунов, специализируясь в том числе на странах западной части Закавказья, приводит ряд причин возникшей революции в Грузии [Khodunov 2022].

Одной из серьезнейших проблем, унаследованных от советского периода, была этническая напряженность. Двумя территориями, которые Сталин включил в состав Грузии и на которых проживало большое число негрузинского населения, были Абхазия, где грузины составляли около половины населения, а остальное в основном абхазы, и Южная Осетия, которая примерно на две трети состояла из осетин. Обе имели особый автономный статус под административным управлением Грузии (в Грузии была еще одна автономная область – Аджария с большим мусульманским населением; о ней читайте ниже).

Неэффективное государственное управление и жестокая коррупция истощили экономические и финансовые ресурсы посткоммунистической Грузии. Распространялись бедность, безработица и невыплаты заработных плат. Народ был разочарован территориальными потерями Абхазии и Южной Осетии, которые де-факто обрели независимость под защитой России после того, как абхазские и осетинские этнические группы восстали против грузинского правления.

Отсутствие у режима сильной партии, которая могла бы объединить страну. Шеварднадзе создал партию «Гражданский союз Грузии», но у нее не было четкой идеологии, она была крайне неэффективной и коррумпированной.

Продолжая исследовать страны ближнего зарубежья Российской Федерации, тот же Ходунов делает свои выводы относительно причин первой революции на Украине [Khodunov 2022].

Политическая система Украины была слабой и незрелой, общество было разделено на западную и восточную части по этническому и культурному признакам и страдало от крайней коррупции, фаворитизма и кумовства, господства олигархов в экономике и политике, высокого уровня неравенства и неудовлетворенности.

В качестве еще одной причины революции автор указывает достаточно большую финансовую вовлеченность неправительственных организаций США в продвижение демократических ценностей на Украину, в то же самое время, подготавливая фактически инфраструктуру Оранжевой революции: Freedom House, финансируемая американским правительством, организовала контакты между активистами «Поры» и сербскими, словацкими и грузинскими молодежными организациями.

Проблемы в эшелонах нынешней власти автор классифицирует следующим образом:

1. Отсутствие доверия к действующему режиму. Средний класс и городская образованная молодежь воспринимали режим как коррумпированный, отсталый и недемократичный.

2. Хрупкость режима. Из-за большого регионального разнообразия элиты Украины были довольно раздробленными. Ее политическая, деловая и олигархическая элиты поддерживали тесные связи со своими регионами и боролись за власть и собственность, создавая партии и средства массовой информации, но ни одна из них не обладала достаточным влиянием, чтобы взять под свой контроль всю страну. Это означало, что украинские политические институты были хрупкими, поскольку центральное правительство стало зависеть от региональных экономических сил.

3. Нерешительная и непоследовательная внешняя политика. Украинское правительство лавировало между Россией и Западом без четкого плана и постоянно меняло свои политические приоритеты, исходя из выгод, которые, по его мнению, оно могло получить.

4. Отсутствие четкой государственной идеологии. Действующий режим опирался на бизнес-элику и избирателей Восточной Украины и не пытался создать идеологию, которая могла бы объединить всю страну.

Еще один молодой российский ученый, преподаватель департамента политики и управления факультета социальных наук НИУ ВШЭ Е. А. Иванов проанализировал киргизские революции и пришел к следующему мнению относительно причин целого ряда революций, преследующих эту страну на протяжении последних 20 лет [Ivanov 2022]:

- постоянная борьба между северными кланами и южными;
- демографический фактор – огромное количество безработной и бедной молодежи;
- финансирование НПО;
- экономические проблемы.

Фактически перманентной причиной возникновения революционных ситуаций в Республике Молдове является самый главный фактор – борьба прорумынских элит и пророссийских. Именно к такому мнению приходят исследователи молдавской революции М. Ткачук, А. Романчук и И. Тимотин [Tkachuk, Romanchuk, Timotin 2022].

Д.С. Шевский, аспирант Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, анализируя вторую украинскую революцию, считает, что, несмотря на факторы коррупции, кумовства, недоверия к власти и большой сдвиг в сторону авторитаризма с захватом властью проектов через влияние, главными причинами революции были [Shevsky 2022]:

- завышенные экономические ожидания;

- социальный конфликт, который разделил общество и власть относительно европейской интеграции;
- активнейшая роль НПО.

По мнению одного из ведущих теоретиков в области теории революций Дж. А. Голдстоуна, революцию вызывают не только структурные причины (экономические проблемы, раскол власти, появление альтернативной идеологии, создание антиправительственной коалиции, поддержка со стороны извне), но и причины международные [Goldstone 2024].

Кроме того, исследователь подчеркивает роль культурных, идеологических и социальных факторов, играющих одну из самых ключевых ролей в процессе возникновения революционных ситуаций.

В заключение необходимо привести последнюю современную статью, в которой анализировались причины революций. В данной статье Л. Е. Гринин вместе с А. В. Коротаевым приходят к выводу, что в качестве одной из основных причин революций является противоречие между возросшим уровнем образования, культуры и в целом уровнем жизни в этих странах и лишениями (фрустрацией), связанными с завышенными ожиданиями [Grinin, Korotayev 2024]. Эти завышенные ожидания и фрустрация резко усилились с началом глобального кризиса и сильным ростом цен. Здесь свою роль сыграл мир-системный фактор (роль спускового механизма). Недовольство было сублимировано в недовольство авторитарными правительствами.

Таким образом, вслед за анализом эволюции понятия «революция» [Билюга, Колесникова 2024] был проведен системный обзор последних исследований современных теоретиков в области изучения революционных событий на предмет выявления причин возникновения «цветных революций».

Библиография

Билюга С.Э., Колесникова Е.А. Эволюция понятия «революция»: комплексный анализ особенностей теории революций // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2024. Т. 1 (27). С. 39–56.

Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 432 с.

Beck C.J., Bukovansky M., Chenoweth E., Lawson G., Nepstad S.E., Ritter D.P. On Revolutions: Unruly Politics in the Contemporary World. Oxford: Oxford University Press, 2022. 272 p.

Beissinger M.R. The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion. Princeton: Princeton University Press, 2022. 592 p.

Chenoweth E. The Future of Nonviolent Resistance // Journal of Democracy. 2020. № 3. P. 69.

Goldstone J.A. The Generations of Revolutionary Theory Revisited: New Works and the Evolution of Theory. Critical Sociology. 2024. 08969205241241802.

Goldstone J.A., Grinin L.E., Korotayev A.V. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events // Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 1–34.

Grinin L.E., Korotayev A.V. Is the Fifth Generation of Revolution Studies Still Coming? // *Critical Sociology*. 2024. Vol. 50. № 6. P. 10391067. URL: https://www.researchgate.net/publication/384039218_Is_the_Fifth_Generation_of_Revolution_Studies_Still_Coming (дата обращения: 10.11.2025)

Grinin L.E. On Revolutionary Situations, Stages of Revolution, and some Other Aspects of the Theory of Revolution // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 69–104.

Ivanov Ya. Revolutions in Kyrgyzstan // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 517–547.

Khodunov A. The Orange Revolution in Ukraine // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 501–515.

Khodunov A. The Rose Revolution in Georgia // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 483–499.

Levitsky S., Way L. *Revolution and Dictatorship: The Violent Origins of Durable Authoritarianism*. Princeton: Princeton University Press, 2022. 656 p.

Mitchell L.A. The Color Revolutions. Successes and Limitations of Non-Violent Protest // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 435–445.

Ritter D.P. The (R) evolution is Dead, Long Live the (R) evolution! // *Contention*. 2019. N 7.2. P. 100–107.

Rozov N.S. Typology and Principles of Dynamics of Revolutionary Waves in World History // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 241–264.

Shevsky D. Euromaidan Revolution in Ukraine // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 851–863.

Tkachuk M., Romanchuk A., Timotin I. ‘Moldovan Spring’2009: The Atypical ‘Revolution’ of April 7 and the Days that Followed // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 549–569.

References

Beck C.J., Bukovansky M., Chenoweth E., Lawson G., Nepstad S.E., Ritter D.P. *On Revolutions: Unruly Politics in the Contemporary World*. Oxford: Oxford University Press, 2022. 272 p.

Beissinger M.R. *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton: Princeton University Press, 2022. 592 p.

Bilyuga S.E., Kolesnikova E.A. Evolyuciya ponyatiya «revolyuciya»: kompleksnyj analiz osbennostej teorii revolyucij [Evolution of the Concept of “Revolution”: A Comprehensive Analysis of World Theories of Revolution]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika* [Bulletin of Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics]. 2024. T. 1 (27). P. 39–56 (In Russ.).

Chenoweth E. The Future of Nonviolent Resistance // *Journal of Democracy*. 2020. N. 3. P. 69.

Goldstone J.A. The Generations of Revolutionary Theory Revisited: New Works and the Evolution of Theory. *Critical Sociology*. 2024. 08969205241241802.

Goldstone J.A., Grinin L.E., Korotayev A.V. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions*

lutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 1–34.

Grinin L.E., Korotayev A.V. Is the Fifth Generation of Revolution Studies Still Coming? // *Critical Sociology*. 2024. Vol. 50. N 6. P. 10391067. URL: https://www.researchgate.net/publication/384039218_Is_the_Fifth_Generation_of_Revolution_Studies_Still_Coming (date of access: 10.11.2025)

Grinin L.E. On Revolutionary Situations, Stages of Revolution, and some Other Aspects of the Theory of Revolution // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 69–104.

Ivanov Y. Revolutions in Kyrgyzstan // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 517–547.

Khodunov A. The Orange Revolution in Ukraine // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 501–515.

Khodunov A. The Rose Revolution in Georgia // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 483–499.

Levitsky S., Way L. Revolution and Dictatorship: The Violent Origins of Durable Authoritarianism. Princeton: Princeton University Press, 2022. 656 p.

Mitchell L.A. The Color Revolutions. Successes and Limitations of Non-Violent Protest // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 435–445.

Ritter D.P. The (R) evolution is Dead, Long Live the (R) evolution! // *Contention*. 2019. N 7.2. P. 100–107.

Rozov N.S. Typology and Principles of Dynamics of Revolutionary Waves in World History // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 241–264.

Shevsky D. Euromaidan Revolution in Ukraine // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 851–863.

Tilli C. Ot mobilizacii k revolyucii [From Mobilization to Revolution]. M.: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2019. 432 p. (In Russ.).

Tkachuk M., Romanchuk A., Timotin I. ‘Moldovan Spring’2009: The Atypical ‘Revolution’ of April 7 and the Days that Followed // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 549–569.

Н.К. Гончар-Ханджян

**ТРАВЛЯ КАК МЕХАНИЗМ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ВЛАСТИ:
ФИЛОСОФСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОДЫ РОМАНА ЭЛИ ФРЕЙ
«СИНДРОМ АЛИСЫ»**

Аннотация: Статья представляет комплексное исследование феномена травли в социокультурной и литературной перспективе на материале романа Эли Фрей «Синдром Алисы». В центре анализа – механизмы дисциплинарной власти, психологического насилия и медиальной видимости, осмысленные через философские концепции Мишеля Фуко, Пьера Бурдьё, Мориса Бланшо, Юрия Лотмана и др. Автор показывает, что буллинг – не частный психологический случай, а устойчивая форма воспроизводства социальных иерархий и механизмов контроля, в которых язык и взгляд становятся инструментами власти. Литературный текст Фрей предстает как лаборатория этического сопротивления: через двойника, дневник и цифровое «зазеркалье» героиня осваивает стратегии анонимности и возвращает субъекту голос. Параллели с романами Чака Паланика и современной подростковой прозой позволяют рассматривать травлю как процесс, раскрывающий природу насилия и зависимость человека от систем наблюдения и общественного давления. Методология статьи сочетает герменевтический и социокультурный анализ, связывая художественные структуры с эмпирическими данными ВОЗ, ЮНЕСКО и современных исследований кибербуллинга. Делается вывод, что «Синдром Алисы» фиксирует переход от индивидуальной травмы к коллективной этике видимости, демонстрируя, как литература способна осмыслять механизмы власти в цифровую эпоху и служить пространством сопротивления психологическому насилию.

Ключевые слова: травля; кибербуллинг; дисциплинарная власть; психологическое насилие; литература и этика; Эли Фрей; цифровая эпоха.

Гончар-Ханджян Наталия Кареновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы Ереванского государственного университета. Армения, Ереван.
E-mail: natalie.goncharkhanjyan@ysu.am
ORCID ID: 0009-0002-5462-8509

Gonchar-Khanjyan N.K.

Bullying as a Mechanism of Disciplinary Power: Philosophical and Literary Codes in Eli Frey's novel "Alice Syndrome"

***Abstract.** This article offers a comprehensive analysis of bullying from socio-cultural and literary perspectives, using Eli Frey's novel *Alice Syndrome* as a focal case. The study examines disciplinary power, psychological violence, and mediated visibility through the theoretical lenses of Michel Foucault, Pierre Bourdieu, Maurice Blanchot, Yuri Lotman, etc. It argues that school bullying is not an isolated psychological incident but a persistent mechanism that reproduces social hierarchies and control, in which language and the gaze operate as instruments of power. Frey's novel functions as a laboratory of ethical resistance: through the figure of the double, the diary, and a digital "looking-glass world," the protagonist acquires strategies of anonymity and reclaims an active voice. Dialogues with Chuck Palahniuk's prose and contemporary young-adult narratives underline how bullying exposes the logic of violence and the individual's dependence on surveillance systems and public pressure. Methodologically, the article integrates hermeneutic reading with socio-cultural analysis, aligning narrative structures with empirical data from WHO, UNESCO, and recent studies on cyberbullying. It concludes that *Alice Syndrome* traces a shift from individual trauma to a shared ethics of visibility, showing how literature can elucidate power mechanisms in the digital age and provide a space for resisting psychological forms of harm.*

Keywords: *bullying; cyberbullying; disciplinary power; emotional abuse; literature and ethics; Eli Frey; digital age.*

Gonchar-Khanjyan Natalia Karenovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Literature, Yerevan State University. Armenia, Yerevan.

E-mail: natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

ORCID ID: 0009-0002-5462-8509

Введение

В последние десятилетия проблема травли приобрела беспрецедентную остроту, превратившись из маргинальной темы школьной жизни в предмет международных исследований и государственной политики. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, сегодня каждый шестой подросток в Европе сталкивается с кибербуллингом, причем формы агрессии все чаще выходят за пределы школы, проникая в повседневность и разрушая ощущение личной безопасности [ВОЗ 2024]. ЮНЕСКО в 2020 г. учредило Международный день борьбы с насилием и буллингом в школе, подчеркнув: это не частный вопрос педагогики, а глобальная угроза праву на образование и здоровое развитие личности [UNESCO]. В российском контексте данные исследований PISA и ВШЭ показывают, что до четверти школьников сталкиваются с травлей, а более половины подростков – с агрессией в Интернете [BEARR 2021].

Актуальность исследования обусловлена тем, что травля – не единичное событие, а устойчивый социальный механизм, воспроизводящий нормы и иерархии через символическое и физическое насилие. Литература при этом оказывается не только зеркалом этих процессов, но и особой лабораторией, где через образы и нарративы становятся видимыми механизмы социального давления, исключения и сопротивления. Роман Эли Фрей «Синдром Алисы» представляет собой уникальный материал: он соединяет подростковую перспективу с философскими и культурными кодами современности, предвосхищает цифровые практики и открывает новые возможности для междисциплинарного анализа.

Новизна исследования заключается в том, что впервые роман Эли Фрей рассматривается как культурно-философский текст, раскрывающий механизмы дисциплинарной власти и символического насилия через структуру цифровой видимости.

Философские основания данной работы опираются прежде всего на концепцию дисциплинарных практик Мишеля Фуко, согласно которой власть проявляется не только в репрессиях, но и в *микрופизике повседневного контроля*. Именно школа становится одним из ключевых пространств формирования дисциплинарных тел и подчиненных субъектов. Фуко писал: «Дисциплина “создает” индивидов; это особая техника власти, которая рассматривает их одновременно как объекты и как инструменты собственного действия» [Foucault 1978, p. 170]. Важной для анализа оказывается также концепция символического насилия Пьера Бурдьё, объясняющая, как социальные иерархии закрепляются через язык и привычку, делаясь «естественными» для самих участников. Эта идея позволяет рассматривать буллинг как форму символического насилия, в которой и агрессоры, и свидетели не всегда осознают собственное участие в механизме унижения. Третьим важным ориентиром становится мысль Мориса Бланшо о литературе как пространстве опыта, где язык сталкивается с границей высказывания. Бланшо отмечает: «Литература начинается тогда, когда ее ставят под вопрос» [Blanchot 2022, p. 300]. В этом смысле роман Эли Фрей можно рассматривать как текст, в котором сама литература становится формой этического вопроса – о границе между наблюдением и участием, между языком и насилием.

Цель статьи – показать, что роман Эли Фрей «Синдром Алисы» позволяет рассматривать травлю не только как психологический сюжет, но и как социокультурный сценарий, встроенный в структуру дисциплинарной власти и символического насилия. Методологически работа объединяет герменевтическое прочтение текста и социокультурный анализ, опирающийся на философские модели постструктурализма. Такой подход дает возможность увидеть, как литературный нарратив становится формой сопротивления – не через отрицание, а через превращение травмы в осмысленный дискурс.

Основная часть

Семиотика насилия: феномен травли в современной социокультурной оптике

Буллинг сегодня рассматривается как одно из наиболее острых социальных и культурных явлений – от школьных подшучиваний и остракизма до кибернасилия. Исследовательская традиция, восходящая к работам Дэна Олвеуса [Olweus 1993], определяет ключевые признаки феномена: систематичность, намеренность, повторяемость и неравенство сил. С развитием цифровых медиа эта структура усложнилась: агрессия утратила пространственные и временные границы, атаки стали анонимными, а следы фиксируются в бесконечных репостах. Робин Ковальски, Сьюзан Лимбер и Патрисия Агатстон в книге «Cyberbullying: Bullying in the Digital Age» (2012) отмечают, что онлайн-агрессия усиливает офлайн-конфликты, превращаясь в их продолжение и создавая эффект постоянного присутствия насилия [см.: Kowalski et al., 2012].

За последние три десятилетия школьная травля прошла путь от частного нравственного казуса до предмета глобальных программ общественного здоровья, образовательной политики и цифровой безопасности. Европейское бюро ВОЗ, по данным исследования HBSC (44 страны, 2018–2022), фиксирует устойчивый рост кибертравли: каждый шестой школьник сталкивается с ней, причем проблема усиливается у обоих полов. Травля выходит за пределы школы и «входит» в дом, сопровождая ребенка в пространстве, прежде считавшемся безопасным. Ущерб становится хроническим за счет постоянной досягаемости через экран и уведомления [ВОЗ 2024].

В международной образовательной политике ключевым маркером стал учрежденный ЮНЕСКО Международный день борьбы с насилием и травлей в школе (включая кибербуллинг), ежегодно отмечаемый в первый четверг ноября. Этот день закрепляет базовый тезис: школьное насилие нарушает право на образование и здоровье, а следовательно, ответственность за противодействие несут не только школа и семья, но и технологические платформы и государственные структуры. ЮНЕСКО подчеркивает необходимость межсекторального подхода (образование, здравоохранение, ИТ, НКО, СМИ), поскольку механизмы травли сегодня во многом «алгоритмичны» [UNESCO].

Российские данные: по репрезентативному анализу (PISA, обработка 2018–2019), около 16% учащихся российских школ указывают на опыт регулярной травли; при этом уязвимость распределена неравномерно и связана с климатом школы, практиками управления, социальным фоном и академической конкуренцией. Российские публикации фиксируют и другое: значительная доля подростков оказывается свидетелями травли – роль, которая часто недооценивается, хотя именно «пассивный наблюдатель» делает насилие устойчивым. В разных исследованиях по России доля свидетелей отдельных

форм травли достигает 30–40%, а локальные опросы по цифровой агрессии показывают, что эпизоды онлайн-насилия переживали больше половины подростков хотя бы раз в жизни. Эта расфокусировка ролей – жертва, агрессор, свидетель – важна: дети и подростки нередко переходят между ролями, а «свидетель» может стать ключевым ресурсом вмешательства, если с ним работать отдельно, а не воспринимать как «фоновую массу» [Avanesian et al. 2021].

Наблюдаемая институционализация темы на федеральном уровне в 2024–2025 гг. выражается не только в «просветительских днях» и тематических «классных часах», но и в разработке методических рекомендаций и памяток по предотвращению травли и реагированию на нее. В документах Минпросвещения обращает на себя внимание двухъярусная логика: с одной стороны, признание спектра форм (от психологического давления до цифровых атак), с другой – прямое разъяснение дисциплинарной, административной и уголовной ответственности за «шутки», которые в сети обретают характер доказуемого действия. Это важный сдвиг в нормативности: цифровая агрессия перестает восприниматься как «внешкольная территория» и включается в зону ответственности образовательной организации. На практике это проявляется и в запусках программ «Школа без травли», и в конкурсах типа #ШколаБезОбид, направленных на повышение квалификации педагогов и на тиражирование удачных кейсов профилактики [Министерство просвещения Российской Федерации 2025].

Одна лишь статистика не объясняет устойчивость буллинга: ее поддерживают механизмы видимости в цифровой среде. Контент с унижением живет дольше и получает больший охват, чем нейтральный; «архив» скриншотов и пересылок делает травму повторяющейся и надолго привязывает к ней имя жертвы. Для подростков это означает не только репутационный удар, но и постоянное возвращение события. Аналитики фиксируют эффект «вознаграждения видимостью»: агрессивный контент получает больший охват и стимулирует повторение насилия [Kowalski et al., 2012].

Интервенции традиционно опираются на два подхода. Программа Олвеуса фокусируется на школьном климате и полном запрете «нормализации» травли [Olweus 1993]; корпус Ковальски – Лимбер – Агатстон анализирует анонимность, платформы, «свидетелей-зрителей» и механизмы цифровой видимости. Для школ, работающих в онлайн-экосистемах, критично понимание этих сетевых структур. Оба подхода соединяются в трехуровневых моделях профилактики: школа (климат и политика), класс (работа со свидетелями), платформа (цифровая гигиена, модерация и навыки анонимности без воспроизводства насилия).

На стороне гражданского общества формируется зрелый инструментарий. Кампании UNESCO, Cybersmile Foundation и инициатива Be Best (Мелания Трамп) акцентируют онлайн-безопасность и доброжелательную коммуника-

цию. В России усиливаются проекты «Травли.нет», «Каждый важен» и «Безтравли.рф», переводящие академические понятия в практики реагирования и диагностики. Параллельно семейные психологи популяризируют принципы профилактики и совместной ответственности школы и родителей, сокращая разрыв между научным и бытовым дискурсами. Эти «публичные мостики» снижают латентность и меняют поведение «зрителя».

В литературе травля всегда выходила за пределы социального факта: она выявляет скрытые структуры власти и коллективные механизмы унижения. В одном из эпизодов «Братьев Карамазовых» Достоевский показывает, как насмешка превращается в ритуализированный акт коллективного стыда. Школьники выстраивают иерархию, где унижение становится способом самоутверждения: «Илюшу тотчас же стали задирать <...> у него тогда было пальтишко скверное, штанишки наверх лезут, а сапоги каши просят. Они его и за это. Унижают» [Достоевский 1976, с. 479]. Этот эпизод – один из первых художественных опытов осмысления травли как морального эксперимента, раскрывающего природу толпы и бессознательную жажду наказания.

У Голдинга в «Повелителе мух» (1954) коллективная жизнь подростков превращается в ритуал насилия: маска, пляска, жертва становятся формами символического подавления, через которые группа утверждает идентичность. Исключение инакового становится условием целостности – травля выступает формой культурной памяти.

В «Оливере Твисте» Ч. Диккенса унижение принимает институциональную форму: сиротский приют превращен в дисциплинарный механизм, где власть действует под личиной заботы, а наказание – под видом воспитания. «Успех дисциплинарной власти, несомненно, проистекает из применения простых инструментов: иерархического наблюдения, нормирующего суждения и их сочетания в особой для нее процедуре – экзамене» [Foucault 1978, p. 170]. Приют – модель микрофизики власти, где насилие становится функцией дисциплинарного устройства.

Во второй половине XX в. американская литература вырабатывает новый тип насилия – институциональный и психологический. В «Кэрри» Стивена Кинга (1974) издевательство превращается в ритуал подчинения, публикация насилия – в способ самоутверждения. Кинг показывает травлю как элемент социальной инфраструктуры. У Маргарет Этвуд («Кошачий глаз», 1988) детская травма сублимируется в творчество; у Лионел Шрайвер («Нам нужно поговорить о Кевине», 2003) – следствие культуры успеха, где эмпатия теряет этический статус. У Гевина Экстенса («Вселенная против Алекса Вудса», 2013) одиночество становится пространством сопротивления и философской зрелости. Через художественные нарративы проявляется то, что Ханна Арендт назвала «банальностью зла» – превращением насилия в рутину и «естественный» отклик на различие [Arendt 1963, p. 252].

В молодежной прозе Роберта Кормье («Шоколадная война», 1974) и Яна Гийу («Зло», 1981) травля становится частью воспитательной системы. В советской традиции Владимир Железников в «Чучеле» (1981) изображает «дружный класс» как сообщество соучастников унижения. Так травля становится универсальным механизмом поддержания нормы – там, где коллектив боится различия и переходит от молчания к действию.

Особое место занимает японский опыт – феномен *ijime* (いじめ травля), ставший национальной социальной проблемой. По Секо Енеяме [Yoneyama 2015], *ijime* выражается в молчаливом давлении, изоляции и игнорировании. В литературе механизм прочитывается по-разному: у Мидзуки Цудзимурэ («Замок в Зазеркалье», 2017) подростки, пережившие травлю, обретают пространство высказывания и прощения; у Канаэ Минато в «Признаниях» (2008) раскрываются механизмы насилия через голос учительницы; в манге Еситомо Оимы «Безмолвный голос» (2013) разворачивается драма вины и искупления. Эти тексты показывают травлю как структуру повседневного террора, поддерживаемого социальной нормой.

Через язык власть создает различие и делает его невидимым, что созвучно мысли Бурдьё: «символическая власть – власть, конструирующая реальность» [Bourdieu 1991, p. 166]. Травля предстает быть формой символического насилия, где агрессор и жертва связаны единой сетью речевых практик. Если у Бурдьё власть утверждается через язык и признание, то, по Морису Бланшо, литература становится пространством нравственного испытания, где акт письма – форма сопротивления насилию. Так рождается ее этическое измерение: сцена травли не описывает насилие, а испытывает границы языка, способного о нем говорить.

По Юрию Лотману, культура существует в режиме перевода между «своим» и «чужим», а его сбой разрушает семиосферу [Лотман 2000, с. 37]. Травля в этом контексте – нарушение культурного перевода: жертва исключается из поля значений, а насилие становится попыткой восстановить иллюзию целостности. Литература фиксирует момент распада семиосферы и создает новые пути перехода – от молчания к голосу, от участия к пониманию.

Этика взгляда и язык травмы: нарративная структура в романе Эли Фрей «Синдром Алисы»

Буллинг в романе Эли Фрей не является ни эпизодом, ни сюжетным приемом: это структура, управляющая оптикой повествования, распределением внимания и конфигурацией идентичности. Уже в первых главах формулируется осевая коллизия раздвоенности: «я состою из двух половинок» [Фрей 2018, с. 5] – фраза, отсылающая и к кэрролловскому «зазеркалью» (другой стороне того же «я»), и к лакановскому опыту первичного самоузнавания через образ,

всегда частично чужой [см.: Lacan 1977, p. 1–7]. В этой логике стремление героини к социальной норме воспринимается как симптом («Вот как они называют мои старания стать нормальной! Тронулась умом!» [Фрей 2018, с. 10]), поскольку в условиях травли нормы группы задаются извне и динамически, превращая адаптацию в еще один повод для санкции.

Телесная увечность героини – не метафора, а материал: клинические описания болезни [там же, с. 19–20] и сцены, где тело «играет» вопреки ограничению («танцую так, как будто я не больна» [там же, с. 26]), раскрывают тему видимости и невидимости. Порог публичности определяется не действиями Алисы, а чужим взглядом: подруга публикует фотографии без нее [там же, с. 37], а позже в сеть попадает видео издевательств, снятое ее «друзьями». Это не частный случай деструкции, а производственный механизм видимости, превращенный в форму контроля [Foucault 1978, p. 200]. Сознание героини закрепляет это через повторяющиеся формулы «невидимости»: «никто ничего не заметил <...> они меня вообще видят?» [Фрей 2018, с. 82]; «чувствуя себя человеком-невидимкой» [там же, с. 97]; «теперь все перестали замечать» [1, с. 100]; «перестать быть невидимой» [там же, с. 102]; «если я спрыгну с пятнадцатого этажа, кто-нибудь это заметит?» [там же, с. 107]. Этот лейтмотив – не стилистический прием, а семиотический симптом: язык фиксирует, как насилие перераспределяет видимость, создавая иерархию присутствия и исчезновения.

Сюжетная «видимость» романа скрепляется микроритуалами исключения. Эпизод с ходунками [там же, с. 113–114], где у героини отнимают средство передвижения, и отказ Сони вмешаться – не просто «плохой поступок друзей», а урок распределения ролей: наблюдатель обретает власть через бездействие, его свидетельство легитимирует агрессию [Foucault 2003]. Позднее невидимость сменяется избыточным вниманием: после сцены издевательств [Фрей 2018, с. 124] Алиса вспоминает свое новогоднее желание «стать заметной» и хочет «отозвать его обратно» [там же, с. 130]. Публичность оборачивается демонстрацией уязвимости. Парадокс героини в том, что стремление быть замеченной превращается в стратегию избегания – от суицидального вопроса [там же, с. 133–134] до желания «не оставлять следов».

Изменение темпоральности становится вторым регистром травмы. Фраза «мир перестал вращаться» [там же, с. 124] фиксирует остановку хроноса, время застревает в настоящем. Здесь возникает борхесовский мотив развилки реальностей: «планета без той вечеринки» [там же, с. 156] – не эскапизм, а способ мыслить травму как множественность гипотетических миров, «которые сближаются, ветвятся, перекрещиваются <...> заключая в себе все мыслимые возможности» [Борхес 2002, с. 144]. В дерридианской перспективе «отсрочки и отличия» значение событий постоянно откладывается: произошедшее не совпадает с его кадром, подписью, пересказом [Derrida 1998, p. 65–67].

Так текст работает с культурными кодами. Отсылка к «Игре престолов» [Фрей 2018, с. 81] – не декоративна: афоризм «тот, кто выносит приговор, должен сам осуществить казнь» [там же, с. 361] превращается в этико-политическую формулу ответственности. Внутри школьной среды приговор выносит толпа, а «уничтожение» объекта делегируется алгоритмам видимости – лайкам, просмотрам, репостам (см.: [Baudrillard 1994]). Отсылка к Эко выявляет принцип чтения: текст требует соучастия, но читатель-свидетель выбирает легкие формы – ярлык, мем, «шутку» [Есо 1979].

Псевдоинициационные сцены – танцы вокруг беспомощной бабушки [Фрей 2018, с. 87–88], кражи в магазине [там же, с. 93–94] – образуют инфраструктуру анестезии: новые переживания добываются за счет чужой беспомощности. Здесь действует логика суперэго-императива «наслаждайся!» [Žižek 2008]. Групповая мораль превращает свободу в трансгрессию и вырабатывает привычку к издевательствам над уязвимым. Признание Алисы [Фрей 2018, с. 88] – «впервые почувствовала себя здоровой» – корреспондирует с Палаником: герой «Бойцовского клуба» впервые ощущает себя живым среди смертельно больных [Паланик 2011, с. 27, 56]. Тот же архетип повторяет «меланхолическая программа гения» [Фрей 2018, с. 98]: болезнь как источник смысла. Психология травмы просвечивает через культурные клише: роль «меланхолика» позволяет вербализовать боль и подготовить рождение «компьютерного гения» как фигуры сопротивления.

Проблематика видимости и невидимости получает новое развитие в форме стратегии самозащиты: «стать невидимкой не только в жизни, но и в Интернете» [там же, с. 205] становится для героини не жестом ухода, а стратегией возмездия. К моменту, когда Алиса осваивает хакерские навыки, она вырабатывает практики конфиденциальности: «анонимная Сеть, утилиты для шифрования, программы безвозвратного удаления данных, анонимайзеры, одноразовые адреса электронной почты» [там же, с. 205] – не просто *modus vivendi*, а *modus operandi*, направленный на смену социальных ролей. Героиня предугадывает функциональность цифровых платформ; в художественной логике это не «ошибка», а симптом эпохи, в которой коммуникация смещается к исчезающему письму. Алиса не публикует дневник – это ее приватная лаборатория, тогда как публичное насилие производят чужие камеры и чужие аккаунты.

Из этого вырастает тема двойничества. Переписка с Безумным Шляпником [там же, с. 185], сон внутри сна [там же, с. 194–196], «целая чужая вселенная в голове» [там же, с. 408] – не просто метафоры. В лакановской оптике «зеркальной стадии» эти сцены фиксируют онтологический сдвиг: образ Мэда становится интерфейсом действия там, где Алиса бессильна. Отсюда – «маска» [там же, с. 221] и «броня» [там же, с. 229], создающие эффект самоэффективности. Но броня опасна: «Алису пугали противоречивые чувства – Мэд плохо на нее влиял» [там же, с. 265]. Граница между инструментом и одержимостью

стирается; «ночная власть» другого над телом [там же, с. 216] маркирует зону диссоциации, где субъект уступает место функции. Аналогичен паланиковский мотив: «Каждый раз, когда ты засыпаешь <...> я выхожу и совершаю безумный поступок» [Паланик 2011, с. 275].

Кульминационные узлы – наказание Белозерцева, месть буллерам [Фрей 2018, с. 382, 259–263; 321–327; 341–351; 353–357], «приговор» [там же, с. 361] – соединяют все линии в единый моральный кризис. Формула «я делаю то, что сделали со мной» [там же, с. 206] обнажает зеркальную структуру: месть как повторение насилия. Новое самоощущение («мне просто нравится чувствовать власть над людьми» [там же, с. 205]) и разрыв между виртуальным и реальным («в Интернете она владела жизнями <...> в реальности – все иначе» [там же, с. 265]) соотносятся с транзактным сценарием «Победитель дракона» Эрика Берна, основанным на предписании «стать великим человеком» и цикле «герой/жертва/герой» [Берн 2008, с. 361–362].

Роман не выстраивает редемптивной модели, представляя насилие как воспроизводимый механизм социального и этического опыта. Символика ртути и «безумия шляпников» – культурно-медицинская легенда, в которую вписан Мэд – уточняет этот процесс: «он вырвется и обретет власть над моим телом» [Фрей 2018, с. 207]; «мы делим одно тело на двоих» [там же, с. 213]; «Мэд властвует ночью» [там же, с. 216]; «сняла маску Алисы <...> на пост вступает Mad Hatter» [там же, с. 221]. Эти формулы описывают не вытеснение, а интеграцию двойника как ресурса – опыт согласования с травмой и становление этики ответственности: «тот, кто выносит приговор...» [там же, с. 361] возвращается как зеркало, которое нельзя передоверить никому.

Кто говорит через нас: зеркальная власть, этика действия и пределы субъекта в романе Эли Фрей «Синдром Алисы»

Сюжетная линия «Мэд/Алиса» продуктивно соотносится с паланиковским «бойцовским» корпусом – не по внешним эффектам (ночная активность, двойник, смена масок), а по механизму рождения субъекта из травмы. У Паланика Дерден – не «второе я», а машина действия, исполняющая то, на что «я» не решается. У Фрей Мэд возникает не как объект вытеснения, а как оператор: он ведет переписку [там же, с. 185], диктует стратегию [там же, с. 191], «властвует ночью» [там же, с. 216] и одновременно открывает путь к ключевому навыку – программированию, анонимности, тактикам невидимости [там же, с. 204–205]. В обоих случаях «второй» становится тренажером действия, цена которого – утрата контроля.

Параллель с «Невидимками» Паланика развивает тему телесного изъяна («С некоторыми людьми это приключается раньше, с другими позже <...> но заканчиваем мы все одинаково. Превращаемся в уродов» [Паланик 2009, с. 30]) и переписывания идентичности через фотографию, кадр, язык

(«...ты еще раз расскажешь мне свою историю. Вернее, напишешь. А потом еще и еще раз» [Паланик 2009, с. 62]). Алиса делает видимой собственную уязвимость, но теперь сама управляет видимостью: «я – охотник» [Фрей 2018, с. 204], «неограниченная власть» [там же, с. 205] – не бахвальство, а точка обретения агентности. Этический вектор при этом сохраняется: месть остается мезтью, и роман не романтизирует ее.

В формуле «я делаю то, что сделали со мной» разыгрывается гегелевская диалектика «раб – господин», перенесенная в цифровой контекст: модель *slave/master* [там же, с. 205] артикулирует власть через доступ к данным и контроль над видимостью. «Охота» на Белозерцева [там же, с. 382] становится не частным эпизодом, а политической сценой, где знание и код превращаются в этическую и юридическую дилемму: кто вправе судить и как «сюрреальная» справедливость пересекается с законом.

Роман возвращает к российской традиции изображения травли – не через цитирование, а через структуру. «Чучело» Железникова задает архетип ярлыка и коллективного бойкота; у него героиня остается пассивной мишенью символического суда, тогда как у Фрей «мишень» перехватывает медиальные инструменты. В повести Богословского «Верочка» тонкое моральное давление и вина переходят в «Синдроме Алисы» в структуру разрушенного доверия: Соня превращается в эгоцентричного свидетеля, пассивного соучастника. Институты (суд, школа) не восстанавливают справедливость [там же, с. 153], и парадоксальной компенсацией становится «иная справедливость» – мздовская. Этика действия трансформируется в постструктуралистское измерение, где субъект определяется не намерением, а структурой – тем, как власть и смысл производят говорящего.

Эпизоды романа, где Мэд «властвует ночью» [Фрей 2018, с. 216], а Алиса «снимает маску» [там же, с. 221], соотносятся с лакановской логикой смены позиций субъекта: то, что днем запрещено, ночью разрешается другой маске. Здесь формируется внутренняя экономика аффектов, где действие компенсирует вытеснение. Разрыв с прежним окружением – переезд, домашнее обучение [там же, с. 159–160] – становится жестом реформативирования реальности: Вика выполняет функцию точки реальности, удерживая Алису на границе между воображаемым и символическим.

Аллюзивная этика романа выстраивает линию ответственности. Формула «тот, кто выносит приговор, должен сам осуществить казнь» [там же, с. 361] возвращает школьное пространство к категории морального выбора: «игра» [там же, с. 370] становится метафорой реального насилия и провала институтов. Зазеркалье здесь – не бегство от реальности, а гипертрофированное ее отражение, где осмысливаются последствия действия.

Кульминация романа переносит конфликт в плоскость диалога: «Мэд не будет ее слушать <...> он подчинит тело и мозг себе» [там же, с. 288]; «Мад

Hatter был жесток и безумен» [там же, с. 325]. Однако вместо изгнания двойника происходит серия символических переговоров – спасение Мэда [там же, с. 429], сон как перинатальный опыт, техники осознанных сновидений [там же, с. 415]. Двойник превращается из фигуры одержимости в инструмент самопонимания: не отрицание тьмы, а ее подчинение закону меры.

Таким образом, «Синдром Алисы» дает редкую для современной прозы конструкцию: текст показывает, как травля порождает антропологическую деформацию – распад связей, утрату языка, патологическую видимость и как через маску, письмо, код, анонимность и «зазеркалье» субъект учится действовать, не растворяясь в мести. Параллели с Палаником в этом ключе не про «насилие ради насилия», а про архитектуру действия: *кто говорит через нас, где проходит линия между инструментом и одержимостью, чем измеряется ответственность?* Роман не подменяет суд психологией; он показывает структуры, внутри которых личные решения становятся этическим выбором, а не «естественным» продолжением травмы.

Заключение

Современное осмысление буллинга требует выхода за пределы описания психологической травмы: перед нами не частный опыт, а сложный социокультурный процесс, где пересекаются власть, язык и видимость. Роман Эли Фрей «Синдром Алисы» демонстрирует, что литература не только фиксирует травлю как социальный симптом, но и вырабатывает собственные формы сопротивления – через нарратив, внутренний монолог и символические стратегии субъекта. Здесь художественный текст становится пространством, где соединяются философия Фуко о дисциплинарном теле, анализ символического насилия у Бурдьё и семиотическая логика Лотмана, превращающая акт письма в акт восстановления смысла.

Оптика Фрей показывает, что насилие не существует вне медиальных структур: оно не просто совершается, но и транслируется, получает длительность через механизмы видимости. «Синдром Алисы» становится метафорой культуры наблюдения – паноптической, сетевой, самоорганизующейся. Приватный дневник героини оказывается единственным пространством свободы, где язык возвращает субъекту способность к действию. Сопротивление начинается там, где травма превращается в высказывание.

Объединяя философский и эмпирический уровни, исследование показывает: буллинг – не только педагогическая или психологическая, но и культурная проблема. Способы, которыми общество распределяет внимание, регулирует видимость и очерчивает границы допустимого, воспроизводят старые формы власти в цифровых оболочках. Так «Синдром Алисы» становится текстом перехода – от индивидуальной боли к коллективному самопознанию, от молчания к этике слова.

Литература выступает не отражением, а инструментом понимания реальности: она возвращает язык тем, кто был лишен голоса, и делает видимыми механизмы насилия, опирающиеся на невидимость. Эта способность соединять художественное, социальное и философское определяет значение романа Фрей в гуманитарном контексте и подтверждает, что анализ травли невозможен без культурологического и дискурсивного измерения.

Перспективы исследований связаны с расширением сравнительного поля – включением репрезентаций буллинга в русской, англоязычной и восточноевропейской прозе, а также визуальных нарративов. Важно проследить, как медиальные структуры влияют на переживание и переработку травмы и каким образом искусство сохраняет роль этического пространства, где травма превращается в знание.

Проведенный анализ, объединяющий литературоведческие, философские и социологические подходы, формирует теоретическую основу для последующих публикаций и систематизации научного материала.

Библиография

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: ЭКСМО, 2008. 576 с.

Борхес Х.Л. Новые расследования // Собр. соч. в 4 томах. СПб.: Амфора, 2002. Т. 2. 844 с.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 514 с.

Исследование: 55% подростков в России сталкивались с кибербуллингом // Beart. 2021. 26.04. URL: <https://surl.li/qogtte> (дата обращения: 01.11.2025).

Каждый шестой школьник сталкивается с кибербуллингом – новое исследование ВОЗ/Европа // Всемирная организация здравоохранения (Европейское региональное бюро). 2024. 27.03. URL: <https://surl.lt/fzohjg> (дата обращения: 01.11.2025).

Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). С.-Пб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

Международный день борьбы с насилием и травлей в школе, в том числе кибербуллингом // ЮНЕСКО. 2025. 6. 11. URL: <https://www.unesco.org/ru/days/against-school-violence-and-bullying> (дата обращения: 01.11.2025).

Минпросвещения России разработало памятку по противодействию физическому и психическому насилию, травле в школах // Министерство просвещения Российской Федерации. 2025. 26.03. URL: <https://edu.gov.ru/press/9580/minprosvescheniya-rossii-razrabotalo-pamyatku-pro-protivodeystviyu-fizicheskomu-i-psihiicheskomu-nasiliyu-travle-v-shkolah/> (дата обращения: 19.10.2025).

Паланик Ч. Бойцовский клуб. М.: АСТ, 2011. 256 с.

Паланик Ч. Невидимки. М.: АСТ, 2009. 300 с.

Фрей Э. Синдром Алисы. М.: АСТ, 2018. 448 с.

Antic J. Exhibition “Traces.” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jelenaantic.art/traces.html> (дата обращения: 01.11.2025).

Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. New York: Viking Press, 1964. 324 p.

Avanesian G., Dikaya L., Bermous A., Kochkin S., Kirik V., Egorova V., Abkadyrova I. Bullying in the Russian secondary school: Predictive analysis of victimization // *Frontiers in Psychology*. 2021. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://surl.li/ifaofa> (дата обращения: 01.11.2025).

Baudrillard J. *Simulacra and Simulation* / Translated by Sheila Faria Glaser. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994. 165 p.

Blanchot M. *Literature and the Right to Death*. Stanford University Press, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://surl.li/jfgpbd> (дата обращения: 01.11.2025).

Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press, 1991. 295 p.

Derrida J. *Of Grammatology*. Corrected edition / Translated by Gayatri Chakravorty Spivak. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. 359 p.

Eco U. *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts*. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 273 p.

Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Pantheon Books, 1978. 333 p.

Foucault M. *Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–76*. Edited by Mauro Bertani and Alessandro Fontana, translated by David Macey. New York: Picador, 2003. 310 p.

Kowalski R. M., Limber S. P., Agatston P. W. *Cyberbullying: Bullying in the Digital Age*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. 282 p.

Lacan J. *The Mirror Stage as Formative of the Function of the I as Revealed in Psychoanalytic Experience* // *Écrits: A Selection*. Translated by Alan Sheridan. New York: W. W. Norton & Company, 1977. [Электронный ресурс]. URL: <https://surl.li/mnqhea> (дата обращения: 01.11.2025).

Olweus D. *Bullying at School: What We Know and What We Can Do*. Oxford: Blackwell, 1993. 321 p.

Yoneyama S. *Theorizing School Bullying: Insights from Japan*. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://confero.ep.liu.se/article/view/3617> (дата обращения: 01.11.2025).

Žižek S. *The Plague of Fantasies*. London; New York: Verso, 1997. 584 p.

Žižek S. *The Sublime Object of Ideology*. London and New York: Verso, 2008. 270 p.

References

Antic J. Exhibition “Traces.” URL: <https://www.jelenaantic.art/traces.html> (date of access: 01.11.2025).

Arendt H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: Viking Press, 1964. 324 p.

Avanesian G., Dikaya L., Bermous A., Kochkin S., Kirik V., Egorova V., Abkadyrova I. Bullying in the Russian secondary school: Predictive analysis of victimization. *Frontiers in Psychology*. 2021. N 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://surl.li/ifaofa> (date of access: 01.11.2025).

Baudrillard J. *Simulacra and Simulation* / Translated by Sheila Faria Glaser. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994. 165 p.

Bern E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry* [Games that People Play. People Who Play Games]. Moscow: EKSMO, 2008. 576 p. (In Russ.)

Blanchot M. *Literature and the Right to Death*. Stanford University Press, 2022. URL: <https://surl.li/jfgpbd> (date of access: 01.11.2025).

Borkhes Kh. L. *Novye rassledovaniya* [New Investigations]. In: *Sobranie sochinenii* [Collected Works]; In 4 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Amfora, 2002. 844 p. (In Russ.)

Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press, 1991. 295 p.

Derrida J. *Of Grammatology*. Corrected edition / Translated by Gayatri Chakravorty Spivak. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. 359 p.

Dostoevsky F. M. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazovs]. In: Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii [Collected Works]: In 30 vols. Vol. 14. Leningrad: Nauka, 1976. 514 p. (In Russ.)

Eco U. The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 273 p.

Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: Pantheon Books, 1978. 333 p.

Foucault M. Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975-76. Edited by Mauro Bertani and Alessandro Fontana, translated by David Macey. New York: Picador, 2003. 310 p.

Frey E. Sindrom Alisy [Alice Syndrome]. Moscow: AST, 2018. 448 p. (In Russ.)

Issledovanie: 55% podrostkov v Rossii stalkivalis' s kiberbullyingom [Research: 55% of teenagers in Russia have faced cyberbullying]. Bearr. 2021, April 26. URL: <https://surl.li/qogtte> (date of access: 01.11.2025). (In Russ.)

Kazhdyi sixthoi shkol'nik stalkivaetsya s kiberbullyingom – novoe issledovanie VOZ/Europa [Every sixth schoolchild faces cyberbullying – new WHO/Europe report]. Vsemirnaya organizatsiya zdavookhraneniya (Evropeiskoe regional'noe byuro) [World Health Organisation (European Regional Office)]. 2024. 27.03. URL: <https://surl.lt/fzohjg> (date of access: 01.11.2025). (In Russ.)

Kowalski R. M., Limber S. P., Agatston P. W. Cyberbullying: Bullying in the Digital Age. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. 282 p.

Lacan J. The Mirror Stage as Formative of the Function of the I as Revealed in Psychoanalytic Experience. *Écrits: A Selection*. Translated by Alan Sheridan. New York: W. W. Norton & Company, 1977. URL: <https://surl.li/mnqxea> (date of access: 01.11.2025).

Lotman Yu. M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov: Stat'i. Issledovaniya. Zametki [The Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds: Articles, Studies, Notes (1968–1992)]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. 704 p. (In Russ.)

Mezhdunarodnyi den' bor'by s nasiliem i travlei v shkole, v tom chisle kiberbullyingom [International Day Against Violence and Bullying at School Including Cyberbullying]. UNESCO. 2025. 6. 11. URL: <https://www.unesco.org/ru/days/against-school-violence-and-bullying> (date of access: 01.11.2025).

Minprosveshcheniya Rossii razrabotalo pamyatku po protivodeistviyu fizicheskomu i psikhicheskomu nasiliyu, travle v shkolakh [The Russian Ministry of Education has developed guidelines for countering physical and psychological violence and bullying in schools]. Ministerstvo prosveshcheniya Rossiiskoi Federatsii [The Russian Ministry of Education]. 2025. 26.03. URL: <https://edu.gov.ru/press/9580/minprosveshcheniya-rossii-razrabotalo-pamyatku-po-protivodeystviyu-fizicheskomu-i-psihicheskomu-nasiliyu-travle-v-shkolakh/> (date of access: 19.10.2025). (In Russ.)

Olweus D. Bullying at School: What We Know and What We Can Do. Oxford: Blackwell, 1993. 321 p.

Palanik Ch. Boitsovskii klub [Fight Club]. Moscow: AST, 2011. 256 p. (In Russ.)

Palanik Ch. Nevidimki [The Invisibles]. Moscow: AST, 2009. 300 p. (In Russ.)

Yoneyama S. Theorizing School Bullying: Insights from Japan. 2015. URL: <https://confero.ep.liu.se/article/view/3617> (date of access: 01.11.2025).

Žižek S. The Plague of Fantasies. London; New York: Verso, 1997. 584 p.

Žižek S. The Sublime Object of Ideology. London and New York: Verso, 2008. 270 p.

Т.Г. Пархалина

**ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА И РОЛЬ
ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЫ: ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ**

Аннотация. Данный материал представляет собой обзор докладов на общероссийской научно-практической конференции, проходившей в ИНИОН РАН 27 мая 2025 г. и посвященной анализу места и роли Объединенной Европы (ЕС) в процессе формирования нового мирового порядка. В конференции принимали участие эксперты институтов РАН, московских и региональных вузов.

Основной вывод, который был сделан практически всеми участниками конференции, сводился к тому, что роль и место Евросоюза во вновь формирующемся мировом порядке будет зависеть от того, как сам Евросоюз будет решать эту сложнейшую задачу, как он будет выстраивать свою стратегическую и политическую автономию от главного стратегического партнера и одновременно конкурента – США.

Ключевые слова: Объединенная Европа; ЕС; НАТО; новый мировой порядок; США; Китай; Россия.

Пархалина Татьяна Глебовна – кандидат исторических наук, советник директора, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: parkhalina@inion.ru

Parkhalina T.G.

**Shaping a New World Order and the Role of a United Europe:
A Review of Conference Materials**

Abstract. The presented text is a review of the materials of the all-Russian scientific-practical conference “Formation of the New World Order and the Role of a United Europe (the EU),” which was organized and held by INION RAS on May 27, 2025. The above-mentioned conference was devoted to the analysis of the role and place of the EU in the process of shaping the New World Order. Researchers from different institutions of the RAS, as well as from Moscow and regional universities, participated in it.

The main conclusion, shared by practically all participants, is that the role and place of a United Europe in the New World Order will depend on the EU itself, on the capabilities of this integrative complex to address one of the most complicated problems – the problem of shaping its own strategic and political autonomy from its main partner and competitor, the USA.

Keywords: United Europe; the EU; NATO; New World Order; the USA; China; Russia.

Parkhalina Tatyana Glebovna – Candidate of Historical Sciences, Advisor to the Director, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: parkhalina@inion.ru

Настоящий момент мировой истории характеризуется серьезными потрясениями и даже обвалом системы глобальной и евро-атлантической безопасности. Мировая система находится в процессе транзита от старого Ялтинско-Потсдамского мирового порядка (а затем – не до конца оформившегося порядка после окончания холодной войны) к новому, контуры которого будут определены к 2035–2040 гг.

Мировой порядок – это динамика власти, принципов и норм отношений между государствами, международными институтами и другими глобальными игроками. Индикаторами изменений являются: возвышение ряда стран как мощных экономических игроков (пример – Китай), возникновение глобальных кризисов (пандемия COVID-19), которые меняют не только состояние экономики, но и судьбы, и образ жизни людей, а также функционирование целых отраслей производства; технологические достижения, такие как ИИ (искусственный интеллект) и машинное обучение; изменение торговых моделей.

После прихода администрации Трампа в Белый дом стало очевидным, что мир находится на развилке: либо это будет новая биполярность (США – КНР), либо концерт трех держав (США – Россия – Китай), при наличии полицентричности (Индия, Турция, Объединенная Европа – ЕС, Латинская Америка, Африка, Азия, помимо Китая); либо многополярность, которая пока под вопросом.

Претензии любого государства на то, чтобы стать полюсом, обусловлены наличием ряда факторов, причем их совокупностью, а не некоторыми из них. К ним относятся следующие: высокий уровень экономического и технологического развития; конкурентоспособность в различных сферах; высокий образовательный уровень; военный потенциал (включая ядерный); демографические параметры; способность быстро реагировать на новые вызовы и выстраивать кооперативные отношения с различными игроками; культурная привлекательность; наконец, последняя по списку, но не по содержанию – стратегическая автономия.

На нынешнем этапе, когда Соединенные Штаты при администрации Трампа все более и более склонны применять так называемую коммерческую дипломатию для решения сложнейших мировых проблем, очевидно, что экономические факторы становятся преобладающими. Здесь следует отметить, что экономика всегда играла роль триггера в решении проблем войны и мира в соответствии с трюизмом «политика является концентрированным выражением экономики», а «война является продолжением политики иными средств-

вами». Но никогда ранее лидирующая держава мира не объявляла торговые войны всем остальным игрокам одновременно, никогда ранее слово «делка» (присущее экономическим взаимоотношениям) не звучало так часто в определении проблем, связанных с сохранением человеческих жизней.

Экономическое измерение мировой политики, по всей видимости, при Трампе будет играть все более значимую роль в определении приоритетов не только самих США, но и их союзников, партнеров и конкурентов.

Сегодня по-прежнему существуют три центра экономической гравитации в экономической сфере – США, Китай, Евросоюз [Надточей 2024]. Остальные государства заинтересованы в выстраивании тесных отношений с ними, думая прежде всего не о многополярности, а о выживании в условиях обрушения предыдущего миропорядка.

Понятно, что при любом развитии событий Евросоюз будет оставаться полюсом силы в формирующейся на наших глазах следующей «новой» системе международных отношений. Обусловлено это его экономической и политической привлекательностью, причем не только для жителей Европы. Привлекательность эта базируется на четырех свободах: общий рынок и свободное передвижение людей, товаров, капиталов, идей; на социальном партнерстве; на многоуровневом управлении (наднациональный, национальный, региональный уровни); способности и возможности поиска ответов на новые вызовы и риски [Белинский, Надточей 2024]. При этом у него отсутствует «стратегическая автономия», что особенно ярко проявилось в ходе Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2025 г.

Обсуждению роли Объединенной Европы во всех этих процессах и была посвящена конференция, прошедшая 27 мая 2025 г. в ИНИОН РАН. Многое будет зависеть от того, как сам Евросоюз будет определять свое место в меняющемся мире. Конференцию открыл директор ИНИОН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук А. В. Кузнецов, который подчеркнул необходимость анализа процессов, происходящих в Европе, несмотря на сложность отношений между РФ и ЕС на современном этапе.

Первая сессия конференции была посвящена теме меняющейся роли евроатлантических институтов в условиях отхода США от концепта солидарности. Профессор Уральского федерального университета, доктор исторических наук Валерий Иванович Михайленко обозначил тему своего выступления как «Возможен ли новый ялтинский порядок и/или мир регионов?»¹.

Он отметил, что, несмотря на свою незавершенность, особенно в части институтов силового поддержания мирового порядка, Ялтинско-Потсдамский

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: проект № 24-28-01710 «Процессы регионального строительства и экономической интеграции в Азии в условиях конкуренции великих держав».

мировой порядок (ЯПМП) аккумулировал идеи, институты и ценности, которые были результатом развития европейской мысли и политической культуры, а также уроков антифашистской борьбы. ЯПМП стал «стандартом цивилизованности» для мирового сообщества. Одной из доминант Вестфальской модели, как результата развития европейской правовой мысли, является международное право: примат личности, суверенитет государства, отношения между государствами, основанные на международном праве и т. д. Европейский (либеральный) подход фокусируется на отдельных лицах и сообществах как на основных единицах, определяя безопасность как защиту прав человека и свобод от государственного произвола, а не делая приоритетом сохранение самого государства.

Тем не менее наступает время прощания с европоцентричной Вестфальской моделью миропорядка. Говоря о фрагментации мирового порядка, докладчик отметил, что на нее влияют как объективные факторы – пандемия, деглобализация, регионализация, фрагментация мировой экономики, война тарифов, изменения баланса сил, разрыв цепочек поставок, рост самосознания в странах Глобального Юга, так и субъективные – международно-правовой нигилизм со стороны лидеров глобального мира. К примеру, обе сверхдержавы стремятся переупорядочить мир. США и Китай по-разному создают свои институциональные сети и способы их продвижения.

США стремятся к более компактным (преимущественно минилатеральным), тесно связанным группировкам со своими союзниками и избранными партнерами, основанным на их стратегической сплоченности, политическом выравнивании, экономико-технологических возможностях и общем восприятии вызова/угрозы со стороны Китая.

Китай стремится к накоплению численного доминирования в многосторонних институтах, пытаясь объединить Глобальный Юг, чтобы склонить чашу весов против Запада. Акцент на Глобальном Юге во внешней политике Китая стал все более заметным в последнее десятилетие на фоне растущего отчуждения Китая от Запада. Страны Глобального Юга стали жизненно важными экономическими партнерами, а также незаменимыми электоратами и нормативными союзниками в усилиях Китая по построению более прокитайской и менее западноцентричной глобальной системы. Подход «большого числа» основывается на растущих инвестициях Китая в ООН, большинство членов которой являются развивающимися странами. Китай неуклонно наращивает свое влияние, назначая китайских граждан на руководящие должности в агентствах ООН. Число китайских граждан, работающих в ООН, увеличилось почти в 2 раза: с 794 в 2009 г. до 1564 в 2022 г. С 2019 г. Китай превзошел Японию и стал вторым по величине финансовым вкладчиком в регулярный бюджет ООН. Китай также укрепил сотрудничество Юг-Юг в рамках ООН посредством таких инициатив, как предоставление дополнительного финансирования для модернизации Фонда содейст-

вия сотрудничеству Юг-Юг до Фонда глобального развития и сотрудничества Юг-Юг; формирование группы друзей Инициативы глобального развития Китая с более чем 80 странами-участницами; и расширение сети сотрудничества Китая Юг-Юг с участием 50 технических комитетов.

В итоге обе державы обращаются к «институциональному балансированию», которое определяется как «мягкое балансирующее поведение», используемое соперничающими государствами.

Результатом этой политики соперничающих держав становится все более фрагментированная и оспариваемая глобальная система.

Мировой порядок, основанный на «международном праве» или «на правилах»

Последняя формулировка поддерживается всеми азиатскими странами и США. Азиатские государства хотят международного порядка, основанного на конституционных нормах независимости, равенства и верховенства закона. При этом независимость рассматривается как свобода выбирать собственную внутривнутриполитическую систему и определять своих друзей и врагов, а именно то, что некоторые в Азии называют «стратегической автономией».

Для них равенство означает, что в международной дипломатической жизни посланники и представители каждой страны могут сидеть за столом универсальных организаций. Малые азиатские государства не ожидают, что у них будет право вето в Совете Безопасности ООН, но они поддерживают базовую хартию прав и защиты, доступную всем. Это отражается в поддержке азиатскими государствами «международного порядка, основанного на правилах». Они обвиняют США и западных партнеров в частом нарушении принципов «порядка, основанного на международном праве». Поэтому азиатские государства в разной степени скептически относятся к заявлениям, что либерально-демократическое управление должно быть желательным стандартом международного порядка [Вајраі 2023].

Российский министр иностранных дел С. Лавров полагает, что «порядок, основанный на правилах», навязывают Соединенные Штаты и их союзники. А деятельность «избранных клубов», выдвигающих концепцию, инспирирована «коллективным Западом» [Лавров 2023]. Сама Россия призывает придерживаться договоренностей, закрепленных в документах ООН о приоритете международного права.

Фрагментация и ослабление «коллективного Запада»

«Эпоха европейско-американского альянса после Второй мировой войны закончилась», – утверждает политический деятель Испании, бывшая министр иностранных дел Аранча Гонсалес Лайя. Администрация Д. Трампа попытает-

ся ослабить континент посредством сочетания внешнего принуждения и хищнической политики, утверждая, что ей необходимо контролировать Гренландию для своей национальной безопасности, стремясь к сближению с Россией за счет безопасности Европы, ослабляя сдерживание НАТО и оказывая давление в торговле, заключает Гонсалес Лайя [Gonza'lez Laya 2025].

«Запад, каким мы его знали, больше не существует», – заявила председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен на фоне стремительно ухудшающихся отношений с Соединенными Штатами при администрации Дональда Трампа [Leuven 2025]. Президент Трамп заместил понятия «демократические ценности» и «международное право» инструментами «сделок» и «таможенных войн».

Выдвинутая ЕС в 2003 г. концепция «эффективной многосторонности» означает поддержание «одного мира»: единого мирового порядка с основным набором правил, которым подчиняются все государства, поскольку им нужна стабильная политическая и финансово-экономическая основа для реализации своих интересов. Многосторонность должна играть гораздо более значимую роль как в существующих международных организациях, так и в новых специальных коалициях, объединяя демократические и недемократические страны, которые заинтересованы в конкретных решениях конкретных проблем. Сохранение всех государств в системе будет означать компромисс, но это гораздо предпочтительнее, чем выход крупных держав из системы и подрыв ее извне. Компромисс с другими силами имеет смысл только в том случае, если они соблюдают правила системы, как старые, так и новые. Представитель европейской критической политической мысли бельгийский политолог Свен Бископ полагает, что миропорядок двадцать первого века будет формироваться в острой борьбе старого и нового, в противостоянии между нисходящими и восходящими державами, между устоявшимися и вновь созданными международными институтами, между победителями и проигравшими в процессе глобализации [Biscop 2004].

Амбиции Глобального Юга

Можно констатировать неприятие значительным числом незападных государств либерального мирового порядка, однополярного мирового порядка, мирового порядка, основанного на международном праве. Им противопоставляется «мир, основанный на правилах» и «порядок, основанный на многосторонности». Однако не все так однозначно в подходе разных сторон к трактовке этих понятий.

Например, аналитик из Наньянского технологического университета К.К. Питакдамронгкит (Kaewkamol Pitakdumrongkit) утверждает, что многосторонность не является панацеей для средних и малых государств. Конку-

ренция между крупными державами может привести к фрагментации системы управления. В результате малые и средние государства будут вынуждены выбирать чью-либо сторону против своей воли. Незападные страны должны осознавать, заключает автор, что у них есть возможность формировать «международный порядок, основанный на правилах».

Ее коллега Джоел Энджи (Joel Ng) сетует по поводу того, что США не будут поддерживать многосторонние институты и придерживаться международного права. «Опасность заключается в том, что множество государств последуют их примеру ... и уже выбирают этот путь, что приведет к распространению конфликтов по всему миру». «Поддержание критической массы против надвигающейся смуты» он видит в конструировании региональных группировок [Ng 2025].

Постоянный автор издания Asia Times Сетйо Будианторо (Setyo Budiantoro) утверждает, что «Азия нуждается в устойчивой парадигме развития, созданной самими азиатами» согласно их собственным традициям. «Постгегемонистский мир будет определяться не только сменой власти, но и сменой смысла» [Budiantoro 2025].

Далее... «мир регионов»?

Фрагментация мирового порядка не означает его распада на регионы, но его усложнение. Как отмечает А. Ачарья, нас ожидает «мир растущей сложности» (a world of growing complexity) и «перекрывающееся разнообразие» (overlapping diversity) локальных и региональных конструктов. Современный мир должен дать дорогу более плюралистическому «мультиплексному миру» (multiplex World) [Acharia 2018]. Незападные государства имеют свои представления о мировом порядке, которые отличаются от европоцентричной Вестфальской модели [Михайленко, Михайленко, Мамин 2024]. Новый мировой порядок формируется с учетом новых реальностей в виде усиливающегося влияния западных государств, и его конструкция будет зависеть от найденного компромисса между различными формами видения устройства современного мира и возможностями их реализации.

Зав. отделом европейской безопасности Института Европы РАН к.э.н. Д.А. Данилов выступил с докладом «Курс ЕС на укрепление «еврообороны» в условиях геополитической турбулентности». Докладчик отметил, что формирование политических, институциональных, экономических и оперативных механизмов и инструментария «европейской обороны» рассматривается Европейским союзом не только как приоритет и безальтернативный путь достижения стратегической автономии, но и как безусловный императив обеспечения внутренней устойчивости в условиях кризиса европейской системы безопасности и эрозии постбиполярного миропорядка.

Вызовы Евросоюзу обозначены как нарастающие внешние угрозы, которые требуют от ЕС обеспечить надежное сдерживание «тех, кто хочет причинить нам вред». Российская угроза в этой связи рассматривается как экзистенциальная, что все более отчетливо подкрепляется нарративом не только «агрессивных действий России против Украины», но и планов проецирования военно-силовой политики в Европе за пределы украинских границ.

После периода надежд, связанных с приходом к власти Байдена и лозунгом «Америка вернулась», Европа вновь столкнулась с усилением внешних факторов, в частности, с вызовами трампизма. Европе пришлось приложить немало усилий и пойти на значительные уступки и потери, чтобы «пережить» первый срок Трампа, а затем восстановить атлантическую солидарность и сбалансировать отношения с Вашингтоном.

Но когда вернулся Трамп, «Америка отвернулась» от Европы. Уже не жесткие сделки на его условиях, не дипломатия, а демонстративное нежелание договариваться с союзниками. Трамп 2.0. уже другой, и это шок для Европы, поскольку поставлен под вопрос сам смысл концепции «стратегической автономии». С одной стороны, вызов трампизма заставляет евробюрократию толкать машину «еврообороны» вперед во что бы то ни стало, по колее, из которой она уже не может свернуть. Но, с другой – ясная евроатлантическая погода при Байдене уже сменилась мощным атлантическим шквалом, который обрушился на европейскую территорию, разрушая мосты и дороги. Попытки главных европейских «шаманов» задобрить каким-то образом высшие силы и договориться ожидаемо оказались безуспешны.

Европейцам важно понимать новый политический образ Трампа 2.0., который формирует его видение Европы и отношений с союзниками, а последние, по его мнению, не сумели доказать, что они стратегические партнеры. В чем же различия?

Раньше Д. Трамп играл роль солиста на сцене американской политики, и члены его команды должны были ему аккомпанировать, своего рода Back voices (бэк-вокалисты, англ.), отсюда постоянные перетасовки в администрации. Теперь Трамп, вероятно, понял, что для эффективного руководства необходима иная схема: он должен играть роль режиссера в своем театре или дирижера своего оркестра. Пока это вполне удастся. Члены его команды исполняют свои роли в рамках единого замысла, который явно не проевропейский. Это даже не наступательный прагматизм, характерный для прежней администрации Трампа, и даже не экспрессивный неоизоляционизм, а гораздо хуже – это некий дрейф в сторону евронигилизма. Он уже не склонен «договариваться» с Европой о новых правилах игры, он ясно показал, что будет играть по своим.

К тому же Трамп не просто «обижен» на союзников, он расценивает их действия как европейский дворцовый сговор против него, и Высокий представитель ЕС по ОВПБ Кая Калас права, когда говорит, что Трамп хочет вое-

вать с союзниками. Но такие провокационные «реалистичные» высказывания официальных руководителей (которые для него предатели) только подчеркивают отсутствие у них идей, как можно было бы договориться, выйти на некую новую трансатлантическую сделку.

Ресурс политики America First Трампа 1.0. и отношений с союзниками по схеме «предложений, от которых нельзя отказаться», хотя и принесла ему весомые плоды, по существу исчерпан. В результате ставки европейской политической элиты на «жизнь после Трампа», чтобы взять реванш при Байдене, привели к политическому дефолту. Для Трампа не столь важно, насколько Европе удалось отыграться, для него такая игра принципиально неприемлема. Более того, он понимает, что должен за четыре года сделать гораздо больше, чем прежде. Он не будет участвовать в следующих президентских выборах и поэтому готов к более радикальным шагам в игре с европейскими партнерами.

Но, конечно, отмечает докладчик, Вашингтон нуждается в опорных площадках для укрепления своих позиций в Европе. В политическом отношении он использует зависимость европейских союзников от американских гарантий. Трамп дал ясно понять, что они не безусловны, Европа должна Америке и теперь гораздо больше, чем он запрашивал раньше. Но для Вашингтона важны адресаты его европейской политики, чтобы поддерживать и варьировать инструменты влияния.

Первоначально Трамп демонстративно проявил неблагодарность к «еврокомиссарам», но продемонстрировал понимание к тем европейским лидерам, которые дистанцировались от антитрамповского мейнстрима. И венгерский премьер Виктор Орбан прав, когда говорит, что теперь именно он представляет политический мейнстрим. С другими лидерами Трамп договариваться не склонен, хотя, конечно, не будет хлопать дверьми.

Попытки президента Франции Э. Макрона в очередной раз взять на себя роль трансатлантического миротворца Трампа не заинтересовали. Для этого недостаточно пригласить Трампа в Париж, а то, что Макрон записал в свой актив участие во встрече Зеленского, свидетельствует скорее о его попытке усидеть на двух стульях. Трамп видит лавирование Парижа по принципу «и своим, и чужим», что ему явно не подходит: для него европейские «предатели» не могут быть своими. Свои для него только те, кто готов играть в его игру – и на его стороне. Макрон не зарекомендовал себя ответственным партнером ни в отношениях с Вашингтоном, ни в самой Европе. Он выдвигает различные инициативы, не обеспеченные инструментами и ресурсами и потому довольно безответственные и провокационные.

Европа переживает кризис лидерства. Ведущие европейские страны (Германия, Франция, Великобритания и др. страны) столкнулись с внутренним кризисом власти и управления. В этих условиях ЕС также не может опираться на прежние «двигатели интеграции», традиционные тандемы. Стремясь кон-

солидировать управление интеграцией за счет дирижизма европейских институтов и органов, Евросоюз еще более теряет внутренние опоры. Отличие ЕС от США в том, что Трамп стремится и способен круто развернуть американскую политику, а европейцы зажаты в тиски своих стратегических установок, которые они могут отчасти корректировать, но не изменять.

Дилеммы, связанные со способностью ЕС сконцентрировать и переориентировать внутренние ресурсы на построение «союза обороны» является другим важным аспектом рассматриваемой проблемы. Конечно, ее нельзя рассматривать в отрыве от внешнего влияния, однако важен анализ того, что уже многие определяют как «милитаризацию» ЕС. В этой связи важно понять, насколько директивные документы, принятые в ЕС (такие, как Стратегический компас 2022 г. и Белая книга ЕС по оборонной готовности (БК/ЕС), представленная 19 марта 2025 г. как совместный документ Комиссии и Высокого представителя ЕС по ОВПБ), позволяют Евросоюзу обеспечить намеченные ориентиры в оборонной сфере.

Речь идет о том, насколько заявленные программы и планы по формированию «союза обороны» ЕС реалистичны в политическом, экономическом и военном отношении прежде всего с учетом:

- неопределенности американских гарантий в рамках НАТО;
- неучастия Британии в ЕС и, следовательно, в процессе планирования и принятия решений;
- вопроса о европеизации ядерных сил Франции и Великобритании;
- возможностей и ограничений существенного укрепления на коллективной основе общего рынка вооружений Евросоюза, ВПК и его технологической базы, и пр.

Для реализации декларируемой основной цели «еврообороны» – противостояния «российской агрессии» – Евросоюзу была бы необходима интегрированная военная структура (условно, генеральный штаб), которая определяла бы потребности, оперативные сценарии и соответствующие ресурсы обеспечения совокупного европейского потенциала. Без этого цели и задачи по оптимизации оборонного строительства, стандартизации вооружений, масштабирования производства, «восстановления технологического превосходства» в ключевых оборонных сферах, как заявлено в «Белой книге по европейской оборонной готовности – 2030»), вряд ли могут быть обеспечены.

Однако вне зависимости от оценки существующего и планируемого «европейского» оборонного потенциала принятые в ЕС долгосрочные ориентиры и программы оборонного строительства, ориентированные на сдерживание России, задают устойчивую конфронтационную динамику, которую будет все более сложно развернуть в обратном направлении – нормализации российско-европейских отношений, обеспечения устойчивого процесса контроля над вооружениями и снижения военных рисков и опасности в Европе.

Доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского к.и.н. Д.С. Алексеев предложил для своего выступления тему «Россия и Европа: новые контуры взаимодействия на постсоветском пространстве».

Он отметил, что современное состояние двусторонних отношений между Российской Федерацией и Европейским союзом находится на одной из самых низших точек за всю историю со времени окончания холодной войны. Последние 30 лет стороны прошли через несколько последовательно сменявших друг друга периодов взаимодействия от довольно тесного сотрудничества до глубокого кризиса.

Докладчик предложил характеризовать формат взаимодействия РФ и ЕС в регионе, формулой «конфликтной конкуренции». Директор Института исследований безопасности ЕС Стивен Евертс в недавнем интервью изданию *Politico* заявил, что Европа должна овладеть искусством ослабления (обессиливания) России» Европе необходимо наращивать усилия по взаимодействию с различными регионами для постепенного вытеснения России [Everts 2025].

Данный подход, вероятно, не является выражением всех точек зрения в ЕС на отношения с Россией, но можно предположить, что подобные идеи сегодня высказывает большинство представителей европейского политического и академического мейнстрима. Другими словами, можно ожидать, что в обозримой перспективе «конфликтная конкуренция» будет обретать все более четкие очертания и конкретные формы. ЕС постарается более активно действовать в регионах, которые РФ традиционно рассматривала, как стратегически приоритетных для себя и в первую очередь на постсоветском пространстве.

Обращаясь к теории международных отношений, стоит отметить, что большинство современных школ сходится в том, что конфликтный потенциал внутри отдельного региона негативно влияет на процессы внутренней интеграции. Так, Копенгагенская школа международных отношений и теория региональных комплексов безопасности, разработанная Барри Бузаном и Оле Вэвером, утверждает, что безопасность государств в значительной степени определяется их географическим положением и взаимодействием с соседями. Конфликты внутри региона усиливают взаимные угрозы, что затрудняет сотрудничество и интеграцию. Например, на Ближнем Востоке, несмотря на окончание холодной войны, враждебность между странами сохраняется, препятствуя региональной интеграции. Внешние угрозы могут способствовать интеграции (ССАГПЗ, АСЕАН), однако внутрирегиональные конфликты и противоречия размывают интеграционный потенциал [Buzan, Wæver 2003].

Неофункционализм, предложенный Эрнстом Хаасом, предполагает, что интеграция в одной сфере может привести к интеграции в других сферах через «положительный эффект распространения». Однако конфликты могут нарушить этот процесс, подрывая доверие между государствами и препятствуя

дальнейшей интеграции [Naas 1958]. Конструктивистские подходы подчеркивают важность идей, идентичностей и норм в формировании поведения государства. Здесь утверждается, что интеграция возможна, когда государства разделяют общую идентичность или нарратив. Однако конфликт часто усиливает враждебные идентичности и углубляет исторические обиды, затрудняя установление взаимопонимания, необходимого для успешной интеграции [Kowert, Norms 1996]. Здесь можно отметить определенные расхождения в идентичности социальных групп РФ, Центральной Азии и Южного Кавказа, особенно в условиях конфликтной международной среды.

С точки зрения реализма интеграция изначально сложна, особенно в регионах, подверженных конфликтам. Реализм утверждает, что государства в первую очередь озабочены относительными выгодами и безопасностью. Когда государства воспринимают друг друга как угрозу, стимулы к интеграции исчезают, поскольку сотрудничество может рассматриваться как уязвимость, а не сила. В результате регионы, характеризующиеся исторической враждой, такие как Северо-Восточная Азия, смогли достичь лишь ограниченной интеграции, несмотря на сильную экономическую взаимозависимость.

Таким образом, следуя ключевым теоретическим заключениям, можно предположить, что интеграционные процессы в ЕАЭС будут с большой долей вероятности, находиться под существенным внешним давлением.

Какими же представляются процессы развития вовлеченности ЕС в регионе постсоветского пространства? Очевидно, что приоритетными направлениями будут процессы более глубокого развития экономического участия стран ЕС в региональных вопросах. Эти цели сформулированы в Стратегии ЕС для Центральной Азии (2019), которая подчеркивает «устойчивость, процветание и региональное сотрудничество» как центральные линии. К примеру, в рамках инструмента NDICI – Global Europe (2021–2027) ЕС выделил в рамках программы Восточное партнерство около 1,5 млрд евро. Это дополняется Инвестиционным фондом для Центральной Азии (IFCA) [The new 2022].

Начало СВО в 2022 г. стало катализатором стратегической переоценки подхода ЕС к Центральной Азии. Регион стал геополитическим рубежом в контексте попыток Запада уравновесить влияние России и Китая. Вероятно, ЕС будет стремиться снизить влияние России в экономических и политических делах региона. Улучшить региональную связанность с Европой через коридоры в обход России, в частности Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ). В этом же контексте ЕС подписал меморандумы о взаимопонимании по стратегическому партнерству в области критически важного сырья с Казахстаном (2022) и Узбекистаном (2023), что отражает заинтересованность Европы в обеспечении доступа к литию, редкоземельным металлам и другим жизненно важным ресурсам для ее зеленого перехода.

За одиннадцать месяцев 2024 г. объем грузоперевозок по ТМТМ составил 4,1 млн тонн. Прогнозировалось, что за полный 2024 г. составляет порядка 4,47 млн тонн. Особенно значительный рост наблюдается в китайском транзите, который увеличился более чем в 14 раз. По прогнозам, в 2024 г. через порты Актау и Курык планируется перевалить около 8 млн тонн, в том числе 4,2 млн тонн по ТМТМ. Этот рост поддерживается не только увеличением экспортных и транзитных объемов, но и значительным увеличением импортного грузопотока [Транскаспийский международный 2025]. ЕС, возможно, добавит 18,5 млрд евро на втором этапе инвестиций, чтобы гарантировать, что автомобильные дороги, железные дороги и морские порты Актау и Курык смогут предоставлять безопасные и быстрые транспортные услуги из Китая в Европу.

Россия также старается наращивать торгово-экономические связи со странами Центральной Азии, и они действительно демонстрируют впечатляющий рост, порядка 30% за последние три года. В торгово-экономическом балансе стран ЦА Россия и ЕС практически достигли паритета, но с определенным перевесом в сторону ЕС 46 и 54 млрд долл. США, соответственно. Доля ЕС в общем товарообороте Казахстана, крупнейшего торгового игрока в ЦА, также постепенно превышает российскую 31% против 26%. При этом ЕС значительно опережает РФ по объему прямых иностранных инвестиций в регионе ЦА, составляя около 40% против 6% из России [The Belt 2023]. Саммит ЕС-ЦА 2025 г. призван еще сильнее укрепить экономические связи ЕС и Центральной Азии. Согласно пресс-релизу президента Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен после саммита, Европейский союз запустил инвестиционный пакет на 12 млрд евро в рамках инвестиционной программы Global Gateway. В дополнение к уже запланированным в 2024 г. 10 млрд евро [Outcomes 2025].

Южный Кавказ также остается в сфере особых внешнеполитических приоритетов ЕС, что в условиях «конфликтной конкуренции» несет в себе риски ослабления позиций РФ в регионе. Со времени подписания соглашения об ассоциации ЕС сохраняет позиции крупнейшего торгового партнера для Грузии хотя и при отрицательном торговом балансе. Доля ЕС в экспорте Грузии постепенно снижается с 22% в 2014 до почти 12% в 2023 г. При этом существенно вырос экспорт из ЕС в Грузию в 2022–2023 гг. более чем на 10% с 2 до 4,2 млрд евро. В то же время соотношение пропорций товарооборота Грузии с ЕС и Россией различается почти в 2 раза – 22% против 10% [European Union 2024].

С февраля 2022 г., по оценкам ЕС, Грузия фактически выполняет роль посредника в торговле между ЕС и ЕАЭС, получая от этого существенные выгоды. Однако при всех имеющихся плюсах, торговый баланс на 2023 г. остается дефицитным на 8 млрд долл. Тем не менее рост ВВП Грузии с февраля 2022 г. демонстрирует двузначный рост около 20% в 2022–2023 гг. В связи с этим Грузия, вероятнее всего, будет стремиться сохранить роль посредника, стараясь

максимально углублять торговые контакты как с ЕС, так и ЕАЭС, по возможности стараясь не идти на слишком большое сближение с одним из партнеров в ущерб связям с другим.

Армения, напротив, является крупнейшим партнером РФ в регионе с 35% доли торговли с РФ и лишь 13% с ЕС. Армения продолжает существенно зависеть от России в стратегических секторах промышленности, энергетики и продуктах питания (90% пшеницы из РФ, 85% газа, 70% нефтепродукты). На фоне имеющихся политических сложностей эти аргументы становятся весьма весомыми в вопросе выбора внешнеполитического курса. Армения имеет большой торговый дефицит с ЕС, почти в 3 раза.

Большая экономическая зависимость от РФ серьезно сужает пространство для политического маневра для ЕС, однако поражение в войне с Азербайджаном повлияло на политические настроения в обществе и рост проевропейских настроений. Вместе с тем у России есть очень высокие шансы сохранить тесные связи с республикой, как экономические, так и социально-политические.

Азербайджан же, напротив, продолжает сохранять высокую степень автономии в своей внешнеэкономической политике и в сфере обороны и безопасности. Производство энергии в Азербайджане превышает ее потребление в несколько раз, что делает страну одной из самых энергонезависимых стран в мире. Энергетика также доминирует в торговых отношениях между ЕС и Азербайджаном. ЕС является основным торговым партнером страны, составляя около 49% внешней торговли Азербайджана в 2023 г. из-за больших объемов поставок энергии. В 2022 г. 65% экспорта Азербайджана было направлено в ЕС. Экспорт газа составил около 12 млрд куб. м, из которых примерно 10 млрд куб. м было отправлено в Италию, около 1 млрд куб. м в Грецию и примерно 0,5 млрд куб. м в Болгарию [Товарооборот Азербайджана 2025а].

Одновременно с этим укрепились и торговые связи РФ и Азербайджана. Расширяются торговые коридоры Иран – РФ. Идут поставки российского газа, что позволяет Азербайджану наращивать экспорт своего. Также растет и общий товарооборот между РФ и Азербайджаном [Товарооборот Азербайджана 2025], что позволяет говорить о двусторонней положительной динамике во взаимной торговле с РФ и ЕС.

В заключение докладчик отметил, что в условиях «конфликтной конкуренции» между РФ и ЕС, наметившейся в последние годы, страны постсоветского пространства вынуждены балансировать между двумя центрами силы. Однако это балансирование вынуждает малые страны региона действовать осторожнее и больше оглядываться на политическую и экономическую конъюнктуру в своей внешней политике. А это неизбежно способствует центробежным тенденциям в регионе и нарушает интеграционные связи, которые Россия последовательно выстраивала на протяжении длительного периода. Данный процесс может ослаблять и взаимные обязательства в рамках региональных интеграци-

онных структур, вынуждать стороны более осторожно относиться к будущим совместным проектам, которые могут негативно повлиять на связи с экономическими и политическими партнерами за пределами традиционного евразийского пространства.

Советник директора ИНИОН РАН, к.и.н. Т.Г. Пархалина посвятила свое выступление теме «Возможные сценарии формирования нового мирового порядка и роль НАТО».

Было отмечено, что все предыдущие мировые порядки (Вестфальский, Версальский, Ялтинско-Потсдамский) явились результатом мировых войн. Скорее всего следующий «новый мировой порядок» станет результатом серии региональных конфликтов высокой интенсивности, которые уже идут (Восточная Европа, Ближний Восток, Южный Кавказ, который только что завершился) или могут вспыхнуть в ближайшее время (Южно-Китайское море, Латинская Америка, Африка). При этом уже обозначились коалиции держав – это при всех сложностях в трансатлантических отношениях США и Европа, Япония, Израиль, Южная Корея, Австралия, с одной стороны, и такие страны, как Россия, Китай, КНДР, Иран (хотя в данный момент его будущее неизвестно) – с другой.

Так называемый Глобальный Юг будет мигрировать между двумя коалициями в зависимости от успехов или провалов каждой из них, не желая занимать четкую позицию, поскольку понимает, что новая конфронтация не является столь же ригидной, как это было во времена противостояния США – СССР.

Автор считает, что в данный момент можно предположить три сценария формирования нового мирового порядка: либо новая биполярность (США – КНР), либо полицентричность (т.е. наличие таких центров силы, как Россия, Турция, Индия, Евросоюз, Латинская Америка и, возможно, ряд других). В случае если торговые войны, объявленные Трампом всему миру, перерастут в «холодную войну» между США и КНР, то есть в системное противостояние, тогда и можно будет говорить о новой биполярности. Пока Китай проявляет твердость в противостоянии Вашингтону – после «звонкой оплеухи», которую Трамп получил от Пекина, он предложил переговоры, которые и начались в Женеве.

Второй возможный сценарий – это концерт трех держав: США – РФ – КНР, который может быть возможен при двух условиях: если на это согласится Вашингтон (а он при Трампе, судя по всему, на это согласен) и если на это согласится Пекин, а вот на это, несмотря на видимость укрепления стратегического взаимодействия между Москвой и Пекином, китайское руководство не готово. Важно отметить, что во всех программных документах КПК говорится о новой «биполярности», а не о многополярности. Да, Вашингтону не удался маневр «Киссинджер наоборот» – по отрыву РФ от Китая, однако Китай не заинте-

ресован в том, чтобы делить с Москвой лавры «новой Ялты» – то есть раздел сфер влияния в Центральной Азии и Европе, он явно предпочитает разыгрывать «российскую карту» в своей главной игре с Вашингтоном, особенно с учетом ослабления влияния США как на мировой сцене в целом, так и в Европе в частности. Титанические усилия Трампа по ослаблению американского «глубинного государства», по снижению значения НАТО, его нерешительность в решении региональных конфликтов облегчают задачу Пекина, вплоть до того, что вопрос Тайваня уже не является ключевым в американо-китайских отношениях.

Третий возможный сценарий связан с так называемой многополярностью, которая предполагает, что различные центры (а не полюсы) силы имеют привилегированное влияние в определенных регионах, которое якобы не затрагивает интересы друг друга, а на самом деле эти интересы неизменно будут сталкиваться, что приведет к известной хаотизации.

Какой же при всех трех сценариях видится роль организации, которая до недавнего времени играла существенную роль в мировой политике и которая, как считают в России и ряде стран мира, спровоцировала серьезный конфликт в Восточной Европе (на Украине) – а именно организации Североатлантического договора (НАТО)? Вне зависимости от того, какая администрация – республиканская или демократическая – была бы в Белом доме, отношение Вашингтона к НАТО изменилось бы, поскольку фокус внимания любой американской администрации смещался бы с Европы на регион АТР. Именно поэтому были созданы такие военно-политические союзы, как AUKUS, QUAD, JARUKUS. Но многое зависит от степени этого смещения. Когда на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2025 г. выступивший там вице-президент США Дж. Ди. Вэнс даже не упомянул НАТО, стало очевидным, что администрация 47-го президента США будет минимизировать как финансирование организации Североатлантического договора, так и участие США в совместных учениях и иных действиях. Юридически США не выйдут из НАТО, и хотят оставить ее в качестве «спящей организации» на всякий случай, но фактически будут уклоняться от предоставления европейским союзникам «зонтика безопасности», как это было на протяжении более семи десятков лет после создания этой институции в 1949 г. Таким образом, сбывся «ночной кошмар» европейцев, когда они с ужасом думали, что однажды американская администрация может отказаться от поддержки Европы. Такой момент настал. НАТО в том виде, в каком она существовала с 1949 по 2025 г., больше нет: подорвана трансатлантическая солидарность, основанная на взаимном доверии – то есть то, что называлось Transatlantic Link.

Европейцы сначала не могли в это поверить, но «электрошок» был такой силы, что очень скоро они осознали, что необходимо «европеизировать» НАТО, превращать ее в структуру, которая все более будет полагаться на «ев-

ропейские силы сдерживания». Именно тогда президент Франции Макрон предложил свой «ядерный зонтик» не только Польше, но и Германии. Европейские участники очень быстро согласились на увеличение вклада в общий фонд НАТО до 5% их ВВП, а страны Евросоюза приняли программу «переворужения Европы» (Rearm Europe).

Можно утверждать, что начинается новый этап в развитии НАТО, причем он будет реализовываться при любом сценарии формирования мирового порядка – по всей видимости, НАТО постепенно трансформируется из организации евроатлантической обороны с решающим участием США в организацию европейской обороны с некоторым участием трансатлантического союзника. Нынешний министр обороны США П. Хегсет уже заявил, что самые крупные натовские учения Defender Europe в 2025 г. будут последними, в которых США примут участие. С учетом новой роли Германии в сфере безопасности, когда страна даже внесла изменения в свою конституцию для увеличения расходов на оборону, с учетом, что Великобритания все более сближается с Объединенной Европой (после Брексита) в том числе в сфере безопасности, принимая во внимание, что ядерный потенциал Франции абсолютно независим от США, а также того фактора, что эта страна обладает полным циклом производства вооружений (еще только Швеция), у НАТО есть шанс сохраниться, изменив свою трансатлантическую сущность на европейскую. Позиция «большой европейской тройки» будет решающей в этом процессе. Но помимо этого не следует забывать, насколько укрепился северный фланг НАТО после интеграции в альянс Финляндии и Швеции – стран, которые являются не реципиентами, а донорами безопасности.

Доцент Уральского федерального университета д.п.н. Е.Б. Михайленко выступила с докладом «Европейский мультилатерализм в рамках ядерного порядка». Она подчеркнула, что мультилатерализм или многосторонность становится одной из важных форм взаимодействия разного рода участников мировой политики. Р. Кеохейн определяет многосторонность как практику координации национальной политики в группах из трех или более государств, посредством специальных договоренностей или с помощью институтов [Keohane, 1990]. В широком смысле многосторонность может пониматься как участие не только государств, но и негосударственных акторов. В международных институтах складывается «региональная многосторонность» благодаря участию региональных организаций в противовес «ортодоксальной многосторонности» [Hettne, Söderbaum, 2010], в центре которой находится ООН, где основными единицами являются национальные государства. В институтах ООН, на конференциях Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) участвуют разные группы и коалиции [Panke 2017; Laatikainen 2017; Mukhatzhanova, Potter 2015], тем не менее сегодня мы можем наблюдать совершенно новые формы и практики взаимодействия. Целью данного доклада является определить особенности многосторонности

Европейского союза (ЕС) в рамках работы Конференций ДНЯО по рассмотрению действия договора.

Согласованная политика ЕС в области ядерного нераспространения складывается к 1981 г., когда государства – члены Европейских сообществ создали в Совете рабочую группу по нераспространению для координации своей национальной политики в этой области. В 1990-х годах, после подписания Маастрихтского договора, нераспространение стало приоритетным направлением новой общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ). Координация действий стран – членов ЕС на таких международных форумах, как МАГАТЭ или конференции по рассмотрению действия ДНЯО, усилилась, что можно было наблюдать, в частности на Обзорной конференции ДНЯО 1995 г.

Переломным моментом для политики ЕС в области нераспространения стало вторжение в Ирак в 2003 г. Страны – члены ЕС были глубоко разделены по поводу вторжения и в целом по поводу использования силы в борьбе с распространением ОМУ. Кризис заставил страны – члены ЕС укрепить их общий подход к нераспространению [Onderco, Portela, 2022]. В результате нераспространению была отведена заметная роль в Европейской стратегии безопасности 2003 г. и, что особенно важно, специальная Стратегия против распространения оружия массового уничтожения (ОМУ), которая была принята одновременно со Стратегией безопасности.

Стратегия против распространения ОМУ содержит основные направления деятельности в области нераспространения Европейской стратегии безопасности. По сути, она состоит из трех частей. Первая определяет, насколько распространение ОМУ представляет собой угрозу или риск, с особым акцентом на использование ОМУ государственными или негосударственными субъектами; вторая часть описывает три способа противодействия этим угрозам и рискам: укрепление многосторонних институтов нераспространения, создание стабильной международной и региональной обстановки и сотрудничество с другими странами и организациями [Арбатова 2003]. До 2022 г. ЕС выпускал ежегодные отчеты по внедрению своей политики против распространения оружия массового поражения 2003 г., которая выступает частью ОВПБ. В 2023 г. было выпущено приложение к этим отчетам.

В Европейской внешнеполитической службе в рамках «Политики Безопасности и Обороны» существует Департамент по разоружению, нераспространению и контролю за вооружениями». Его глава – Стефан Клеменц. В 2024 г. в феврале он также занял должность спецпосланника ЕС по разоружению, нераспространению и контролю над вооружениями. Основные задачи – подготовка внешнеполитических инициатив, реализация решений Совета ЕС по разоружению и контролю за экспортом, ведение переговоров на форумах (ООН, МАГАТЭ, конференциях ДНЯО и др.), а также координация с национальными внешнеполитическими ведомствами.

В целом ЕС стал значимым актором в области ядерного нераспространения. Он был ключевым игроком на международных переговорах с Ираном, оказывает последовательную поддержку различным международным институтам по нераспространению, а также поддерживает систему экспортного контроля.

Страны – участницы ДНЯО представляют собой сложную конфигурацию акторов с разным историческим опытом, уровнем консолидации и видением своей миссии в рамках режима ядерного нераспространения. Можно определить следующие категории государств по ролевой идентичности, включающей наличие или отсутствие ядерного оружия: (1) государства – члены ДНЯО, обладающие ядерным оружием; (2) государства, обладающие ядерным оружием вне ДНЯО; (3) государства, имеющие на своей территории тактическое ядерное оружие США, и государства, входящие в «ядерный зонтик» США; (4) государства – участники региональных зон, свободных от ядерного оружия; (5) государства, не обладающие ядерным оружием, в том числе пороговые государства; (6) государства, отказавшиеся от ядерного оружия; (7) государства, на территории которых проходили ядерные испытания; (8) государства, поддерживающие гуманитарную инициативу и ДЗЯО. Все эти государства играют разные роли внутри режима ядерного нераспространения.

Страны ЕС в соответствии с ролевой идентичностью также представляют неоднородный состав, что зачастую приводит к сложностям формирования общей позиции в области ядерного нераспространения. После выхода Великобритании из ЕС Франция остается единственным ядерным государством. Двадцать три государства из нынешних двадцати семи государств – членов ЕС являются государствами – членами НАТО. Бельгия, Германия, Италия и Нидерланды имеют ядерное оружие на своей территории. Все страны НАТО находятся под ядерным «зонтиком» США или являются частью расширенного сдерживания. Только четыре государства ЕС (Австрия, Ирландия, Кипр и Мальта) не имеют членство в НАТО, что дает этим государствам некоторую автономию в принятии решений в области ядерного нераспространения. Кипр и Мальта, до 2004 г. входившие в Движение неприсоединения (ДН), разделяли цель разоружения. Четыре государства ЕС вошли в число 145 стран, поддержавших гуманитарную инициативу в 2022 г. [Joint Humanitarian 2022]. Если говорить о нормативной роли стран ЕС, то Австрия, Ирландия, Кипр, Мальта, Швеция и Финляндия долгое время оставались инициаторами создания «положительных норм»: ядерного разоружения, сокращения ядерных рисков, гармонизации переговорного процесса. Большая часть стран ЕС имеет сдержанную позицию в отношении трактовок статей ДНЯО.

Разные роли внутри режима ДНЯО приводят к участию стран ЕС в разных коалициях и региональных группах. Многосторонность ЕС проявляется в следующих формах: единая позиция стран ЕС (и кандидатов ЕС) на полях конференций ДНЯО; участие стран – членов ЕС в региональных группах (Северные

страны и страны Балтии); совместные заявления ряда стран – участниц ДНЯО и ЕС; участие стран – участниц ЕС в коалициях ДНЯО (Коалиция за новую повестку дня, Гуманитарная инициатива, Стокгольмская инициатива и др.); участие государств ЕС в общих заявлениях, включающих и НПО.

ЕС является одним из важных участников режима ядерного нераспространения и самым активным коллективным актором на полях Конференций ДНЯО. ЕС – интеграционное объединение, которое включает участников, имеющих разные роли в ядерном порядке. Многосторонность ЕС демонстрирует, что как региональный актор ЕС по ряду вопросов, например, запрещение ядерного оружия, гуманитарные последствия применения ядерного оружия, не готов иметь общую позицию. Круг вопросов, представляемых ЕС, является консенсусным, однако существует отказ от включения спорных вопросов. Многосторонность ЕС на полях Конференций ДНЯО демонстрирует попытку стран участвовать в тех обсуждениях, где трудно достичь консенсуса. Очевидно влияние политики США и НАТО на формирование групп в рамках ДНЯО и участия в них стран ЕС.

Ведущий научный сотрудник ИНИОН, к.ю.н. С.И. Коданева выступила с докладом «Новые институциональные механизмы сотрудничества Великобритании и ЕС». Она отметила, что период нахождения в должности премьер-министра Б. Джонсона можно назвать пиком охлаждения отношений между Британией и ЕС. Хотя сторонам в конечном итоге удалось заключить Соглашение о выходе и Соглашение о торговле и сотрудничестве, которые заложили правовую базу на будущее, но британский премьер-министр отказался обсуждать как составную часть Соглашения о торговле и сотрудничестве, так и вопросы обороны и внешней политики, хотя проект данного раздела был подготовлен еще правительством Т. Мэй.

С приходом на должность премьер-министра Р. Сунака в отношениях между Королевством и ЕС начинается оттепель. Так, было подписано Виндзорское рамочное соглашение, которое смягчило проблему Северной Ирландии. Тем не менее консерваторы довольно жестко придерживались изначальных «красных линий» в европейско-британских отношениях (недопустимость возвращения к единому рынку, таможенному союзу или свободе передвижения).

С победой на выборах 2024 г. лейбористов ситуация начала стремительно меняться. Уже в предвыборном манифесте этой партии был обозначен тренд на сближение с Европой, особенно в вопросах внешней политики и безопасности при сохранении «особых отношений» с Вашингтоном. Кроме того, лейбористы стремятся снять административные барьеры в торговле путем заключения соглашения о санитарных и фитосанитарных стандартах и взаимном признании квалификации. Евросоюз в свою очередь соглашался обсуждать эти вопросы только при условии, что Великобритания обеспечит «динамическое согласование», т. е. постоянное приведение своего законодательства в соответ-

ствие с меняющимися правилами ЕС, а также признает юрисдикцию Европейского суда по аналогии с тем, как это закреплено в соглашении с Швейцарией. Кроме того, европейцы требовали продлить свободный доступ к рыбным ресурсам Королевства для своих рыбаков и заключить соглашение о молодежной мобильности, а в лучшем случае – чтобы Британия вернулась в программу ERASMUS+.

Правительство лейбористов продемонстрировало крайне высокую активность в ведении переговоров с европейскими партнерами, начиная с саммита Европейского политического сообщества, который Британия принимала через две недели после того, как правительство лейбористов было сформировано, и заканчивая регулярными встречами на уровне министров (за полгода состоялось 70 таких встреч).

В контексте лейбористской «перезагрузки» показательным является изменение отношения в Британии к Европейскому политическому сообществу: если изначально Л. Трасс решила принять участие в работе первого саммита ЕПС только, чтобы «не выглядеть крайне политически маргинализированной», то теперь Британия стремится играть в этом форуме ведущую роль.

Но наиболее значимым на текущий момент событием в отношениях Британии и ЕС стал саммит двух сторон, состоявшийся 19 мая 2025 г. По итогам саммита было опубликовано три документа: 1) совместное заявление лидеров (EU-UK Leaders Summit 2025 – Joint Statement); 2) обновленная повестка дня сотрудничества Европейского союза и Соединенного Королевства. Общее понимание (A renewed agenda for European Union – United Kingdom cooperation Common Understanding); 3) партнерство в области безопасности и обороны (Security and Defence Partnership between the European Union and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland).

В совместном заявлении стороны подчеркнули свое намерение строить новое стратегическое партнерство, основанное на общих ценностях и интересах, в том числе на международной арене, а также приверженности ранее заключенным соглашениям и их полной реализации. Партнерство должно быть основано на общих принципах. Признается важность трансатлантического сотрудничества в решении глобальных проблем, содействии экономическому росту и обеспечении мира и безопасности. Отдельное внимание уделено подписанному сторонами Партнерству в области безопасности и обороны с подчеркнутым акцентом на то, что НАТО остается «краеугольным камнем в обеспечении коллективной обороны», целью же британо-европейского партнерства является усиление вклада ЕС в НАТО.

Институциональными формами стратегического партнерства должны стать ежегодные саммиты и регулярные (раз в полгода) встречи министров иностранных дел и обороны Великобритании и Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности.

Обновленная повестка дня сотрудничества определяет «области, в которых можно укрепить двустороннее сотрудничество» Великобритании и ЕС. Начинается Повестка с декларации о достижении политических соглашений, которые обеспечивают полный взаимный доступ к водным ресурсам для рыболовства до 30 июня 2038 г. и расширяют сотрудничество в сфере энергетики на постоянной основе. Второй раздел посвящен сотрудничеству в области безопасности, обороны и развития, которое помимо совместных проектов в области военной промышленности, мобильности и космоса включает миростроительство и урегулирование кризисов; вопросы кибернетической безопасности; противодействие гибридным угрозам и обеспечение устойчивости критически важной инфраструктуры. Далее следует перечень тех областей, где планируется развивать сотрудничество. Так, в вопросах молодежной мобильности зафиксировано обязательство разработать сбалансированную программу. Кроме того, Королевство и Европейская комиссия «должны работать» над присоединением первого к программе Erasmus+. Что касается санитарного и фитосанитарного соглашений, а также объединения систем торговли выбросами, то сторонам «следует работать» над этими вопросами, опираясь на согласованные в этом документе условия о «динамическом согласовании» правовой базы Королевства с законодательством ЕС, признанием юрисдикции Суда ЕС, внесением Британией финансового взноса на обеспечение работы соответствующих европейских органов. В обмен Королевству будет позволено участвовать в процессе принятия решений по правовым актам ЕС в этих областях на этапе их разработки и «вносить соответствующий вклад». Иными словами, речь идет о том, что органы ЕС должны консультироваться со своими британскими коллегами, но решения в конечном итоге будут приниматься без участия Королевства.

Партнерство в области безопасности и обороны является чисто декларативным документом, в котором заявлено, что безопасность и процветание Великобритании и ЕС тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, поэтому стороны несут за них общую ответственность, выходящую за рамки традиционных областей, но включают противостояние киберугрозам, гибридным угрозам, совместное освоение космоса и защиту критической инфраструктуры. НАТО остается основой коллективной европейской обороны, а Партнерство призвано укрепить общий вклад в Альянс. При этом основными механизмами будут диалоги и консультации, способствующие обмену информацией. Стороны также могут приглашать друг друга для участия в военных учениях или иных мероприятиях. Запланированы регулярные (раз в шесть месяцев) встречи на уровне министров. Планируется регулярно обмениваться мнениями по вопросам региональной безопасности, причем не только в Европе, но и в таких регионах, как Арктика, Ближний Восток, Африка и Индо-Тихоокеанский регион. Планируется изучать возможности сотрудничества в мирном посредничестве,

предотвращении, стабилизации и урегулировании конфликтов, а также в кризисном управлении в географических областях, представляющих взаимный интерес. Планируется усилить координацию в отношении согласований позиций на международных площадках, таких как ООН. Примечательно, что в тексте отсутствует пункт, предусматривающий роль Великобритании в развивающейся Оборонно-промышленной стратегии ЕС. Это обстоятельство крайне важно для Британии, поскольку открывает для ее компаний доступ к новому оборонному фонду ЕС.

В своем выступлении ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН д.п.н. Ф.О. Трунов обратил внимание на тот факт, что при рассмотрении стратегий и тактик европейских государств – членов НАТО исследователи традиционно наибольшее внимание уделяли действиям на обширных сухопутных (континентальных) пространствах. При этом планы и шаги, предпринимаемые в океанах и на прибрежных территориях, освещались пока слабее. Сегодня этот пробел ликвидируется прежде всего для Тихого океана. Здесь важнейшим сюжетом является изучение подходов к конфронтации США – КНР стран Европы в целом [Сидоров 2024; Трунов 2024], Великобритании [Васильев 2024; Годованюк 2024], Франции [Чернега 2024; Чихачев 2024], Германии [Арзаманова 2024; Белов 2024; Трунов 2024а]. Особый интерес проявляется к изучению линии Европейского союза как объединения [Белинский, Надточей 2024; Коровникова 2024]. Заметно меньшее внимание в этой связи уделяется пока политике стран – участниц ЕС, а также Евросоюза и НАТО как институтов в Арктике.

Острой теме развития российско-американских отношений после прихода в Белый Дом Д. Трампа посвятил свой доклад старший научный сотрудник ИНИОН РАН, к.и.н. Ю.И. Надточей. Об актуальности уже говорит сама тема: «США и Россия: новая разрядка или кондоминиум без обязательств?». Докладчик отметил, что после длительного периода взаимной конфронтации, сопровождавшейся демонтажем большей части договорно-институционального механизма двусторонних отношений, Москва и Вашингтон вступили в новый этап осторожной нормализации. Она не опирается на классические механизмы дипломатии времен холодной войны – ни на устойчивую договорную базу, ни на регулярные треки межведомственного взаимодействия, ни тем более на обоюдную приверженность долгосрочным обязательствам. Вместо этого формируется особый формат взаимодействия, условно обозначаемый в экспертной литературе как *«теневой кондоминиум»* – модель международных отношений, при которой великие державы избегают прямого столкновения, признавая друг за другом определенные зоны ответственности и сдерживая эскалацию конфликта посредством ограниченного взаимодействия². Такой подход по-

2. Этот концепт был введен в научный оборот К. Белл. См.: [Bell 1964, p. 111].

зволяет временно снять накал борьбы и ограничить вероятность скатывания к открытому вооруженному противостоянию, но без полного прекращения конфронтации.

Историческая ретроспектива российско-американских (а до этого советско-американских) контактов демонстрирует чередование кратких фаз разрядки и затяжных периодов недоверия и вражды между двумя странами. Эскалация напряженности в их отношениях после 2024 г. окончательно обнажила глубину взаимных претензий и несовпадения мировоззренческих установок сторон. Попытки выработки нового компромисса на этом фоне были лишь вопросом времени.

С началом второй каденции президентства Д. Трампа Москва и Вашингтон приступили к поиску формулы контактов, основанной не только на близости интересов, но и на некотором сходстве по части ценностей. Ориентация трампистов на палеоконсервативный лозунг «Америка прежде всего», который предполагает сокращение глобальных обязательств США, скепсис по отношению к НАТО, упор на двусторонние сделки и приоритет внутренней экономической повестки был воспринят в Кремле с осторожным энтузиазмом. В Москве в целом позитивно оценили американский вариант «почвенничества» как во внутренней жизни, так и особенно в области внешней политики, приветствовали декларативный отказ новых американских властей от универсалистского либерального подхода к международной политике и их стремление к восстановлению элементов баланса сил как основы миропорядка [Новик, Ройс, Амурская 2025].

В практическом же плане Россия и США перешли к ситуативным и фрагментарным контактам, опирающимся преимущественно на личные договоренности глав государств и обмен контактами на уровне спецпредставителей. Это произошло в силу планомерной девальвации традиционных дипломатических каналов, что сопровождалось взаимными высылками дипломатов и закрытием консульств. Достигнув символического дна, российско-американские отношения вышли на необходимость персонализации дальнейших контактов. Личные отношения президентов стали если не определяющим фактором дипломатии, то по крайней мере ее нормой: «ручной режим» принятия решений замещает многосторонние форматы и многоступенчатую процедуру согласования политических решений. Он также позволяет отчасти нивелировать влияние фактора истеблишмента при их принятии, вынести за скобки болезненные для «ястребов» темы, сосредоточившись на наиболее перспективных и, возможно, потенциально достижимых задачах двустороннего сотрудничества.

В то же время такая конструкция оказывается и крайне чувствительной к внутриполитическим изменениям. *Первая причина, способная помешать новой российско-американской разрядке*, кроется в недостаточном учете групповых интересов элит. В обозримом будущем она может резко прекратиться при смене американской правящей администрации, при усилении внутриполитической

фронды действующей власти президента Д. Трампа со стороны его противников, а также в случае дальнейшей радикализации общественного мнения.

Вторая группа препятствий, лежащих на пути восстановления отношений двух стран, заключается в объективно сохраняющейся асимметрии их возможностей. США по-прежнему доминируют в сфере высоких технологий, контролируют глобальные финансовые потоки и обладают возможностью проецирования силы в любой точке мира. Россия, напротив, сохраняет конкурентоспособность лишь в ограниченных секторах – прежде всего в военной сфере, энергетике и отдельных направлениях научно-технического прогресса (например, космос). При этом она сталкивается с устойчивыми демографическими, институциональными и технологическими вызовами, затрудняющими модернизацию. Экономика под давлением санкционного режима оказалась в значительной мере отрезана от глобальных рынков капитала и технологий, что существенно ограничивает возможности для самопозиционирования РФ как значимого экономического партнера для США. Экономические связи между двумя странами в текущий момент практически сведены к минимуму. По итогам 2024 г. их товарооборот составил не более 3,5 млрд долл. из которых значительная доля приходится на минеральные ресурсы, уран, химикаты и цветные металлы. Для сравнения: товарооборот США и Китая за тот же год достиг отметки 582 млрд долл. [The People's Republic of China 2024; Russia trade summary 2024]. Прямые американские инвестиции в российскую экономику даже в лучшие годы не превышали планку в 14 млрд долл., тогда как американские вложения в Китай на сегодня составляют более 126 млрд³. Эти цифры подчеркивают, что экономическая база для восстановления диалога в значительной мере отсутствует, а любые перспективные двусторонние проекты неизбежно столкнутся с комплаенс-ограничениями и отсутствием правовой защищенности. Определенные возможности для взаимодействия сохраняются в высокотехнологичных нишах – таких как исследование Арктики, космическое сотрудничество, мирный атом и редкоземельные металлы. Однако реализация этих проектов требует, как минимум, временного смягчения санкционного режима и разработки механизмов защиты прав собственности, что в текущих условиях выглядит маловероятным.

Третьим важным ограничением выступает нарастающее влияние внешних игроков, прежде всего ЕС и КНР. При этом сближение РФ с КНР продолжает углубляться, что автоматически снижает для США мотивацию к стратегическому сближению с Россией, а в перспективе способно привести к договоренностям между Вашингтоном и Пекином о нормализации отношений за спиной Москвы.

Сложнее обстоят дела с Европейским союзом, которому потенциальная нормализация российско-американских связей сулит дальнейшую неопреде-

3. В 2023 г. объем ПИИ США в РФ составил 7,7 млрд долл. [U.S. Bureau; U.S. Bureau (a)].

ленность. Старый Свет оказывается в более уязвимом положении, особенно в условиях нарастающего американского изоляционизма. Многие союзники США по НАТО теряют уверенность в надежности американских обязательств. Тем не менее нормативный потенциал «коллективного Брюсселя», в том числе в экономической, правовой и гуманитарной сферах, продолжает играть важную роль в мировой экономике и политике, не позволяя окончательно вытеснить европейский фактор за скобки большого геополитического уравнения, которые пытаются решать в Кремле и Белом доме.

Таким образом, «теневой кондоминиум» – это не замена устойчивой модели партнерства, а временный механизм управляемого соперничества, ограниченный по охвату, но функциональный в условиях ослабления международных институтов. Он позволяет избежать эскалации, сохранить рабочие каналы связи и осуществлять точечную координацию, но не устраняет глубинные противоречия и не решает системные проблемы двусторонней повестки. Даже при наиболее благоприятном сценарии нормализация отношений между США и РФ вряд ли способна выйти за пределы трех негласных табу: взаимное невмешательство во внутренние дела, недопущение прямого военного столкновения и выведение вопросов прав человека за пределы официального диалога. Эти правила негласны, не закреплены в документах и могут быть нарушены в любой момент. Их устойчивость зависит от степени самоограничения сторон и готовности элит управлять кризисами. Однако без институционального подкрепления и широкой международной поддержки вероятная российско-американская разрядка в лучшем случае останется тактической передышкой, а не основой новой модели глобальной стабильности.

Вторая сессия была посвящена проблематике «Политические системы и общества в условиях формирования нового мирового порядка», в ходе ее анализировались те процессы, которые происходят в отдельных странах Европы в результате усиления правой и левой волн, изменяющих политические системы и общества стран – участниц ЕС.

«Политические системы и внешняя политика стран старой Восточной Европы» – так обозначил тему своего выступления зав. сектором Восточной Европы ИНИОН РАН, д.и.н. С.А. Романенко. Он подчеркнул, что все государства, входившие до 1991 г. в регион Восточной Европы, охватывавший Польшу, Чехословакию (с 1992–1993 – Чехия и Словакия), Венгрию, Румынию и Болгарию после свободных многопартийных выборов, смены власти и принятия новых конституций, стали парламентскими республиками. К ним присоединились постъюгославские государства – Словения, Хорватия, Сербия, Черногория, (Северная) Македония и Албания. Все эти постсоциалистические страны в современных условиях следует отнести к региону «старой» Восточной Европы или Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. Дискуссия относительно включения в эти поня-

тия тех или иных государств, критериев и границ этого региона (или двух регионов) ведется на страницах научной периодической печати, сборников и монографий⁴.

На проходящих, начиная с 2022 г., во всех странах старой Восточной Европы (ЦВиЮВЕ) парламентских и президентских выборах ключевыми являются три проблемы: 1) отношения традиционных идеологических политических партий или их коалиций и различных форм политической организации, используемых правыми и левыми популистами [Романенко 2024]; 2) рост влияния на волеизъявления избирателей внешнеполитических проблем – отношение к Европейскому союзу в целом – еврооптимисты и евроскептики, его внешнеэкономической, внешней и оборонной политике и политике безопасности, а также колебания между ЕС и Россией [Романенко 2025]. 3) роль личности в истории и политике – значение индивидуальных качеств политиков, пришедших на пост премьер-министра (лидера парламентского большинства) или президента.

На примере нескольких стран региона можно сделать вывод, что именно характер и способности политических лидеров, занявших ведущие государственные должности, в целом ряде стран привели к изменению политических режимов и политических систем при формальном сохранении конституционных основ существующего строя [Романенко 2023]. В одних странах премьер-министр и президент представляют одну и ту же правящую партию или коалицию (Венгрия, Словакия, Сербия, Румыния), в других – соперничающие (Хорватия, Польша) политические силы. Впрочем, в результате предстоящих в 2025–2027 гг. в ряде стран выборов картина может измениться.

В последнее время политические аналитики и журналисты характеризуют тех или иных политиков, участвующих в президентских выборах (пример – Румыния и Польша), как сторонников президента США Д. Трампа («трампистов») в области внешней политики или его противников. Однако возникает вопрос: что собой представляет «трампизм»? Является ли он продуманной системой принципов и взглядов, или же комплексом эмоций, настроений, сиюминутных оценок. Этот же вопрос можно отнести и к политическим партиям и движениям популистского толка в Европе в целом. В этом отношении «старая» Восточная Европа или ЦВиЮВЕ мало отличается от Европы Западной.

Кроме того, следует принять во внимание соотношение и взаимосвязь социально-политической (консерваторы, либералы, социал-демократы и др.) идеологии, национально-политической (национал-консерватизм, национал-либерализм, национал-радикализмы и др.) и различных вариантов концепций теоретических школ в международных исследованиях – реализм и неореа-

4. Напр., см.: [Романенко 2021; Пархалина, Романенко 2022; Князева 2022].

лизм, либерализм и неолиберализм, неомарксизм, постмодернизм. Как они коррелируются между собой и с современной международной ситуацией в условиях кризиса и/или распада Ялтинско-Потсдамской системы и поисков новой системы международных отношений.

Главный научный сотрудник ИНИОН РАН, зав. отделом глобальных проблем д.п.н. Н.Ю. Лапина посвятила свой доклад проблемам лидерства в современной Европе и политическим перспективам, которые открываются перед президентом Франции Э. Макроном. Докладчик отметила, что на протяжении последних десятилетий Франция неуклонно утрачивала позиции на международной арене. Развалилась зона влияния Франции в Африке – Франсафрик. В 2023 г. французские войска были вынуждены уйти из зоны Сахеля (2023). Очень тяжело в последние годы складываются отношения Франции с Алжиром. Конфликт обострился в связи с арестом франко-алжирского писателя Б. Сансала осенью 2024 г. Кроме этого Алжир отказывается принимать осужденных во Франции соотечественников с двойным гражданством. Аналитики не исключают, что конфликт может перерасти в серьезное столкновение. С 2018 г. Франция предпринимала попытки создать военно-политический союз стран Тихоокеанского региона, где в ее заморских территориях проживает 1 млн человек. Возникновение под эгидой США военно-политического союза AUKUS (2021) стало для французского руководства шоком, не говоря о разрыве контракта с Австралией на поставку 12 подводных лодок. «Это был удар в спину», – скажет министр иностранных дел Ж.-И. Ле Дриан [Чернега 2024]. Отношения между Францией и Китаем также характеризуются определенной сложностью. Помимо этого Франция испытывает трудности в продвижении своих кандидатов. Осенью 2024 г. возник конфликт, когда председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен отклонила предложенную Э. Макроном кандидатуру Т. Бретона на пост еврокомиссара от Франции. Пришлось в срочном порядке искать ему замену.

Историк Э. Тодд, автор книги «Поражение Запада», выражает пессимистичный взгляд на будущее Франции в мире. По его мнению, Европа более не является самостоятельным геополитическим игроком на мировой арене, а европейские государства во многом утратили свой суверенитет [Тодд 2024, с. 17, 24]. В схожей логике рассуждает американский экономист Дж. Сакс. В своем нашумевшем выступлении в Европарламенте он отмечал, что, начиная с 1991 г., Европа следовала «в фарватере» американской внешней политики и у нее не было своего взгляда на международные дела. Последний раз она «имела право голоса» в 2003 г., когда Франция и ФРГ не поддержали начатую американцами войну в Ираке [Сакс 2025].

Невзирая на негативные тенденции, Э. Макрон с самого начала своего президентства заявляет о стремлении Франции быть европейским лидером. Французский президент – убежденный европеист. Придя к власти, он сфор-

мулировал свое видение суверенитета Франции, понимая его через призму суверенитета Европейского союза, в котором, по его представлениям, Франция вместе с Германией призваны играть ведущую роль. Французский президент сформулировал и отстаивает принцип «стратегической автономии» ЕС.

Европейский союз, как он считает, должен стать мировым «центром силы». Свою приверженность этой идее Э. Макрон высказывал неоднократно. В очередной раз эти идеи прозвучали в выступлении в Сорбонне (Сорбонна-2, 25 апреля 2024 г.). В нем глава государства сформулировал ряд задач на ближайшие годы, среди них: (1) сделать Европу более стратегически независимой; (2) усилить оборону, совместно силами европейских стран наладив производство вооружений, которые заменят оружие американского производства; (3) выстраивать дипломатические отношения с третьими государствами, тем самым демонстрируя, что Европа не является «вассалом Соединенных Штатов»; (4) превратить Европу в «зону процветания» [Macron 2024].

Когда чуть более года назад Макрон произносил речь в Сорбонне, его выступление не вызвало большого интереса у французской общественности. Опрос показал, что французов оно не заинтересовало: лишь 32% граждан слушали президента и лишь половина из тех, кто слушал (49%), нашла его «убедительным» [Rupnik 2025]. Год спустя ситуация радикально поменялась. Выделю три фактора, которые сыграли в этом решающую роль.

Во-первых, избрание в ноябре 2024 г. в США в ходе президентских выборов Д. Трампа стало геостратегическим потрясением для Франции. Возвращение республиканца во власть радикально меняет отношения между США и европейскими союзниками; по-новому ставится вопрос о трансатлантическом партнерстве; во внешнеторговой сфере Трамп объявил о тарифах на всю импортную продукцию, включая товары и услуги, импортируемые США из стран Европы. А главное, он отчетливо дал понять, что США больше не будут обеспечивать европейцам гарантию безопасности и что они сами должны будут об этом заботиться (требование повышения военных расходов до 5% ВВП). До сих пор в Европе, полагает французский политолог Ж. Рупник, особенно в ее восточной части, в отношении идеи «стратегической автономии», которую отстаивает Франция, существовали опасения. Многие европейцы опасались, что она направлена на подрыв трансатлантического партнерства. Сегодня недоверие исчезает, а «европейская оборона становится императивом» [Jacques Rupnik 2025].

Во-вторых, большое влияние на настроения французской общественности оказывает военный конфликт на востоке Европы. В новой геостратегической ситуации со всей остротой встал вопрос о гарантиях безопасности для европейских стран, а французский президент стал рассматриваться в качестве одного из ведущих защитников интересов Украины. Однако такая позиция сформировалась не сразу. В первые месяцы после начала конфликта Макрон неоднократно повторял, что «унижать Россию не следует», чтобы «в тот день,

когда боевые действия прекратятся, мы смогли бы найти дипломатический выход» [Ne pas, 2022]. Однако по мере затягивания боевых действий французский президент поменял свою позицию. Франция приступила к поставкам Украине тяжелых вооружений, а к осени 2022 г. начала передавать артиллерийские системы [Тимофеев, Хорольская 2024]. Забыв о том, что говорил недавно о невозможности унижать Россию, Макрон теперь заявлял о «недопустимости» ее победы и необходимости нанести ей поражение. В феврале 2024 г. между Францией и Украиной был подписан договор о сотрудничестве по вопросам безопасности. В документе подчеркивалось, что «безопасность Украины является неотъемлемой частью евроатлантической безопасности и безопасности во всем мире»⁵. На международной встрече в Париже (26 февраля 2024 г.) президент «оглушил» союзников заявлением о возможной отправке на Украину французских войск. В большом телеинтервью (14 марта 2024 г.) Макрон говорил, что Европа «находится на грани войны», а военные действия на Украине представляют «экзистенциальную угрозу» для Франции, так как Россия в случае победы якобы не ограничится Украиной и может начать военные действия против других стран Европы [L'interview du Président Emmanuel Macron 2024].

Отныне Э. Макрон выдвигает радикальные тезисы, которые сближают Францию с историческими оппонентами Москвы – Польшей, странами Северной Европы и Балтии. Начатый им «поход» против России должен продемонстрировать всему миру лидерство Франции, ее решимость защищать интересы Украины и Европы.

В-третьих, на выборах в Европарламент пропрезидентский блок «Вместе» собрал 14,6% голосов избирателей [Лапина 2025, с. 200]. Состоявшиеся летом 2024 г. парламентские выборы не принесли президентской партии и ее союзникам удачи: политический центр лишился относительного парламентского большинства. «Позиция президента, – считает французский политолог Д. Бурмо, – подчиняется в большей степени внутренним, чем внешним мотивам. Ему необходимо драматизировать ситуацию. При отсутствии парламентского большинства у него не остается никакого влияния на внутреннюю политику»⁶.

Ситуация начала меняться по мере того, как США заявили о том, что не готовы выполнять роль гаранта безопасности в Европе, что Украине не стоит рассчитывать на помощь Америки и что вопросами обеспечения безопасности и восстановления Украины после окончания конфликта долж-

5. В Национальном собрании против подписания договора выступила леворадикальная «Непокоренная Франция», а «Национальное объединение» М. Ле Пен при голосовании воздержалось.

6. Высказывание Д. Бурмо содержится в личном архиве автора доклада.

ны будут заниматься европейцы. При новом раскладе внешнеполитических сил Макрону удалось укрепить свои позиции и выступить в качестве европейского лидера. После Мюнхенской конференции (февраль 2025), в ходе которой выявились глубокие противоречия между европейскими лидерами и представителями американской администрации, Э. Макрон объявил о проведении в Париже неофициального саммита, на который были приглашены руководители ведущих стран – членов ЕС, премьер-министр Великобритании, руководители ЕС. После него прошел еще один саммит в расширенном формате. Вопросы европейской обороны волнуют Макрона давно [Чернега 2020]. Парижские инициативы отчетливо продемонстрировали, что французский президент стремится сплотить европейские страны, включая государства, не входящие в ЕС. За этими встречами последовали другие, в ходе которых была создана так называемая коалиция желающих, наряду с Францией и Великобританией в нее вошли Канада, Новая Зеландия, Австралия. Теперь речь уже шла не только о предоставлении гарантий безопасности Украине, но и о создании нового оборонного союза.

Организуя встречи в Париже, Э. Макрон стремился представить себя в качестве неоспоримого общеевропейского лидера, то, о чем он мечтал с начала своего первого президентства. При этом у него появился союзник-конкурент – премьер-министр Великобритании К. Стармер. Оба политика высказались за создание совместной обороны. Эта инициатива была поддержана ЕС. В середине марта в Брюсселе был анонсирован план перевооружения стоимостью 800 млрд евро, ориентированный на закупку произведенных в Европе вооружений, в чем, несомненно, заинтересована Франция как один из крупнейших европейских производителей вооружений. Появился у Э. Макрона еще один союзник – новый канцлер ФРГ Фр. Мерц, который выступает с идеей укрепления немецкой армии и готов повысить расходы на оборону.

Выдвигая все новые инициативы в области европейской обороны, Э. Макрон проявляет прагматизм и стремится «вписаться» в новую политическую реальность, которая определяется сменой власти в США. Именно поэтому он действует осторожно, чтобы не раздражать американского коллегу. Не случайно французский президент не критиковал заявления Д. Трампа относительно Панамского канала и Гренландии, его претензии на превращение Канады в 51-й штат США.

Французский президент больше всего опасается, что мир может быть «навязан» Украине и достигнут без участия Европы. В новой внешнеполитической ситуации действовать ему становится все сложнее. С одной стороны, он хотел бы сохранить капитал личных отношений с Д. Трампом, и неслучайно в своих выступлениях позитивно оценивает мирные инициативы и шаги, принятые американским президентом. С другой стороны, он стремится выра-

ботать «правильную» линию в целях отстаивания интересов Франции/объединенной Европы на внешнеполитической арене.

Как это часто бывает в политике, растущие противоречия между США и Европой открыли новые политические перспективы перед французским президентом. Не имея относительного большинства в нижней палате парламента, президент летом 2024 г. заявил, что больше не будет заниматься внутренней политикой. Действительно, он сконцентрировался на резервированной за ним сфере деятельности – внешней политике. В последние месяцы он стал гиперактивен в этом направлении. «Внешняя политика, – отмечает американский политолог Дж. Томсон, – убежище для президентов, потому что она находится в их непосредственном подчинении, в отличие от экономики. В этой области они могут претендовать на победы» [Ovarez 2025].

В условиях, когда США отказываются от дальнейшего обеспечения гарантий безопасности для Старого Света, Европа начала пробуждаться. Как никогда актуальной стала идея Э. Макрона о «стратегической автономии» Европы, его давние призывы укреплять европейскую обороноспособность. Эти идеи начинают встречать понимание союзников, остается убедить собственных граждан в необходимости увеличения военных расходов. Именно этим сейчас и занят французский президент. В обращении к нации 5 марта он говорил об «угрозе, которую Россия представляет для Франции и Европы». Воинственный нарратив президента в известной степени убеждает французов. В мае 2025 г. опрос показал, что 75% французов считают, что РФ угрожает странам Европы; каждый второй опрошенный опасается начала новой мировой войны (49%); более 70% выступают за расширение сотрудничества европейских стран в области обороны. Правда, сложно предположить, как все будет складываться в реальной жизни, учитывая, что французам предлагается «затянуть пояса». Тем не менее весенний замер общественных настроений показал, что популярность Макрона выросла до 28% – это лучший показатель за прошедший год. «Сложность ситуации, похоже, выгодна президенту республики», – констатируют социологи [Les indices 2025].

В докладе старшего научного сотрудника ИНИОН РАН к.п.н. А.В. Белинского «Выборы в ЕС 2024–2025 и праворадикальные популисты. Национальные особенности, электоральная динамика, последствия» особо подчеркивалось, что прошедшие в июне 2024 г. выборы в Европарламент в очередной раз продемонстрировали устойчивость тренда, наметившегося еще в середине 2010-х. Вопреки надеждам политических элит стран Старого Света праворадикальный популизм оказался не халифом на час, а серьезным вызовом для либеральной демократии. В свою очередь продолжающийся в Европе неуклонный сдвиг электоральных настроений вправо является симптомом комплексных политических, социально-экономических и культурных процессов и кризисных явлений [Белинский 2018].

Основными причинами успеха крайне правых партий на выборах в Европарламент в 2024 стали:

– Миграционный кризис. Хотя в настоящее время ЕС не сталкивается с повторением событий 2015–2016 гг., однако проблема миграции остается одной из актуальных в Европе. А в ряде стран (ФРГ, Австрия) она стала темой номер один во время избирательной кампании. Правопопулистские и националистические силы активно использовали эту тему, акцентируя внимание сограждан на сложностях интеграции мигрантов, преступности, социальных расходов на их содержание и т. д.

– Социально-экономические проблемы. Украинский кризис, санкции и контрсанкции, сокращение поставок энергоносителей из России в ЕС серьезно ударили по европейской экономике, а вместе с ней и по благосостоянию рядовых граждан. На этом фоне такие партии, как «Национальное объединение» или «Альтернатива для Германии», выступали с резкой критикой экономической политики как национальных правительств, так и в целом ЕС.

– Кризис ЕС. Забюрократизированность, неэффективность и неповоротливость ЕС и его структур уже давно являлись объектом критики как справа, так и слева. В ходе избирательной кампании праворадикальные популисты хотя и не требовали выхода своих государств из состава ЕС, но выступали за пересмотр принципов его работы.

– Кризис политического лидерства. На общие социально-экономические проблемы и вопросы миграции наложился кризис политического лидерства в ведущих странах ЕС. Падение рейтинга президента Франции Э. Макрона, распад «светофорной» коалиции в Германии, неспособность канцлера К. Нехаммера и «Австрийской народной партии» сохранить коалицию наглядно свидетельствуют о кризисе политического лидерства в странах ЕС. На этом фоне лидеры популистских партий и движений (М. Ле Пен, А. Вайдель, С. Вагенкнехт), затрагивающие острые темы и вопросы, выглядят выигрышно на фоне политической элиты.

В результате на выборах летом 2024 г. праворадикальные популисты получили высокий результат. Во Франции победа «Национального объединения» (31,37%) привела к отставке правительства и досрочным выборам в парламент, которые стали непростым испытанием для Э. Макрона. В ФРГ и Австрии успехи «Альтернативы для Германии» (15,9%) и «Австрийской партии свободы» (25,36%) стали первым шагом на пути к краху правящих коалиций.

Успех праворадикальных популистов на выборах в Европарламент получил продолжение на национальном уровне. В первом туре парламентских выборов «Национальное объединение» заняло первое место, однако во втором уступило и «Новому народному фронту», и проправительственной коалиции «Вместе».

Совсем иначе развивались события в Австрии, где «Австрийская партия свободы» уже на протяжении многих месяцев занимала первое место в социологических опросах. «Оправившись от удара, вызванного политическим скандалом (так называемым Ибница-гейтом), который привел к отставке партийных лидеров Х.-К. Штрахе и Й. Гудениуса, АПС при новом председателе Г. Кикле сумела вернуть утраченные позиции. Бывший министр внутренних дел в правительстве С. Курца, искусно используя просчеты правительства и играя на страхах населения, уже в начале 2023 г. сумел добиться хороших результатов для партии на земельных выборах в Нижней Австрии (24,19%, +9,43%), Зальцбурге (25,7%, + 6,9%), Каринтии (24,53%, +1,57%) [Rückblick 2024]. А в конце 2023 г. австрийские крайне правые вышли на первое место в рейтинге политических партий страны» [Белинский 2025, с. 81]. Хотя на сентябрьских выборах АПС и заняла первое место впервые в своей истории, однако не смогла договориться с «Австрийской народной партией» о создании коалиции.

В соседней Германии АдГ на досрочных выборах в бундестаг заняла второе место, оставив позади себя партии бывшей «светофорной» коалиции (СДПГ СвДП, Союз 90/Зеленые). Правда, в отличие от АПС, немецкие правые изначально не имели шансов войти в правительство, которое было в итоге создано ХДС/ХСС и СДПГ.

Таким образом, период 2024–2025 гг. был отмечен значительным усилением позиций праворадикальных партий в Европе. Тот факт, что ни в одной из трех стран крайне правые не смогли прийти к власти, объясняется действием во Франции и ФРГ так называемой пожарной стены – системы, при которой ведущие партии отказываются от сотрудничества с крайне правыми, либо, как это было в Австрии, просчетами самих праворадикальных популистов во время переговоров.

Ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН к.и.н. Т.Г. Биткова определила тему своего доклада «Внешняя политика Румынии как фактор политического размежевания общества». В докладе отмечается, что за последние 35 лет, несмотря на смену президентов и партий, находившихся у власти, евроатлантический вектор внешней политики Румынии был стабильным. Наибольшую роль в политической конфигурации страны всегда играли социал-демократы, с самого начала определившие этот тренд [Биткова 2023].

На вопрос, что изменится в отношении к Европейскому союзу и НАТО, новый президент Никушор Дан, избранный 18 мая этого года, сказал: «Румыния, несомненно, сохранит прозападный курс, что означает участие в НАТО и Европейском союзе» [Nicuşor Dan: România 2025]. Дан известен своими либеральными и проевропейскими взглядами. Его оппонент во втором туре президентских выборов правый радикал Джордже Симион, которого в СМИ обычно называли евроскептиком и «промосковским» политиком, в своих (особенно зарубежных) декларациях накануне второго тура, также говорил о полной поддержке евроат-

лантического вектора Румынии. При этом, будучи типичным европейским правым радикалом, он не раз выступал с острой критикой Евросоюза. Для Румынии нет другого пути во внешней политике, кроме продолжения западного направления, заверял Симион. «Мы приняли это решение большинством общества... Этого мы хотели. Этого хотели наши бабушки и дедушки» [Stan 2025]. Симион, конечно, понимал и чувствовал, что проевропейские декларации необходимы ему для привлечения голосов трудовых мигрантов, значение которых всегда важно для избирательных кампаний в Румынии.

В докладе отмечается, что в Румынии существуют и другие подходы к формированию внешней политики. В частности, экономист Кэлин Джорджеску, тот самый, который в первом туре отмененных президентских выборов 24 ноября прошлого года неожиданно получил наибольшее количество голосов, как раз является убежденным антизападником и антиглобалистом. Правда, предвыборная программа этого независимого кандидата не содержала таких идей, ограничиваясь в основном экологическими проблемами. Румынская общественность узнала о его взглядах только после отмены результатов первого тура выборов.

Однако еще задолго до этого Джорджеску утверждал, что страной руководят иностранцы, а не правительство, не президент или иные государственные структуры. С его точки зрения, до тех пор пока активы в промышленности, банки принадлежат иностранцам, пока им принадлежат стратегические рычаги, Румыния лишена суверенитета» (цит. по: [Ronkov 2017]). Джорджеску также является автором нашумевшей в свое время книги «Румыния на краю пропасти», вышедшей в 2016 г. [Georgescu 2016]. В 2022 и 2023 гг. было издано еще два труда схожего содержания. Еще в 2014 г. он писал: «Румыния вошла в ЕС, не потому что мы такие умные, но потому, что Запад был в этом заинтересован. Нас присоединили к ЕС, так как у нас есть сырьевые ресурсы, которых у Евросоюза нет» [Romania afara din UE NATO, 2014]. После отмены выборов Джорджеску стал очень активно выступать в СМИ, заявляя, что его страна является «рабыней Европейского союза» и что НАТО стремится втянуть ее в войну с Россией [Călin Georgescu 2025].

Теперь СМИ активно цитировали Джорджеску. Он стал выступать не только против зависимости страны от западных структур, но высказывался и против размещения натовских баз на территории Румынии. Вообще в случае нападения на Румынию НАТО ей не поможет, заявлял Джорджеску.

Джорджеску отнюдь не одинок в своих взглядах. Сходную позицию выражал и выражает целый ряд комментаторов. К примеру, Дан Тэнэеску, литератор, эссеист, бывший член Сената писал: «Неолиберальная пропаганда вбила в нашу голову мысль, что единственно возможное решение для развития страны и ее экономики исходит от МВФ, Всемирного банка и других инструментов колонизации со стороны американской империи» [Tănăsescu 2013].

Аналогичные тенденции наблюдаются в левых партиях Румынии. В программе альянса «Социалистическая Румыния», состоящего из трех левых партий, говорится о необходимости прекращения национального разграбления через продажу государственных компаний и предоставление концессий на минеральные и энергетические ресурсы страны иностранцам [Биткова 2025].

В программе Альянса утверждается, что Румыния не должна входить в какие-либо военные блоки. Левые однозначно против как НАТО, так и Евросоюза, демонстрируя бескомпромиссный радикализм. «Наша страна стала колонией с многочисленными хозяевами в лице Соединенных Штатов Америки и западных стран... была интегрирована в ЕС не как равноправный партнер, а как вассальная страна, которую легко грабить, которую рассматривали только как рынок сбыта, источник сырья и людских ресурсов» [România Socialistă 2023]. Румыния, утверждается в этой программе, должна проводить политику нейтралитета. «НАТО защищает не нас, она защищает себя на нашей территории, мы сами должны защищать свою СТРАНУ» [România Socialistă 2023].

Место Румынии в евроатлантическом пространстве, как видим, вызывает критику со стороны некоторых представителей румынского политического сообщества. Антиглобалистские и антиамериканские настроения в интеллектуальной и политической среде соприкасаются с похожими высказываниями в социальных сетях.

Но насколько распространенными и влиятельными являются такие подходы? Они, к сожалению их абсолютных адептов, не поддерживаются подавляющим большинством граждан. Это очень мало востребованный политический тренд. Результаты выборов 2024 г. в местные органы власти, в парламент и Европарламент это отчетливо продемонстрировали [Биткова 2025a]. Социологические опросы последних пяти лет также подтверждают эти настроения, хотя исследования пяти-восьмилетней давности показывали меньшую поддержку евроатлантических структур.

Опросы, проведенные в 2024 г. неправительственной организацией GLOBSEC Trends, подтвердили в целом положительное отношение граждан Румынии к НАТО и Евросоюзу [Szicherle, 2024].

В отличие от левых сил, риторика правых радикалов, ярким представителем которых является Джордже Симион, представляется нам неоднозначной, но антинатовские настроения в ней отсутствуют. Как и другие европейские радикалы, они выступают за реформирование Европейского союза и превращение его в «Европу свободных наций и суверенных и независимых государств» [Биткова 2023a].

В итоге евроатлантический путь страны выбрали избиратели и на президентских выборах 18 мая 2025 г., хотя, как видим, в обществе есть и противоположные мнения. Вопрос об искренности и убежденности политиков в этом отношении остается, конечно, за скобками.

Сторонники евроинтеграции в стране считают, что хотя Европейский союз и не идеален, но это лучший вариант из всех существующих на геополитическом рынке, и Румынии повезло, что она является членом этой организации. НАТО же воспринимается как серьезный гарант государственной безопасности.

В выступлении Т.В. Арзамановой, сотрудника отдела Европы и Америки ИНИОН РАН «Германия на пути к роли военно-политического лидера Объединенной Европы: изменение стратегической культуры и идентичности страны» отмечалось, что объявленная федеральным канцлером О. Шольцем 27 февраля 2022 г. «смены эпох» (*Zeitenwende – нем.*) предполагает полную смену внешнеполитических парадигм Германии. В частности, речь идет об отказе от культуры сдержанности, пацифизма и смирения, которые буквально «насаждались» [Арзаманова 2024] западными союзниками в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны, постепенно формируя новую ментальность немецкого общества. Иными словами – фактически об отказе от многолетней «ограниченной нормальности» внешней политики и политики безопасности ФРГ. Более того, первая в истории страны Стратегия национальной безопасности (2023) стала отражением общей секьюритизации последних после взрывной эскалации украинского кризиса в феврале 2022 г. Можно также констатировать смещение акцента на необходимость выработки новой стратегической культуры Федеративной республики и возвращения военной силы в ее властный потенциал. В стратегии многократно подчеркивается готовность ФРГ взять на себя ответственность за ситуацию в Европе и мире, что свидетельствует о растущих претензиях страны на глобальную ответственность в качестве одного из ведущих мировых акторов. 2 августа 2022 г. министр иностранных дел ФРГ А. Бербок сделала заявление о готовности Берлина к реализации концепции «партнерства в лидерстве» с США: речь идет о становлении ЕС в качестве стратегического союза, способного «иметь дело на равных» [Арзаманова 2020] с Соединенными Штатами.

Однако при более глубоком анализе принятых правительством в 2022–2023 гг. доктринальных документов обращает на себя внимание отсутствие четких обязательств, расстановки приоритетов интересов, ценностей, союзов, а также ресурсов для реализации ФРГ поставленных целей в жизнь. Причина такой концептуальной неопределенности видится в том, что многолетний отказ Германии от оперирования категорией «национальные интересы» стоил ей стратегической дееспособности, на смену которой пришла реактивная внешняя политика [Арзаманова 2024]. На протяжении десятилетий идентичность ФРГ, в основе которой лежало прежде всего понятие «ответственность» [Соколов, Давыдов, Беликов, Сигова 2023], была тесно переплетена с идентичностью Запада как такового, а стратегическое планирование в значительной степени делегировалось на наднациональный уровень. Стратегическая культура ФРГ базировалась на нескольких «китах», к которым можно отнести в первую очередь

культуру сдержанности, буквально абсолютизированный пацифизм, безусловный приоритет союзнических обязательств, отказ от внешнеполитической «нормальности», идею искупления исторической вины и т. д. Таким образом, после анонсирования начала «смены эпох» Германия оказалась перед вызовом необходимости возвращения себе стратегической дееспособности в полном объеме [Арзаманова 2025]. В этой связи не вызывает сомнения, что значительная концептуальная и пока отстающая от нее реальная трансформация внешней и оборонной политики Германии требуют изменения ментальности немецкого общества, формирования в стране новой стратегической культуры, центральным элементом которой впервые становится бундесвер, – в противовес предшествующим десятилетиям фактического «забвения» [Арзаманова 2025]. Речь также идет о поиске новой идентичности Германии как глобального игрока: трансфера Германии от гражданской державы (*Zivillmacht – нем.*) к мировому актору, обладающему стратегическим мышлением.

Однако социологические исследования за 2022–2024 г. свидетельствуют о том, что, несмотря на секьюритизацию внутренней и внешней политики Германии, стремительный переход от «искупления» к «ответственности» с использованием военного потенциала в бытность правительства «светофора» так и не привел к национальному консенсусу [там же]. Несмотря на импульс к формированию новой стратегической культуры Германии внутри германского политического истеблишмента, гражданское общество пока не готово отказаться от культуры пацифизма. В свою очередь это обстоятельство вновь выводит на повестку дня нерешенную проблему неукомплектованности бундесвера и сопутствующей необходимости возвращения в той или иной форме всеобщей воинской обязанности в ФРГ. Это позволяет рассматривать «смену эпох» как часть искусственно сформированного «мейнстримного» внешнеполитического консенсуса элит «разделенного коллективного Запада» (термин предложен автором), что, по сути, сделало судьбу нового курса заложником ситуации на внешнеполитическом треке [Арзаманова 2025]. После февраля 2022 г. в стране сформировался «антироссийский консенсус» [Арзаманова 2023] и политика «сдерживания» [Трунов 2024] РФ. При этом безальтернативной представляется общая архитектура европейской безопасности, а ФРГ стоит перед реальным вызовом обретения стратегической самостоятельности и превращения в геополитического игрока в качестве лидера Объединенной Европы [Арзаманова 2024; Арзаманова 2024a], если последняя хочет сохранить статус одного из центров силы формирующегося миропорядка. В связи с этим представляется, что главным вызовом для претворения в жизнь «смены эпох» в период красно-черной правительственной коалиции помимо актуальной эрозии атлантической солидарности и сопряженных с ней попыток реализации концепции «европеизации Альянса» [Арзаманова 2025] продолжает оставаться необходимость изменения ментальных установок немецкого общества [Арзаманова 2024].

Как представляется, Германии необходима национальная дискуссия по стратегическим вопросам, не ограниченная идейной унификацией немецкого информационного пространства в пределах «мейнстримного» эстаблированного внешнеполитического консенсуса, включая «антироссийский». Охватывающая и такие болезненные для политической культуры сюжеты, как «разлом в идентичности» Германии, на востоке которой отмечается формирование неовостоchnoгерманской идентичности [Арзаманова 2023] (как формы социокультурной адаптации) с ее особенностями перцепции «мейнстримной» внешнеполитической повестки и запросом на восстановление российско-германского диалога. Или необходимость выработки новых смыслов во внешней политике ФРГ в отношении Израиля, активные действия которого на Ближнем Востоке формируют прогрессирующий ценностный разрыв в двусторонних отношениях (в фокусе внешнеполитической идентичности Израиля находятся интересы безопасности и самостоятельность, Германии – мультилатерализм и приоритет международного права) и ведут к актуальному размыванию произраильского консенсуса в немецком обществе. Это позволило бы Берлину выстраивать внешнюю политику страны исходя из соображений целесообразности и объективных (а не навязанных информационной повесткой) вызовов безопасности, а также избежать «ловушки милитаризации» – риска возрождения «милитаристского менталитета» в немецком обществе (принимая во внимание то обстоятельство, что более четверти населения имеет мигрантское происхождение и, следовательно, не подверглось послевоенной «вакцинации» пацифизмом) [Арзаманова 2023а] и «завершения ориентированной на диалог» германской внешней политики. Именно в этом Юрген Хабермас, один из крупнейших немецких философов современности, видит угрозу для Германии [Habermas 2025].

В выступлении А.Ф. Дыриной, научного сотрудника ИНИОН РАН, под названием «Внешняя политика Польши в условиях трансатлантического кризиса», отмечалось, что польское государство демонстрирует стремление укреплять оборонные связи с ключевыми европейскими союзниками, сохраняя приверженность к расширению оборонного сотрудничества с США. Польша последовательно ориентировалась на Соединенные Штаты на протяжении нескольких десятилетий, участвовала практически во всех американских военных операциях, поддержала их вторжение в Ирак [Клепацкий 2022]. Полицентричный мир вынуждает ЕС пересматривать прежние форматы сотрудничества и концентрироваться на стратегической автономии [Надточей 2024].

Польша демонстрирует стремление быть страной лидером Восточноевропейского региона. Отсюда огромное количество инициатив, в которых Польша отводит себе лидирующую роль: Восточное партнерство, Троеморье, Люблинский треугольник и др.

Польша активно сотрудничает с Соединенными Штатами, в первую очередь в военной области и сфере ядерной энергетике [Варшава и Вашингтон 2025]. Тесное партнерство с США подталкивает Польшу к попыткам сохранить союз Европы и Соединенных Штатов.

В мае 2025 г. Варшава и Париж заключили договор с обязательствами оказывать друг другу помощь в случае военной угрозы. Польский президент поддержал инициативу Макрона о «ядерном зонтике для Европы», а также заявил о готовности разместить у себя в стране американское ядерное оружие [Каплан 2025].

Следует отметить, что после начала СВО стал активно возобновляться формат встреч «Веймарского треугольника», интересы Польши, Франции и Германии объединились вокруг темы военной и финансовой поддержки Украины, а также военного сотрудничества.

Учитывая тесные связи с США и неразрывность с Европой, Польша заинтересована в преодолении трансатлантического кризиса. Поляков называли «глазами Соединенных Штатов в Европе», что достаточно выгодно для Польши, так как это повышает ее значимость как среди американских, так и европейских партнеров, которые оказались крайне разочарованы политикой Трампа по отношению к альянсу, но не теряют надежды сохранить выстроенный годами формат сотрудничества. Из-за конфликта на Украине большое внимание сосредоточено сейчас на этом регионе, Польша претендует на лидерство в Центрально-Восточной Европе и берет на себя функцию «голоса региона». Страны Западной Европы в определенной степени также воспринимают Польшу как государство, через которое можно взаимодействовать с другими странами ЦВЕ и оказывать влияние. Военный конфликт в соседнем государстве отчасти поспособствовал усилению политического влияния Польши.

Подводя итоги анализа, который был проведен в ходе конференции, практически все ее участники пришли к выводу, что, оставаясь одним из трех центров экономического притяжения современного мира (наряду с США и Китаем), государства – члены ЕС не смогут просто наблюдать, как за их спиной идут переговоры между Вашингтоном и Москвой. Ни «европейские гранды» (Франция и Германия), ни другие европейские страны не смогут позволить себе самоизолироваться от процессов, которые будут определять будущее Европейского континента. Приняв на саммите НАТО в Гааге обязательства по увеличению до 5% ВВП в общий фонд альянса, страны ЕС взяли на себя дополнительную ответственность за будущее системы безопасности на континенте.

В Европейском союзе растет понимание (под воздействием факторов с американской и российской стороны), что ему будет очень сложно развиваться, если он не добьется «стратегической автономии», а это можно сделать только в ходе реформирования процесса принятия решений по вопросам безопасности и развития.

Из всего этого следует, что рано или поздно Евросоюзу придется разрабатывать новую стратегию отношений с Россией, США, Китаем, реагировать более твердо на вызовы глобального характера. От этого зависит не только эффективность ЕС как института на внешнем контуре, но и устойчивость политических систем и обществ самих государств-членов.

Библиография

Арбатова Н.К. Новая стратегия безопасности ЕС // Современная Европа. 2003. № 4 (16). С. 60–67.

Арзаманова Т.В. «Императив стратегической деконструкции»: изменение стратегической культуры и ментальности как рамочные условия формирования новой идентичности Германии // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1 (121). С. 173–195.

Арзаманова Т.В. Европейская оборона: пазл со многими неизвестными // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4 (108). С. 21–52.

Арзаманова Т.В. От «высокого атлантизма» к дисторсии атлантической солидарности: «эффект Трампа» в фокусе «смены эпох» в ФРГ // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 2 (126). С. 184–202.

Арзаманова Т.В. Правый популизм в Германии: «нишевая пария» в ловушке западногерманской политической культуры // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 196–218.

Арзаманова Т.В. Формирование новой идентичности Германии в контексте медиатизации политической среды // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023а. Т. 14, вып. 12 (134). Часть II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029692-0-1/> (дата обращения: 13.06.2025).

Белинский А.В. «Восстание против элит»: всплеск праворадикального популизма в Западной Европе // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 14–36.

Белинский А.В. «После выборов – перед выбором»: Австрия в год супервыборов // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 1. С. 80–98.

Белинский А.В., Надточей Ю.И. Европейский союз и Китай: дилеммы отношений в меняющемся мире // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4 (124). С. 67–86.

Белов В.Б. Отношения ФРГ с КНР: непростое триединство партнерства, конкуренции и соперничества // Актуальные проблемы Европы. № 4 (124). С. 199–222.

Биткова Т.Г. Партии левой ориентации в Румынии. // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 3 (127). С. 190–207.

Биткова Т.Г. Румыния и выборы в Европарламент в 2024 году. Актуальные проблемы Европы // 2025а. № 1 (125). С. 136–152.

Биткова Т.Г. Румынская социал-демократия: история и роль в политических баталиях после 2014 г. // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 2 (118) С. 168–190.

Биткова Т.Г. Старые и новые популисты в румынской политической парадигме // Актуальные проблемы Европы. 2023а. № 4 (120). С. 288–312.

Варшава и Вашингтон подписали соглашение о строительстве АЭС в Польше // РИА Новости. 2025. 28 апреля. URL: <https://ria.ru/20250428/polsha-2013803305.html> (дата обращения: 25.06. 2025).

Годованюк К.А. Китайская стратегия Великобритании: непоследовательная последовательность на фоне внутренних дебатов // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 144–164.

Каплан И. Польша захотела получить доступ к ядерному оружию США и Франции // Взгляд. 2025. 18 апреля. URL: <https://vz.ru/news/2025/4/18/1326837.html> (дата обращения: 25.06. 2025).

- Клепацкий Л. Польские геополитические амбиции и их последствия // Международная жизнь. 2022. 15 ноября. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37823> (дата обращения: 22.02.2023).
- Князева С.Е. Проблема вступления в ЕС балканских стран и расширения ЕС в контексте ценностной модели Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 2. С.176–193.
- Коровникова Н.А. ЕС–КНР: сотрудничество, соперничество или «снижение рисков»? // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4 (124). С. 87–105.
- Лавров С.В. Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах» // Россия в глобальной политике. 2023. 21(4). С. 72–81.
- Лапина Н.Ю. Особенности кампании по выборам в Европарламент во Франции и расстановка политических сил // Актуальные проблемы Европы. 2025. 1 (125). С. 188–211.
- Михайленко В. И., Михайленко Е. Б., Мамин Н. В. Между глобализмом и регионализмом: представления о мировом порядке в странах Индо-Тихоокеанского региона // История и современное мировоззрение. 2024. Т. 6. № 4. С. 13–20.
- Надточей Ю.И. Европейский союз в новой парадигме международных отношений // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1 (121). С. 106–130.
- Новик Н.Н., Ройс Д.П., Амурская М.А. Эволюция политики помощи США в Европе после 2016 г. // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 2. С.128–143.
- Пархалина Т.Г., Романенко С.А. Международные отношения в Восточной Европе: проблемы, методы, контуры исследования // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 2. С.7–24.
- Романенко С.А. Введение. Выборы в Европейский парламент 2024: общеевропейские, региональные и национальные процессы и тенденции в странах Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы // Актуальные проблемы Европы. 2025. №1. С.5–25.
- Романенко С.А. Изучение истории Балкан/ Юго-Восточной Европы. Исследовательские задачи и постановка проблемы // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С.7–22.
- Романенко С.А. Политические институты, национально-государственные интересы и проблемы безопасности: политическая жизнь в странах Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 2. С. 7–21
- Романенко С.А. Политические системы и политические процессы в странах Восточной Европы: этапы, методы изучения и результаты (2014–2022) // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 2. С.7-30.
- Сакс Дж. Европе пора вести собственную политику // Российская газета. 2025. 24 февраля. URL: <https://rg.ru/2025/02/24/dzheffri-saks-evrope-pora-vesti-sobstvennuiu-politiku.html> (дата обращения: 25.02.2025).
- Соколов А. П., Давыдов А. Д., Беликов В. В., Сигова А. А. Специфика национальной идентичности в риторике руководства ФРГ (по выступлениям на Мюнхенской конференции по безопасности 2014–2022 гг.) // Полис. 2023. № 4. С. 105–121.
- Тимофеев П.П., Хорольская М.В. Сравнительный анализ военной помощи Украине со стороны Германии и Франции (2022–2024 гг.) // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, №11. С. 52–53.
- Товарооборот Азербайджана с РФ в январе – апреле вырос почти на 40% с 2024 года // ТАСС. 2025. 20 мая. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23989229> (дата обращения: 31.05.2025).
- Товарооборот Азербайджана со странами Евросоюза вырос более чем на треть // Sputnik. Азербайджан. 2025а. 31 мая. UR: <https://az.sputniknews.ru/20250531/tovarooborot-azerbaydzhanaso-stranam-evrosoyuza-vyros-bolee-chem-na-tret-471482908.html> (дата обращения: 31.05.2025).
- Тодд Э. Поражение Запада. М.: АСТ, 2024. 320 с.
- Транскаспийский международный транспортный маршрут и другие перспективные коридоры в Центральной Азии. Январь 2025 URL: https://index1520.com/upload/medialibrary/7fa/69jwс2gbyzntilvwf4nv0b55g17uu3i6/ru310125_TMTM.pdf (дата обращения: 25.05.2025).
- Трунов Ф.О. Динамика противостояния США с КНР и позиция европейских государств // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 7–26.

Трунов Ф.О. Подход ФРГ к противостоянию США – КНР к середине 2020-х годов: политические и военные аспекты // Актуальные проблемы Европы. 2024а. № 4. С. 223–239.

Трунов Ф.О. Проблемы и перспективы глобальной субъектности ФРГ в военном и политическом отношениях: реалии начала 2020-х гг. // Актуальные проблемы Европы. 2024б. № 1. С. 196–221. 216.

Франция назвала «ударом в спину» расторжение Австралией «контракта века» // РБК. 16.09.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/09/2021/6142f6e69a79477e4a83c5e2> (дата обращения 25.05.2025).

Чернега В.Н. Подходы к созданию «европейской обороны» во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4 (108). С. 114–136.

Чернега В.Н. Политика Франции на китайском направлении в контексте противостояния между Вашингтоном и Пекином // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4 (124). С. 165–182.

Чихачев А.Ю. Франция между США и КНР в Индо-Тихоокеанском регионе: трудности «третьего пути» // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4 (124). С. 183–198.

Acharia A. Constructing Global Order. Agency and Change in World Politics. Cambridge University Press. 2018. 216 p.

Vajpai K. Asian conceptions of international order: what Asia wants. // International Affairs. 2023. N 99 (4). P. 1371–1381.

Bell C. The Debatable Alliance; an Essay in Anglo-American Relations. London: Oxford University Press, 1964. 111 p.

Biscop S. Effective multilateralism: bringing the European way into practice // Audit of European Strategy 2004. P. 27–32. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep06654.7> (дата обращения: 14.03.2025)

Budiantoro S. Asia needs a sustainability paradigm authored by Asians // Asia Times. 2025. May 7.

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 592 p.

Călin Georgescu vrea referendum pentru ieșirea din UE și NATO, fiindcă ne descurcăm singuri: “România va fi motorul Europei. Germania nu are de unde” // Spotmedia. 2025. March 04. URL: <https://spotmedia.ro/stiri/politica/calin-georgescu-vrea-referendum-pentru-iesirea-din-ue-si-nato-fiindca-ne-descurcam-singuri-romania-va-fi-motorul-europei-germania-nu-are-de-unde> (дата обращения: 17.04.2025)

Chan M. Joint Humanitarian Statement // X Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. New York, 2022. August 22. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/22Aug_HINW.pdf (дата обращения: 17.04.2025)

European Union, Trade in goods with Georgia // European Commission Statistics. 2024. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_georgia_en.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

Everts S. Europe must learn the art of ‘unpowering’ Russia // Politico. 2025. May 23. URL: <https://www.politico.eu/article/europe-russia-power-military-moscow-hostility-war-ukraine-putin/> (дата обращения: 28.05.2025).

Georgescu C. Cumpana României. București, 2016. 192 p.

González L. A. The Resurgence of Europe. How the Continent Can Survive American Antagonism and Come Out Stronger // Foreign Affairs. 2025. May 12. URL: <https://www.foreignaffairs.com/europe/resurgence-europe-how-survive-american-antagonism> (дата обращения: 14.05.2025).

Haas E.B. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950-1957. Stanford: Stanford University Press, 1958. 641 p.

Habermas J. For Europe // Sueddeutsche Zeitung. 2025. March 23. URL: <https://www.sueddeutsche.de/projekte/artikel/kultur/juergen-habermas-essay-europa-e494414/?reduced=true> (дата обращения: 01.05.2025).

Hettne B., Söderbaum F. The UN and Regional Organizations Global Security: Competing or Complementary Logics? // *Global Governance*. 2006. N 12(3). P. 227–232.

Jacques Rupnik: Voir les Américains pivoter vers Poutine laisse les Européens de l'Est groggy/ Interview de L. Mandeville // *Le Figaro*. 2025. Avril 25. URL: https://www.google.com/search?q=jacques+rupnik+%3A+voir+les+am%C3%A9ricains+pivoter+vers+poutine+les+europ%C3%A9ens+de+l%E2%80%99est+groggy%2F+interview+de+l.+mandeville+%2F%2F+le+figaro%2C+25+avril+2025.&oq=&gs_lcrp=EgZjaHJvbWUqCQgAEEUYOxjCAzIJCAAQRRg7GMIDMgkIARBFgDsYwgMyCQgCEEUYOxjCAzIJCAMQRRg7GMIDMgkIBBBFGDsYwgMyCQgFEEUYOxjCAzIJCAyQRRg7GMIDMgkIBxBFGDsYwgPSAQkxNDYxajBqMTWoAgiwAgHxBThHjxqgQYFe&sourceid=chrome&ie=UTF-8

Joel Ng. Prospects for Multilateralism at the End of the Liberal Order// *Multilateral Matters*. 2025. № 55. URL: <https://dr.ntu.edu.sg/server/api/core/bitstreams/2fc68e22-a476-4541-b159-0fc786b7d449/content> (дата обращения: 10. 05. 2025).

Keohane R.O. Multilateralism: An Agenda for Research // *Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 1990. N 45(4). P. 731–764.

Kowert P., Legro J. Norms, Identity, and Their Limits: A Theoretical Reprise, in *The Culture of National Security Norms and Identity in World Politics* (Edited by Peter J. Katzenstein). New York: Columbia University Press, 1996. 560 p.

L'interview du Président Emmanuel Macron sur TF1 et France 2 // *Elysee*. 2024. Mars 14. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/03/14/20h-linterview-du-president-emmanuel-macron-sur-tf1-et-france-2-1> (дата обращения: 15.03.2024).

Laatikainen K.V. Conceptualizing Groups in UN Multilateralism: The Diplomatic Practice of Group Politics. // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2017. N 12(2). P. 113-137.

Lagrange M. «Sorbonne 2»: Macron n'a pas convaincu // *Le Figaro*. 2025. Avril 25.

Les indices de la popularité // *IFOP*. 2025. URL: <https://www.ifop.com/publication/les-indices-de-popularite-avril-2025/> (дата обращения: 10.05.2025)

Leyen, von der U. “The West as we knew it no longer exists”, says amid Trump tensions // *Euro News*. 2025. April 16. <https://www.euronews.com/my-europe/2025/04/16/the-west-as-we-knew-it-no-longer-exists-von-der-leyen-says-amid-trump-tensions> (дата обращения: 10. 05. 2025).

Macron E. Discours à la Sorbonne. 2024. Avril 25. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=URQaC22QHY8> (дата обращения: 26.04.2024).

Mukhatzhanova G., Potter W. Coalitions to Watch at the 2015 // *NPT Review Conference*. Nuclear Threat Initiative. 2015. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/coalitions-watch-2015-npt-review-conference/> (дата обращения: 12.05.2025).

“Ne pas humilier la Russie”: l'appel d'Emmanuel Macron fait des vagues. *Euractiv*. 2022. June 07. URL: <https://www.euractiv.fr/section/international/news/ne-pas-humilier-la-russie-lappel-demmanuel-macron-fait-des-vagues/> (дата обращения: 25.02.2025).

Outcomes of the first Central Asia–EU Summit in Samarkand *News Central Asia* 2025. Avril 05. URL: <https://www.newscentralasia.net/2025/04/05/outcomes-of-the-first-central-asia-eu-summit-in-samarkand/> (дата обращения: 25.05.2025)

Ovarez L. Guerre en Ukraine: cette paix dont Donald Trump a besoin au plus vite. *L'Opinion*. 27 avril 2025. URL: <https://www.lopinion.fr/international/guerre-en-ukraine-cette-paix-dont-donald-trump-a-besoin-au-plus-vite> (дата обращения: 28.04.2025).

Russia trade summary 2024 // Office of the United States Trade Representative. URL: [https://ustr.gov/countries-regions/europe-middle-east/russia-and-eurasia/russia#:~:text=Russia%20Trade%20Summary,\(%2473.5%20million\)%20from%202023](https://ustr.gov/countries-regions/europe-middle-east/russia-and-eurasia/russia#:~:text=Russia%20Trade%20Summary,(%2473.5%20million)%20from%202023) (дата обращения: 28.05.2025).

The Belt and Road and Global Gateway Initiatives: Prospects and Opportunities for Central Asian Countries // *CABAR*. 2023. November 30. URL: <https://cabar.asia/en/the-belt-and-road-and-global-gateway-initiatives-prospects-and-opportunities-for-central-asian-countries> (дата обращения: 25.05. 2025).

The new “NDICI – Global Europe” (2021–2027) // European Union. External Action. The Diplomatic Service of the European Union. 2022. March 17. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/new-%E2%80%98ndici-global-europe%E2%80%99-2021-2027_en (дата обращения: 25.05.2025).

The People’s Republic of China 2024. China Trade Summary // Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (дата обращения: 25.05.2025).

U.S. Bureau (a) of Economic Analysis. China - International Trade and Investment Country Facts // An official website of the United States government. URL: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#650> (дата обращения: 30.05.2025).

U.S. Bureau of Economic Analysis. China – International Trade and Investment Country Facts // An official website of the United States government. URL: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#341> (дата обращения: 30.05.2025).

References

Acharia A. *Constructing Global Order. Agency and Change in World Politics*. Cambridge University Press. 2018. 216 p.

Arbatova N.K. *Novaya strategiya bezopasnosti ES [The New EU Security Strategy]*. *Sovremennaya Evropa*. 2003. N 4 (16). Pp. 60–67. (In Russ.)

Arzamanova T.V. “Imperativ strategicheskoi dekonstruktsii”: izmenenie strategicheskoi kul’tury i mental’nosti kak ramochnye usloviya formirovaniya novoi identichnosti Germanii [“The Imperative of Strategic Deconstruction”: Changes in Strategic Culture and Mentality as Framework Conditions for the Formation of Germany’s New Identity]. *Aktual’nye problemy Evropy*. 2024. N 1 (121). Pp. 173–195. (In Russ.)

Arzamanova T.V. *Evropeiskaya oborona: pazl so mnogimi neizvestnymi [European Defence: A Puzzle with Many Unknowns]*. *Aktual’nye problemy Evropy*. 2020. N 4 (108). P. 21–52. (In Russ.)

Arzamanova T.V. *Formirovanie novoi identichnosti Germanii v kontekste mediatizatsii politicheskoi sredy [The Formation of a New German Identity in the Context of the Mediatization of the Political Environment]*. *Istoriya (Electronic Scientific and Educational Journal)*. 2023a. Vol. 14. Iss. 12 (134), part II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029692-0-1/> (date of access: 11.03.2025) (In Russ.)

Arzamanova T.V. *От “vysokogo atlantizma” k distorsii atlanticheskoi solidarnosti: “effekt Trampa” v fokuse “smeny epokh” v FRG [From “High Atlanticism” to the Distortion of Atlantic Solidarity: The “Trump Effect” in the Context of Germany’s “Turning of the Times”]*. *Aktual’nye problemy Evropy*. 2025. N 2 (126). P. 184–202. (In Russ.)

Arzamanova T. V. *Pravyi populizm v Germanii: “nishevaya pariya” v lovushke zapadnogermanskoj politicheskoi kul’tury [Right-Wing Populism in Germany: A “Niche Pariah” Trapped in West German Political Culture]*. *Aktual’nye problemy Evropy*. 2023. N 4 (120). P. 196–218. (In Russ.)

Bajpai K. *Asian conceptions of international order: what Asia wants.* // *International Affairs*. 2023. N 99 (4). P. 1371–1381.

Belinskii A. V. *“Posle vyborov – pered vyborom”: Avstriya v god supervyborov [“After the Elections – Before the Choice”: Austria in a Year of Super-Elections]*. *Aktual’nye problemy Evropy*. 2025. N 1. P. 80–98. (In Russ.)

Belinskii A. V. *“Vosstanie protiv elit”: vsplesk pravoradikal’nogo populizma v Zapadnoi Evrope [“Revolt against the Elites”: The Rise of Right-Wing Radical Populism in Western Europe]*. *Aktual’nye problemy Evropy*. 2018. N 2. P. 14–36. (In Russ.)

Belinskii A. V., Nadtochii Yu. I. *Evropeiskii soyuz i Kitai: dilemmy otnoshenii v menyayushchemsya mire [The European Union and China: Relationship Dilemmas in a Changing World]*. *Aktual’nye problemy Evropy*. 2024. N 4 (124). P. 67–86. (In Russ.)

Bell C. *The Debatable Alliance; an Essay in Anglo-American Relations*. London: Oxford University Press, 1964. 111 p.

Belov V. B. Otnosheniya FRG s KNR: neprostoie triedinstvo partnerstva, konkurentsii i soper-nichestva [Germany–China Relations: The Difficult Triad of Partnership, Competition, and Rivalry]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2024. N 4 (124). P. 199–222. (In Russ.)

Biscop S. Effective multilateralism: bringing the European way into practice. *Audit of European Strategy 2004*. P. 27–32. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep06654.7> (date of access: 14.03.2025)

Bitkova T. G. Partii levoi orientatsii v Rumynii [Left-Oriented Parties in Romania]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2025. N 3 (127). P. 190–207. (In Russ.)

Bitkova T. G. Rumyniya i vybory v Evroparlament v 2024 godu [Romania and the 2024 European Parliament Elections]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2025. N 1 (125). P. 136–152. (In Russ.)

Bitkova T. G. Rumynskaya sotsial-demokratiya: istoriya i rol' v politicheskikh bataliyakh posle 2014 g. [Romanian Social Democracy: History and Role in Political Battles after 2014]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2023. N 2 (118). P. 168–190. (In Russ.)

Bitkova T. G. Starye i novye populisty v rumynskoi politicheskoi paradigme [Old and New Populists in the Romanian Political Paradigm]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2023. N 4 (120). P. 288–312. (In Russ.)

Budiantoro S. Asia needs a sustainability paradigm authored by Asians. *Asia Times*. 2025. May 7.

Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 592 p.

Călin Georgescu vrea referendum pentru ieșirea din UE și NATO, fiindcă ne descurcăm singuri: “România va fi motorul Europei. Germania nu are de unde”. *Spotmedia*. 2025. March 04. URL: <https://spotmedia.ro/stiri/politica/calin-georgescu-vrea-referendum-pentru-iesirea-din-ue-si-nato-fiindca-ne-descurcam-singuri-romania-va-fi-motorul-europei-germania-nu-are-de-unde> (date of access: 17.04.2025).

Chan M. Joint Humanitarian Statement Delivered by H.E Maritza Chan, Ambassador, Chargé d'affaires, Permanent Mission of Costa Rica to the United Nations. X Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. New York. 2022. August 22. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/22Aug_HINW.pdf (date of access: 17.04.2025)

Chernega V. N. Podkhody k sozdaniyu “evropeiskoi oborony” vo Frantsii [Approaches to the Creation of “European Defence” in France]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2020. N 4 (108). P. 114–136. (In Russ.)

Chernega V. N. Politika Frantsii na kitaiskom napravlenii v kontekste protivostoyaniya mezhdru Vashingtonom i Pekinom [France's China Policy in the Context of U.S.–China Confrontation]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2024. N 4 (124). P. 165–182. (In Russ.)

Chikhachev A. Yu. Frantsiya mezhdru SShA i KNR v Indo-Tikhookeanskom regione: trudnosti “tret'ego puti” [France between the United States and China in the Indo-Pacific Region: The Difficulties of a “Third Way”]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2024. N 4 (124). P. 183–198. (In Russ.)

European Union, Trade in goods with Georgia. European Commission Statistics. 2024. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_georgia_en.pdf (date of access: 11.03.2025)

Everts S. Europe must learn the art of ‘unpowering’ Russia. *Politico*. 2025. May 23. URL: <https://www.politico.eu/article/europe-russia-power-military-moscow-hostility-war-ukraine-putin/> (date of access: 28.05.2025)

Frantsiya nazvala “udarom v spinu” rastorzenie Avstraliei “kontrakta veka” [France Called Australia's Termination of the “Contract of the Century” a “Stab in the Back”]. *RBC*. 2021. September 16. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/09/2021/6142f6e69a79477e4a83e5e2> (date of access: 25.05.2025). (In Russ.)

Georgescu C. *Cumpana României*. București, 2016. 192 p.

Godovanyuk K. A. Kitaiskaya strategiya Velikobritanii: neposledovatel'naya posledovatel'nost' na fone vnutrennikh debatov [The UK's China Strategy: Inconsistent Consistency amid Domestic Debates]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2024. N 4. P. 144–164. (In Russ.)

González L. A. The Resurgence of Europe. How the Continent Can Survive American Antagonism and Come Out Stronger. *Foreign Affairs*. 2025. May 12. URL: <https://www.foreignaffairs.com/europe/resurgence-europe-how-survive-american-antagonism> (date of access: 14.05.2025).

Haas E.B. *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950–1957*. Stanford: Stanford University Press, 1958. 641 p.

Habermas J. For Europe. *Sueddeutsche Zeitung*. 2025. March 23. URL: <https://www.sueddeutsche.de/projekte/artikel/kultur/juergen-habermas-essay-europa-e494414/?reduced=true> (date of access: 01.05.2025)

Hettne B., Söderbaum F. The UN and Regional Organizations Global Security: Competing or Complementary Logics? *Global Governance*. 2006. N 12(3). P. 227–232.

Jacques Rupnik: Voir les Américains pivoter vers Poutine laisse les Européens de l'Est groggy. Interview de L. Mandeville. *Le Figaro*. 2025. Avril 25. URL: https://www.google.com/search?q=jacques+rupnik+%3A+voir+les+am%C3%A9ricains+pivoter+vers+poutine+les+europ%C3%A9ens+de+l%E2%80%99est+groggy%2F+interview+de+l.+mandeville+%2F%2F+le+figaro%2C+25+avril+2025.&oeq=&gs_lcrp=EgZjaHJvbWUqCQgAEEUYOxjCAzIJCAAQRRg7GMID-MgkIARBFGDsYwgMyCQgCEEUYOxjCAzIJCAMQRRg7GMIDMgkIBBBFGDsYwgMyCQg-FEEUYOxjCAzIJCAYQRRg7GMIDMgkIBxBFGDsYwgPSAQkxNDYxajBqMTWoAgiwAgHxB-ThHjxqgQYFe&sourceid=chrome&ie=UTF-8

Joel Ng. Prospects for Multilateralism at the End of the Liberal Order. *Multilateral Matters*. 2025. N 55. URL: <https://dr.ntu.edu.sg/server/api/core/bitstreams/2fc68e22-a476-4541-b159-0fc786b7d449/content> (date of access: 10.05.2025)

Kaplan I. Pol'sha zakhotela poluchit' dostup k yadernomu oruzhiyu SSHA i Frantsii [Poland Sought Access to U.S. and French Nuclear Weapons]. *Vzglyad*, 18 April 2025. URL: <https://vz.ru/news/2025/4/18/1326837.html> (date of access: 25.06.2025). (In Russ.)

Keohane R.O. *Multilateralism: An Agenda for Research*. *Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 1990. N 45(4). P. 731–764.

Klepatskii L. Pol'skie geopoliticheskie ambitsii i ikh posledstviya [Polish Geopolitical Ambitions and Their Consequences]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 15 November 2022. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37823> (date of access: 22.02.2023). (In Russ.)

Knyazeva S. E. Problema vstupleniya v ES balkanskikh stran i rasshireniya ES v kontekste tsenostnoi modeli Evropeiskogo soyuza [EU Enlargement to the Balkans in the Context of the European Union's Value Model]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2022. N 2. P. 176–193. (In Russ.)

Korovnikova N. A. ES–KNR: sotrudnichestvo, sopernichestvo ili “snizhenie riskov”? [EU–China: Cooperation, Rivalry or “De-risking”?]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2024. N 4 (124). P. 87–105. (In Russ.)

Kowert P., Legro J. Norms, Identity, and Their Limits: A Theoretical Reprise, in *The Culture of National Security Norms and Identity in World Politics* (Edited by Peter J. Katzenstein). New York: Columbia University Press, 1996. 560 p.

L'interview du Président Emmanuel Macron sur TF1 et France 2. *Elysee*. 2025. 14 Mars. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/03/14/20h-linterview-du-president-emmanuel-macron-sur-tf1-et-france-2-1> (date of access: 15.03.2024).

Laatikainen K.V. Conceptualizing Groups in UN Multilateralism: The Diplomatic Practice of Group Politics. *The Hague Journal of Diplomacy*. 2017 12 (2). P. 113–137.

Lagrange M. «Sorbonne 2»: Macron n'a pas convaincu. *Le Figaro*. 2025. Avril 25.

Lapina N. Yu. Osobennosti kampanii po vyboram v Evroparlament vo Frantsii i rasstanovka poli-

ticheskikh sil [The European Parliament Election Campaign in France and the Alignment of Political Forces]. Aktual'nye problemy Evropy. 2025. N 1 (125). P. 188–211. (In Russ.)

Lavrov S. V. Podlinnaya mnogostoronnost' i diplomatiya protiv "poryadka, osnovannogo na pravilakh" [Genuine Multilateralism and Diplomacy against the "Rules-Based Order"]. Rossiya v global'noi politike. 2023. Vol. 21. N 4. P. 72–81. (In Russ.)

Les indices de la popularité // IFOP. 2025. URL: <https://www.ifop.com/publication/les-indices-de-popularite-avril-2025/> (date of access: 10.05.2025)

Leyen, von der U. "The West as we knew it no longer exists", says amid Trump tensions. Euro News. 2025. April 16. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2025/04/16/the-west-as-we-knew-it-no-longer-exists-von-der-leyen-says-amid-trump-tensions> (date of access: 10. 05. 2025).

Macron E. Discours à la Sorbonne. 2024. Avril 25. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UR-QaC22QHY8> (date of access: 26.04.2024).

Mikhailenko V. I., Mikhailenko E. B., Mamin N. V. Mezhdunarodnyy regionalizm i regionalizm: predstavleniya o mirovom poryadke v stranakh Indo-Tikhookeanskogo regiona [Between Globalism and Regionalism: Perceptions of the World Order in the Indo-Pacific Countries]. Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie. 2024. Vol. 6. N 4. P. 13–20. (In Russ.)

Mukhatzhanova G., Potter W. Coalitions to Watch at the 2015 // NPT Review Conference. Nuclear Threat Initiative. 2015. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/coalitions-watch-2015-npt-review-conference/> (date of access: 12.05.2025).

Nadtochii Yu. I. Evropeiskii soyuz v novoi paradigme mezhdunarodnykh otnoshenii [The European Union in a New Paradigm of International Relations]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024. N 1 (121). Pp. 106–130. (In Russ.)

«Ne pas humilier la Russie»: l'appel d'Emmanuel Macron fait des vagues. Euractiv. 2022. June 07. URL: <https://www.euractiv.fr/section/international/news/ne-pas-humilier-la-russie-lappel-demanuel-macron-fait-des-vagues/> (date of access: 25.02.2025).

Novik N. N., Rois D. P., Amurskaya M. A. Evolyutsiya politiki pomoshchi SShA v Evrope posle 2016 g. [The Evolution of U.S. Aid Policy in Europe after 2016]. Aktual'nye problemy Evropy. 2025. N 2. P. 128–143. (In Russ.)

Outcomes of the first Central Asia–EU Summit in Samarkand News Central Asia 2025. Avril 05. URL: <https://www.newscentralasia.net/2025/04/05/outcomes-of-the-first-central-asia-eu-summit-in-samarkand/> (date of access: 25.05.2025).

Ovarez L. Guerre en Ukraine: cette paix dont Donald Trump a besoin au plus vite. L'Opinion. 2025. avril 27. URL: <https://www.lopinion.fr/international/guerre-en-ukraine-cette-paix-dont-donald-trump-a-besoin-au-plus-vite> (date of access: 28.04.2025).

Parkhalina T. G., Romanenko S. A. Mezhdunarodnye otnosheniya v Vostochnoi Evrope: problemy, metody, kontury issledovaniya [International Relations in Eastern Europe: Problems, Methods, and Research Frameworks]. Aktual'nye problemy Evropy. 2022. N 2. Pp. 7–24. (In Russ.)

Romanenko S. A. Izuchenie istorii Balkan / Yugo-Vostochnoi Evropy: issledovatel'skie zadachi i postanovka problemy [Studying the History of the Balkans / Southeastern Europe: Research Tasks and Problem Setting]. Aktual'nye problemy Evropy. 2021. N 2. Pp. 7–22. (In Russ.)

Romanenko S. A. Politicheskie instituty, natsional'no-gosudarstvennyye interesy i problemy bezopasnosti: politicheskaya zhizn' v stranakh Tsentral'no-Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy [Political Institutions, Nation-State Interests, and Security Issues: Political Life in Central-Eastern and South-Eastern Europe]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024. N 2. P. 7–21. (In Russ.)

Romanenko S. A. Politicheskie sistemy i politicheskie protsessy v stranakh Vostochnoi Evropy: etapy, metody izucheniya i rezul'taty (2014–2022) [Political Systems and Political Processes in Eastern Europe: Stages, Methods of Study, and Results (2014–2022)]. Aktual'nye problemy Evropy. 2023. N 2. P. 7–30. (In Russ.)

Romanenko S. A. Vvedenie. Vyборы v Evropeiskii parlament 2024: obshcheevropeiskie, regional'nye i natsional'nye protsessy i tendentsii v stranakh Tsentral'no-Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy [Introduction. The 2024 European Parliament Elections: Pan-European, Regional, and National Processes and Trends in Central-Eastern and South-Eastern Europe]. Aktual'nye problemy Evropy. 2025. N 1. P. 5–25. (In Russ.)

Russia trade summary 2024. Office of the United States Trade Representative. URL: [https://ustr.gov/countries-regions/europe-middle-east/russia-and-eurasia/russia#:~:text=Russia%20Trade%20Summary,\(%2473.5%20million\)%20from%202023](https://ustr.gov/countries-regions/europe-middle-east/russia-and-eurasia/russia#:~:text=Russia%20Trade%20Summary,(%2473.5%20million)%20from%202023) (date of access: 28.05.2025).

Sachs J. Evrope pora vesti sobstvennyu politiku [Europe Should Pursue Its Own Policy]. Rossiiskaya Gazeta. 2025. February 24. URL: <https://rg.ru/2025/02/24/dzheffri-saks-evrope-pora-vesti-sobstvenniu-politiku.html> (date of access: 25.02.2025). (In Russ.)

Sokolov A. P., Davydov A. D., Belikov V. V., Sigova A. A. Spetsifika natsional'noi identichnosti v ritorike rukovodstva FRG (po vystupleniyam na Myunkhenskoj konferentsii po bezopasnosti 2014–2022 gg.) [The Specifics of National Identity in the Rhetoric of the German Leadership (Based on Speeches at the Munich Security Conference, 2014–2022)]. Polis. 2023. N 4. P. 105–121. (In Russ.)

The Belt and Road and Global Gateway Initiatives: Prospects and Opportunities for Central Asian Countries. CABAR. 2023. November 30. URL: <https://cabar.asia/en/the-belt-and-road-and-global-gateway-initiatives-prospects-and-opportunities-for-central-asian-countries> (date of access: 25.05.2025).

The new “NDICI – Global Europe” (2021–2027). European Union. External Action. The Diplomatic Service of the European Union. 2022. March 17. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/new-%E2%80%98ndici-global-europe%E2%80%99-2021-2027_en (date of access: 25.05.2025).

The People's Republic of China 2024. China Trade Summary. Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (date of access: 25.05.2025).

Timofeev P. P., Khorol'skaya M. V. Sravnitel'nyi analiz voennoi pomoshchi Ukraine so storony Germanii i Frantsii (2022–2024 gg.) [A Comparative Analysis of Military Aid to Ukraine from Germany and France (2022–2024)]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2024. Vol. 68. N 11. P. 52–53. (In Russ.)

Todd E. Porazhenie Zapada [The Defeat of the West]. Moscow, AST Publ., 2024. 320 p. (In Russ.)

Tovarooborot Azerbaidzhana s RF v yanvare – aprele vyros pochti na 40% s 2024 goda [Azerbaijan–Russia Trade Turnover Increased by Nearly 40% from January to April Compared to 2024]. TASS. 2025. May 20. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23989229> (date of access: 31.05.2025). (In Russ.)

Tovarooborot Azerbaidzhana so stranami Evrosoyuza vyros bolee chem na tret' [Azerbaijan–EU Trade Turnover Increased by More than One Third]. Sputnik Azerbaijan. 2025a. May 31. URL: <https://az.sputniknews.ru/20250531/tovarooborot-azerbaydzhana-so-stranami-evrosoyuza-vyros-bolee-chem-na-tret-471482908.html> (date of access: 31.05.2025). (In Russ.)

Transkaspiskii mezhdunarodnyi transportnyi marshrut i drugie perspektivnye koridory v Tsentral'noi Azii [The Trans-Caspian International Transport Route and Other Promising Corridors in Central Asia]. 2025. Jan. URL: https://index1520.com/upload/medialibrary/7fa/69jwc2gbyzntilvwf4nv0b-55g17uu3i6/ru310125_TMTM.pdf (date of access: 25.05.2025). (In Russ.)

Trunov F.O. Dinamika protivostoyaniya SShA s KNR i pozitsiya evropeiskikh gosudarstv [The Dynamics of U.S.–China Confrontation and the Position of European States]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024. N 4. P. 7–26. (In Russ.)

Trunov F.O. Podkhod FRG k protivostoyaniyu SShA–KNR k seredine 2020-kh godov: politicheskie i voennye aspekty [Germany's Approach to the U.S.–China Confrontation by the Mid-2020s: Political and Military Aspects]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024a. N 4. P. 223–239. (In Russ.)

Trunov F.O. Problemy i perspektivy global'noi sub'ektnosti FRG v voennom i politicheskom

otnosheniyakh: realii nachala 2020-kh gg. [Problems and Prospects of Germany's Global Agency in Military and Political Terms: The Realities of the Early 2020s]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024b. N 1. P. 196–221. (In Russ.)

U.S. Bureau (a) of Economic Analysis. China - International Trade and Investment Country Facts. An official website of the United States government. URL: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#650> (date of access: 30.05.2025).

U.S. Bureau of Economic Analysis. China – International Trade and Investment Country Facts. An official website of the United States government. URL: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#341> (date of access: 30.05.2025).

Varshava i Vashington podpisali soglashenie o stroitel'stve AES v Pol'she [Warsaw and Washington Signed an Agreement on the Construction of a Nuclear Power Plant in Poland]. RIA Novosti. 2025. April 28. Available at: <https://ria.ru/20250428/polsha-2013803305.html> (date of access: 25.06. 2025). (In Russ.)

М.Э. Байссвенгер**ИСТОРИК ПЕРЕПУТЬЯ: ТРИ ЖИЗНИ РОБЕРТА ВИППЕРА.****РЕЦ. НА: “DIE DREI LEBEN EINES HISTORIKERS: ROBERT VIPPER (1859–1954) IN DER RUSSISCHEN, LETTISCHEN UND SOWJETISCHEN GESCHICHTSSCHREIBUNG” (ED. BY JAN KUSBER, ILGVARS MISĀNS, AND MAIKE SACH. BERLIN: PETER LANG, 2024)**

Аннотация. Рецензируемый сборник статей представляет собой многоаспектное исследование жизни и творчества выдающегося российского историка Роберта Юрьевича Виппера (1859–1954). В центре внимания оказывается уникальная судьба «историка на перепутье», прошедшего через три разных политических и культурных контекста: имперскую и революционную Россию, эмиграцию в независимую Латвию и возвращение в СССР. Особое внимание авторы уделяют наименее изученному латвийскому периоду (1924–1941), когда Виппер активно публиковался на латышском языке и существенно повлиял на местную историографию, развивая метод сравнительной истории и исследуя проблемы аграрного развития и крепостничества в Прибалтике. Сборник скрупулезно анализирует эволюцию его научных интересов – от ранних работ по кальвинизму и Античности до философии истории и «нового идеализма» – и прослеживает вынужденные методологические трансформации, обусловленные сменой эпох и идеологических систем. В рецензии также проводятся содержательные параллели между судьбой Виппера и биографиями других ученых его поколения (таких, как Е.В. Тарле и Л.П. Карсавин), что позволяет глубже понять трагические и адаптивные траектории интеллектуалов в переломную эпоху. Несмотря на присущую коллективным трудам фрагментарность, данный сборник является важным шагом в комплексном осмыслении наследия Виппера и открывает новые перспективы для исследований в области истории науки и интеллектуальной биографии.

Ключевые слова: Р.Ю. Виппер; всеобщая история; русская эмиграция; история Латвии; советская историография.

Байссвенгер Мартин Эрвин – PhD, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук, НИУ ВШЭ. Россия, Москва.

E-mail: mbeisswenger@hse.ru

Scopus Author ID: 56062372300;

ORCID: 0000-0002-5582-9276

Beisswenger M. E.

Beisswenger M.E. A Historian at the Crossroads: The Three Lives of Robert Vipper. Review of: "Die drei Leben eines Historikers: Robert Vipper (1859–1954) in der russischen, lettischen und sowjetischen Geschichtsschreibung" (Ed. by Jan Kusber, Ilgvars Misāns, and Maike Sach. Berlin: Peter Lang, 2024)

***Abstract.** The reviewed collection of articles presents a multifaceted study of the life and work of the outstanding Russian historian Robert Yuryevich Vipper (1859–1954). The focus is on his unique destiny as a "historian at a crossroads," who passed through three distinct political and cultural contexts: imperial and revolutionary Russia, emigration to independent Latvia, and return to the USSR. Particular attention is paid to the least-studied Latvian period (1924–1941), when Vipper actively published in Latvian and significantly influenced local historiography by developing the method of comparative history and exploring issues of agrarian development and serfdom in the Baltic region. The collection meticulously analyzes the evolution of his scholarly interests – from early works on Calvinism and Antiquity to the philosophy of history and "new idealism" – and traces the forced methodological transformations brought about by changing eras and ideological systems. The review also draws substantive parallels between Vipper's fate and the biographies of other scholars of his generation (such as E.V. Tarle and L.P. Karsavin), providing deeper insight into the tragic and adaptive trajectories of intellectuals in a turbulent era. Despite the inherent fragmentariness of collective works, this collection represents an important step toward a comprehensive understanding of Vipper's legacy and opens new perspectives for research in the history of science and intellectual biography.*

***Keywords:** R.Iu. Vipper; world history; Russian emigration; history of Latvia; Soviet historiography.*

Beisswenger Martin Erwin – PhD, Associate Professor, School of History, Faculty of Humanities, HSE University. Russia, Moscow.

E-mail: mbeisswenger@hse.ru

Scopus Author ID: 56062372300;

ORCID: 0000-0002-5582-9276

В последние десятилетия жизнь и творчество целого ряда российских историков конца XIX – начала XX в. стали предметом монографических исследований [см., например: Вандалковская 1992; Каганович 2014; Бон 2005, и др.]. Судьбы этих ученых, многие из которых в советское время подвергались критике как «буржуазные», складывались по-разному. Одни из них, как П.Н. Милюков, сопротивлялись приходу большевиков к власти и покинули страну после Октября 1917 г. Другие, как А.А. Кизеветтер, были высланы советской властью за рубеж. Третьи, как Е.В. Тарле, старались приспособиться к жизни при новом режиме. В их биографиях отразились судьбы многих русских ученых.

Несколько удивительно, что классик всеобщей истории Роберт Юрьевич Виппер (1859-1954) пока не удостоился сравнимого биографического исследования. Его биография до сих пор была изложена в историографии лишь фрагментарно, в частности в книге Б.Г. Сафронова о жизни и творчестве Виппера в период до начала 1920-х годов [Сафронов 1976], а также в работе Д.М. Володихина о философских взглядах Виппера [Володихин 1997].

Виппер был не только одним из самых популярных авторов учебников по древней, средневековой и новой истории, но также из-под его пера вышли многочисленные исследования по истории Древнего Востока, возникновения христианства, европейской социально-политической мысли Нового времени, теории и философии истории. Разнообразие его научных интересов соответствовала неординарности его жизненного пути. Потомок обрусевших немцев, Виппер родился в Москве, окончил Московский университет и работал до революции профессором Новороссийского и Московского университетов. Затем он оказался в эмиграции в Риге, преподавал в Латвийском университете, а в годы Второй мировой войны переехал в СССР и позднее стал академиком АН СССР. Возможно, именно чрезвычайная многогранность жизни и творчества Виппера служила препятствием для комплексного исследования его биографии.

Рецензируемый сборник статей, изданный по итогам одноименной конференции, прошедшей в марте 2018 г. в Риге, в значительной мере заполняет данную лауну. Подобные сборники – сложный и не всегда удачный жанр научной публикации в силу неоднородности представленных тем и сюжетов. Однако именно такой формат позволил лучше отразить географическое и тематическое многообразие творческого пути Виппера. Из четырнадцати авторов статей пятеро – исследователи из России, четверо – из Латвии, еще пятеро – из Германии. Подобное международное научное сотрудничество, чрезвычайно важное для поддержания научных контактов особенно в нынешнее время, позволило глубоко исследовать транснациональную жизнь и творчество ученого. Из «трех жизней» Виппера – а именно жизни в дореволюционной и революционной России, в эмиграции и затем в Советском Союзе – наибольшее внимание уделено его деятельности в Латвии в период с 1924 по 1941 г., чему посвящено семь из двенадцати (не считая введения и заключения) статей. Именно этот период его жизни до сих пор оставался наименее известным в силу языкового барьера: большинство своих работ в это время Виппер публиковал на латышском языке. В то же время, рассматривая в хронологической последовательности меняющуюся проблематику исследований Виппера и географические вехи его творческого пути, сборник выявляет преемственность и разрывы между разными периодами его деятельности.

Открывает сборник краткий обзор биографии Виппера его редакторов Яна Кусбера, Илгварса Мисанса и Майке Сах («Историк и его время»), которые

подчеркивают влияние политических катаклизмов на жизнь и творчество историка. Особенно примечательным они считают его научный универсализм: он не только жил в трех странах (как многие русские эмигранты), но и внес существенный вклад в научную жизнь и историографию этих стран.

Первая статья сборника (Дмитрий Вебер, «Роберт Виппер и изучение кальвинизма») посвящена магистерской диссертации Виппера на тему «Церковь и государство в Женеве в XVI веке в эпоху кальвинизма», которую историк защитил в 1894 г. в Московском университете и за которую ему сразу была присуждена степень доктора наук. Рассматривая диссертацию Виппера в контексте современной ученому европейской и российской историографии кальвинизма, Вебер показывает, как Виппер предлагал взвешенный подход к оценке деятельности Кальвина, критикуя как сторонников, так и противников Кальвина из числа исследователей за их предвзятость и односторонность.

В статье «“Русский Эдуард Мейер”: Концептуальное единство Древней истории в работах Роберта Виппера» Наталья Алмазова анализирует вклад Виппера в изучение истории древнего мира и проводит параллели между научным творчеством Виппера и его современника – немецкого историка Античности Эдуарда Мейера (1855–1930). Согласно Алмазовой, их обоих отличала широта привлекаемого фактического материала; они оба писали о «единстве Древней истории», т. е. и о Древнем Востоке, и о греческой и римской Античности. Но в то время как Мейер подчеркивал роль личности в истории, Виппер в этот период настаивал на значении материальных факторов и роли социальных групп. Алмазова также отмечает видение Виппером сущности античного мира как «присутствия неиерархических общественных структур, которые были способны к многостороннему творчеству». Именно эта его концепция, по мнению Алмазовой, повлияла потом на развитие позднесоветского и постсоветского антиковедения.

Последующий центральный блок статей – о латвийском периоде жизни и творчества Виппера – включает обзорные статьи и более узкие по тематике публикации, что связано с некоторыми повторами.

Детлеф Хеннинг в статье «Роберт Виппер и латвийская историческая наука межвоенного периода» анализирует создание профессионального сообщества латвийских историков и значение Виппера для развития латвийской науки. Среди основных публикаций на латышском языке Хеннинг выделяет диспут Виппера с балтийско-немецкими историками по вопросу о возникновении крепостничества в Прибалтике. В то время как балтийские немцы видели в этом «естественную эволюцию» и «экономическую необходимость», Виппер на основе архивных источников утверждал, что закрепощение было следствием притязаний на власть со стороны конкретных лиц.

Статья Илгварса Мисанса «*Большие проблемы истории: Роберт Виппер как теоретик истории Латвии*» исследует содержательные и концептуальные

аспекты работ Виппера этого периода. Реагируя на современные события, Виппер, по мнению Мисанса, приветствовал возникновение новых государств после Первой мировой войны; он позитивно оценивал присутствие в них большого числа мелких собственников, в частности в сфере сельского хозяйства, и предвещал им великое будущее. Опираясь на данный пример, Виппер также опровергал популярные в то время культур-пессимистические взгляды немецкого философа Освальда Шпенглера, сформулированные в его «Закате Европы». В историографическом плане Виппер, изучая историю крестьянства и крепостничества в Латвии в контексте европейской социальной и экономической истории, выступал как решительный поборник сравнительной истории, чем отличался от своих латышских коллег. Эти представления нашли кульминацию в книге «Большие проблемы истории», опубликованной в 1940 г. незадолго до его отъезда в Москву.

Вальда Клава в главе «Четырехтомная *История нового времени* Роберта Виппера: ее концепция и отклики современников» знакомит читателя с этой, по определению автора, наиболее полной и объемной работой Виппера о данном периоде европейской истории. По мнению автора статьи, Виппер включил в свою *историю*, вышедшую по-латышски в 1930–1939 гг., примеры из истории Латвии, Восточной Европы и России, которых не было в его дореволюционных русскоязычных учебниках. Но в концептуальном плане он здесь придерживался своей прежней периодизации Нового времени, начало которого он относил не к эпохе Возрождения, а ко времени Английской революции XVII в., и в котором Французская революция выступала как продолжение эпохи абсолютизма. Автор статьи несколько раз проводит параллели с «Учебником новой истории» Виппера 1908 г., и судя по всему латышский многотомник своей концепцией повторяет дореволюционную работу Виппера. Впрочем, здесь было бы уместно более подробное сравнение, а также сопоставление с еще одним учебником Виппера по Новой истории, опубликованным им в Риге для русскоязычных школ в 1928 г., где приводится иная периодизация [Виппер 1928].

Статья Майке Сах «История латышского народа как составная часть европейской истории: рижские лекции Роберта Виппера о средневековой истории в Прибалтике» посвящена курсу лекций на эту тему, прочитанному Виппером в Латвийском университете в 1931–1932 и в 1935–1936 гг. Лекции, русскоязычный манускрипт которых хранится в библиотеке Латвийского университета, посвящены сравнительному взгляду на историю Латвии XII–XVIII вв. в европейском контексте. В этих лекциях Сах выделяет тезис Виппера, что Прибалтика до прибытия немецких крестоносцев была культурно и экономически связана с Востоком, представленным не только соседней Русью, но и арабскими торговцами. В этой связи Виппер проводил близкие параллели между завоеванием Лифляндии крестоносцами и крестовыми походами в Палестину. Анализируя последовавшее закрепощение латышских крестьян, Виппер возлагал

вину за это не на самих крестоносцев, а на их потомков, т. е. представителей формирующегося балтийско-немецкого дворянства, и проводил параллели с подобными процессами в других европейских странах. Изучение Виппером латвийской истории и его вклад в преподавание истории также рассмотрены в сборнике в главах за авторством Гвидо Страубе («Роберт Виппер как исследователь аграрной истории Латвии») и Светланы Богоявленской («Роберт Виппер и преподавание истории в школах русского меньшинства в Латвии в межвоенный период»).

Завершает этот блок статья Светланы Ковальчук «17 лет в Латвии: итоги научной деятельности Роберта и Бориса Випперов», ранее уже опубликованная ею в более расширенном виде на русском языке [Ковальчук 2019]. Автор на основе архивных документов восстанавливает обстоятельства приезда семьи Випперов в Латвию и их последующего переезда в Советский Союз. Ковальчук также приводит интересное свидетельство, что семья Випперов в годы эмиграции держалась в стороне от русской эмигрантской жизни и положительно относилась к СССР. Однако эти сведения извлечены из позднейших воспоминаний одного из рижских учеников искусствоведа Бориса Виппера, сына историка, и достоверность их не очевидна [Климов 1994, с. 30]. Представляется, что этот сложный вопрос требует более основательного изучения.

Виппер вернулся в СССР в мае 1941 г. О его деятельности после этого момента известно существенно меньше, чем о жизни и трудах в России до эмиграции. Тем более важной представляется статья Антонины Шаровой о первых годах жизни Виппера в СССР «“Присоединенный историк”: феномен Р.Ю. Виппера». Несмотря на немногочисленность архивных свидетельств, очевидно, что это был для Виппера сложный и опасный период, отмеченный попытками сохранить профессионализм ученого и не совершить при этом идеологических промахов. С одной стороны, как показывает Шарова, Виппер пользовался очевидной симпатией со стороны Сталина, что способствовало его карьере: уже осенью 1941 г., то есть вскоре после возвращения в СССР, он начал преподавать, в том числе в МГУ. Показательно, что даже его эмиграция в Латвию официально трактовалась как затянувшаяся командировка для работы в рижских архивах и библиотеках. С другой – Шарова демонстрирует те сложности, которые Виппер испытывал в усвоении марксистской риторики, в связи с чем коллеги специально подобрали ему «правильные» цитаты. Несмотря на протекцию со стороны Сталина, Виппер подвергался острой критике и должен был участвовать в советском ритуале самокритики. В частности, в центре нападок оказался его учебник «История средних веков» (1947), в котором автор, по мнению одного из рецензентов, продемонстрировал непонимание марксистского подхода к развитию феодализма, а также диалектики классовой борьбы в средневековом обществе. Для Виппера подобная критика не имела непосредственных трагических последствий, однако впоследствии

ему пришлось отказаться от организации регулярных неформальных академических встреч, которые являлись для московских коллег историка местом для недогматических дискуссий.

Последующая глава за авторством Дмитрия Володихина «Сравнение Ивана III, Ивана IV и Стефана Батория в монографии Виппера *“Иван Грозный”*» посвящена наиболее известному труду Виппера в области российской истории. Выходя за рамки заявленной темы, Володихин анализирует эту монографию как манифестацию випперовской философии истории, которую тот развивал на рубеже 1920-х годов и которую определял как «новый идеализм». Здесь у Виппера на первый план выходят события – вместо процессов и состояний, исторические личности – вместо массовых движений; ведущую роль историк теперь отводил идеям, а не материальным интересам. Володихин также проводит сравнение первого (1922) и третьего (1944) изданий книги, которая имела не только историческое, но и политическое значение: превознесение роли великих личностей в истории сопровождало создание культа личности Сталина.

Заключительная глава книги, написанная Александром Гордоном, «Роберт Виппер и Евгений Тарле: неоимперские модели в советской историографии» контекстуализирует жизнь и труды Виппера в рамках советской историографии и проводит множественные параллели с судьбой Евгения Тарле. Александр Гордон справедливо отмечает, что и Виппер, и Тарле, будучи специалистами по всеобщей истории, внесли вклад в понимание основополагающих вопросов истории России. Воспитанные в научной традиции Российской империи, они оба заняли видное место в советской исторической науке, сохранив при этом «свою внутреннюю духовность и научные убеждения». Не будучи марксистами, они со временем стали близки марксизму, и среди их учеников были видные советские историки-марксисты, хотя они оба подвергались острой критике в советской историографии. Объединяло их и сходство мировоззрения [см. также: Гордон 2025]. Пережив потрясения Первой мировой войны и революции, они впоследствии оценивали войну как объединяющий фактор общества и источник «творческой силы». Они также подчеркивали роль деспотических вождей в истории: Виппер – Ивана Грозного (особенно в последнем издании его биографии 1944 г.), Тарле – Наполеона, которые выступали как исторические прототипы Сталина в генезисе культа личности. Оба историка совершили характерный для советской историографии 1930–1940-х годов поворот в интерпретации русской истории от апофеоза классовой борьбы к подчеркиванию роли имперской и национальной государственности, хотя это и противоречило доминировавшей революционной традиции.

В заключительном слове к сборнику Николаус Катцер рисует образ Виппера как человека «пути-перепутья», в жизни которого переплелась «история имперская и всеобщая, национальная и транснациональная». Отмечая, что жизнь Виппера по-прежнему ставит больше вопросов, чем дает ответов,

Катцер утверждает, что путь к более глубокому пониманию его биографии лежит в изучении взаимосвязи между его личным опытом как современника событий и научной практикой историка в сравнении с другими современными ему учеными.

Действительно, не только творческий путь Виппера (или же Тарле) был путем-перепутьем. Лишь однажды упомянутый на страницах сборника Лев Карсавин также может служить ярким, хотя и более трагическим, примером подобного пути. Их с Робертом Виппером объединяло многое – и сфера научных интересов (всеобщая история и философия истории); и кафедра всеобщей истории в университете Каунаса, которую получил в 1927 г. Карсавин, но на которую претендовал и Виппер [Ласинскас 2016. с. 411–412]; и эмиграция – хотя Карсавин был выслан в 1922 г. советским правительством, тогда как Виппер уехал добровольно. Вот только итоги возвращения ученых в СССР оказались различны – Виппер вернулся с триумфом, в то время как Карсавин в качестве узника ГУЛАГА [Хоружий 2008]. Поразительные сходства и одновременно резкие различия с судьбой Виппера можно найти и у других российских историков этого времени.

Пути для дальнейших исследований жизни и творчества Виппера, возможно, укажет библиография на тридцати страницах, которой завершается сборник. Она содержит не только опубликованные работы самого Виппера (включая посмертные публикации, переиздания и переводы), но и рецензии на них, а также некрологи и исследовательскую литературу, которые раскрывают научные связи историка и его влияние в историографии. Некоторые лакуны в этой почти исчерпывающей библиографии можно найти лишь среди рецензий, в частности опубликованных в изданиях Русского зарубежья. Например, оказались не включены критические рецензии А. А. Кизеветтера на книгу Виппера «Иван Грозный» [Кизеветтер 1923] и Л. П. Карсавина на книгу «Судьба религии» [Карсавин 1922].

Конечно, данный сборник при всех его достоинствах не может быть окончательным словом в изучении жизни и творчества Роберта Виппера как «историка перепутья». Сам формат сборника с его хронологическо-тематическими блоками и статьями разных авторов, которые посвящены отдельным узким темам, предполагает некоторую фрагментарность. В результате, сборник хорошо отражает разнообразие тематики исследований историка и влияние исторического и географического контекста на его творчество. Но в то же время методологические и политические перепутья Виппера намечены лишь пунктиром. Например, его методологические зигзаги – от фокуса на социально-материальных условиях исторического процесса в период до Первой мировой войны, до его «нового идеализма» рубежа 1920-х годов и рижского периода жизни, и, наконец, до его возвращения обратно к неортодоксальному, но все же материализму после 1941 г. – хотя и обозначены фрагментарно в разных статьях сбор-

ника, но все же не анализируются систематически. То же самое касается и политических взглядов ученого до и во время революции, его отношения к СССР и к русской эмиграции во время пребывания за границей и других сюжетов. Взгляды Виппера, безусловно, трудно восстановить хотя бы потому, что его личный архив до 1941 г. не сохранился вовсе, а после этого представлен лишь отдельными документами. Можно только надеяться, что в будущем эти лакуны хотя бы отчасти удастся заполнить.

Тем не менее сборник существенно облегчает задачу будущему биографу Виппера и является значимым вкладом в изучение творчества историка. Он представляет собой удачную попытку осветить с разных перспектив жизнь и творчество Роберта Юрьевича Виппера, яркого и влиятельного историка, в контексте чрезвычайно противоречивой эпохи.

Библиография

Бон Т.М. Русская историческая наука (1880 г.–1905 г.). Павел Николаевич Милуков и Московская школа. СПб.: Олеариус Пресс, 2005. 272 с.

Вандалковская М.Г. П.Н. Милуков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992. 285 с.

Виппер Р.Ю. Учебник истории. Часть III. Новое время. Рига: Вальтерс и Рапа, 1928. 473 с.

Володихин Д.М. «Очень старый академик». Оригинальная философия истории Р.Ю. Виппера. М.: УРАО, 1997. 99 с.

Гордон А.В. Образы власти в творчестве Е.В. Тарле // Новая и новейшая история. 2025. № 1. С. 162–175.

Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2014. 357 с.

Карсавин Л. Рец. на книгу: Р. Виппер. Судьба религии. Берлин-Петербург, 1921 // Новая русская книга. 1922. № 11–12. С. 18–20.

Кизеветтер А. Панегирист Ивана Грозного // Сегодня. 4 августа 1923, № 167. С. 2.

Климов Е.Е. Встречи в Петербурге, Риге, русском зарубежье. Из воспоминаний художника. Рига: Улей, 1994. 119 с.

Ковальчук С.Н. Московский профессор на кафедре Латвийского университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. № 1. С. 235–255.

Ласинскас П. Русские историки-эмигранты в Литве // Балтийский архив. 2005. Т. 9. С. 409–447.

Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М. Изд-во Московского университета, 1976. 220 с.

Хоружий С.С. Русский философ в Литве: A Case Study // Русский мир. Альманах. 2008. Т. 1. С. 188–201.

References

Bon T.M. Russkaia istoricheskaia nauka (1880 g.–1905 g.). Pavel Nikolaevich Miliukov i Moskovskaia shkola [Russian historical science (1880–1905). Pavel Nikolaevich Miliukov and the Moscow School]. Saint-Petersburg: Olearius Press, 2005. 272 p. (In Russ.)

Gordon A.V. Obrazy vlasti v tvorchestve E.V. Tarle [Images of Power in the Works of E.V. Tarle]. *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History]. 2025. N 1. P. 162–175. (In Russ.)

Kaganovich B.S. Evgenii Viktorovich Tarle. Istorik i vremia [Evgenii Viktorovich Tarle. Historian and Time]. Saint-Petersburg: European University Press, 2014. 357 p. (In Russ.)

Karsavin L. Rets. na knigu: R. Vipper. Sud'ba religii. Berlin-Peterburg, 1921 [Rev. of: R. Vipper. The Fate of Religion. Berlin-Peterburg, 1921]. *Novaia russkaia kniga* [The New Russian Book]. 1922. N 11–12. P. 18–20. (In Russ.)

Khoruzhii S.S. Russkii filosof v Litve: A Case Study [A Russian Philosopher in Lithuania: A Case Study]. *Russkii mir. Al'manakh* [Russian World. Almanac]. 2008. Vyp. 1. P. 188–201. (In Russ.)

Kizevetter A. Panegirist Ivana Groznogo [A Panegyrist of Ivan the Terrible]. *Segodnia* [Today] 4 August 1923. N 167. P. 2. (In Russ.)

Klimov, E.E. Vstrechi v Peterburge, Rige, russkom zarubezh'e. Iz vospominanii khudozhnika. Riga: Ulci, 1994. 119 p. (In Russ.)

Koval'chuk, S.N. Moskovskii professor na kafedre Latviiskogo universiteta [A Muscovite professor on the faculty of the Latvian University] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia* [Herald of Saint-Petersburg University. History]. 2019. N 1. P. 235–255. (In Russ.)

Lasinskas P. Russkie istoriki-emigranty v Litve [Russian Émigré Historians in Lithuania]. *Baltiiskii arkhiv* [Baltic Archive]. 2005. T. 9. P. 409–447. (In Russ.)

Safronov B.G. Istoricheskoe mirovozzrenie R.Iu. Vipper i ego vremia [The Historical Worldview of R.Iu. Vipper and His Time]. Moscow: Moscow University Press, 1976. 220 p. (In Russ.)

Vandalkovskaia M.G. P.N. Miliukov, A.A. Kizevetter: Istoriia i politika [P.N. Miliukov, A.A. Kizevetter: History and Politics]. Moscow: Nauka, 1992. 285 p. (In Russ.)

Vipper R.Iu. Uchebnik istorii. Chast' III. Novoe Vremia [A Textbook of History. Part III. The Modern Era]. Riga: Valters un Rapa, 1928. 473 p. (In Russ.)

Volodikhin D.M. "Ochen' staryi akademik". Original'naia filosofii istorii R.Iu. Vippera ["A Very Old Academician." R.Iu. Vipper's Original Philosophy of History]. Moscow: URAO, 1997. 99 p. (In Russ.)

Л.В. Климович

**175-ЛЕТИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ВОСПОМИНАНИЯХ
РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ. РЕЦ. НА: ПРАЗДНОВАНИЕ 175-ЛЕТИЯ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ
(СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ И МАТЕРИАЛОВ) (ПЕТРОЗАВОДСК: ВЕРСО, 2024)**

Аннотация: Тема развития высшего образования в дореволюционной России и роли Московского университета по-прежнему актуальна и требует как введения в научный оборот, так и републикации ранее опубликованных воспоминаний профессоров и выпускников Московского университета. Рецензируемый сборник «Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье (сборник воспоминаний и материалов)» вносит заметный вклад в сохранение исторической памяти о Московском университете, системе образования Императорской России, студенческих буднях. Книга включает в себя материалы и воспоминания к 175-летию Московского университета, написанные и в подавляющем большинстве опубликованные в периодических изданиях российской эмиграции в 1930 г. Тематически они выстроены от общих текстов, касающихся видения миссии университета видными деятелями эмиграции, и заканчиваются воспоминаниями выпускников о времени учебы. Заслуживает внимания обстоятельное введение, подготовленное профессором А.В. Антоценко, в котором автор не только дает общую характеристику подготовке празднования 175-летия со дня основания Московского университета, но и кратко характеризует содержание материалов и воспоминаний, опубликованных в сборнике. Руководитель научно коллектива, работающего над сбором и подготовкой текстов к публикации, на протяжении нескольких лет занимается изучением разных аспектов празднования дня основания Московского университета в Русском зарубежье, и созданный под его руководством труд является подтверждением серьезного и вдумчивого подхода к объекту исследования.

Ключевые слова: российская эмиграция; Русское зарубежье; 175-летие Московского университета; студенты; профессора.

Климович Людмила Валерьевна – доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», профессор кафедры истории. Россия, Ульяновск.

E-mail: lusek84@yandex.ru

Web of Science Researcher ID B-9188-2015

Scopus Researcher ID: 56358353600

Klimovich L.V.

175th anniversary of Moscow University in the recollections of Russian Emigres. Review of: Celebrating the 175th anniversary of Moscow University in the Russian Diaspora (collection of memoirs and materials) (Petrozavodsk: Verso, 2024).

Abstract. The topic of the development of higher education in pre-revolutionary Russia and the role of Moscow University remains relevant and requires both introduction into scientific circulation and the republication of previously published memoirs of professors and graduates of Moscow University. The peer-reviewed collection «Celebrating the 175th Anniversary of Moscow University in the Russian Diaspora (Collection of Memoirs and Materials)» makes a significant contribution to preserving the historical memory of Moscow University, the education system of Imperial Russia, and student everyday life. The book includes materials and memoirs dedicated to the 175th anniversary of Moscow University, written and largely published in periodicals of the Russian emigration in the 1930s. Thematically, the texts range from general discussions of the university's mission by prominent figures of the emigration to graduates' recollections of their studies. The detailed introduction prepared by Professor A.V. Antoshchenko deserves particular attention, as the author not only provides a general description of the preparations for the celebration of the 175th anniversary of Moscow University but also briefly outlines the content of the materials and memoirs included in the collection. The head of the research team responsible for the collection and preparation of texts for publication has been studying various aspects of the celebration of the founding of Moscow University in the Russian diaspora for several years, and the work produced under his leadership attests to a serious and thoughtful approach to the object of research.

Keywords: Russian emigration; Russian abroad; 175th anniversary of Moscow University; students; professors.

Klimovich Lyudmila Valeryevna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Professor of the Department of History. Russia, Ulyanovsk.

E-mail: lusek84@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: B-9188-2015

Scopus Researcher ID: 56358353600

Московский государственный университет, старейший вуз России, основанный в 1755 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны, по праву считается визитной карточкой высшего образования нашей страны. В 2025 г. учебному заведению исполнилось 270 лет со дня основания, поэтому особенно значимо, что именно к этой дате был выпущен сборник о праздновании 175-летия Московского университета в Русском зарубежье.

Эта книга воспоминаний эмигрантов, посвященная праздничным событиям 1930 г. и всему, что с ними связано, подготовлена под руководством профессора Петрозаводского государственного университета Александра Васильевича Антощенко. Труд выпущен в рамках реализации гранта Российского научного

фонда «Празднование 175-летия Московского университета и академическое сообщество пореволюционной российской эмиграции» в 2023–2024 гг. Стоит отметить, что ряд сюжетов по данной тематике был опубликован профессором ранее: освещение темы празднования в эмигрантской прессе, публикация воспоминаний студентов и анализ анкет выпускников, собранных в честь юбилея и другие [Антощенко, 2023, 2024а, 2024б].

Работу открывает обстоятельное введение, подготовленное профессором А.В. Антощенко, в котором он вводит читателя в курс дела. В 1929 г. в Париже было создано Общество бывших выпускников императорского Московского университета, именно ему принадлежала инициатива празднования юбилейного дня в эмиграции. Члены общества образовали юбилейный комитет, обратились к бывшим профессорам университета с предложением стать членами общества и принять участие в подготовке праздничных мероприятий. Второй комитет был образован в Праге, крупном центре Русского зарубежья в 1929 г., что не было случайным. Именно Прага стала центром университетского образования российской эмиграции благодаря «Русской акции помощи», реализуемой чехословацким правительством [Klimovich, 2025]. Также созданы комитеты и в других городах: Берлине, Софии и т. д.

Далее во введении дается общая характеристика статей, представленных в сборнике. Автор отмечает, что большинство первоначальных публикаций было снабжено иллюстрациями, что служило наглядным примером далекого прошлого, но при этом очень мало было юмора, который обычно присутствовал в студенческой жизни. Это он объяснял тем «что шутивное представление материала не подобало торжественности момента. В репортажах газетчиков наиболее полно фиксировались лишь выступления на торжественных актах» [Празднование 175-летия 2024, с.10].

Конечно же, характер публикации зависел от возможностей редакции, объема издания, его периодичности и политической направленности. Автор приводит в пример парижский еженедельник «Россия и славянство» под редакцией П.Б. Струве, в котором почти все восемь страниц выпуска от 25 января 1930 г. были отведены юбилейным мероприятиям. Материалы иллюстрировались снимками нового здания университета, актового зала, портретами профессоров, таким образом, политические новости ушли на второй план. Парижское издание «Возрождение» 25 января поместило на первой странице фотографии университета, портретов императрицы Елизаветы Петровны и Михаила Ломоносова, а также выдержки из указа в честь образования университета. Газета «Последние новости» под редакцией П.Н. Милюкова также приветствовала годовщину Московского университета, характеризуя его как рассадник высшего гуманитарного и политического образования в России. В статьях этой газеты говорится о том, что университет сначала страдал от царского самодержавия, а затем от большевиков. Статьи дополнены воспоминаниями о Московском

университете и хронологией торжественных заседаний. Таким образом, включает профессор А.В. Антощенко, празднование юбилея Московского университета откликнулось во всех общественно-политических изданиях русской эмиграции. Кроме крупных упомянутых выше изданий свои выпуски и заметки этому столь значимому событию посвятили: белградская газета «Новое время» под редакцией А.С. Суворина, рижская газета «Сегодня», «Новое русское слово», которое выходило в Нью-Йорке, берлинский журнал «Руль».

Во введении благодаря подробному разбору профессора А.В. Антощенко читатели могут ознакомиться с разным видением миссии Московского университета, предлагавшимся деятелями эмиграции. К примеру, А.А. Кизветтер в историческом очерке для «Юбилейного сборника» представил миссию университета как развитие научного познания и распространение его результатов в обществе [Празднование 175-летия 2024, с.16].

Подобным образом характеризовал миссию Московского университета Е.Ф. Шмурло в выступлении на торжественном заседании в Белградском университете: основная функция – это просветительская функция университета, общий тренд просвещения, который уже был порожден петровскими преобразованиями.

Иначе подходил к миссии университета П.Н. Милюков, для него Московский университет – это центр общественной жизни, поэтому юбилей – это прежде всего праздник интеллигенции, и надо отметить, что его позиция вызвала неоднозначную реакцию на торжественном заседании [Празднование 175-летия 2024, с.18].

А.В. Антощенко подчеркивает разногласия в эмигрантской среде, которые отразились даже во взглядах на миссию Московского университета. П.Н. Милюков утверждал: «Однако в конечном итоге так нарисованная многоаспектная и яркая картина развития Московского университета делала ответственным за невозможность его нормального существования в конце императорского периода правительство, неспособное вовремя реагировать на общественные потребности в ходе исторического развития страны» [Празднование 175-летия 2024, с.19]. Естественно, такой вывод не мог быть принят консервативной частью аудитории, которая считала виновницей в революции интеллигенцию. П.Н. Милюков вступал в полемику с бывшим однопартийцем П.Б. Струве; этот интересный сюжет читатель может найти на страницах введения.

Роль Московского университета в общественно-политической мысли страны и в созданной системе университетского образования, а также научные достижения стали предметом полемики между общественно-политическими деятелями эмиграции. В качестве примера автор приводит центральные фигуры торжеств в Берлине: С.Л. Франка и И.А. Ильина, которые были высланы на «философском пароходе» в 1922 г. В выступлении И.А. Ильина прослеживалось два основных положения: «во-первых, о роли Московского университета в развитии “национальной культуры” и, во-вторых, о пагубной для свободы

и, вообще, для существования университета власти большевиков» [Празднование 175-летия 2024, с. 25].

Не забыл автор упомянуть еще об одном обязательном элементе празднования: торжественной литургии поминовения профессоров и студентов Московского университета, которую провели русские православные приходы в Западной Европе.

Еще один интересный момент, который выделяет А.В. Антощенко, – это воспоминания о праздновании Татьянинного дня, считавшегося днем основания Московского университета. Он подчеркивает, что содержание воспоминаний различается. Если Б.А. Суворин упоминал веселье студентов без политической окраски, то П.Н. Милуков видел в этом дне «повод для выражения студентами протеста против общероссийского административного гнета и для демонстрации единения университетов в стремлении к осуществлению их чаяний на лучшее будущее» [Празднование 175-летия 2024, с. 31].

Второй темой воспоминаний научного и студенческого сообщества А.В. Антощенко выделяет научные общества и школы, которые складывались в университетских стенах: история славянства, лингвистическая школа, филология и др. Отдельного внимания заслуживает тема студенческих движений: «Однако представление о нем зависело во многом от его этапов и восприятия в той или иной мере затронутых этим движением выпускников университета» [Празднование 175-летия 2024, с. 35]. В воспоминаниях прослеживается появление мысли о переходе от единичных протестов студентов к столкновениям и многочисленным студенческим сходкам, происходит рост студенческого движения; оно постепенно переходит от академических требований к политическим.

При анализе текстов такого содержания, согласимся с автором, необходимо учитывать возраст и время обучения того или иного студента, который рассуждал о своих студенческих годах. Н.С. Арсеньев писал, что после 1905 г. в студенческой среде происходил поворот от позитивизма к идеализму и религиозному мировоззрению. Напротив, С.С. Ольденбург в воспоминаниях сосредоточился на политической борьбе среди студенчества 1906–1910 гг., главной идеей его воспоминаний стала утрата левыми партиями лидирующих позиций в среде студенчества, что проявилось во время студенческой забастовки 1908 г.

Охарактеризовав публикации эмигрантских газет, профессор А.В. Антощенко делает неопровержимый вывод, что, несмотря на декларируемую беспартийность подходов к освещению юбилейных торжеств, следует все-таки учитывать общую общественно-политическую направленность той или иной газеты и позицию, которую занимал редактор. Согласимся с автором, задача современного исследователя не просто воспроизвести обобщенный облик Московского университета, который формировали юбилейные выпуски эмигрантских изданий, а провести деконструкцию тех образов, «которые стремились сформировать у своих читателей газетные репортеры и приглашенные авторы. Только так можно будет лучше

понять цели и принципы такого смыслообразования и причины многообразия облика юбиляра» [Празднование 175-летия 2024, с. 38].

Возвращаясь к содержанию сборника, автор поясняет, что отбор материалов для публикации был осуществлен по коллекции периодической печати российских эмигрантов, представленной в Российской государственной библиотеке, Государственном архиве Российской Федерации, главным образом в фонде Пражского комитета по ознаменованию 175-летия Московского университета и других библиотечных фондах.

Материалы в труде расположены по определенному принципу. В начале идут общие очерки, характеризующие миссию университета, написанные видными представителями первой волны эмиграции и опубликованные в ведущих периодических изданиях эмиграции. Затем в хронологическом порядке следуют исторические очерки об отдельных этапах развития университета и выдающихся преподавателях, а также воспоминания выпускников начиная с 1870 г. вплоть до 1917 г. Завершает книгу подборка стихотворений. Все выявленные тексты написаны по старой орфографии, в сборнике они же опубликованы в соответствии с нормами современного правописания и пунктуации, за исключением случаев характерного написания слов для эмигрантов.

Охарактеризовав общее содержание сборника, хотелось бы обратить внимание читателя на некоторые тексты. Интерес представляет оценка роли Михаила Ломоносова, данная Е.В. Спекторским. Среди текстов можно выделить воспоминания И.С. Шмелева, в которых юбилей он не воспринимает как праздник: «Праздновать мы права не имеем, и нет у нас оснований праздновать: нашего университета нет. Мы можем его только поминать; и, поминая, каяться» [Празднование 175-летия 2024, с. 95].

Символично включение в сборник «Слова высокопреосвященнейшего Митрополита Евлогия в честь юбилея университета». Миссию выпускников и профессоров Московского университета, на наш взгляд, концептуально изложил в своей заметке М.С. Зернов: «Здесь в Зарубежье мы должны проникнуться тем же духом сознания своей обязанности помочь молодежи в стремлении к образованию» [Празднование 175-летия 2024, с.137]. Действительно, получение высшего образования молодыми эмигрантами было сопряжено с рядом трудностей [Климович 2024].

Рассуждениям об Императорском обществе истории и древностей российских посвятил свой материал Л.М. Сухотин. Обширные воспоминания А.А. Аргунова, опубликованные впервые в литературно-общественном и экономическом сборнике «Вольная Сибирь», выходившем в Праге, касались вопросов поступления и самого обучения. Не осталась без внимания и студенческая активность: «Учащаяся молодежь отражала, как барометр, настроения окружающей жизни, а в этой последней явно шло нарастание политической активности» [Празднование 175-летия 2024, с. 180].

В других текстах дается характеристика профессоров-преподавателей: «Помню еще, как во время самого разгара студенческих беспорядков в Москве, когда толпа студентов шумела в актовом зале, а начальство в панике попряталось, ожидая помощи от полиции, А.И. Чупров смело вошел в зал и по обыкновению быстрыми шагами направился к трибуне. Все смолкло при виде любимого профессора» [Празднование 175-летия 2024, с.194].

Краткие студенческие воспоминания были напечатаны в газетах, а объемные остались неопубликованными, поэтому помещенные тексты на нескольких листах выпускника И.К. Перетрухина из ГАРФа очень колоритно и подробно рисуют его студенческие годы. А Татьянин день в его памяти запечатлелся не лучшим образом: «Вместо того, чтобы сходить помолиться Богу, в этот день шло безалаберное пьянство... Все рестораны были переполнены студентами, профессорами, лицами, окончившими Московский университет, все думали, что они поступают хорошо, патриотично, умно, отдавая долг дню основания Московского университета, если в этот день напьются пьяными» [Празднование 175-летия 2024, с.229].

Вызывает уважение, что в сборнике есть указание на первую публикацию и приводится архивная легенда. Редакционный коллектив, подготовивший данный сборник, провел большую работу: издание снабжено авторскими комментариями, рациональными примечаниями, переводами иностранных слов или фраз, а также именованным указателем, который позволяет быстро ориентироваться по тексту. Именной указатель включает в себя краткие биографические справки упомянутых в нем имен, что позволяет читателю лучше понять контекст описанного в тексте. При работе со сборником хотелось бы увидеть разбивку на разделы и возможно сразу в содержании обозначение, что представлено: доклад, газетная статья или воспоминания. Можно предположить, что такой подход облегчил бы читателю поиск нужного текста. В качестве рекомендации в приложении можно было разместить краткие информационные справки о тех периодических изданиях, в которых опубликованы воспоминания, что позволило бы не только проанализировать содержание воспоминаний, но и понять, почему оно было опубликовано именно в этом издании.

На трехстах с половиной страницах уместились как материалы, доклады знаменитых эмигрантов, так и воспоминания простых студентов и педагогов, ранее неизвестных научному сообществу. По содержанию сборник будет полезен всем, кто занимается историей Русского зарубежья, интересуется вопросами высшего образования, интеллигентоведения. Много интересного можно узнать из воспоминаний о буднях дореволюционных студентов, о взаимоотношениях преподавателей и учащихся. Издание представлено только в электронном виде, мы можем пожелать научному коллективу выхода печатного варианта их труда, который займет достойное место на книжной полке многих историков, а также станет достоянием библиотек.

Библиография

Антощенко А.В. Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье (о методиках исследования) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. № 1 (37). С. 61–68.

Антощенко А.В. «Лекции я посещал аккуратно, не пропустив ни одной». Воспоминания о Московском университете И.К. Перетрухина. 1930 г. // Исторический архив. 2024а. № 4. С.134–149.

Антощенко А.В. Освещение празднования 175-летия Московского университета в эмигрантской прессе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024б. № 4. С. 33–42.

Климович Л.В. Студенчество российской эмиграции в 1920-е гг.: социально-бытовые проблемы и пути их решения // Новое прошлое. 2024. № 2. С. 86–97.

Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье (сборник воспоминаний и материалов) / Сост., введ., комм. А. В. Антощенко, аннот. имен. указ-ль А.Ф. Кривоноженко. Электрон. дан. Петрозаводск: Версо, 2024 – 1 электрон. опт. диск (CD-R); 12 см. – Систем. требования: PC, MAC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше; Windows, MAC OS X; 256 Мб; видеосистема: разрешение экрана 800 x 600 и выше; графический ускоритель (опционально); мышь или другое аналогичное устройство. Загл. с этикетки диска.

Klimovich L.V., Shabanova A.A., Shaipak L.A. The work of higher education institution of foreign Russia in 1920-30s // Journal of the Belarusian State University. History. 2025. № 1. P. 5–11.

References

Antoshchenko A.V. Prazdnovanie 175-letiya moskovskogo universiteta v russkom zarubezh'e (o metodikah issledovaniya) [Celebrating the 175th anniversary of Moscow University in the Russian diaspora (on research methods)]. Vestnik omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki [Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences]. 2023. N 1 (37). P. 61–68. (In Russ.)

Antoshchenko A.V. «Lekcii ya poseshchal akkuratno, ne propustiv ni odnoj». Vospominaniya o moskovskom universitete I.K. Peretruhina. 1930 g. [“I attended lectures carefully, without missing a single one.” Memoirs of the Moscow University by I.K. Peretrukhin. 1930]. Istoricheskij arhiv. [Historical Archive]. 2024. № 4. P. 134–149. (In Russ.)

Antoshchenko A.V. Osveshchenie prazdnovaniya 175-letiya Moskovskogo universiteta v emigrantskoj presse [Coverage of the celebration of the 175th anniversary of Moscow University in the emigrant press]. Uchenye zapiski petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. [Scientific Notes of Petrozavodsk State University]. 2024. N 4. P. 33–42. (In Russ.)

Klimovich L.V. Studenchestvo rossijskoj emigracii v 1920-e gg.: social'no-bytovye problemy i puti ih resheniya [Students of Russian emigration in the 1920s: social and domestic problems and ways to solve them]. Novoe proshloe. [Novoe past]. 2024. N 2. P. 86–97. (In Russ.)

Klimovich L.V., Shabanova A.A., Shaipak L.A. The work of higher education institution of foreign Russia in 1920-30s // Journal of the Belarusian State University. History. 2025. N 1. P. 5–11.

Prazdnovanie 175-letiya Moskovskogo universiteta v russkom zarubezh'e (sbornik vospominanij i materialov) [Celebrating the 175th anniversary of Moscow University in the Russian Diaspora (collection of memoirs and materials)] / Comp., introduction, comment by A.V. Antoshchenko, abstract. Of names. the decree of A.F. Krivonozhenko. – Electron. dan. – Petrozavodsk: Verso, 2024 – 1 electronic optical disc (CD-R); 12 cm. – System. Requirements: PC, MAC with Intel processor 1.3 GHz or higher; Windows, MAC OS X; 256 MB; video system: screen resolution 800 x 600 or higher; graphics accelerator (optional); mouse or other similar device. Cover from the disc label. (In Russ.)

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

MEMORY OF THE DEPARTED

Т.Г. Пархалина¹

ЮРИЙ АНТОНОВИЧ БОРКО: IN MEMORIAM

28 декабря 2025 г. ушел из жизни Юрий Антонович Борко – один из тех уникальных личностей, кто способствовал становлению Института научной информации по общественным наукам. Профессор, доктор экономических наук Ю.А. Борко заложил основы школы европейских исследований в нашей стране (сначала СССР, потом России), способствовал объективному изучению Европы как субъекта мировой политики, не конъюнктурному, не подверженному идеологическому окрасу анализу тех сложных процессов, которые происходили на Европейском континенте в области политики, экономики, общественных отношений, культуры.

Прийдя на работу в ИНИОН в 1970 г., Юрий Антонович создал и возглавил отдел развитых капиталистических стран. Он удивительным образом сочетал в себе качества высокого профессионала и деликатного, мудрого человека, что делало его очень эффективным и уважаемым руководителем. Он способствовал тому, что очень быстро отдел превратился в одно из ведущих исследовательских подразделений института, где разрабатываются такие новаторские для своего времени темы, как проблемы европейской интеграции, общеевропейской безопасности, европейской и международной социал-демократии, политические портреты лидеров стран Запада, проблемы экологии, образования и ряд других. В определенном смысле научная деятельность и труды Юрия Антоновича явились предтечей научных журналов «Актуальные проблемы Европы» и «Россия и современный мир».

Обладея мощным исследовательским потенциалом, высочайшим профессионализмом и чутьем, Юрий Антонович предсказал те процессы, которые начали происходить в Европе в начале 80-х годов XX столетия и которые затем привели к формированию ряда общеевропейских институтов.

1. Пархалина Татьяна Глебовна – кандидат исторических наук, советник директора, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.

В 1989 г. Юрий Антонович перешёл на работу в только что созданный Институт Европы, но никогда не порывал профессиональных и дружеских связей с коллегами из ИНИОН, многие из которых считают его своим учителем в профессии и в жизни. В течение многих лет продолжалось наше профессиональное сотрудничество и товарищеские отношения с Юрием Антоновичем.

Память о нем и глубокая благодарность навсегда останутся в наших сердцах.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Россия и современный мир **№ 4 – 2025 (128)**

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И.С. Николаева

Корректоры

О.П. Дормидонтова, С.Е. Шелимова

Подписано к печати 30.12.2025 г.

Формат 70x100/16

Бум. офсетная № 1

Усл. печ. л. 271 Уч.-изд. л. 24,0

Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)

Заказ № ____

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

<http://inion.ru>

**Отдел печати и распространения
изданий**

Тел.: 8 (499) 124-32-15

e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6